

ЛИТЕРАТУРА ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

Тексты

Tyulemissov Madi مەدى تۇلەمىسوف

tmadi1@gmail.com

ЛИТЕРАТУРА ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

ИРАН, ИНДИЯ, КИТАЙ

Тексты

Авторы-составители:
Ю. М. Алиханова, В. В. Никитина,
Л. Е. Померанцева

Издательство
Московского университета
1984

Литература древнего Востока. Иран, Индия, Китай (тексты). Авторы-сост. Ю. М. Алиханова, В. Б. Никитина, Л. Е. Померанцева. — М.: Изд-во МГУ, 1984. 352 с.

В книгу вошли отрывки из литературных, исторических, философских памятников Индии, Ирана, Китая с конца II тыс. до н. э. по V в. н. э. Значительная часть текстов публикуется впервые, многие даны в новом переводе. Книга снабжена комментариями, более подробно знакомящими с бытом, культурой и обстановкой стран древнего Востока.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Рецензенты:

канд. филол. наук *Р. И. Левковская*,
канд. филол. наук *Н. М. Сазанова*

ОТ АВТОРОВ-СОСТАВИТЕЛЕЙ

Предлагаемые тексты содержат переводы памятников и их фрагментов в соответствии с читаемым в Институте стран Азии и Африки при МГУ курсом «История литератур стран Азии и Африки». Настоящее издание включает в себя тексты литератур трех стран древнего Востока — Ирана, Индии, Китая. Составителями настоящего выпуска являются: В. Б. Никитина (Иран), Ю. М. Алиханова (Индия), Л. Е. Померанцева (Китай). Ими же написаны вводные статьи к текстам, а также выполнена часть переводов, что и оговорено специально. В конце книги авторы дают комментарии к текстам, облегчающие работу с материалами памятников.

Авторы-составители выражают благодарность рецензентам за полезные замечания, которые помогли в работе над книгой.

А в е с т а

Значение слова «Авеста» до сих пор не имеет общепринятого толкования, отдается предпочтение его переводу как «Основной текст». Это отвечает назначению свода — служить священным текстом для приверженцев религии древних иранцев — зороастризма, название которой произошло от имени основателя (или реформатора) этой религии Заратуштры (греч. Зороастр).

Авеста сложилась вокруг проповедей Заратуштры (даты его жизни колеблются от IX до VI в. до н. э.). Как и другие своды подобного типа, Авеста создавалась на протяжении многих веков, и ее текст, естественно, эволюционировал, как и графика, использовавшаяся для его фиксации. Понятию, что к середине VII в. н. э., к моменту упразднения зороастризма как государственной религии и вытеснения ее исламом, Авеста не представляла собой того относительно малого по объему словесного памятника, каким были произносимые, очевидно, речитативом, гимны — проповеди пророка. Известно, что в VII столетии Авеста состояла из двадцати одной книги очень различного содержания, поскольку вобрала в себя все виды знания тех времен. При этом уже часть текстов, не представлявших интереса для зороастрийского жречества, была сознательно удалена из нее. С другой стороны, содержание памятника тематически сильно расширилось. Происходил и естественный отбор в связи с изменениями языка и графики.

После крушения зороастризма как государственной религии ее приверженцы вынуждены были бежать. В результате зороастризм исповедуется в настоящее время лишь небольшими общинами в Иране и Индии. Эти общины и донесли до нас те обломки огромного свода, которые все же отражают все этапы бытования словесности, включая в известной мере то, что было создано в период средних веков.

Однако нельзя думать, что многослодность памятника носит характер последовательно расположенных в хронологическом порядке пластов. В нем все переплетено, порой разорвано явно поздно возникшими лакунами, пестрит противоречиями даже в изложении событийного материала.

Древнейшие элементы содержательного плана относятся ко II тыс. до н. э.

Несмотря на то что согласно зороастрийской традиции памятник является откровением, ниспосланным Заратуштре богом Света и Добра Ахура Маздой, он содержит отголоски древнейших мифологических представлений, развитых мифов, фрагменты героико-эпических сказаний, а также наслоившиеся уже после «эпохи пророка» религиозные предписания, включая «символ веры» развитого зороастризма.

В состав второй из дошедших до нас редакций Авесты, текст которой взят за основу переводчиками, входят четыре книги:

1. Вендидад (Видевдад) — «Кодекс (данный) против дэвов», состоит преимущественно из диалогов Заратуштры и Ахура Мазды и представляет собой

наставления и предписания, с помощью которых можно было бы отворотить действия сил зла во главе с Ангра Манью — богом сил мрака и зла.

2. Висперед (Виспред) — «Гении благих существ», включает в себя молитвенные песнопения.

3. Ясна — «Моление», «Ритуал» — содержит главным образом молитвы и обращения к божествам зороастрийского пантеона. В Ясне различают раздел Гат — песнопений-речей, происхождение которых связывается с устным творчеством Заратуштры.

4. Яшт — «Почитание», «Восхваление» — представляет собой своеобразный сборник древних гимнов, славящих богов и силы, помогающие добрым действиям в их борьбе со злыми. Эти гимны, как правило, богаты мифологическими элементами.

Кроме того, к своду часто относят так называемую «Малую Авесту» — собрание части молитвенных текстов, некоторые из которых приводятся на среднеперсидском, а не на авестийском, как весь текст Авесты, языке. Это говорит о том, что составители «Малой Авесты» рассчитывали на свою, уже иноязычную, аудиторию, на паству, которой нужны были лишь сведения, необходимые для отправления ритуала. Утилитарно-компилятивный характер книги отмечается всеми исследователями.

Как гимны, так и молитвы обнаруживают ритмическую структуру. Предполагается, что первоначально весь текст Авесты был ритмизован, со временем же этот принцип был утрачен или нарушен. Однако части памятника, сохранившие более или менее четкую слоговую систему ритма, поддаются пониманию легче, чем прозаические. До сих пор смысл многих мест Авесты не расшифрован и деталях или продолжает оставаться сомнительным. Поэтому в настоящем издании порой используется пересказ. Естественно также при указанной сохранности памятника (древнейшая его рукопись датируется лишь 1324 г. н. э.) введение слов и отдельных фраз, отсутствующих в тексте. В этих случаях точный перевод отдельных фраз ставится в кавычки. Названия глав часто условны и тогда ставятся в квадратные скобки.

Перевод глав памятника сделан И. С. Брагинским, кроме главы 12-й и «Символа веры зороастризма» из книги «Ясна», перевод которых выполнен В. И. Абаевым. Перевод дается с некоторыми поправками составителя. Для сохранения единообразия имена приводятся в одном и том же написании, независимо от текста предлагаемого перевода.

ИЗ КНИГИ «ВЕНДИДАД»

Вендидад — единственная книга Авесты, дошедшая до нас целиком. В ней 22 главы.

ГЛАВА I

[Географическая поэма]

Глава посвящена легендарной географии и описанию «добрых» и «злых» земель. Некоторые названия перечисленных стран идентифицированы с более поздними географическими названиями. Некоторые из них этой идентификации не поддаются.

«Сказал Ахура Мазда¹ Спитамиду Заратуштре²:
— Я, я, о Спитамида Заратуштра, превратил безрадостное

место в мирный край». [Далее следует перечисление 16 стран]*.

«В качестве первой из лучших местностей и стран создал я, Ахура Мазда, Арийан Вэджа у прекрасной [реки] Дантйа.

Но там создал злокозненный Ангра Манью³ в качестве бича страны (выводок) рыжеватых змей и ниспосланную дэвами зиму».

«Там — десять зимних месяцев и два летних месяца, и они
холодны — для воды,
холодны — для земли,
холодны — для растений,

и это — середина зимы и сердцевина зимы, — а на исходе зимы — чрезвычайные паводки».

[Вторая страна, созданная Ахурой Мазда, — «Гава [может быть, область], где проживают согды». [В противовес добру злокозненный Ангра Манью создал в качестве бича страны вредоносных мух, зло жалящих и губящих скот].

[Третья страна — Моуру (Маргав)], «могучая, праведная [преданная Арте]»; [в противовес создан бич страны — греховные похоти (?)].

[Четвертая страна] — «Бахди, прекрасная с вознесенными знаменами», [и там — бич страны — муравьи, пожирающие хлеб (?)].

[Пятая страна] — «Нисайа, что между Моуру и Бахди» [может быть «между которой и Бахди — Моуру»]; [бич страны — греховное неверие].

[Шестая страна] — «Харойва, разделяющая воды» [может быть: «где покидают дома» в случае смерти жильца]; [бич страны] — «москиты» [или «плач и стоны»].

[Седьмая страна] — «Вэкерта — обитель [Пречистого] Ежа»; [бич страны — злая пери Хнантаити, соблазнившая Керсаспу]⁴.

[Восьмая страна] — «Урва, богатая лугами»; [бич страны — злые властители].

[Девятая страна] — «Хнента, где проживают вэркане»; [бич страны — противоестественный грех — педерастия], «которому нет искупления».

[Десятая страна] — «Харахванти, прекрасная»; [бич страны — грех, состоящий в зарывании трупов в землю [т. е. осквернение земли], [чему также] «нет искупления».

(14) [Одиннадцатая страна] — «Хэтумант, роскошный, величественный»; [бич страны — злые колдуны, чародействующие во имя Зла].

[Двенадцатая страна] — «Рага, охватывающая три области» [бич страны — злостное безграничное неверие].

[Тринадцатая страна] — «Чахра, могучая, преданная Арте»

* Здесь и далее при цитировании и изложении текстов в квадратных скобках помещаются замечания и пояснения автора настоящей работы.

[бич страны — грех, вываривание частей трупа (?), которому «нет искупления»].

[Четырнадцатая страна] — «Варна четырехугольная, где родился Трэтона⁵, победитель Ажи Дахака⁶». [бич страны — болезни и чужеземные — неарийские владыки].

[Пятнадцатая страна] «Хапта Хиндав» («Семь Хинду»): [бич страны — болезни и засуха].

[Шестнадцатая страна] — «Упа Аодэшу Рангхайа» [т. е. «у истоков (реки) Рангха»], «где проживают не имеющие главы» [т. е. либо буквально — головы, либо — властителя]; [бич страны — ниспосланные дэвами морозы и «таожийский (?) владыка страны»].

ГЛАВА II

[Сказание о Йиме]

Глава характерна тем, что содержит мифы и их отголоски, различные по времени возникновения: миф о потопе предшествует на самом деле представлению о Йиме как хранителе зороастризма, миф о сотворении земли из воды — идеализации древней общины (царство Йимы), при этом возникают некоторые смысловые противоречия, свойственные многослойным памятникам.

«Спросил Заратуштра Ахуру Мазду: «О Ахура Мазда, дух святейший, творец мира телесного, истинный (букв.: артопочитаемый)! С кем из людей ты, о Ахура Мазда, беседовал до меня, Заратуштры? Кого ты впервые научил ей, религии Ахуры и Заратуштры?»

И сказал Ахура Мазда: «С Йимой прекрасным, богатым стадами, о праведный (букв.: преданный Арте) Заратуштра, с ним первым из людей я, Ахура Мазда, беседовал до тебя, Заратуштры, ему я объявил ее, религию Ахуры и Заратуштры. И ему, о Заратуштра, сказал я, Ахура Мазда: «Будь готов, о Йима прекрасный, сын Вивахванта, изучать и охранять мою религию». И ответил мне тот Йима прекрасный, о Заратуштра: «Я не создан и не учен тому, чтобы религию изучать и охранять». И ему, о Заратуштра, сказал я, Ахура Мазда: «Если ты не готов, о Йима, изучать и охранять мою религию, то возвращай мой мир и увеличивай мой мир. Будь готов стать защитником, охранителем и надсмотрщиком мира». И ответил мне тот Йима прекрасный, о Заратуштра: «Я, я буду мир твой возвращать, я буду мир твой увеличивать, я буду готов стать защитником, охранителем и надсмотрщиком мира. Да не будет под моим господством ни холодного ветра, ни горячего, ни болезней, ни смерти». И дал я, Ахура Мазда, ему два орудия: золотую стрелу и золотом украшенную плетть... И прошло триста зим царствования Йимы. И после этого наполнилась у него земля мелким и крупным скотом, и людьми, и собаками, и птицами, и красными огнями, пылающими. Не находилось

места для мелкого и крупного скота и людей. И объявил я Йиме: «О Йима прекрасный, сын Вивахванта! Наполнилась земля множеством мелкого и крупного скота, и людьми, и собаками, и птицами, и красными огнями пылающими. Не находилось места для мелкого и крупного скота и людей».

И направился Йима к свету, к полдню, против нити солнца. Тогда рыл он землю золотой стрелой, стегал ее плетью, так приговаривая: «Дорогая святая Арманти (-земля)! Подвинься, расступись ты, чтобы служить лоном для мелкого и крупного скота и людей». И раздвинул Йима землю, на треть больше стала она, чем раньше. И расположились на ней мелкий и крупный скот и люди по своей воле и желанию, как им хотелось. «И прошло шестьсот зим царствования Йимы...» [и т. д., снова переполнилась земля, Йима таким же образом увеличил ее на две трети]... «И прошло девятьсот лет царствования Йимы...» [и т. д., пока Йима не увеличил землю на три трети].

[Как и предупредил Ахура Мазда Йиму, наконец, наступила зима с суровыми морозами, а обильная вода после таяния снегов затопила пастбища. Чтобы охранить от мороза и наводнения живые существа, Йима, как и было предсказано ему Ахура Маздой, построил ограду (вара) длиною в лошадиный бег по всем четырем сторонам (чартав).] Туда он снес семена мелкого и крупного скота, людей, и собак, и птиц, и огней красных, пылающих... Туда он провел воду по пути длиною в хатру [хатра — предположительно тысяча шагов], там построил улицы, там построил он жилища, «и подпол, и преддверие, и стояки, и окружной вал» [И так возникла жизнь человеческих общин, и среди них утвердилась религия Ахуры и был признан Заратуштра].

ГЛАВА III

[О благе земледелия]

В главе восхваляется в форме вопросов и ответов земледелие.

«О творец телесного мира, истинный! Какое... место на земле является наилюбезнейшим? И сказал Ахура Мазда:

— Поистине там, где праведный человек (ашаван) воздвигает дом, наделенный огнем и млеком, женой, детьми и хорошими стадами, в этом доме тогда обилие скота, обилие праведности, обилие корма, обилие собак, обилие жен и обилие детей, обилие огня и обилие всякого житейского добра... Поистине и там, о Спитамида Заратуштра, где возделывают побольше хлеба, трав, растений и съедобных плодов, где орошают сухую почву или осушают почву слишком влажную... более всего выращивают мелкий и крупный скот..., где крупный и

мелкий скот дает больше всего навоза... Тот, кто обрабатывает эту землю, о Спитаид Заратуштра, левой рукой и правой, правой рукой и левой, тот воздает (земле) прибыль. Это поистине подобно тому, как любящий муж дарует сына или другое благо своей возлюбленной жене, покоящейся на мягком ложе.

... Так говорит человеку земля:

— О ты, человек, который обрабатываешь меня левой рукой и правой, правой и левой, поистине буду я производить всякое пропитание и обильный урожай... Тому, кто не обрабатывает эту землю, о Спитаид Заратуштра, левой рукой и правой, правой рукой и левой, тому земля говорит так: «О ты, человек, который не обрабатываешь меня... поистине вечно будешь ты стоять, прислонившись, у чужих дверей, среди тех, кто попрошайничает; поистине вечно будут мимо тебя проносить яства, их пронесут в дома, где и без того обилие богатств... Кто сеет хлеб, тот сеет праведность... Когда хлеб готовят (для обмолота), то дэвов прошибает пот. Когда подготавливают мельницу (для помола зерна), то дэвы теряют терпение. Когда муку подготавливают (для квашни), то дэвы стонут. Когда тесто подготавливают (для выпечки), то дэвы режут от ужаса».

ИЗ КНИГИ «ЯСНА»

[Гаты Заратуштры]

ЯСНА, 12

[Символ веры зороастризма]

(текст относится к позднему времени)

1. Проклинаю дайвов (дэвов). Исповедую себя поклонником Мазды, зороастрийцем, врагом дэвов, последователем Ахуры, славословящим амешаспандов (бессмертных небожителей), молящимся амешаспандам.

Доброму, исполненному блага Ахура Мазде я приписываю все хорошее, и все лучшее — ему, носителю Арты, сияющему, наделенному фарром (благодатью); его (творение) — скот, и Арту, и свет, чьими лучами наполнена обитель блаженных.

2. Я выбираю для себя святую, добрую Арамаити; пусть она будет моею. Отрекаюсь от хищения и захвата скота, от причинения ущерба и разорения маздаяснийским селениям.

3. Я обеспечиваю свободное движение и свободную жизнь тем хозяевам, которые содержат на этой земле скот. С поклоном Арте и приношениями я даю обет: отныне я не буду ради своего тела и жизни причинять ущерба и разорения маздаяснийским селениям.

4. Отрекаюсь от сообщества с мерзкими, вредоносными, неартовскими, злокозненными дэвами, самыми лживыми, самыми

зловонными, самыми вредными для всех существ, (отрекаюсь) от дэвов и их сообщников, от колдунов и их сообщников; от тех, кто насильничает над живыми существами. Отрекаюсь в словах, мыслях, в знамениях. Отрекаюсь от всего друждевского, рашевского.

5. Именно так, как учил Ахура Мазда Заратуштру на всех беседах, на всех встречах, на которых Мазда и Заратуштра говорили между собой.

6. Именно так, как Заратуштра отрекался от сообщества с дэвами на всех беседах, на всех встречах, на которых Мазда и Заратуштра говорили между собой, — так и я, поклонник Мазды, зороастриец, отрекаюсь от сообщества с дэвами, как отрекся праведный Заратуштра.

7. Согласно тому выбору (между двумя мирами), какой сделали воды, растения, скот-благодетель, какой сделал Ахура Мазда, когда он создал скот и праведного человека; какой сделали Заратуштра, Кави Виштаспа, Фрашаоштра и Джамаспа... согласно этому выбору я являюсь маздаяснийцем.

8. Исповедую себя поклонником Мазды, зороастрийцем (настоящей) клятвой и исповеданием. Клятвой обязуюсь вершить добрую мысль, клятвой обязуюсь вершить доброе слово, клятвой обязуюсь вершить доброе деяние.

9. Клятвой обязуюсь быть верным маздаяснийской вере, (которая учит) прекратить военные набеги, сложить оружие, заключать браки между своими; артовской (вере), которая из всех существующих и будущих (вер) величайшая, лучшая и светлейшая, которая — ахуровская, заратуштровская. Признаю, что Ахура Мазде (принадлежит) всякое добро. Сия есть присяга вере маздаяснийской.

ЯСНА, 28

[Моление о слове]

С упоением молюсь,
 простираю к Мазде руки я,
Чтобы Добрый Дух сперва
 принял все, что приготовил я.
С Артой радуются пусть
 Вохумана и Душа быка!
Мазда, Мудрый Властелин,
 Вохумане верно я служу,
Дай мне оба мира в дар —
 Мир вещей и также мир души!
За служенье Арте дай
 все, что праведному следует!

Вохумана, Дух скота,
славлю рассудительность твою,
Мазду с Артою пою,
мать Арматай⁷ (Армати) пусть придаст нам сил,
Всех молю Вас об одном,
чтоб на зов мой приходили Вы!
В Доме песнопения
Вохумане жизнь отдать готов,
Пусть за все мои дела
сам Ахура мне воздаст сполна.
А пока я жив, путем
Арты — Правды поведу людей.
Арта — Правда, Дух огня,
разве в силах я постичь, понять
Вохуману и тебя,
хотя и ведаю, где к Мазде путь.
Заклинанием твоим,
языком склоним врагов к добру!
Вохумана! Вразуми,
пусть прибавит Арта силы мне!
Мазда, Заратуштре дай
Слово чудодейственное то,
Что поможет, наконец,
одолеть всех злобных недругов!
Арта — Правда! За дела
дай мне щедрый Вохуманы дар!
Мать Арматай, укрепи меня
и вождя Виштаспу⁸ утверди!
Мазда, помоги певцу
сделать всех послушными тебе!
О, хороший, лучший друг
Арты и порядка доброго,
Мазда, милость окажи
мне и Фрашаоштре⁹ смелому!
И тем людям, что всегда
мысли Вохуманы берегут.
Мы вас не прогневаем,
хоть бы и десятой долею
Той хвалы, что воздадим
Арте с Вохуманою,
Мазда, не наскучим Вам,
о, хранитель царства нашего!
А затем, кто заслужил
Арты дар и дар Вохуманы?
Если Мазда их признал,
пожеланья их да сбудутся,
Чтоб постичь успех хвалы,
в стройных песнях, обращенных к вам.

В них я сохранил навек
 облик Арты с Вохуманою,
Мазда, я воспел тебя,
 передай ты мне из уст в уста
Слово мудрое о том,
 как впервые появилась жизнь!

ЯСНА, 29

[Моление о поддержке скотоводства]

Молит вас Душа быка¹⁰:
 «Кто создал меня и для чего?
Эшма¹¹ злой гнетет меня,
 угоняют воры и грабители,
Кроме Вас — защиты нет,
 селянин пусть пестует меня!»
И спросил Творец быка
 Арту: «Кто же защитит быка?
Дай хозяина ему,
 скотовода с добрым пастбищем,
Мужем осчастливь таким,
 чтоб злодейства Эшмы отвратил!»
Отвечала Арта: «Нет
 господина, чтоб пасти быка.
Я не знаю никого,
 кто б за ним ходил как следует.
Нет достойного нигде,
 чтобы люди шли на зов его».
Мазда знает обо всем:
 о свершившихся намереньях
Равно — дэвов и людей,
 о делах, что лишь задуманы,
Проницателен лишь он, —
 пусть Ахуры воля сбудется!
Простирая руки ввысь,
 о Ахура, умоляю я —
И коровы стельной Дух —
 Мазду просим о двояком мы:
«Чистый скот -- чтоб не погиб,
 скотовод — чтоб Друджу¹² не служил».
Мазда так сказал тогда,
 он, Ахура, что мудрее всех:
«На земле и в небесах
 мужа нет, кто Арте по душе.
Но ведь скот Я сотворил
 ради человека, пастуха,

Я, Ахура, Арты друг,
 также Слово — Мánтру¹³ сотворил,
Чтобы скот тучнел и корм
 преумножился. А Мантру ту,
Вохумана, лишь в уста
 истинного друга стад вложи!
На земле есть лишь один,
 кто Мои заветы свято чтит;
Заратуштра, —
 верен Мазде, как и Арте, он,
Он всегда прославит нас,
 если Словом одарю его».
Вскрикнула Душа быка:
 «Разве слабосильный нужен мне
Человек, чье слово — пыль?
 Всемогущего желаю я!
Пусть грядет он наконец
 и десницей скот оборонит!»
О Ахура, дай скоту
 силу Арты и величие,
И пусть Вохумана даст
 дар покоя и веселия,
Разве я не ведаю,
 что лишь Мазда превосходит всех.
Если сила Арты мне
 передастся Вохуманую,
Если вдохновит меня
 Мазда сам реченьем магии,
То, Ахура, снизойдут
 к нам щедроты, вас достойные!

ИЗ КНИГИ «ЯШТ»

ГЛАВА 5

Ардвисур-яшт

[ГИМН АРДВИСУРЕ АНАХИТЕ]

I

И сказал Ахура Мазда — Спитамиду Заратуштре:
— Ты можешь восславить ради меня, о Спитаמיד Заратуштра
Ее, Ардвисуру Анахиту,
Широко разлившуюся, целительную,
Дэвам¹⁴ враждебную, вере Ахуры преданную,
Достойную, чтоб мир телесный почитал ее,

Достойную, чтоб мир телесный восхвалял ее, —
Страсть вызывающую, Артой освященную,
Стад покровительницу, Артой освященную,
Дома и усадьбы покровительницу, Артой освященную,
Имущества покровительницу, Артой освященную,
Страны покровительницу, Артой освященную*.

Она творит семя всех мужей,
Уготавливает для родов
Материнское лоно всех жен,
Делает легкими роды всех жен,
Исполняет в урочное время
Молоком материнскую грудь;

Бескрайняя, славная именем,
Длиною равная всем водам,
Здесь, по земле, текущим,
Мощная, сходящая с вершины Хукарйа к морю Ворукаша¹⁵.

Все берега Ворукаша
Приходят в волнение,
Вся середина его восстает волнами,
Когда к ним притекает,
Когда к ним устремляется
Ардвисура Анахита,
У которой заливов тысяча,
У которой притоков тысяча,
И вдоль каждого из заливов
И вдоль каждого из притоков
Лишь за четыре десятка дней
Проскачет искусный наездник.

И один приток этой воды моей
Простирается на семь кишваров¹⁶,
И приток этой воды моей
Непрестанно струится зимой и летом.
Она для меня делает благом и воду,
И семя мужей, и утробу жен,
И молоко женской груди, —

Это Я, Ахура Мазда, их произвел:
Чтоб дом и селенье,
Округ и страна процветали,
Чтоб защищать и охранять их,
Оборонять и оберегать их.

* Строфа 1 со слов «Ты можешь восславить ради меня...» — до последней строки включительно составляет рефрен, именуемый ниже: «Рефрен 1».

И вот, о Заратуштра, она пришла к нам,
Ардвисура Анахита,
От Мазды, творца своего.
О воистину хороши ее руки, —
Белые, мощнее бедер коней,
Величием своим красуется,
Дивная, потоком текущая,
Выше сажени вышиной.
Думой одной занята она:

«Кто восславит меня,
Кто почтит молоком, заключающим Хому¹⁷,
Очищенным, процеженным Заотрой?¹⁸
Чье удовольствую я желание? —
Верных мне и послушных мне,
Чтобы дать им веселья и бодрости?»

За великолепиие, за величие
Внятной молитвой хочу восславить,
Ардвисуру Анахиту, Артой освященную.
Да воззовут к тебе все,
Да чтят тебя еще больше,
О Ардвисура Анахита,
Молоком, заключающим Хому,
Очищенным, процеженным Заотрой.
Чье удовольствую я желание? —
Верных мне и послушных мне,
Чтобы дать им веселья и бодрости*?

II

(Рефрен 1. Ты можешь восславить ради меня...)

Передний — правит ее колесницей,
Держит поводья у колесницы,
В ней мчится она, Ардвисура,
Тоскуя по богатырю.
Думой одной занята она:
«Кто восславит меня?
(Рефрен 2. За великолепиие...)

III

(Рефрен 1. Ты можешь восславить ради меня...)

Четыре коня у нее в упряжке,
Все четыре единой белой масти,

* Строфа 9 составляет рефрен, именуемый ниже: «Рефрен 2»

Единой породы, высокие,
Оборняющие зломышление всех врагов,
и дэвов и людей,
Волшебников и пэри¹⁹,
Кавийских²⁰ и карапанских властителей²¹.
(Рефрен 2. За великолепии...)

IV

(Рефрен 1. Ты можешь восславить ради меня...)

Она, могучая, светлая, высокая, стройная,
Чьи воды несутся, ниспадая и днем и ночью,
Обилием равные всем водам,
Здесь, по земле, текущим,
Она вперед устремляется, полная силы.

(Рефрен 2. За великолепии...)

V

(Рефрен 1. Ты можешь восславить ради меня...)

Ей жертву приносил Творец, Ахура Мазда,
В Арийане Вэджа²² у доброй Даити²³
Молоком, заключающим Хому,
Барсманом²⁴, готовностью помочь языком своим,
И мыслью, и словом, и делом,
Заотрой и уместными изречениями.

И просил он ее:
«Даруй мне такую удачу,
О добрая, мощная Ардвисура Анахита,
Чтоб сына Пурушаспы я,
Заратуштру, что в Арту верует,
Беспрерывно пестовал, научая
Мыслить согласно вере,
Молвить согласно вере,
Делать согласно вере».

И даровала ему эту удачу
Ардвисура Анахита,
Которая всегда дарует удачу просящему,
Заотру в дар приносящему,
Благочестиво жертвующему.

(Рефрен 2. За великолепии...)

VI

(Рефрен 1. Ты можешь восславить ради меня...)

Ей жертву приносил Хошйангха Парадата²⁵
 На вершине Хара²⁶ —
 Сто коней, тысячу быков и десять тысяч овец.
 И просил он ее:
 «Даруй мне такую удачу,
 О добрая, мощная Ардвисура Анахита,
 Чтобы стал я наивысшим властителем
 Над всеми кишварами,
 Над дэвами и людьми,
 Над волшебниками и пэри,
 Над кавийскими и карапанскими властителями,
 Чтобы две трети мазанских дэвов²⁷
 И служителей Друджа в Варне²⁸ я в прах поверг».

И даровала ему эту удачу
 Ардвисура Анахита,
 Которая всегда дарует удачу просящему,
 Заотру в дар приносящему,
 Благочестиво жертвующему.
 (Рефрен 2. За великолепие...)

VII

(Рефрен 1. Ты можешь восславить ради меня...)

Ей жертву приносил
 Блестящий, богатый стадами Йима²⁹
 На вершине горы Хукарйа, —
 Сто коней, тысячу быков и десять тысяч овец.

И просил он ее:
 «Даруй мне такую удачу,
 О добрая, мощная Ардвисура Анахита,
 Чтобы стал я наивысшим властителем
 Над всеми кишварами,
 Над дэвами и людьми,
 Над волшебниками и пэри,
 Над кавийскими и карапанскими властителями;
 Чтобы от дэвов я спас
 И имущество, и припасы,
 И урожай, и стада,
 И покой, и почет».

И даровала ему эту удачу
 Ардвисура Анахита,

Которая всегда дарует удачу просящему,
Заотру в дар приносящему,
Благочестиво жертвующему.

(Рефрен 2. За великолепие...)

VIII

(Рефрен 1. Ты можешь восславить ради меня...)

Ей жертву приносил трехпастный Ажи Дахака
В стране Баврай³⁰ —
Сто коней, тысячу быков и десять тысяч овец.

И просил он ее:

«Даруй мне такую удачу,
О добрая, мощная Ардвисура Анахита,
Чтоб обезлюдил я все семь кишваров».

Не даровала ему эту удачу
Ардвисура Анахита.

(Рефрен 2. За великолепие...)

IX

(Рефрен 1. Ты можешь восславить ради меня...)

Ей жертву приносил сын из рода Атвйа,³¹
Из богатырского дома Трэтоны³²,
В Варне, четвероугольной стране³³, —
Сто коней, тысячу быков и десять тысяч овец.

И просил он ее:

«Даруй мне такую удачу,
О добрая, мощная Ардвисура Анахита,
Чтобы я победителем стал
Над чудовищем Ажи Дахака,
Трехпастым, трехглавым, шестиоким,
Владетелем тысячи сил,
Миру Арты на гибель созданным,
Чтобы я его жен обеих похитил,
Обеих — Сангхавак и Арнавак, —
Их материнское лоно прекрасно,
Их проворство в домашней работе прекрасно».

И даровала ему эту удачу
Ардвисура Анахита,
Которая всегда дарует удачу просящему,
Заотру в дар приносящему,
Благочестиво жертвующему.

(Рефрен 2. За великолепие...)

X

(Рефрен 1. Ты можешь восславить ради меня...)

Ей жертву приносил могучий Керсаспа³⁴
Перед лицом озера Пишина³⁵, —
Сто коней, тысячу быков и десять тысяч овец.

И просил он ее:

«Даруй мне такую удачу,
О добрая, мощная Ардвисура Анахита,
Чтобы я победителем стал
Над златопятым Гандарвой³⁶
У берега Ворукаша, волнами омываемого,
Чтоб я, могучий, служителей Друджа
Здесь настиг и схватил,
На этой земле широкой, выпуклой и бескрайней».

И даровала ему эту удачу
Ардвисура Анахита,
Которая всегда дарует удачу просящему,
Заотру в дар приносящему,
Благочестиво жертвующему.

(Рефрен 2. За великолепие...)

XI

(Рефрен 1. Ты можешь восславить ради меня...)

Ей жертву приносил злодей туранец³⁷ Франграсйан³⁸
У края пропасти, —
Сто коней, тысячу быков и десять тысяч овец.

И просил он ее:

«Даруй мне такую удачу,
Добрая, мощная Ардвисура Анахита,
Чтобы достиг я царственного Хварно³⁹,
Который среди Ворукаша сияет,
Который причастен арийским⁴⁰ странам, нынешним и грядущим,
И Заратуштре причастен, что в Арту верует».

И даровала ему эту удачу
Ардвисура Анахита.

(Рефрен 2. За великолепие...)

XII

(Рефрен 1. Ты можешь восславить ради меня...)
Ей жертву приносил мужественный,
Деятельный Кавай Усан⁴¹
На горе Эрзифйа⁴², —
Сто коней, тысячу быков и десять тысяч овец.

И просил он ее:
«Даруй мне такую удачу,
О добрая, мощная Ардвисура Анахита,
Чтобы стал я наивысшим властителем
Над всеми кишварами,
Над дэвами и людьми,
Над волшебниками и пэри,
Над кавийскими и карапанскими властителями».

И даровала ему эту удачу
Ардвисура Анахита,
Которая всегда дарует удачу просящему,
Заотру в дар приносящему,
Благочестиво жертвующему.

(Рефрен 2. За великолепии...)

XIII

(Рефрен 1. Ты можешь восславить ради меня...)

Ей жертву приносил
Богатырь стран арийских,
Хосрава⁴³, опора державы,
Перед лицом озера Чечаста⁴⁴,
Глубокого и широкого, —
Сто коней, тысячу быков и десять тысяч овец.

И просил он ее:
«Даруй мне такую удачу,
О добрая, мощная Ардвисура Анахита,
Чтобы стал я наивысшим властителем
Над всеми кишварами,
Над дэвами и людьми,
Над волшебниками и пэри,
Над кавийскими и карапанскими властителями;
Чтобы я из всех колесниц первой правил
Во все время ристания,
Чтобы я избежал западни, злодеем вырытой,
Если он, злоумышленник, верх одержит в конном бою».

И даровала ему эту удачу
Ардвисура Анахита,
Которая всегда дарует удачу просящему,
Заотру в дар приносящему,
Благочестиво жертвующему...

(Рефрен 2. За великолепие...)

XIV

(Рефрен 1. Ты можешь восславить ради меня...)

Ей жертву приносил мощный воин Туса⁴⁵,
Искусный наездник,
И просил он даровать ему силу
Колесницами править
И телесное здоровье,
Врага издали высмотреть,
Ненавистника одолеть,
Недруга сразить единым ударом.

И просил он ее:
«Даруй мне такую удачу,
О добрая, мощная Ардвисура Анахита,
Чтобы я победителем стал над богатырями,
Отпрысками Вэсака⁴⁶,
У горной теснины Хшатросука⁴⁷,
У самой высокой, надо всеми возвышенной
Крепости Кангха⁴⁸, Артою освященной.
Чтобы я наголову разбил воинство земель туранских
Пятьдесят раз сотней ударов,
Сто раз тысячью ударов,
Тысячу раз десятью тысячами ударов,
Десять тысяч раз ста тысячами ударов».

И даровала ему эту удачу
Ардвисура Анахита,
Которая всегда дарует удачу просящему,
Заотру в дар приносящему,
Благочестиво жертвующему.

(Рефрен 2. За великолепие...)

XV

(Рефрен 1. Ты можешь восславить ради меня...)

Ей жертву приносили смелые
Отпрыски Вэсака

У горной теснины Хшатросука,
У самой высокой, надо всеми возвышенной
Крепости Кангха, Артою освященной, —
Сто коней, тысячу быков и десять тысяч овец.

И просили они ее:

«Даруй нам такую удачу,
О добрая, мощная Ардвисура Анахита,
Чтобы мы одолели мощного воина Тусу,
Чтоб мы наголову разбили воинство земель аравийских:
Пятьдесят раз сотней ударов,
Сто раз тысячью ударов,
Тысячу раз десятью тысячами ударов,
Десять тысяч раз ста тысячами ударов».

Не даровала им этой удачи
Ардвисура Анахита.

(Рефрен 2. За великолепии...)

XVI

(Рефрен 1. Ты можешь восславить ради меня...)

Ей жертву приносил Паурва⁴⁹,
Бывалый лодочник,
Когда по воле Трэтаны, победоносного воина,
Взлетел он в небо в образе коршуна.

Без отдыха он носился
Три дня и три ночи,
Стремясь к своему жилищу.
И не мог вернуться к себе.
На скончании третьей ночи
К утренней заре поспел он
К восхождению Ардвисуры.
И на утренней заре он
Воззвал к Ардвисуре Анахите:

«О Ардвисура Анахита!
Приди ко мне на подмогу,
Поддай мне помощь!
Если я опущусь успешно
На землю, сотворенную Ахурой,
К своему жилищу,
То воздам тебе
Тысячью жертвенных возлияний
Молоком, заключающим Хому,
Очищенным по обычаю и отцеженным Заотрой
В водах Рангха».

И стекла к нему Ардвисура Анахита
В образе прекрасной девушки,
Сильной, стройной,
Прямой, высоко подпоясанной,
Знатного рода, именитого,
До самых лодыжек была она
Обута в сияющие сандалии,
Золотыми лентами схваченные.

Она крепко взяла его за руки,
И тут же свершилось это — в единый миг! —
Он, усердный, проворный в работе,
Очутился на земле, сотворенной Ахурой,
В своем жилище, здоров и силен,
Невредим и цел, как и прежде!

Так, даровала ему эту удачу
Ардвисура Анахита,
Которая всегда дарует удачу просящему,
Заотру в дар приносящему,
Благочестиво жертвующему.

(Рефрен 2. За великолепие...)

XVII

(Рефрен 1. Ты можешь восславить ради меня...)

Ей жертву приносил Джамаспа⁵⁰,
Когда он увидел, что войско дэвопоклонников,
Приспешников Друджа,
Боевым строем подходит издали, —
Сто коней, тысячу быков и десять тысяч овец.

И просил он ее:
«Даруй мне такую удачу,
О добрая, мощная Ардвисура Анахита,
Чтобы я одержал такую великую победу,
Какую другие арийцы все вместе одержат».

И даровала ему эту удачу
Ардвисура Анахита,
Которая всегда дарует удачу просящему,
Заотру в дар приносящему,
Благочестиво жертвующему.

(Рефрен 2. За великолепие...)

XVIII

(Рефрен 1. Ты можешь восславить ради меня...)

Ей жертву приносили Ашавазда, сын Пурудахштая,
И Ашавазда, и Трита⁵¹, сыновья Санйуждры,
У места, [посвященного] высокому богу,
Сияющему повелителю,
Обладателю быстрых коней, Апам Напату⁵², —
Сто коней, тысячу быков и десять тысяч овец.

И просили они ее:
«Даруй нам такую удачу,
О добрая, мощная Ардвисура Анахита,
Чтобы стали мы победителями
Над туранскими Данавами,
И над отпрыском Асанбана, Кара,
И над отпрыском Асанбана, Вара,
И над доблестным Дурэкэтой⁵³,
В сражение за их добро и богатство».

И даровала им эту удачу
Ардвисура Анахита,
Которая всегда дарует удачу просящему,
Заотру в дар приносящему,
Благочестиво жертвующему.

(Рефрен 2. За великолепии...)

XIX

(Рефрен 1. Ты можешь восславить ради меня...)

Ей жертву приносил Вистарав,
Он, Нотарид⁵⁴,
У воды Витангухантис⁵⁵,
Когда он сказал такое
Правдивое слово:

«Говорю правду, высказываю истину,
О Ардвисура Анахита!
Я во прах поверг столько дэвопоклонников,
Сколько волос у меня на голове.
Открой же мне ныне,
О Ардвисура Анахита,
Сухой путь через добрую Витангухантис!»

И стекла к нему Ардвисура Анахита
В образе прекрасной девушки,

Сильной, стройной,
Прямой, высоко подпоясанной,
Знатного рода, именитого.
Обута она в золотые сандалии,
Изукрашенные, сияющие.
И одни воды остановила она,
Другие принудила течь дальше;
Так освободила она сухой путь
Через добрую Витангуханти.
И даровала ему эту удачу
Ардвисура Анахита,
Которая всегда дарует удачу просящему,
Заотру в дар приносящему,
Благочестиво жертвующему.

(Рефрен 2. За великолепии...)

XX

(Рефрен 1. Ты можешь восславить ради меня...)

Ей жертву приносил Йоишта из дома Фрийанов⁵⁶
На неопалимом острове Рангха⁵⁷, —
Сто коней, тысячу быков и десять тысяч овец.

И просил он ее:
«Даруй мне такую удачу,
О добрая и мощная Ардвисура Анахита,
Чтобы стал я победителем
Над злейшим, ослепляющим Ахтйа,
Чтоб сумел ответить на вопросы его,
На девяносто и девять
Запутанных и коварных вопросов,
Злейшего, ослепляющего Ахтйа».

И даровала ему эту удачу
Ардвисура Анахита,
Которая всегда дарует удачу просящему,
Заотру в дар приносящему,
Благочестиво жертвующему.

(Рефрен 2. За великолепии...)

XXI

(Рефрен 1. Ты можешь восславить ради меня...)

Он, благодетельный Ахура Мазда, возгласил:
«Снизойди, снова вернись к нам,

О Ардвисура Анахита,
Со звезд на землю, сотворенную Ахурой,
Пусть смелые правители, властители страны,
Пусть сыновья властителей восславят тебя.

Пусть мощные наездники
Просят тебя о владении резвыми конями
И об увеличении славы своей,
Пусть в молениях своих жрецы
[...] просят тебя о знании, о достижении святости,
О победе, ниспосылаемой Ахурой,
О победоносном его превосходстве;

Пусть готовые к браку усердные девушки [...] Просят тебя [...] о преуспевании
И о мужественном хозяине дома,
Пусть молодые жены, пусть роженицы
Просят тебя о легких родах:
Ты, ты подашь им все это,
Ибо все это в твоей власти,
О Ардвисура Анахита!»

И вот, Заратуштра, пришла она,
Ардвисура Анахита,
Со звезд на землю, сотворенную Ахурой,
И сказала Ардвисура Анахита:

«Воистину, о Спитаид, в Арту верующий,
Тебя Ахура Мазда назвал
Ратавой⁵⁸ — Покровителем мира телесного,
Меня же Ахура Мазда назвал Покровительницей —
Всего творения, в Арту верующего.
Под кровом моего великолепия и величия
Мелкий скот, и крупный скот,
И двуногие люди умножились на Земле:
Я, поистине, охраняю все доброе,
Маздой сотворенное, от Арты исходящее,
Словно как хлев охраняет овец».

И спросил ее Заратуштра,
Ардвисуру Анахиту:
«О Ардвисура Анахита!
Какою жертвой мне восславить тебя?
Какою жертвой мне почтить тебя,
Чтобы Мазда раскрыл тебе
Путь не по эту сторону,
А по ту сторону шара солнечного,
Чтобы и малого зла не причинили тебе

Змен, и всякие Артны, и Вавжаки,
И Варнавы, и Варнававиши?»⁵⁹.

Отвечала на это Ардвисура Анахита:
«Воистину, о Спитаид, в Арту верующий!
Вот какой жертвой ты должен почитать меня,
Вот какой жертвой ты должен прославлять меня
От восхода солнца и до захода солнца.
Вот Заотра моя, ею должен ты наслаждаться.
Жрецы, что просили святых изречений,
Жрецы, что просили святых заповедей,
И мудрый посланец, которому внятно святое слово,
Пусть наслаждаются ею!

Но не должны Заотрой моей наслаждаться:
Ни один [...], ни болеющий горячкой,
Ни обремененный грыжею [...],
Ни одна женщина,
Ни один общинник,
Что Гат не произносят,
Ни прокаженный, от [остальных] отторгнутый.

Не приму я Заотры
От слепых, и глухих, и от карликов,
От слабоумных, и [...], и припадочных,
От помеченных метой, какою, с общего гласа,
Умалишенных метят;
Не должны одарять Заотрой
Ни горбатые спереди,
Ни горбатые сзади,
Ни кривозубые карлики!»

И спросил Заратуштра Ардвисуру Анахиту:
«О Ардвисура Анахита!
Что бывает с твоею Заотрой,
Если тебе ее после захода солнца
В дар приносят
Дэвопоклонники, служители Друджа?»

Отвечала на это Ардвисура Анахита:
«Воистину, о Спитаид Заратуштра, в Арту верующий!
Ужасные, паршой покрытые, язвой изрытые,
Мерзкие, — шестьсот и тысяча⁶⁰, —
Они за спиною моей
Заотры касаются [...],
И служат они лишь прославлению дэвов».

И хочу почитаемую всеми
Золотую вершину Хукария восславить, —

С высоты ее, равной росту тысячи мужей,
Ниспадает Ардвисура Анахита,
Высотой равная всем водам,
Здесь, по земле текущим,
И вперед устремляется, полная силы.

(Рефрен 2. За великолепие...)

XXII

(Рефрен 1. Ты можешь восславить ради меня...)

Вокруг нее собираются поклонники Мазды
С барсманом в руках;
Ей жертву приносили Хвовы⁶¹,
Ей жертву приносили Нотариды;
Богатства просили Хвовы,
Резвых коней просили Нотариды,
И вскоре Хвовы
Возобладали богатством и мощью,
И вскоре свершилось
Желание Нотаридов:
Виштапса возобладал табунами
Самых резвых коней
Этих стран.

И даровала им эту удачу
Ардвисура Анахита,
Которая всегда дарует удачу просящему,
Заотру в дар приносящему,
Благочестиво жертвующему.

(Рефрен 2. За великолепие...)

XXIII

(Рефрен 1. Ты можешь восславить ради меня...)

Ее заливов тысячу
И притоков тысячу,
И вдоль каждого из заливов
И вдоль каждого из притоков
Лишь за четыре десятка дней
Проскачет искусный наездник.
У притока в каждый залив
Построен добротный дом,
Стооконный, блестящий,
Тысячеколонный, прекрасный статью,
Могучий дом, он покоится

На десяти тысячах прочных опор.

У каждого в доме
Гость может возлечь на ложе
С покрывалом прекрасным, благоуханным,
На мягких подушках.
Ниспадает, о Заратуштра, Ардвисура Анахита
С высоты, равной росту тысячи мужей,
Высотой равная всем водам,
Здесь, по земле, текущим,
И вперед устремляется полная силы.

(Рефрен 2. За великолепии...)

XXIV

(Рефрен 1. Ты можешь восславить ради меня...)

Ей жертву приносил Заратуштра, в Арту верующий,
В Арйана Вэджа у доброй Даитйи
Молоком, заключающим Хому,
Барсманом, готовностью
Помочь языком своим,
И мыслью, и словом, и делом,
Заотрой и уместными изречениями.

И просил он ее:
«Даруй мне такую удачу,
О добрая, мощная Ардвисура Анахита,
Чтобы я сына Аурватаспы
Богатырского Кавай Виштаспу
Беспрерывно пестовал, научая
Мыслить согласно вере,
Молвить согласно вере,
Делать согласно вере».

И даровала ему эту удачу
Ардвисура Анахита,
Которая всегда дарует просящему,
Заотру в дар приносящему,
Благочестиво жертвующему.

(Рефрен 2. За великолепии...)

XXV

(Рефрен 1. Ты можешь восславить ради меня...)

Ей жертву приносил
Высокий разумом Кавай Виштаспа

Перед лицом моря Фразданав⁶², —
Сотню коней, тысячу быков и десять тысяч овец.

И просил он ее:

«Даруй мне такую удачу,
О добрая, мощная Ардвисура Анахита,
Чтобы я победителем стал
Над Тантриавантом⁶³,
Наделенным злой сутью,
И над служителем дэвов — Пешана⁶⁴,
И над служителем Друджа — Арджатаспой⁶⁵,
В сражение за его добро и богатства».

И даровала ему эту удачу
Ардвисура Анахита,
Которая всегда дарует удачу просящему,
Заотру в дар приносящему,
Благочестиво жертвующему.

(Рефрен 2. За великолепие...)

XXVI

(Рефрен 1. Ты можешь восславить ради меня...)

Ей жертву приносил
Смелый конник Зариварай⁶⁶
Перед лицом воды Даитйи —
Сто коней, тысячу быков и десять тысяч овец.

И просил он ее:

«Даруй мне такую удачу,
О добрая, мощная Ардвисура Анахита,
Чтобы я победителем стал
Над служителем дэвов — Хумайака⁶⁷
С длинными когтями,
Обитающим в восьми адских пещерах,
И над служителем Друджа — Арджатаспой,
В сражение за его добро и богатство».

И даровала ему эту удачу
Ардвисура Анахита,
Которая всегда дарует удачу просящему,
Заотру в дар приносящему,
Благочестиво жертвующему.

(Рефрен 2. За великолепие...)

XXVII

(Рефрен 1. Ты можешь восславить ради меня...)

Ей в жертву приносил
Вандарманиш, брат Арджатаспы,
У вод Ворукаша, —
Сто коней, тысячу быков и десять тысяч овец.

И просил он ее:
«Даруй мне такую удачу,
Чтоб добрая, мощная Ардвисура Анахита,
Чтобы я победителем стал
Над доблестным Кавай Виштаспой
И над смелым конником Зариварай,
Чтобы я наголову разбил воинство земель арийских
Пятьдесят раз сотней ударов,
Сто раз тысячью ударами,
Тысячу раз десятью тысячами ударов,
Десять тысяч раз ста тысячами ударов».

Не даровала ему эту удачу
Ардвисура Анахита.

(Рефрен 2. За великолепие...)

XXVIII

(Рефрен 1. Ты можешь восславить ради меня...)

Ахура Мазда четырех жеребцов сотворил:
Петер и дождь, облако и град.
Всегда, о Спитаид Заратуштра,
Четыре жеребца заставляют
Дождь лить, и снег идти,
И источать воды, и градом бить,
Ардвисуре же на долю выпали девять сотен и тысяча капель.

И хочу почитаемую всеми
Боготую вершину Хукарйа восславить!
С высоты ее, равной росту тысячи мужей,
Писнадает Ардвисура Анахита,
Мощью равная всем водам,
Лесь, по земле, текущим,
И вперед устремляется, полная сил.

(Рефрен 2. За великолепие...)

XXIX

(Рефрен 1. Ты можешь восславить ради меня...)

Плат золотой на груди придерживая,
Здесь стоит она, добрая
Ардвисура Анахита,
Тоскуя по голосу Заотара⁶⁸.
Думой одной занята она:

«Кто восславит меня,
Кто почтит молоком, заключающим Хому,
Очищенным, процеженным Заотаром?
Чье исполню я желание? —
Верных мне и послушных мне,
Чтобы дать им веселья и бодрости?»

(Рефрен 2. За великолепие...)

XXX

(Рефрен 1. Ты можешь восславить ради меня...)

Всякий может увидеть ее,
Ардвисуру Анахиту,
В образе прекрасной девушки,
Сильной, стройной,
Прямой, высоко подпоясанной,
Знатного рода, именитого,
В нарядном плаще
С обильными складками, златопрядном.

Барсман в руках у нее должной меры,
Красуется она серьгами,
Четырехгранными, златоковаными;
Ожерельем обвила благородная
Ардвисура Анахита
Прекрасную шею.
Стягивает она стан свой,
Чтобы дивные груди ее восстали,
Чтобы влеклись к ней людские взгляды.

Чело увенчала свое
Ардвисура Анахита прекрасным обручем,
Сотнями самоцветов украшенным, златокованым,
Осьмичастным, словно бы колесница,
Перевитым лентами, чудесным,
С кольцом посредине, искусно сделанным.

В бобровой шубе она,
Ардвисура Анахита,

Из трехсот бобров [...],
Сделанной в должное время;
Меха ослепляют очи смотрящего
Блеском золотым и серебряным⁶⁹.

И ныне, добрая, мощная
Ардвисура Анахита,
О милости прошу я тебя, —
Да обрету я, любимый тобой,
Обширные царства,
Где варят обильную пищу, наделяют большими кусками,
Где фыркают кони, грохочут колеса,
Где взмахивают плетью, где много жуют,
Где припрятаны яства,
Где благоухания,
Где каждый волен хранить в кладовых,
Сколько захочет, дабы жить в довольстве.

Ныне, о добрая, мощная
Ардвисура Анахита,
Писпошли мне двух богатырей,
Одного — двуногого и одного — четырехногого.
Одного такого,
Что быстр в походных сборах
И в сражение искусно умеет
На врага пустить колесницу;
И такого четырехногого, что оба крыла
Вражьего войска, широким строем идущего,
Заставляет назад повернуть
Левый и правый, правый и левый⁷⁰.

Ради этих моих молитв,
Ради этих моих восхвалений,
Ради этого мира
Слизойди к нам,
О Ардвисура Анахита,
Со звезд на землю, сотворенную Ахурой.
К дарующему Заотру,
К ладони, дающей жертвенную влагу,
Обильную, бескрайнюю,
(Плизойди же, чтобы помочь нам!
О Ардвисура Анахита),
Которая всегда дарует удачу просящему,
Заотру в дар приносящему,
Благочестиво жертвующему,
Дабы все богатыри с победой к семье вернулись
Подобно воинам Кавай Виштапсы.

(Рифрен 2. За великолепии...)

ГЛАВА 10

[Михр-яшт]

Митру, обладающего широкими пастбищами,
Почитаем мы молоком, содержащим (сок) Хомы.

Митру, обладающего широкими пастбищами, почитаем мы:
Правдивого, красноречивого,
Тысячеухого, прекрасно сложенного,
Десятитысячеглазого, высокого,
Дальнозоркого, могучего,
Не знающего сна, (вечно) бодрствующего.

Которому молятся правители земель,
Выступающие на бой
Против кровожадных вражеских войск,
Против их сомкнутого строя,
Наступающие между рядами борющихся стран.

Ему молятся воины,
Сидящие на крупах своих коней,
И просят силы для своих коней
И здоровья для своего тела,
Дабы заметить издалика врагов,
Отбить противников,
Одним ударом одолеть ненавистных,
Враждебных супостатов.

Он первым из небожителей (язатов)
Поднимается над вершиной Хара,
Предшествуя бессмертному, быстроконному Солнцу;
Первый овладевает
Прекрасными золотыми высями
И оттуда, могучий,
Обозревает все арийские жилища,

Где доблестные вожди
Выстраивают свои многочисленные (войска)
В боевые ряды,
Где высокие горы,
Изобилующие пастбищами и водами,
Давшими скоту (обильный корм);
Где глубокие озера
С обширной водной гладью;
Где судоходные, широкие реки

Бурными потоками устремляются
К Ишката и Парута,
К Моуру (Маргав) и Харойва,
К Гава (Сугда) и Хваризаму...

Если солжет ему
Глава ли дома,
Или глава общины,
Или глава области,
Или глава страны,
То Митра воспрянет,
Гневный и оскорбленный,
И разрушит он и дом,
И общину, и область, и страну...

Солгавший Митре не ускачет на коне (конь воспротивится ему) ...
Копье, брошенное врагом Митры,
Полетит обратно,
Сколько ни творил бы злых заклинаний
Враг Митры.

А если и ловко брошено
И попадет в цель — не поранит,
Сколько ни творил бы злых заклинаний
Враг Митры.
Ветер отгонит копье,
Брошенное врагом Митры,
Сколько ни творил бы злых заклинаний
Враг Митры.

Митра отнимет силу у рук его,
Резвость у ног,
Зоркость глаз,
Чуткость ушей.

...Он (Митра) дарит стада и детей (мужского пола) тому дому,
Где творят угодное ему;
Он разносит на части тот дом,
Где нанесли ему оскорбление.

Митру, обладающего широкими пастбищами,
Почитаем мы:
Правдивого, красноречивого,
Тысячеухого, прекрасно сложенного,
Десятитысячеглазого, высокого,
Дальнозоркого, могучего,
На знающего сна, (вечно) бодрствующего,

Добывающего войско,
Тысячесильного, владычествующего, всеведающего.

Он разжигает битву,
Он стоит среди битвы,
Он, стоя среди битвы,
Разбивает ряды воинов,
Бушуют все края
Вышедших на бой рядов,
Колеблется ядро
Кровожадного войска.

Над ними властвуя,
Несет им гибель,
Сносит головы
Солгавших Митре людей.
Летят во все стороны головы
Солгавших Митре людей.

Опустошаются мрачные логовища,
Необитаемые дома,
Где жили солгавшие Митре приверженцы лжи (Друджа),
Убивающие праведных (преданных Арте).
Похищенный с пастбища бык по страшному
Пути идет в полон,
В убежище солгавших Митре людей;
Волокут они его за своей колесницей,
Проливает он слезы,
И текут они по морде его.

А стрелы их, орлиными перьями опушенные,
С хорошо сделанного лука
Тетивой пущенные,
Не попадают в цель,
Когда разгневанным, яростным,
Непримиримым бывает
Митра, обладающий широкими пастбищами.
Копья их, хорошо заточенные, острые,
С длинным древком,
Пущенные руками,
Не попадают в цель,
Когда разгневанным, яростным,
Непримиримым бывает
Митра, обладающий широкими пастбищами.

Ножи их,
Хорошо сделанные, вонзаемые
В головы людям,
Не попадают в цель,

Когда разгневанным, яростным,
Непримиримым бывает
Митра, обладающий широкими пастбищами.
Булавы их,
Хорошо пушенные, обрушивающиеся
На головы людям,
Не попадают в цель,
Когда разгневанным, яростным,
Непримиримым бывает
Митра, обладающий широкими пастбищами.

Митра прогоняет (врагов),
Рашну⁷¹ их отпугивает,
Сроша⁷², праведный, со всех
Сторон их сгоняет
Навстречу небожителям (язатам).
А они предают боевые ряды смерти.
Когда разгневанным, яростным,
Непримиримым бывает
Митра, обладающий широкими пастбищами.
Так говорят (они) Митре, обладающему широкими пастбищами:
«О Митра, обладающий широкими пастбищами,
Быстрых коней наших эти (враги)
От нас, о Митра, уводят!
Это — наши сильные руки —
Ножами, о Митра, лишают мощи!»

Тогда повергает их (врагов) ниц
Митра, обладающий широкими пастбищами, [начинает]
50 раз бить 100 ударами,
100 раз бить 1000 ударами,
1000 раз бить 10 000 ударами,
10 000 раз бить 100 000 ударами.

Когда разгневанным, яростным,
Непримиримым бывает
Митра, обладающий широкими пастбищами,

Митру, обладающего широкими пастбищами,
Почитаем мы:
Правдивого, красноречивого,
Тысячеухого, прекрасно сложенного,
Десятитысячеглазого, высокого,
Дальнозоркого, могучего,
Не знающего сна, (вечно) бодрствующего,
Впереди которого шествует
Ахурой созданный Вертрагна (Веретрагно)⁷³
В образе вепря,
Устремляющегося вперед.

Обладающего острыми зубами,
Мужественного, с острыми клыками,
Вепря, убивающего с одного удара,
Неприступного, когда он разъярен.
С пестрой мордой, стремительного,
Обладающего металлическими лапами,
Металлическими когтями, металлическим хвостом,
Металлическими челюстями;

Настигающего противника, неукротимого,
С мужественной смелостью
Разящего противника в бою,
И он не ограничивается (лишь) ударом,
Не довольствуется одним ударом,
Пока не переломит
Позвонков (спинного) хребта жизни,
Позвонков, источника жизненной силы,

Пока не развеет в прах
С одного раза и кости и волосы,
И в кучу не смешает
И головной мозг и кровь
Человека, солгавшего Митре.

Он шествует после заката солнца,
Широкий, как земля,
Касается обоих концов этой обширной,
Выпуклой, бескрайней земли,
Обозревая все, что есть между землей и небесами..

В руке своей он держит
Булаву о ста шишках,
Ста острых гранях,
Которая устремляется и разит воинов;
(Булава эта) отлита из желтого металла,
Из крепкого, золотого.
Это — самое мощное из оружия,
Самое победоносное из оружия.
По правую руку его идет
Добрый, праведный Сроша;
По левую — высокий
Сильный Рашну:
Всюду вокруг него,
Идут воды и растения,
Фравашай (духи) праведных.

Четыре жеребца ведут ту колесницу.
Все одинаковой белой масти,
Питающиеся небесным кормом и бессмертные.

Передние копыта их
Кованы золотом.
Задние — серебром;
Все прикреплены к одному дышлу,
Все ходят под одним ярмом,
И поперечные перекладины ярма
Прикреплены крючками из металла
Чудесной работы...

ГЛАВА 17

Ард-яшт

О счастье прекрасное, счастье великолепное,
Блестящее, светозарное!
Счастье, одаряющее благами Хварно
Мужей, которых ты приобщаешь к себе!
Благовонием наполнится тот дом,
В который дом счастье благодное,
Могучее ногою вступит,
(Внося) согласие к прочному содружеству:
Те мужи царствами овладевают
С обилием снеди и запасов и благоуханиями,
Где постели постланы
И (где) множество других ценных благ
Для тех, кого ты приобщаешь к себе, о счастье
благодное.

Рефрен

(Поистине) блажен тот, кого ты приобщаешь к себе.
И меня приобщи к себе,
О (счастье) многодарственное, могучее!
Их дома благоустроены,
Богаты стадами,
Обильны и на долгие времена
(Дома) тех, кого ты приобщаешь к себе, о счастье
благодное.
[Исполняются желания тех, кого ты приобщаешь.]

Рефрен

Их постели хорошо постланы,
Благоуханны и убраны,
Подушками уложены,
С позолоченными ножками
Для тех, кого ты приобщаешь к себе, о счастье
благодное.

Рефрен

Их возлюбленные жены
Возлежат на постелях,
Убранных красиво подушками,
И украшают себя запястьями
И серьгами подвесными,
Четырехугольными, и ожерельями позолоченными,
(Говоря): «Когда придет к нам глава дома,
Когда мы насладимся, (прильнув) к его телу,
(Мы, жены) тех, кого ты приобщаешь к себе, о счастье
 благостное!»

Рефрен

Их дочери восседают
С браслетами на ногах, туго подпоясанные,
Прекрасные телом, с длинными пальцами,
Обладающие станом такой красоты,
Что очаровывают смотрящих,
Тех, кого ты приобщаешь к себе, о счастье благодное.

Рефрен

Их кони грозные,
Стремительные в беге,
Они мчат быструю колесницу,
Натягивая сыромятные поводья.
Они везут мужественного восхвалителя (божества),
(Возничего) быстрых коней и колесницы,
Вооруженного острым копьем с длинной рукоятью,
Сзади разящего противника
Из быстрострелого лука
И спереди убивающего врага
Тех, кого ты приобщаешь к себе, о счастье благодатное.

Рефрен

Их верблюды грозные,
Острогорбые, полные вожделения,
Становящиеся на дыбы, дерущиеся друг с другом страстно,
Для тех, кого ты приобщаешь к себе, о счастье благодатное.

Рефрен

Их серебро и золото в сокровищницу
 Караванщик привозит
 Из иноземных стран,
 И блестящие одеяния...
 Для тех, кого ты приобщаешь к себе, о счастье благодное.

З а р о ж д е н и е д р е в н е п е р с и д с к о й л е т о п и с и

Надпись Кира Великого

Сделана на остатках гробницы в Пасаргадах. Перевод *В. И. Абаева*.

Я Кир — царь Ахеменид.

Бехистунская надпись царя Дария I (521—486 гг. до н. э.)

Высечена на скале Бехистун (Бисутун) около г. Керманшаха на высоте 152 м над уровнем земли. Над надписью — огромный барельеф: перед царем Дарием стоят 9 царей и вождей кланов со связанными руками и петлей на шее. Десятого царь попирает ногами. В надписи 414 строк в 5-ти столбцах.

Она высечена на трех языках (эламском, вавилонском, древнеперсидском).

Перевод *В. И. Абаева*.

Я Дарий, царь великий, царь царей, царь в Персии, царь стран, сын Виштаспы (Гистаспы), внук Аршамы, Ахеменид.

Говорит Дарий-царь: «Мой отец — Виштаспа, отец Виштаспы — Аршама, отец Аршамы — Ариарамна, отец Ариарамны — Чишпиш, отец Чишпиша — Ахеменид. Поэтому мы называемся Ахеменидами. Искони мы пользуемся почетом, искони наш род был царственным. Восемь [человек] из моего рода были до меня царями. Я — девятый. Девять нас были последовательно царями. По воле Ахура Мазды я — царь. Ахура Мазда дал мне царство.

Следующие страны мне достались, по воле Ахура Мазды я стал над ними царем: Персия, Элам, Вавилония, Ассирия, Аравия, Египет, [страны у моря], Лидия, Иония, Мидия, Армения, Каппадокия, Парфия, Дрангиана, Арейя, Хорезм, Бактрия, Согдиана, Гандара, Сака, Саттагидия, Арахозия, Мака: всего 23 страны.

Эти страны мне достались. По воле Ахура Мазды, [они] стали мне подвластны, приносили мне дань. Все, что я им приказывал — ночью ли, днем ли, — они исполняли. В этих странах [каждого] человека, который был лучшим, я ублажал, [каждого], кто был враждебен, я строго наказывал. По воле Ахура Мазды, эти страны следовали моим законам. [Все], что я им приказывал, они исполняли. Ахура Мазда дал мне это царство. Ахура Мазда помог мне, чтобы я овладел этим цар-

ством. По воле Ахура Мазды этим царством я владею».

Говорит Дарий-царь: «Вот что мною сделано, после того как я стал царем.

Камбиз, сын Кира, из нашего рода, был здесь царем. У Камбиза был брат, по имени Бардия (Смердис), от одной матери, одного отца с Камбизом. Камбиз убил Бардию. Когда Камбиз убил Бардию, народ не знал, что Бардия убит. Между тем Камбиз отправился в Египет. Когда Камбиз отправился в Египет, народ возмутился, и было великое зло в стране, и в Персии, и в Мидии, и в других странах.

Потом появился человек, маг, по имени Гаумата. Он восстал в Пишияваде, у горы по имени Аракадриш. Это было в 14-й день месяца вяхна [март 522 г.], когда он восстал. Народ он так обманывал: «Я — Бардия, сын Кира, брат Камбиза». Тогда весь народ взбунтовался и перешел от Камбиза к нему — и Персия, и Мидия, и другие страны. Он (Гаумата) захватил царство. Это было в 9-й день месяца гармапада (апрель 522 г.), когда он захватил царство. Вслед за тем Камбиз умер своею смертью (м. б. — «покончив с собой»).

Царство, которое Гаумата-маг отнял у Камбиза, принадлежало искони нашему роду. И Гаумата-маг отнял у Камбиза и Персию, и другие страны, захватил [их], присвоил [их] себе, стал царем. Не было человека — ни перса, ни мидянина, ни кого-либо из нашего рода — кто мог бы отнять царство у Гауматы-мага. Народ очень боялся, что он перебьет многих, которые прежде знали Бардию, дабы никто не узнал, что он — не Бардия, сын Кира. Никто не осмеливался сказать что-либо против Гауматы-мага, пока я не прибыл. Затем я помолился Ахура Мазде. Ахура Мазда мне помог. Это было в 10-й день месяца багаядиш [сентябрь 522 г.], когда я с немногими людьми убил Гаумату-мага и виднейших его приверженцев в крепости, называемой Сикаяуватиш, в мидийской местности Нисайя. Царство у него я отнял. По воле Ахура Мазды я стал царем. Ахура Мазда дал мне царство. Царство, которое было отнято у нашего рода, я вернул, восстановил его в прежнем виде. Святилища, которые Гаумата-маг разрушил, я восстановил. Я вернул народу [его] достояние: скот, домашнюю челядь, фамильные владения, которые Гаумата-маг у него отнял. Я восстановил страну в прежнем виде, и Персию, и Мидию, и другие страны. То, что было отнято, я вернул обратно. По воле Ахура Мазды это я совершил. Я добился того, чтобы дом [престол] наш восстановить на прежнее место, чтобы Гаумата-маг не захватил наш престол.

Вот что я сделал, после того как стал царем».

Говорит Дарий-царь: «Когда я убил Гаумату-мага, то один человек, по имени Асси́на, сын Упадармы, восстал в Эламе. Он говорил народу: «Я — царь Элама». Тогда эламиты взбунтовались, перешли к этому Ассине; он стал царем в Эламе.

И один человек, вавилонянин, по имени Надинтабайра [Нидинту-Бел], сын Анири, восстал в Вавилоне. Народ он так обманывал: «Я Навуходоносор, сын Набонида». И тогда народ вавилонский весь перешел к этому Надинтабайре. Вавилон взбунтовался, [и] он захватил власть в Вавилоне.

Тогда я послал [людей] в Элам. Тот Ассиная, связанный, был приведен ко мне. Я его умертвил.

После этого я отправился в Вавилон против Надинтабайры, который называл себя Навуходоносором. Войско Надинтабайры занимало [реку] Тигр. Там оно стояло, и река была непроходима вброд(?). Тогда я посадил войско на меха, других на верблюдов и лошадей. Ахура Мазда мне помог. По воле Ахура Мазды мы перешли Тигр. Там разбил я наголову войско Надинтабайры. Это было в 24-й день месяца ассиядия [декабрь 522 г.], когда мы дали сражение.

После этого я направился в Вавилон. Не доходя до Вавилона — [там есть] город, называемый Зазана, на Евфрате — туда прибыл с войском тот Надинтабайра, называвший себя Навуходоносором, чтобы дать мне сражение. Затем сражение мы дали. Ахура Мазда мне помог. По воле Ахура Мазды я разбил наголову войско Надинтабайры. Враг был загнан в воду. Вода его увлекла. Это было во 2-й день месяца анамака [январь 522 г.], когда мы дали сражение.

Надинтабайра с немногими всадниками бежал и прибыл в Вавилон. Тогда я направился в Вавилон. По воле Ахура Мазды я взял Вавилон и захватил Надинтабайру. Затем я этого Надинтабайру умертвил в Вавилоне.

Пока я был в Вавилоне, следующие страны от меня отложились: Персия, Элам, Мидия, Ассирия, Египет, Парфия, Маргиана, Саттагидия, Сака.

Один человек, по имени Мартия, сын Чичихриша из города Куганака в Персии, восстал в Эламе. Он говорит народу: «Я — Иманиш, царь Элама». Я был тогда близко от Элама. Эламиты меня побоялись, схватили Мартию, который стал у них главой, и убили его.

Один человек, по имени Фравартиш, мидянин, восстал в Мидии. Народу он так говорил: «Я — Хшатрита, из рода Увахштры». Тогда мидийское войско, которое [находилось] во дворце, отложилось от меня и перешло к Фравартишу. Он стал царем в Мидии.

Персидское и мидийское войско, которое было при мне, было незначительно. Тогда я отправил войско. Перса Видарну, моего подчиненного, я сделал над ними начальником [и] так им сказал: «Идите [и] разбейте то мидийское войско, которое не признает меня». Затем Видарна отправился с войском. Когда он прибыл в Мидию, [то] у города, называемого Маруш, там дал он сражение мидянам... Ахура Мазда мне помог. По воле Ахура Мазды мое войско разбило наголову мятежное войско. Это было в 27-й день месяца анамака

[январь 521 г.], когда произошло сражение. После этого войско мое поджидало меня в местности, называемой Кампада, в Мидии, пока я не прибыл в Мидию...»

Надпись Дария I У Суэцкого канала

*(надпись на гранитной стеле
близ Суэца)*

Бог великий Ахура Мазда, который создал небо, который создал землю, который создал человека, который создал благоденствие для человека, который Дария сделал царем, который царю Дарию даровал царство великое, [изобилующее] добрыми конями и добрыми мужами.

Я — Дарий, царь великий, царь царей, царь многоплеменных стран, царь этой земли великой, далеко [раскинувшейся], сын Виштаспы, Ахеменид.

Говорит Дарий-царь: «Я — перс. Из Персии я завоевал Египет. Я приказал прорыть этот канал от реки Пирана [Нила], которая течет в Египте, до моря, которое простирается от Персии. Затем этот канал был прорыт, как я повелел, и корабли пошли из Египта через этот канал в Персию, так как была моя воля.

«Антидэвовская» надпись Ксеркса (486—465 гг. до н. э.)

Найдена в 1935 г. в Персеполе. Рассказывает о борьбе Ахеменидов с местными культами племен. Перевод В. И. Абаева.

Когда я стал царем, была среди стран, которые выше упоминаются, (такая, где было) волнение. Потом Ахура Мазда мне помог. По воле Ахура Мазды, эту страну я сокрушил и поставил ее на место. И среди этих стран была (такая), где прежде дэвы почитались. Потом, по воле Ахура Мазды, я этот притон дэвов разгромил и провозгласил: «Дэвов не почитай». Так, где прежде поклонялись дэвам, там я совершил поклонение Ахура Мазде вместе с Артой в Бразмане (?).

И другое было, что делалось дурно, я сделал, чтобы было хорошо. Все, что я совершил, я совершил по воле Ахура Мазды. Ахура Мазда мне помог, пока я не выполнил дело. Ты, который со временем подумаешь: «Чтобы мне быть счастливым при жизни и чтобы мне после смерти быть приобщенным к Арте», следуй тому закону, который установлен Ахура Маздой, чти Ахура Мазду вместе с Артой в Бразмане. Человек, который следует тому закону, который установлен Ахура Маздой, и чтит Ахура Мазду вместе с Артой, в Бразмане, он при жизни будет

счастлив и по смерти приобщится к Арте. Говорит Ксеркс-царь: «Меня да хранит Ахура Мазда от (всякой) скверны, и мой дом, и эту страну. Об этом я прошу Ахура Мазду. Это мне Ахура Мазда подаст».

**Надпись Артаксеркса II
(405—361 гг. до н. э.)
о сооружении дворца в Сузе.**

Опубликована в 1929 г.

Я — Артаксеркс, царь великий, царь царей, царь провинций, царь этой земли, сын Дария-царя, Ахеменид.

Говорит Артаксеркс-царь: «По воле Ахура Мазды, я соорудил этот дворец (как) райскую обитель (?)».

Ахура Мазда, Ананта и Митра меня да хранят от всякой скверны и то, что мною сделано.

Древнейшая обрядовая и культовая поэзия

Самое раннее, что сохранилось из древнеиндийской словесности, — это культовая и обрядовая поэзия арийских племен, мигрировавших в Индию с северо-запада в течение XIV—XIII вв. до н. э. Эту поэзию донесла до нас Веда (веда — «знание», «священное знание»), обширный свод ритуальных и религиозных произведений, оформившийся в основном в доиндуистскую эпоху, но сохранивший в индуизме статус священного текста.

Ведийский канон начинает складываться на рубеже II—I тыс. до н. э., когда арии, покинув места первоначального обитания (северо-восточные районы Пенджаба), расселяются в Гангской долине, и здесь, в междуречье Ганга и Джамны, возникают их первые государства. Перестройка архаичного племенного культа в условиях нарождающейся государственности, развитие сложных и громоздких форм царской обрядности, расширение и углубляющаяся специализация жреческих функций приводят в эту эпоху к появлению особых жреческих школ, осуществлявших подготовку исполнителей жертвенного ритуала. В этих именно школах предположительно с X и по VII—VI вв. и происходит постепенное оформление текстов, составивших ядро ведийского собрания.

Нужды обучения потребовали в первую очередь систематизации и фиксации текстов, исполнявшихся жрецами при совершении торжественных жертвоприношений. Так составились самхиты («сборники») — Ригведа («Веда гимнов»), Яджурведа («Веда яджусов»; яджус — жертвенная формула) и Самаведа («Веда саманов»; саман — особого рода песнопение). Уже значительно позже, возможно в VII—VI вв., к этим трем древним самхитам была добавлена еще одна, Атхарваведа («Веда атхарванов»; атхарваны — особая категория жрецов), вобравшая в себя разнообразные магические формулы, заговоры и заклинания. Фиксация самхит была осуществлена в устной передаче. Записаны они были очень поздно.

Материал, объединенный в самхиты, чрезвычайно разнороден и по характеру, и в хронологическом отношении. Наряду с относительно поздними текстами, сложившимися в рамках новой системы ритуала, сюда вошли и очень ранние, унаследованные от догосударственной эпохи и возникшие на почве первобытной обрядности. Сохранность этих ранних текстов неодинакова. Так, хотя большая часть заговоров Атхарваведы восходит к глубокой древности, они представлены в самхите в поздней редакции (о чем, помимо прочего, свидетельствует их язык). С другой стороны, не менее древние гимны Ригведы (их создание относят в основном ко второй половине II тыс. до н. э.) сохранили по преимуществу свой первоначальный облик.

В центре древнейшей поэзии, сохраненной Ведами, стоит гимн. Это самый высокий и самый развитый среди песенно-поэтических жанров индоарийской словесности. В отличие от других жанров (семейно-обрядовых песен, заговоров, заклинаний) гимн был связан с общеплеменным культом. Именно это ставило его на более высокий уровень в жанровой иерархии и придавало

ему ореол особой священности. Непосредственно обращаясь к божеству, вознося ему хвалы, гимн призван был пробудить бога к деяниям, жизненно важным для племени. При этом установка на общение с богом существенным образом влияла на поэтическую организацию гимна. Загадочность, тяготение к намеку, усложненность и зыбкость выражения, обилие архаизмов и новообразований в одно и то же время — все это должно было создавать в племенной аудитории то впечатление непохожести, выделенности, которое необходимо связывалось в ее представлении с речью, обращенной к богам. Древние были убеждены, что сами боги вкладывают эту речь в певцов, даруя им способность слышать ее в минуты высшего озарения.

Хотя система арханнского ритуала, с которым была связана гимновая поэзия, остается во многом неясной, существует предположение, что большая часть дошедших до нас гимнов создавалась и исполнялась во время новогоднего праздника. Цель этого, космогонического в своей основе, праздника состояла в том, чтобы стимулировать богов на борьбу с силами хаоса, активизировавшимися в конце каждого годового цикла. В праздничный ритуал входили разного рода церемониальные состязания, и в том числе состязания племенных певцов — риши. Выступление в состязании, очевидно, представляло собой импровизацию — поэтому в гимнах так часто говорится о дрожи вдохновения, об озарении, открывающем пути Речи. Но в основе этой импровизации, без сомнения, лежало владение устоявшимися приемами композиции и набором традиционных словесных формул. Как следует из тех же гимнов, риши — не только вдохновенный певец, он — мастер, «выделяющий» свой гимн наподобие того, как выделяют ткань ткачи.

Обучение риши искусству сложения гимнов происходило в содружествах — особых корпорациях, объединявших певцов племени (или, что вероятнее, племенной братрии). Каждая такая корпорация возводила себя к какому-либо мифическому певцу, которого она почитала своим «родоначальником». Деятельность содружества не ограничивалась передачей молодым его членам тайн «священного ремесла». Оно выступало также организацией, отбирившей и хранившей гимны. Именно в содружествах сложились так называемые «родовые» циклы, составившие позднее ядро Ригведы.

Хотя практика гимнотворчества угасает уже к концу II тыс. до н. э., традиции его оказались долговечными. Более чем какой-либо другой жанр древнейшей словесности гимн определил пути последующего развития поэтической культуры на севере Индии, особенности ее художественной системы и ее отношения к слову.

Перевод приводимых ниже гимнов и заговоров *Т. Я. Елизаренковой*.

ГИМН ИНДРЕ

(Ригведа I. 32)

Индра — главное божество индоарийского пантеона. Громовержец, бог-воитель, он выступает также героем центрального в индоарийской мифологии космогонического мифа. События этого мифа составляют содержание приводимого гимна. Индра, вооруженный дубиной грома (ваджрой), вступает в поединок с драконом Вритрой. Вритра, олицетворяющий силы хаоса, препятствующие творению, покоится на изначальной горе, высявшейся посреди космических вод. В горе скрыты все жизненные блага: солнце, воды рек, коровы и т. д. Сражение с Вритрой оканчивается победой Индры: он убивает дракона, рассекает гору и выпускает из нее все, что было в ней заперто. Дальнейшие деяния Индры (упоминаемые в других гимнах) — отделение земли от неба, водворение на небо солнца и установление космического порядка (рита), обеспечивающего существование Вселенной.

Индры героические деяния сейчас я хочу провозгласить:
Те, первые, что совершил носящий дубину.
Он убил дракона, он просверлил отверстия для рек,
Он рассек чресла гор.

2

Он убил дракона, покоившегося на горе.
Тваштар¹ ему выточил звучную дубину.
Как мычащие коровы (— к теленку), спеша,
Прямо к морю сбегает воды².

3

Разъяренный, как бык, он выбрал себе сому³.
На (праздниках) трикадрука⁴ он напился выжатого (сомы).
Щедрый схватил метательный снаряд-дубину.
Он убил его, перворожденного из драконов.

4

Когда ты, Индра, убил перворожденного из драконов
И перехитрил хитрости хитрецов,
И породил солнце, небо и утреннюю зарю,
Тогда уже ты в самом деле не находил противника.

5

Индра убил Вритру, самого страшного врага, бесплечего,
Дубиной — великим оружием.
Как (ствол дерева), ветви (которого) обрублены топором,
Дракон лежит, прильнув к земле.

6

Как плохой боец в пьяном задоре, он вызвал
Великого героя, покоряющего силой, пьющего сому
второй выжимки.
Он не выдержал испытания своего оружия:
Он разгромлен, безносый от пролома враг Индры.

7

Безногий, безрукий, боролся он против Индры.
Тот ударил его дубиной по затылку.
Холошенный, хотевший стать образцом быка, —
Вритра лежал, разбросанный по разным местам.

Через лежащего таким образом, как разрезанный тростник,
Текут, вздымаясь, воды Ману⁸.
Те, которых Вритра (некогда) сковывал (своим) величием, —
У их ног лежал теперь дракон.

У той, чьим сыном был Вритра, жизненная сила пошла на убыль.
Индра сбросил на нее смертельное оружие.
Сверху была родительница, внизу — сын.
Дану⁹ лежит, как корова со (своим) теленком.

Среди неостанавливающихся, неуспокаивающихся
Водяных струй скрыто тело.
Воды омывают тайное место Вритры.
Враг Индры погрузился в долгий мрак⁷.

Жены Дасы⁸, охраняемые драконом, — воды
Стояли скованные, как коровы — (силой) Пани⁹.
Выход вод, который был заткнут,
Он открыл, когда убил Вритру.

В конский волос превратился ты, о Индра, в тот миг,
Когда он ударил тебя по зубцу. Единый бог,
Ты завоевал коров, ты завоевал Сому¹⁰, о герой!
Ты выпустил для бега семь потоков.

Не помогли ему ни молния, ни гром,
Ни тот дождь и град, которые он рассыпал.
Когда Индра и дракон сражались,
На (все) будущие времена победителем стал щедрый.

Кого увидел ты как мстителя за дракона, о Индра,
Что в сердце у тебя, убийцы, возник страх,
Когда, несясь через девяносто девять потоков,
Ты пересекал пространства, как испуганный орел?

Индра — царь движущегося (и) отдыхающего, Безрогого и рогатого, (он), держащий в руке дубину. Это он как царь правит народами. Как обод — спицы колеса, он охватил (все) это.

ГИМН ВАРУНЕ (Ригведа VII, 87)

Варуна — великий бог индоариев, игравший, видимо, роль главного бога, но затем оттесненный Индрой на второй план. Уступив главенствующее место Индре, Варуна тем не менее сохраняет за собой важную функцию хранителя порядка (рита). Он следит за исполнением законов и карает их нарушителей. Варуна также бог космического океана, из которого рождается Вселенная. В приводимом гимне Варуна прославляется, с одной стороны, за свои космогонические деяния («прокладывает пути Солнцу», выпустил реки, «создал русла для дней»), а с другой — как вершитель правосудия. Еще одна тема гимна — связь Варуны с риши и тайнами их ремесла.

1

Варуна прокладывает пути Солнцу.
Он (выпустил) волнующиеся потоки рек, впадающие в море.
(Это), как выпущенный (конский) бег, знающий свой
 путь, (как) мчащиеся кобылицы.
Он создал могучие русла для (течения) дней.

2

Дыхание твое шумит, (как) ветер через воздушное пространство,
Как яростный зверь, одержавший (победу) на лугу.
Меж этих двух великих высоких миров
Все твои законы желанны.

3

Наблюдатели Варуны¹¹, воодушевленные одинаковым желанием, Озирают эти два прочно укрепленных мира¹². Истинные поэты, сведущие в жертвоприношении, провидцы — (Это те), которые подкрепляются молитвой.

4

Провозгласил мне, мудрому, Варуна:
«Трижды семь имен несет корова.
Кто ведает знак (имен), пусть произносит (их)
как сокровенные,
(Если этот) вдохновенный хочет помочь будущему поколению»¹³

Три неба покоятся в нем,
 Три земли, находящиеся ниже, составляющие шестерки.
 Искусный царь Варуна сотворил себе на небе
 Эти золотые качели для блеска¹⁴.

В море нисходит Варуна, как день,
 Как белая капля¹⁵, (он), сильный зверь,
 Восхваляемый в глубоких словах, мерящих воздушное
 пространство,
 Царь всего сущего, чья власть — до конца.

Соблюдая обеты Адити¹⁶,
 Да будем мы безгрешны перед Варуной,
 Который способен простить даже совершившего грех!
 Защищайте вы нас всегда своими благодеяниями!

ГИМН АГНИ-ВАЙШВАНАРЕ

(Ригведа VI, 9)

Гимн обращен к Агни, богу огня, в его ипостаси Вайшванара («принадлежащий всем людям»). Агни прославляется здесь как жертвенный огонь, как солнце, и в первую очередь — как внутренний огонь вдохновения, озаряющий певца в момент импровизации. Тема внутреннего озарения разрабатывается через описание состояния певца, видимо, впервые выступающего в состязаниях: он в смятении, ему непонятно, как «ткнут» свои песни риши, он выставлен на состязание вместо своего отца — учителя, и его пугает мысль, что он может не оправдать возлагаемых на него надежд (2). Чтобы понять, как слагать песни, говорят ему, надо обрести понимание, дающее видеть то, чего не могут видеть другие (3). Это понимание касается сокровенной сущности Агни как бога-жреца, бессмертного света (4), быстрой мысли (быстрого «духа»), горящей в певце (5). Постигновение великой тайны вдохновляет певца, в сердце его вспыхивает свет — песня готова вылиться из его уст (6).

Черный день¹⁷ и светлый день —
 Вращаются две половины воздушного пространства
 по своему разумению.
 Агни-Вайшванара, рождаясь,
 Как царь, светом покорил мрак.

Не пойму я ни нити, ни ткани,
 Ни что ткут они, вступая в состязание.
 Чей же сын сможет тут произносить
 Речи лучше оказавшего позади отца?

«Только тот и нить понимает, и ткань,
 Тот правильно может произносить речи,
 Кто ее постиг, как пастырь бессмертия,
 Находясь позади, (но) видя лучше другого».

Это первый хотар¹⁸ — взгляните на него!
 Это свет бессмертный среди смертных.
 Это он был рожден, надолго уселся,
 Бессмертный, растущий телом.

Надолго установлен свет, чтобы видеть,
 Дух, самый быстрый из витающих.
 Все боги, единоклубные, с единой волей,
 Правильно подходят с разных сторон к одной мысли¹⁹.

Взлетают мои уши, вз(летает) глаз,
 Вз(летает) этот свет, что заложен в сердце.
 Воспаряет моя мысль, устремившаяся далеко.
 Что же скажу я? Что же придумаю?

Все боги почтили тебя в страхе,
 О Агни, когда ты пребывал во тьме²⁰.
 Вайшванара да будет милостив к нам на милость!
 Бессмертный да будет милостив к нам на милость!

ПОЗНАНИЕ (Ригведа X, 71)

Эта песня принадлежит к позднему слою Ригведы. Хотя она и открывается обращением к Брихаспати, богу покровителю молитвы, жрецу и певцу, ее едва ли можно причислить к гимнам. Индийская комментаторская

традиция связывает лесню с проблемой познания, но действительной ее темой является тема певческой корпорации — содружества. В первых строках рисуется мифический прототип земных содружеств — содружество древних риши («они» первой строфы, «мудрые», «семеро певцов»), которые сообща, в согласии сотворили Речь (собственной мыслью, дав затем имена вещам, или с помощью жертвоприношения, извлекая ее из изначальных слагателей гимнов и разделив «между многими», т. е. отдав людям). Дальнейшая разработка темы вводит мотивы избранности певцов и обычаев, царящих в содружествах. Священная Речь гимнов доступна не всем; только те, кто способен ее слышать, объединены в содружества (4,9). Но и среди певцов содружества не все одинаковы «по порывам духа», т. е. не все в равной мере наделены даром импровизации (7). Содружество выставляет на состязание только сильных, отстраняя слабых (8) и тех, кто со временем стал «неповоротлив» (5). Между членами содружества должно царить согласие (6); победа одного из них приносит славу всем, дары, выигранные им в состязании, принадлежат всем (10).

1

О Брихаспати, первое начало Речи (возникло),
Когда они пришли в действие, давая имена (вещам).
Что было у них лучшего, незапятнанного,
Что было скрыто в них, стало проявленным с помощью любви.

2

Когда мудрые мыслью создали Речь,
Просеивая (ее), как зерно — ситом,
Тогда друзья познали содружества.
Их священный знак нанесен на Речь.

3

С помощью жертвы пошли они по следу Речи.
Они обнаружили ее, вошедшую в слагателей гимнов.
Принеся ее, они разделили (ее) между многими.
Семеро певцов вместе приветствовали ее криками.

4

Кто-то, глядя, не видит Речь,
Кто-то, слушая, не слышит ее.
А кому-то она отдает (свое) тело,
Как страстная жена в прекрасном наряде — (своему) мужу.

5

Говорят, что кто-то стал неповоротливым и
ожиревшим в содружестве.
Его не посылают больше на состязания.
Этот живет пустым обманом:
Он слышал речь, не приносящую ни плодов, ни цветов.

Кто бросил в беде друга-единомышленника,
 Нет тому права на Речь!
 Что он и слышит, втуне слышит:
 Он не узнал пути благого деяния!

Друзья, имеющие глаза (и) имеющие уши,
 Бывают (все же) неодинаковыми по порывам духа.
 Одни выглядят, как пруды, (где вода) до рта
 (или) до плеч,
 Другие же — как пруды для омовения.

Когда брахманы (как) друзья вместе приносят жертву,
 А в сердце отточены порывы духа,
 То кого-то умышленно оставляют позади,
 Другие же — чьи молитвы вызывают хвалу —
 выступают вперед.

Кто не движется ни близко, ни далеко,
 (Кто) не (настоящие) брахманы, не приготавливающие сому,
 Те, плохо владея Речью,
 Ткут по утку (негодную) тряпку, не сознавая (этого).

Все товарищи радуются за друга,
 Пришедшего со славой, победителя в поединке.
 Он спасает их от греха, добывает им питание.
 Он был должным образом выпущен на состязание.

Кто-то сидит, расцвечивая цветок гимна,
 Кто-то поет мелодию к (стихам) шаквари²¹.
 Кто-то — брахман — возглашает знание сути (вещей),
 Кто-то измеряет меру жертвоприношения²².

ЗАГОВОР ПРОТИВ РАН И ПЕРЕЛОМОВ

(Атхарваведа IV, 12)

Раны и переломы лечились с помощью растения арундхати, с обращения к которому начинается заговор.

1

Срастительница ты, о срастительница,
Срастительница сломанной кости.
Срасти это, о арундхати!

2

Что у тебя вырвано, что у тебя сломано,
Разрублено в тебе самом —
Пусть Дхатар²³ это снова благополучно
Сложит вместе: сустав с суставом!

3

Да соединится у тебя костный мозг с костным мозгом!
Да со(единится) у тебя сустав с суставом!
Да с(растется), что отпало у тебя от мяса!
Да срастется также и кость!

4

Да сложится вместе костный мозг с костным мозгом!
Да обрастет кожа кожей!
Да обрастет у тебя кровь — кость!
Да обрастет мясо мясом!

5

Приладь волосок к волоску,
Приладь кожу к коже!
Да обрастет у тебя кровь — кость!
Сложи вместе, что сломано, о растение!

6

Поднимись, двинься, катись —
О ты, колесница, чьи колеса, ободья, ступицы — прекрасны!²⁴
Встань супротив!

Если (кто) разбился, упав в яму,
Или если (кого) ударил брошенный камень,
Пусть сложит (арундхати) сустав с суставом,
Как Рибху²⁵ — части колесницы.

ЗАГОВОР ПРОТИВ ЧЕРВЕЙ

(Атхарваведа II, 32)

Заговор направлен против червей, гнездящихся во внутренностях коровы. Черви рисуются существами рогатыми, четырехглазыми, с мешочками яда.

1

Восходящее солнце пусть убьет червей,
Заходящее пусть убьет лучами —
(Тех) червей, что внутри коровы.

2

Многообразного, четырехглазого червя,
Разноцветного, белого —
Я ломаю ему ребра,
Я отрубаю (то), что голова (у него)!

3

Как Атри, я убиваю вас, о черви,
Как Канва, как Джамадагни.
Заклинанием Агастьи²⁶
Я перемалываю червей.

4

Убит царь червей,
И их предводитель убит.
Убит червь, у него убита мать,
Убит брат, убита сестра.

5

Убита его челядь,
Убиты соседи,
А также те, что совсем малые, —
Все эти черви убиты.

Я ломаю тебе рога —
Ими ты пронзаешь.
Я разрываю тебе мешочек —
Он у тебя вместилище яда.

ЗАГОВОР НА ПРИОБРЕТЕНИЕ ЛЮБВИ ЖЕНЩИНЫ (Атхарваведа VI, 8)

1

Как лиана дерево
Обвила вокруг,
Так и ты меня обними —
Чтобы стала ты меня любящей,
Чтоб не стала ты избегать меня!

2

Как орел, взлетая,
Прибивает крыльями землю,
Так и я прибиваю мысль твою —
Чтобы стала ты меня любящей,
Чтоб не стала ты избегать меня!

3

Как эти небо и землю
Враз обходит солнышко,
Так и я обхожу мысль твою —
Чтобы стала ты меня любящей,
Чтоб не стала ты избегать меня!

ЗАГОВОР НА РОСТ ЯЧМЕНЯ (Атхарваведа VI, 142)

Этот заговор входил в состав обряда, исполнявшегося перед севом ячменя.

1

Поднимись! Стань обильным
Своей мощью, о ячмень!
Разбей все сосуды²⁷!
Да не поразит тебя небесная молния!

Где мы призываем тебя,
Внемлющего бога-ячменя,
Поднимись там, как небо!
Будь неисчерпаем, как океан!

Неисчерпаемы твои приближенные,
Неисчерпаемы да будут (твои) груди!
Дарующие да будут неисчерпаемы!
Едоки да будут неисчерпаемы!

Эпос

«МАХАБХАРАТА»

«Махабхарата» — старшая из двух великих эпоев древней Индии. Место ее рождения — междуречье Джамны и Ганга и прилегающие к нему районы (Мадхьядеша [«Срединная земля»] древних). Время, к которому восходят основные ее сказания, время ее «героического века» — рубеж II и I тыс. до н. э., эпоха межплеменных войн и образования первых государств в долине Ганга. Процесс циклизации этих сказаний и сложения целого эпоса завершается, по-видимому, к середине I тыс. до н. э. (не позднее IV в. до н. э., во всяком случае), письменная же фиксация «Махабхараты» может быть отнесена к III—IV вв. н. э. Длительность устного бытования привела к чрезвычайному «разбуханию» поэмы. Причем это «разбухание» происходило не только за счет обрастания основного сказания новыми эпизодами, но и за счет наслоения на него внесюжетного материала — других сказаний и эпических циклов, и прежде всего обширных рассуждений и диалогов религиозно-философского содержания. Проникновение последних в поэму объясняется тем, что «Махабхарата» уже во второй половине I тыс. до н. э. начинает усваиваться жреческой (брахманской) средой и использоваться ею в религиозной практике. В брахманской же среде была, очевидно, осуществлена и запись поэмы, что завершило процесс ее превращения в полуэпосею, полурелигиозную книгу, какой она и дошла до нашего времени.

Сюжетный центр поэмы образует распря, расколовшая род властителей могущественного племени куру, род бхаратов, как его обычно называют в поэме («Махабхарата» — «Сказание о великой битве бхаратов»). Две группы героев, противостоящие друг другу, — это пятеро сыновей умершего вскоре после их рождения царя Панду (Юдхиштхира, Бхима, Арджуна, Накула и Сахадева) и их двоюродные братья, сто сыновей царя Дхритараштры, старшего из которых звали Дурьодханой. Первых эпос собирательно именует Пандавами, вторых — Кауравами. Другом и помощником Пандавов является их двоюродный брат по матери Кришна. Одним из главных соратников Кауравов становится Карна, сводный брат Пандавов, до брака рожденный их матерью Кунти от бога Солнца, брошенный ею и воспитанный приемными родителями (ни Пандавы, ни Карна не подозревают о своем родстве). Симпатии сказителей эпоса — на стороне Пандавов. Все они, считаясь сыновьями Панду, в действительности рождены богами. Воплощением бога Вишну считает эпос и их союзника Кришну. Напротив, Кауравы — воплощение демонов, они неправедны, и родовой конфликт вызван их завистью и неоправданными притязаниями Дурьодханы на престол, по праву принадлежащий Юдхиштхире. Ненависть

Кауравов к Пандавам возникает уже в детстве, но ситуация становится особенно острой после достижения братьями совершеннолетия. Козни Дурьйодханы, пытающегося заманить Пандавов в ловушку, не увенчиваются успехом, а после того как Пандавы женятся на царевне сильного племени панчалов — Драупади, Кауравам приходится примириться с ними. Братья делят между собой царство; в одной половине царем становится Юдхиштира, в другой — Дурьйодхана. Но Кауравы не успокаиваются на этом. Мечтая завладеть всем царством, Дурьйодхана вызывает Юдхиштиру на игру в кости. Игра, которая происходит в собрании старейшин племени куру, завершается полным поражением Юдхиштиры: он проигрывает и царство, и все свои богатства, и себя с братьями, и их общую жену Драупади. Кауравы торжествуют победу. Они силой приводят в собрание Драупади и подвергают ее оскорблениям, чего Пандавы уже никогда не могли им простить. Впрочем, результаты игры по настоящему собрания аннулируются. Игра повторяется на тех условиях, что проигравшая сторона на 13 лет лишится царства и удалится в изгнание. Прогрывает опять Юдхиштира. 13 лет проводят Пандавы в изгнании, соблюдая условия игры. Но по истечении этого срока Дурьйодхана отказывается вернуть им царство. Обе стороны собирают союзников, и две огромные армии сходятся на поле Куру, чтобы решить их спор. Великая битва длилась 18 дней. С величайшим трудом удалось Пандавам вырвать победу и истребить своих противников. Юдхиштира возвращает себе престол и много лет мудро правит царством. Но в конце концов, решив, что настало время покинуть мир, он сажает на престол внука Арджуны и вместе с братьями и Драупади отправляется к космической горе Меру, чтобы, взойдя на нее, вступить в царство богов.

Приводимый здесь фрагмент из восьмой книги поэмы рисует один из ключевых поединков великой битвы. Сражение на поле Куру близится к концу. Пали первые полководцы Кауравов — Бхишма и Дрона. Командование армией Кауравов переходит к Карне, который на второй день после своего назначения вступает в колесничный бой с Арджуной. Этот бой должен решить исход всей битвы. При чтении фрагмента необходимо иметь в виду, что описание поединка Карны и Арджуны, как описание всей битвы вообще, дано в форме рассказа суты (возничего) Санджан царю Дхритараштре (откуда нередкие прямые обращения в тексте описания: «о царь», «о Бхарата», «повелитель племен» и т. д.). Дхритараштра был слеп и следил за ходом сражения с помощью Санджан, которому боги даровали на это время способность видеть сразу все поле боя до самых дальних его уголков.

В основу перевода положено критическое издание текста «Махабхараты». Перевод Ю. М. Аликхановой.

КНИГА О КАРНЕ

Глава 63

Санджая сказал:

Увидев, что мертв Вришасена¹, объятый гневом и скорбью,
В печали великой пролив над убитым горькие слезы,
Карна на колеснице ринулся врагам навстречу,
С глазами, от гнева красными, вызывая на бой Дхананджаю².
Их колесницы, подобные солнцу, в шкурах тигровых,
Сойдясь, глаза слепили, как два сошедшихся солнца.

И те мужи-герои, стоя в своих колесницах,
Сияли, великие духом, как солнце с месяцем в небе.
Увидев их, изумились все существа, почтенный, —
То были Индра с Вайрочаной³ в битве за троёмирье⁴.
При взгляде на колесницы этих царей, ревущие
Ревом стрел и раковин, стуком колес о землю,
При виде их штандартов — слоновьей подпруги у Карны,
Обезьяны у Киритина⁵ — объяло всех изумленье.
Когда цари увидали, как съехались они, Бхарата,
То кликнули львиным кликом, закричали радостно.
Услышав, что будут биться те двое на колесницах,
Заплескали в ладоши воины, замахали платками.
Под гром барабанов явились тогда туда Кауравы
И, радуя Карну, в раковины многие затрубили.
Также и все Пандавы, радуя Дхананджаю,
Ревом труб и раковин наполнили страны света.
От громких криков и шума суматоха вокруг возникла.
Рукоплескали герои, когда Карна сошелся с Арджуной.
Тех тигров-мужей увидев, стоявших в колесницах,
Вооруженных луками, копьями и палицами,
В кольчуги облаченных и с мечами у пояса,
(У обоих белые кони, у обоих блещут раковины),
С колчанами превосходными и собою прекрасных,
Умашенных красным сандалом, схожих с быками в маде⁶,
Подобных страшным змеям, похожих на Яму-Калантаку⁷,
Как Индра и Вритра яростных, как солнце и месяц
блестательных,
Грозных, подобно планетам, встающим в конце юги⁸,
Богоравных, богорожденных, красотою богам подобных, —
Сошедшихся в битве увидев Карну и Дхананджаю,
Равных друг другу оружием, равно потрудившихся в битвах,
Равно заставляющих небо звенеть от рукоплесканий,
Равных друг другу в подвигах, в мужестве и могуществе
На царя богов и Шамбару⁹ равно в битве похожих,
Равных в бою Картавирье¹⁰ и сыну Дашаратхи¹¹,
В мужестве равных Вишну, в сражении Бхаве¹² равных,
На белых конях, запряженных в лучшие колесницы
(И возничие наилучшие у них у обоих были), —
Этих двух увидев на колесницах огромных,
Изумились, великий царь, сиддхи и чараны¹³ тоже.
Тогда сыны Дхритараштры быстро, о бык-Бхарата,
Окружили героя Карну, блестящего в битве.
Также Пандавы радостно, ведомые Дхриштадьумной¹⁴,
Окружили героя Парthu¹⁵, несравненного в битве.
Для твоих Карна в сражении был ставкой, племен властитель,
Для Пандавов же в этой битве ставкою был Партха.
А сами они собранием и зрителями там были,
И были для них неизбежны поражение или победа.

Исход игры зависел от двух этих героев:
 Кто победит в битве — наши или Пандавы.
 А они, о царь, стояли, доблестные в битве,
 Препраждая путь друг другу, победить друг друга желая,
 Готовые к нападению, как Индра с Вритрой бесстрашные,
 Оба ужасные видом, как две кометы хвостатые.
 Тогда поднялись в антарикше¹⁶ споры, о бык-Бхárата,
 И между Арджуной и Карной все существа разделились;
 Разделились стороны света и все миры, почтенный,
 Боги, гандхárвы, данáвы, пйшачи, наги и ráкшасы¹⁷
 Разные стороны приняли в поединке Арджуны с Карной.
 Небо было за Карну и созвездья, племен повелитель,
 Широкая земля — за Партху, как мать за своего сына.
 Моря, речные потоки и горы, о муж превосходный,
 Деревья, целебные травы встали за Киритíна.
 Асуры и ятудханы и гухьяки¹⁸, врагов губитель,
 Стали на сторону Карны, а также разные птицы.
 Все драгоценные камни, Веды с пятой, Акхьяной,
 Упаведы¹⁹, упанишады с наставленьями тайными,
 Васúки и Читрасéна, Тákшака с Упатакшакой²⁰,
 Все горы, все дети Кáдру²¹ с их великим потомством,
 Великогневные наги — все за Арджуну были.
 Потомки Сурабхи, Айраваты, а также дети Вишалы²²
 Были за Арджуну, малые змеи — за Карну.
 Волки и хищные звери, благие звери и птицы, —
 Все они, царь великий, Партхе желали победы.
 Вáсу, мáруты, сáдхьи, Ашвйны и вишведéвы²³,
 Агни, Индра и Сомá, Ваю²⁴ и страны света
 Стали за Дхананджаю, Адиты²⁵ были за Карну.
 Боги вместе с праотцами были за Арджуну,
 А также Яма с Вайшраваной²⁶ и еще Варуна.
 Риши царей и брахманов и богов²⁷ за Пандаву были,
 За Арджуну были гандхарвы вместе с царем Тумбúру.
 Правейи с Маунейями²⁸, толпы апсар²⁹ и гандхарвов,
 Волки и хищные звери, слоны, колесницы, пехота,
 А также несомые ветром и тучами премудрые
 Прибыли, жаждя увидеть поединок Карны с Арджуной.
 Боги, данавы, гандхарвы, наги, якши³⁰ и птицы,
 Риши, познавшие Веды, свадхи³¹ вкусившие праотцы,
 Травы, знания, тáпас³², многообразные видом,
 В антарикше, о царь, столпились, громко крича и споря.
 А Брахма вместе с Праджáпати³³ и брахманами-риши
 На колеснице с Бхавой тоже туда прибыл.
 Увидев Брахму, бессмертные подошли к Самосушему:
 «Пусть равной будет победа этих мужей-тигров!»
 Слова эти слыша, Магхаван³⁴ Прародителю³⁵ поклонился:
 «Пусть гибель Карны с Арджуной весь этот мир не погубит!
 Самосуший, скажи свое слово! Пусть равной будет победа!
 Молю тебя, пусть так будет! Смилуйся надо мною!»

И сказали Ишана³⁶ с Брахмой слово царю бессмертных:
«Одна будет победа, и будет она с Виджаей³⁷.
Мудрый, могучий, храбрый, лучник, богатый тапасом,
Постиг он, великий блеском, дханурведу³⁸ всю без остатка.
Если Арджуна погибнет, судьба потеряет значение,
А если это случится, погибнут миры, несомненно.
Два Кришны, придя в ярость, во всем подобны друг другу.
Ведь оба они — создатели сущего и несущего³⁹.
Это Нара и Нараяна⁴⁰, великие древние риши,
Укротители неукрошенные, бесстрашные врагов губители.
Пусть Карна, бык-воитель, герой Вайкартана⁴¹ доблестный,
Миры обретет лучшие, победа же будет с Кришнами.
Обретет он миры васу или миры ма́рутов
И вместе с Дроной и Бхишмой в небесных мирах пребудет».
Так боги богов сказали. По приказу Ишаны с Брахмой,
Все существа кликнув, сказал Тысячеглазый⁴²:
«Слышали вы, что сказали на пользу мира благие?
Будет все так, не иначе! Поэтому стойте спокойно!»
Слово Индры услышав, все существа немало
Тогда, о царь, удивились и слово это почтили.
И повеяли боги с неба разными ароматами,
Потоки цветов пролили, затрубили в небесные трубы.
Желая видеть ту схватку несравненную львов-героев,
Боги, данавы, гандхарвы — все стали, о царь, поближе
К тем колесницам огромным, греющим и белокопным.
Сошлись герои мира, в раковины затрубили
Храбрецы Кришна с Арджуной и Шалья⁴³, о царь, с Карной.
И началась тогда битва, наводящая дрожь на трусов,
Соревнующихся в геройстве, будто с Шамбарой Шакра⁴⁴.
Увешанные гирляндами, сияли их штандарты,
Различные формой и видом, приводя в ярость друг друга.
На колеснице у Карны сверкала слоновья подпруга,
Подобная луку Индры⁴⁵, твердая, как алмазы,
У Партхи же обезьяна, с разверстой пастью, страшная,
Приводящая в ужас клыками, как солнце, глаза слепящая.
Охваченный жаждой битвы, штандарт властелина Гандивы⁴⁶
Бросился к штандарту Карны, с ревом в него вцепился.
Стремительно прыгнув, вцепилась когтями и клыками
В подпругу обезьяна — так Гаруда⁴⁷ змею хватает.
Украшенная колокольчиками, похожая на петлю Калы⁴⁸,
В ярости устремилась подпруга к обезьяне.
В превосходном том поединке двух героев на колесницах
Сразились сперва штандарты, друг на друга заржали кони.
Пронзил лотосоглазый⁴⁹ Шалью стрелами взглядов,
И тот на лотосоглазого точно так же взглянул.
И победил Васудева⁵⁰ Шалью стрелами взглядов,
А Дхананджая, сын Кунти⁵¹, Карну взглядом сразил.
И спросил тогда сын суты⁵², усмехаясь, у Шальи:
«Если сегодня в битве Дхананджая убьет меня,

Чем ты на это ответишь? Правду скажи мне, друг».
Шалья сказал:

Если в битве, о Карна, убьет тебя белоконный,
Я Партху с Мадхавой⁵³ обоих одной колесницей убью!

Санджая сказал:

С тем же вопросом Арджуна к Говинде⁵⁴ обратился.
Ему, усмехаясь, Кришна превосходное слово сказал:
«Скорее свалится солнце, земля на куски распадется,
Станет огонь прохладным, чем Карна убьет тебя.
Но если все-таки чудом мир как бы перевернется,
Убью я Карну и Шалью в битве руками двумя».
Услышав то слово Мадхавы, засмеялся Арджуна
И Кришне неустоимому такое сказал в ответ:
«Со мной ли равняться этим, Джанардана, Карне и Шалье?
Карну с его колесницей, Шальей, конями, штандартом
С зонтиком, луком, кольчугой, стрелами и копьем, —
Увидишь сегодня иссеченным моими стрелами Карну,
А также его колесницу, коней, кольчугу, копье!
Разве могу забыть я, как он смеялся над Кришной?⁵⁵
Как слон из земли вырывает дерево в цвету,
Так Карну увидишь, Говинда, сегодня повергнутым мной.
Сегодня то сладкое слово услышишь, Мадхусудана⁵⁶,
Сегодня, свободный от долга, утетишь мать Абхиманью⁵⁷
И Кунти, о Джанардана⁵⁸, сестру отца твоего.
Словами нектароподобными утетишь сегодня, Мадхава,
Заплаканную Драупади и Юдхишхиру, герой!»

Глава 65

Санджая сказал:

Еще громче раковины затрубили.
Сошлись белоконные, первые из героев —
Вайкартана, сын суты, и Арджуна
Из-за козней сына твоего, о Бхарата!
Будто гималайские слоны в маде,
Что сшибаются бивнями из-за самки,
Так сошлись они стремительно друг с другом,
Доблестные Адхиратхи⁵⁹ и Дхананджая.
Словно грозовая туча с грозовой тучей,
Или чудом вдруг гора с горою,
Так сошлись они, дождем проливая стрелы,
Оглушая звоном тетивы и колес стуком.
И как если б вдруг начали рушиться
Две горы огромных с кустами и деревьями,
С населяющей их многообразной живностью, —

Так друг друга эти двое язвили стрелами.
И была та схватка такой величественной,
Как в былые времена Индры с Вайрочаной, —
Горбились под стрелами колесницы и возничие,
Разливались озера соленой крови.
Если б вдруг два озера сошлись друг с другом
Вместе с черепахами, рыбами и лотосами,
Криком птиц звеня, волнуясь под ветром, —
Так те колесницы съехались, сверкая штандартами.
Оба равные Махендре⁶⁰ силой и доблестью,
Оба схожие с Махендрой великие воины
Стрелами, ваджре⁶¹ Махендры подобными,
Как Вритра с Махендрой, поражали друг друга.
Пешие, конные, на слонах, в колесницах
Воины в пестрых гирляндах и платьях
И те, что в небе толпились, вздрогнули,
Изумились схватке Арджуны с Карной.
Всплеснули руками радостно зрители,
Разом взрыкнули львиным рыком,
Когда Адхиратхи, жажда крови,
Как слон на слона, пошел на Арджуну.
Закричали сомаки⁶² тогда Партхе:
«Поспеши, Арджуна, рази Карну!
Отсеки ему голову, довольно медлить!
Отними у Дурьйодханы надежду на царство!»
Тогда и наши многие воины
Закричали, подгоняя: «Вперед, Карна!
Убей Арджуну! Пусть снова надолго
В лес уйдут Пандавы в лубяных платьях!»⁶³
И тогда Вайкартана первый Партху
Пронзил десятью большими стрелами.
В ответ Арджуна десятью острейшими
Поразил его в грудь, безмерно гневный.
Хорошо отточенными стрелами
Кромсали друг друга сын суты с Арджуной,
Жажда жизни друг друга в страшной битве,
Яростно, радостные, устремлялись друг к другу.
Тут, нетерпеливаясь в великой битве,
Разгневался Бхима, великий духом,
И сказал, кусая губы и рукой о руку
Хлопая, будто вторя танцующему:
«Как же так, Киритин, тебя сын суты
Первый пронзил десятью стрелами?
С той решимостью, с какой в лесу Кхандава
Ты разил зверей, чтоб наелся Агни⁶⁴,
С той решимостью убей сейчас сына суты,
А не то я палицей его ударю!»
Также сказал Васудева Партхе,

Видя, что стрелы его отбиты:
«Почему, Киритин, твои стрелы своими
Вдребезги разносит сегодня Карна?
Почему ты мешкаешь, почему небрежен?
Радостно шумят эти Кауравы,
Ибо видят все, что твои стрелы
Отбивает своими стрелами Карна.
С той решимостью, с какой из юги в югу
Ты разил беспощадно ужасных ракшасов,
Дамбходбхав⁶⁵, а также асуров в битвах,
С той решимостью убей сейчас сына суты!
Или вот этим, острым, как бритва,
Мной тебе данным диском Сударшана⁶⁶
Отсеки ему голову со всей силой,
Как Шакра отсек Намучи⁶⁷ ваджрой!
Вспомни, как был тобой доволен
Благой, принявший облик кираты⁶⁸.
С той же решимостью теперь, о храбрый,
Сына суты убей с его свитой!
А потом опоясанную океаном
Землю с городами и деревнями
Вручи царю, от врагов очищенную,
И добудь себе беспримерную славу!»
Ободренный Бхимой и Джанарданой,
Вспомнив об Атмане, подумав о саттве⁶⁹,
Размыслив о том, зачем великий духом
Явился в мир⁷⁰, сказал Дхананджая:
«Вызываю на свет стрелу ужасную
На благо племенам, на убийство Карны
С твоего разрешения, с разрешения Брахмы,
Бхавы, богов и всех, знающих Брахмана!»⁷¹
И с этими словами стрелу Брахмы,
Направляемую разумом, явил Арджуна.
И в тот же миг все стороны света
Окутал стрелами, нестерпимо сверкавшими, —
Как одну стрелу, выпустил Бхарата
Много сотен стрел, стремительно мчавшихся.
Но и Вайкартана, сражаясь с Партхой,
Тысячами стрел его осыпал.
Они, ревя, обливали Пандаву,
Как потоки дождя, Парджаньей⁷² выпущенные.
И Бхимасену, и Джанардану,
И Киритина тот богоравный,
Каждого тремя пронзив стрелами,
Страшно вскричал могучий Карна.
Раненый стрелами Карны Партха,
Видя, что ранены и Бхима с Джанарданой,
Не вынес этого, и восемнадцать
Вытащил стрел из своего колчана.

Одной стрелой пронзил он Сушену⁷³,
Четырьмя — Шалью, тремя — Вайкартану,
А затем метнув еще десять,
Убил Сабхапати⁷⁴ в золотой кольчуге.
Тот царевич, головы и рук лишившись,
Потеряв коней, штандарт и суку,
Упал с колесницы, переломившись,
Как падает срубленная топорами шала⁷⁵.
И снова тремя пронзив Карну,
Восьмью, четырьмя, десятию стрелами
Четыреста слонов сразил с воинами,
Восемьсот колесниц разнес в щепы,
Тысячу коней, тысячу всадников
И восемь тысяч пеших лишил жизни.
И желая видеть, как храбро бьются
Лучшие герои, первые в той битве,
Все, кто был тогда на земле и в небе,
Замерли, придерживав свои колесницы.
И вдруг оттянутая с чрезмерной силой
Лопнула, зазвенев, тетива у Пандавы.
В тот же миг сын суку осыпал Парху
Сотней маленьких стрел, называемых кшудраками,
А также острыми, подобными змеям,
Натертыми маслом и оперенными
Шестьюдесятью стрелами пронзил Васудеву.
Тут сомаки в страхе обратились в бегство.
Но быстро отбросив тетиву с лука,
Посланные Адхиратхи стрелы развеяв,
Израненный Карной, разъяренный,
Партха сомаков вернул на поле битвы.
Перестали птицы летать в поднебесье —
От стремительных стрел тьма наступила.
И двенадцать стрел вонзил Партха
В тело Шальи, громко смеясь при этом.
А затем, прицелившись, также двенадцатью
И еще семью поразил Карну.
Тяжко уязвленный быстрыми стрелами,
Стремительно летевшими с лука Партхи,
Карна сиял, обгащенный кровью,
Будто сам Рудра⁷⁶, мечущий стрелы.
Тремя стрелами пронзил Адхиратхи
Партху, равного царю бессмертных,
Пять же стрел, блиставших, будто змей,
Жажда победы, послал в Ачьюту⁷⁷.
Разорвав кольчугу Пурушоттамы⁷⁸,
Золотом богато изукрашенную,
Те стрелы стремительно вонзились в землю
И, омывшись, к Карне опять повернули.
Но Дхананджая пятью бхаллами⁷⁹

Каждую из них расколол натрое,
И упали на землю тогда те змен,
Соратники великого сына Такшаки⁸⁰.
Тут запылал Киритин гневом,
Будто огонь, сжигающий хворост.
Тетиву до уха оттянув с силой,
Несущими смерть горящими стрелами
Карну пронзил. Тот от боли дрогнул,
Но устоял, непомерно стойкий.
Тут от стрел не стало видно солнца,
Колесницы Карны, сторон света,
И небо, казалось, застлало туманом,
Когда разгневался так Дхананджая:
И тех, что слонам охраняли ноги,
И тех, что колеса колесниц охраняли,
И тех, что дрались впереди и сзади,
Отборных, лучших бойцов Дурьйодханы
Две тысячи в битве той Савьясáчин⁸¹, —
Доблестных Кауравов лучший из куру —
Вмиг истребил герой единый
Вместе с колесницами, конями и сутами.
И тогда бежали, покинув Карну,
Сыны твои и все Кауравы,
Бросив на поле убитых и раненых,
Призывая на помощь сынов и отцов.
Но увидев, что стало вокруг пусто,
Что бросили в страхе его Кауравы,
Не дрогнул, о Бхарата, и тогда Карна,
Устремился к Арджуне, врагу своему.

Глава 66

Санджая сказал:

Тогда на полет стрелы отошедшие,
Смешав ряды свои, стали Кауравы.
А вокруг летели, сверкая молнией,
Стрелы, посланные вперед Дхананджаей.
Стрелы Арджуны пожирали героев,
Ревя, поглощали пространство и воздух.
Метал их гневный Партха стремительно,
Чтобы Карну сразить в великом бою.
Великомошным, от Рамы⁸² полученным
Заговором на врагов истребление
Карна развеял стрелы Арджуны
И сам его ранил острой стрелой.
Тогда разгорелась великая битва
Между Арджунной и Адхиратхи.
Они поражали друг друга стрелами,

Как ударами страшных бивней — слоны.
Тогда возложил на лук свой Карна
Рудрову стрелу, хорошо вычищенную,
Горящую, острую; змееголовую —
Сохранил он для Партхи ее давно.
Она лежала в сандаловой пудре,
В золотой трубочке, ядовитая,
Блестящая, рожденная в роде Айраваты⁸³.
Хотел он голову Пхальгуне⁸⁴ снести.
Но увидев, что Карна стрелу прилаживает,
Сказал ему тут великий царь мадров⁸⁵:
«Не коснется стрела эта шеи Арджуны.
Прицелившись в голову, снова прилады!»
И сказал тогда Карна в ответ Шалье,
И глаза его покраснели от гнева:
«Карна стрелу не прилаживает дважды,
Не плутуют, Шалья, подобные мне!»
И с этими словами пустил стрелу он,
Балахаку⁸⁶, чтимую дождевыми тучами, —
«Ты убит, Пхальгуна!» — вскричал он громко
И поспешно выстрелил могучей стрелой.
Увидев, что Карна змея на лук наложил, Мадхава
Двумя ногами с силой нажал на колесницу.
Колесница ушла в землю, коням согнуло колени,
И та стрела задела только корону Арджуны.
Ту корону, венчавшую голову Партхи,
Славную в небесах, на земле и морях,
С великим гневом и великим старанием
С головы его снес сын суты стрелой.
Она сияла, как солнце и месяц,
Украшенная золотом и жемчугами,
Для Пурандары⁸⁷ силою тапаса
Создал ее самосуший творец.
Ее, врагов приводившую в ужас,
Драгоценную и благовонную,
Царь бессмертных сам даровал Арджуне
За победу над недругами богов.
И эту корону, сдвинуть которую
Не могли ни Хара, ни Акханда́ла,
Ни хранитель богатств, ни вод повелитель⁸⁸,
Змеем Карна сорвал с головы врага.
И сорванная той стрелой превосходной,
Вспыхнув от яда, на землю, сверкая,
Скатилась превосходная корона Партхи,
Словно солнце, горя, с горы заката⁸⁹.
Ту корону, украшенную камнями,
Силой змей сорвал с головы Арджуны —
Так высокую вершину в цветущих деревьях...
Срывает с горы ваджра Махендры.

Как бывает, когда ураган сокрушает
Землю, воды, небо и воздух, о Бхарата,
Шум такой тогда миры наполнил,
Попадали люди в страхе и ужасе.
Но Партха, полотном подвязав белым
Волосы свои, стоял невозмутимый —
Так сияет гора восхода солнцем
Взошедшим, лучась, на ее вершину.
Тогда балахака, выпущенная Карной,
Полыхая, как солнце и жертв пожиратель⁹⁰,
Тот великий змей, ненавидя Арджуну,
Схватил корону и взвился в воздух.
И сказал: «О Кришна, сегодня, знай это,
Я отомстил за убийство матери!»
А Кришна сказал тогда Дхананджае:
«Убей же змея! Он нам опасен!»
И когда сказал так Мадхусудана,
Обладатель Гандивы, грозный для противника,
Спросил: «Скажи, кто наг этот, Кришна,
Что сам напрашивается в клюв к Гаруде?»

Кришна сказал:

«Когда ты с луком в руках в Кхандаве
Давал насытиться Читрабхану⁹¹,
Мать нага этого была убита,
А он, израненный, в небе остался»⁹².
Джишну⁹³ тогда, отбросив иные,
Выбрал шесть стрел, хорошо заостренных,
И рассек ими нага, парившего в воздухе,
И тот, рассеченный, упал на землю.
И в ту же минуту десятью стрелами,
Отточенными на камне, в павлиньем оперении,
Поразил Карна храбрейшего из героев,
Дхананджаю, в тот миг глядевшего в сторону.
Тогда Арджуна, натянув до уха
Тетиву, двенадцатью в него выстрелил,
А потом метнул еще железную,
С ядовитой змеей схожую в стремительности.
Лучшая из стрел, разорвав кольчугу
И как бы задохнувшись после этого,
Крови Карны напилась и, окровавленная,
В землю ушла по самое оперение.
Тогда тот бык, от ран разъярившись,
Будто змея, ударенная палкой,
Выпустил, быстрый, превосходные стрелы,
Будто змея — превосходный яд.
Двенадцатью стрелами поразив Джанардану,
Девяносто девятью осыпав Арджуну,
Страшной стрелой Пандаву снова

Поразив, радостно вскричал Карна:
Ту его радость не стерпел Пандава,
В болезненные места уязвил героя,
Храбрый, как Индра, оперенными стрелами
Поразил, как Индра Балу⁹⁴ могуществом.
Девяносто девять стрел Арджуна,
С жезлом Антаки⁹⁵ схожих, выпустил в Карну,
И дрогнул Карна, израненный стрелами,
Как гора, пораженная ударом ваджры.
Сбитая стрелами Дхананджай,
Упала на землю его корона
В дорогих камнях, алмазах и золоте,
А также его превосходные серьги.
И его блестящую дорогую кольчугу,
Над которой долгое время трудились
Мастера наилучшие, вмиг Пандава
В клочки изодрал своими стрелами.
И не защищенного кольчугой
Еще четыремья пронзил, гневный,
И дрогнул Карна, врагом израненный,
Как больной — от расстройства флегмы и желчи.
Из круга огромного лука летящими,
Пущенными с ловкостью и старанием,
Остроконечными, превосходными стрелами
Карну пронзал Арджуна стремительно.
Тяжко израненный быстро летящими
Стрелами Партхи, сиял Карна
Будто гора, краснеющая гайрикой⁹⁶,
Будто вода, от солей красная.
Карну с конями и колесницей
Осыпал Арджуна ватсадантами⁹⁷,
Стороны света затмил златоперыми
Стрелами не ведающий усталости.
И Адхиратхи широкогрудый
Сиял, усыпанный ватсадантами,
Словно гора в цветущих ашоках,
Палáшах, шалмáли и сыянданах⁹⁸.
Со множеством стрел, вонзившихся в тело,
Карна сиял, о племен повелитель,
Как гора, на скалах и в низинах
Поросшая прекрасными карникáрами⁹⁹.
Из лука стаи стрел выпускал он,
И в лучах этих стрел, залитый кровью,
Сиял, герой, как багряное солнце,
Вечеру спешащее к горе захода.
Из-под рук Адхиратхи летящие стрелы,
Сверкавшие, будто огромные змеи,
Рассекали острые стрелы Арджуны,
Затмевая собою стороны света.

И тут колесо у Карны упало,
И смутился в той битве сын суты,
Ибо стало сбываться проклятие брахмана¹⁰⁰
И оружие Рамы ему изменило¹⁰¹.
Эти несчастья снести не в силах,
Возроптал тогда Карна, воздев руки:
«Следующих дхарме защищает дхарма, —
Так говорят знатоки дхармы.
Но сдается теперь мне, что преданных дхарме
Подлая дхарма не всегда защищает!»
Захромали кони, свалился сута.
Жестоко теснимый стрелами Партхи,
Делая промахи от боли в ранах,
Снова и снова роптал он на дхарму.
Тремя страшными стрелами Карна Арджуну в руку
Поразил в той великой битве, а после еще семью.
В ответ Арджуна семнадцать послал остроконечных,
Страшных, как ваджра Индры, пылающих, как огонь.
Карну пронзив, те стрелы попадали все на землю,
И дрогнул духом Карна, силой лишь устоял.
С трудом взяв себя в руки, метнул оружие Брахмы.
Арджуна, увидев это, оружие Индры призвал.
Гандиву, тетиву, стрелы заговорил Дхананджая,
Выпустил стрел потоки, как Пурандара ливень.
От колесницы Партхи полетели, сверкая, стрелы
И объявились, могучие, у колесницы Карны.
Но Карна, великий воин, перехватил на лету их,
И когда он отбил те стрелы, Кришна сказал Арджуне:
«Другое бери оружие! Радхей¹⁰² глотает стрелы».
Тогда применил Арджуна также оружие Брахмы.
Засыпав стрелами Карну, заставил его смутиться.
Но Карна, разъярившись, тетиву ему стрелами срезал.
Тогда тетиву сбросив и новую надев, Партха
Тысячами стрел горящих осыпал героя Карну.
Так быстро сменил он в битве тетиву на луке,
Что Карна и не заметил — это было, как чудо!
Стрелами разил Радхей стрелы Савьясачина
И превзошел Партху, выказывая мужество.
А Кришна тогда, увидев, что Карна теснит Арджуну,
Сказал ему: «Брось-ка это, лучшее возьми оружие!»
И взял огнеподобную стрелу, схожую с ядом,
Твердую, будто камень, зажав ее, Дхананджая.
Взяв ту стрелу Рудры, хотел уж выстрелить Партха,
Но тут земля поглотила колесо у Радхеи.
Брызнули тогда от гнева из глаз у Радхеи слезы,
И сказал он Арджуне: «Стой! Потерпи мгновенье!
По воле судьбы, видишь, земля колесо пожрала.
Остерегись, о Партха, решений, приличных трусу!
В растрепанного, отвернувшегося, в брахмана, в умоляющего,

В прибегшего к защите, в того, кто сложил оружие,
В того, кто лишился оружия, без кольчуги и стрел остался,
Не стреляют в битве герои, тем паче цари — в царя.
А ты ведь герой, Каунтея¹⁰³, потерпи же мгновенье,
Пока колесо я это не вытащу из земли.
Ни тебя, ни Васудевы, о Пандава, я не боюсь,
Но ты ведь стоишь в колеснице, а я стою на земле.
Ты же рождением кшатрий, вырос в роду великом,
Вспомни о дхарме, Пандава! Мгновение потерпи!»

Глава 67

Санджая сказал:

Тут сказал Васудева, в колеснице стоя:
«Хорошо, что ты вспомнил о дхарме, Радхей!
Когда низкие люди в беду попадают,
То корят судьбу, не свои поступки.
Когда ты, Духшасана, Суйодхана
И Саубала Шакуни¹⁰⁴ — вместе
Притащили в собрание Драупади,
Ты тогда не помнил о дхарме, Карна!
Когда победил в собрании неумелого Юдхиштхиру
Умелый игрок Шакуни, где была тогда твоя дхарма?
Когда над нечистой Кришной¹⁰⁵, Духшасаной оскорбленной,
Ты смеялся при всех, о Карна, где была тогда твоя дхарма?
Когда вожделея царства, ты снова вызвал Пандаву,
На царя Гандхары надеясь¹⁰⁶, где была тогда твоя дхарма?»
И когда так сказал Радхее Васудева, великая ярость
Охватила тотчас Пандаву — вспомнил все Дхананджая.
От гнева из всех отверстий у него, о царь великий,
Показалось тогда пламя — это было как чудо!
Увидев это, Радхей Дхананджаю стрелами Брахмы
Осыпал и вновь попытался починить свою колесницу.
Отразив его стрелы, Пандава начал тоже метать стрелы.
Затем другую стрелу, дарованную Джатаведасом¹⁰⁷,
Пустил, прицелившись, в Карну. Превелико она полыхала.
А Карна стрелой Варуны утихомирил Пáваку¹⁰⁸,
Все стороны света тучами окутал, тьму нагоняя.
Пандава не растерялся и, храбрый, стрелою Ваю
Развевал те черные тучи на глазах у Радхеи.
И стрелами ту слоновью подпругу,
Украшенную золотом и алмазами,
Которую долгое время старательно
Лучшие мастера выделявали,
Что всегда придавала силы воинам,
Приводила в трепет врагов, прекрасная,
Славную в мире и равную блеском
Солнцу, огню, луне и звездам,

Острой стрелой в золотом оперении
Этот блестящий штандарт Адхиратхи
Срезал с его колесницы, как бритвой,
Ловкий Киритин, великий духом,
А также славу, дхарму, победу
И все, что штандарту тому было мило.
Тогда упали сердца Кауравов,
И раздался великий крик: «О горе!»
И вот, спеша уничтожить Карну,
Вынул Пандава стрелу анджалику,
Подобную пламени или ваджре
Или же лучшему лучу солнца,
Вымазанную кровью, в клочках мяса,
Похожую на солнце с огнем, драгоценную,
Коней, слонов и людей разящую,
Шестиперую, длиной в три локтя,
Блиставшую, как ваджра Тысячеглазого,
Страшную, будто хищные звери,
Как диск Нараяны, трезубец Шивы,
Несущую гибель всему живому.
Возложил ту стрелу знаток заклятий,
Тетиву оттянув со звоном, воскликнул:
«Возлагаю стрелу, которой нет равных,
Она тело разит, похищает дыханье.
Если тапас творил я, радовал старших,
Если слушал советы друзей и близких,
Если все это истина, пусть умертвит она
Карну, врага моего непобежденного!»
И с этими словами, чтоб убить Карну,
Стрелу Дхананджая метнул ужасную,
Неотвратимую, как заклинание,
Даже для смерти невыносимую.
И восклицая при этом радостно, —
«Пусть будет стрела моя победной!
Равная блеском луне и солнцу,
Пусть пошлет она Карну в обитель к Яме!» —
Той стрелой превосходной, сулящей победу,
Равной блеском луне и солнцу, ликуя,
Выстрелил Партха, отмщения жажда,
Во врага, возившегося с колесом.
И блистая, будто взошедшее солнце,
Горя, будто солнце в осенний полдень,
Покатилась на землю голова Карны,
Как кровавое солнце с горы захода.
И тогда, как богач свой дом роскошный,
С неохотой великой душа Карны
Покинула тело его прекрасное,
Достойный образ благородных подвигов.
И бездыханное, без кольчуги

Упало могучее тело Карны,
Истекая кровью, как снесенная ваджрой
Горная вершина — водами с гайрикой.
Когда Карна, о царь, расстался с жизнью,
Все люди и воины узрели чудо —
От тела его, упавшего на землю,
Поднимался к небу слепящий свет.
Как увидели сомаки, что лежит он мертвый,
Вместе с воинами радостно закричали,
Ликуя, стали бить в барабаны,
Заплескали в ладоши, замахали платками.
А иные могучие в пляс пустились
И, обнимаясь, поздравляли друг друга,
Видя, что Карна, тяжело вздыхая,
Лежит на земле, пронзенный насмерть,
Будто жертвенный костер, к исходу ночи
Задутый поднявшимся ураганом.
Все в торчащих стрелах, плавая в луже крови,
Тело Карны сияло, будто лучами — солнце.
Врагов своих спалив жгучими стрел лучами,
По воле Времени — Партхи, как солнце, угас Карна.
Как солнце, клонясь к закату, с собою свет уносит,
Так улетела стрела, жизнь Карны забрав с собою.
К исходу второго дня¹⁰⁹ срезанная анджаликой,
Упала на землю, дрогнув, голова сына суты.
Над воинами врага пролетев стремительно,
Мгновенно та стрела голову Карны срезала.

Санджая сказал:

Увидев, что Карна упал на землю,
Усыпанный стрелами, истекая кровью,
И с земли не встал, повелитель мадров
Повернул колесницу свою без штандарта.
И все Кауравы, объятые страхом,
Бежали, израненные, с поля битвы,
Поминутно оглядываясь на сверкавший,
Великий и грозный штандарт Арджуны.
А голова Тысячеглазому равного,
Прекрасная, как лотос тысячелепестковый,
Скатилась, как тысячу лучей несущее
Дневное светило на исходе дня.

«РАМАЯНА»

«Рамаяна» сложилась, как полагают, около II в. до н. э. в восточных районах Северной Индии (территория древних государств Кошала и Видеха). Несмотря на позднее происхождение поэмы, сюжетная основа ее очень архаична и обнаруживает несомненную близость к сказке. Царь Кóшала Дашаратха решает помазать на престол своего старшего сына, доблестного Раму. Но этому

мешает одна из жен Дашаратхи, Кайкейи. Когда-то Кайкейи спасла Дашаратху от смерти, и в награду за это он пообещал исполнить два ее желания. Теперь, во исполнение данного ей слова, Кайкейи требует от царя возведения на престол ее сына Бхараты и четырнадцатилетнего изгнания Рамы. Царь не может нарушить обещания, и Рама, послушный воле отца, покидает столицу царства Айодхью. Вместе с ним в изгнание уходят его младший брат Лакшмана и прекрасная жена Сита. Одевшись в платья отшельников, они вступают в огромный лес Дандака, кишаший людоедами — ракшасами. Подвиги Рамы, в жестоких схватках уничтожившего многих могучих ракшасов, навлекают на него гнев их властелина, десятиглавого Раваны. Чтобы наказать Раму, Равана похищает Ситу и уносит ее в свое царство на далекий остров Ланку. В поисках исчезнувшей Ситы Рама и Лакшмана попадают в царство обезьян. Царь обезьян обещает Раме свою помощь. Обезьяны узнают, где находится Сита, и строят мост, по которому их армия, возглавляемая Рамой, пересекает океан и вступает на Ланку. Здесь разыгрывается кровопролитная битва. Ракшасы разбиты, Равана убит, и так как срок изгнания уже истек, братья вместе с Ситой возвращаются в Айодхью, где Бхарата с радостью уступает Раме законно принадлежащий ему престол.

Как и «Махабхарата», «Рамаяна» была записана в первых веках н. э. (возможно, также в III—IV вв.). Но в отличие от «Махабхараты», письменная редакция «Рамаяны» была осуществлена, как можно полагать, образованным сказителем, близким к придворным кругам. Оставаясь в целом верным своему традиционному искусству, он в то же время попытался ответить новым требованиям в области поэтического стиля, господствовавшим в придворной среде его времени. Отсюда относительная психологизация поведения героев, внимание к разработке лирических тем (особенно в плачах и причитаниях разлученных супругов), пространные, проникнутые лирической образностью описания природы, известное размытие формульного языка и другие черты литературности, свойственные «Рамаяне» и сближающие ее с литературной эпической поэмой первых веков н. э.

Нижеследующий фрагмент из третьей книги «Рамаяны» связан с эпизодом похищения Ситы. Для осуществления своего намерения Равана заручается помощью ракшасы Маричи. По просьбе Раваны Марича принимает облик прекрасной золотой антилопы и показывается недалеко от хижины трех изгнанников. Восхищенная красотой антилопы, Сита просит мужа поймать ее живьем или принести ей ее шкуру. Несмотря на предостережения Лакшманы, подозревающего тут козни ракшасов и, может быть, самого Маричи, Рама уступает просьбам Ситы. Строго наказав Лакшмане не отходить от жены ни на шаг, он пускается вслед за антилопой.

Перевод Ю. М. Алихановой.

КНИГА О ЛЕСЕ

Глава 44

Такими словами брата наставив, потомок Рагху¹
Опоясал себя мечом с золотой рукояткой,
После взял он свой лук, прекрасный, изогнутый трижды,
И еще два колчана стрел и тут же в путь пустился.
Заметив, что выступил в путь тот Индра царей, царь леса²
От страха сперва исчез, но после вновь появился.
С мечом и луком в руках поспешая за антилопой,
Наконец, увидел ее Рагхава³ в лесу огромном.
Она неслась впереди, все вокруг собой озаряя,
То как бы давалась в руки, то вновь от него ускользала,

То, вся трепеща от страха, как будто летела по небу,
То пропадала в чаще, то являлась между деревьев
(Точь-в-точь, как осенний месяц, что лишь на миг показавшись
Из-за разорванных туч, снова за них заходит).
Так, пропадая из глаз и появляясь снова,
Уводил от ашрамы⁴ Рагхаву Мари́ча-антилопа.
Совсем из сил выбился Какутстха⁵, ее преследуя,
И вот, вконец утомившись, на лужайке остановился.
Тут начал его дразнить оборотень-ракшаса:
Показался совсем вблизи с другими антилопами,
Хотел его Рама схватить, вновь наутек пустился —
Страх такой на него напал, что он исчез мгновенно.
Но вскоре — уже вдали — из-за стволов показался.
Тут Рама твердо решил убить его, многославный.
Из колчана вынул стрелу, гневом пылая Рагхава,
Несущую смерть врагам, блестящую, как луч солнца,
И, приладив на крепкий лук, оттянул тетиву, могучий,
Прицелился в антилопу и, будто шипящего змея,
Выпустил ее, горящую, сотворенную Брахмой.
Лучшая из стрел, разорвав тело антилопы-Мари́чи,
Пронзила сердце ему, словно острая ваджра.
Подпрыгнув на высоту пальмы, он тут же рухнул
И страшным ревом взревел, корчась в предсмертных муках —
Ведь, умирая, Мари́ча сбросил обманный облик.
Тут вспомнил он те слова, услышав которые Сита
Должна отослать Лакшману, чтоб Равана ее похитил⁶,
И сочтя, что пришло время, — «О Сита моя, о Лакшмана!» —
Вскричал он громким голосом, похожим на голос Ра́мы.
Пронзенный в самое сердце той стрелой несравненной,
Из антилопы снова в ракшасу он превратился,
Огромного роста сделался Мари́ча, жизнь покидая.
И когда Рама увидел, что весь забрызганный кровью
В корчах лежит на земле страшного вида ракшаса,
То сразу подумал о Сите и вспомнил слова Лакшманы:
«Ведь Лакшмана говорил мне, что это козни Мари́чи.
Так оно все и случилось, Мари́чу и убил я.
Но он закричал перед смертью — «О Сита моя! О Лакшмана!»
Слышала крик этот Сита. Что теперь будет с нею?
И что теперь станет делать Лакшмана могучерукий?»
И содрогнулся Рама, обо всем об этом подумав.
Острый, рожденный тревогой страх напал на Рагхаву,
Когда он убил ракшасу и крик его услышал.
Другую убив антилопу и взвалив тушу на плечи,
К Джанастанхане⁷ поспешно тогда направился Рагхава.

Глава 45

Услышав жалобный крик, похожий на крик супруга,
Сказала Лакшмане Сита: «Поди, узнай, что с Рамо́й.

О Лакшмана, нет мне жизни, сердце мое не на месте —
Я слышу, он нас зовет, мучась смертельной мукой.
Взывающего в лесу брата спасти ты должен.
Беги же скорее к нему! Брату нужна твоя помощь.
Может, ракшасы на него, как львы на быка, напали...»
Но Лакшмана не пошел, помня наказания брата.
Тогда сказала ему в волнении дочь Джанаки⁸:
«Ты только на вид друг, на деле же враг брату!
Если такое случилось, а ты не спешишь к брату,
То, значит, из-за меня ты хочешь смерти Рама.
Мечтая мной овладеть, ты не спешишь за Рагхавой.
Я вижу, ты рад беде, брата тебе не жалко —
Стоишь себе преспокойно, не видя его, многославного.
А что же со мной, будет, если жизнь его под угрозой?
Что делать? Остаться жить, чтоб быть тебе покорной?...»
На эти слова Вайдехи⁹, льющей горькие слезы,
Сказал Лакшмана Сите, дрожавшей, как антилопа:
«Ни ракшасы, ни асуры, ни боги, ни гандхарвы
Не могут твоего мужа превзойти, о Вайдехи!
Между людей и богов, среди пишачей или нагов
Среди гандхарвов и ракшасов, диких зверей и киннаров¹⁰,
Среди самых страшных данавов нет такого, прекрасная,
Кто Раму бы мог побороть, в битве Васаве¹¹ равного.
Рама в битве неуязвим. Ты не должна говорить так.
Не могу я к тому же в лесу оставить тебя без Рагхавы,
А мощь его не сломить даже самым могучим,
Даже всем трем мирам с царями и бессмертными.
Потому не терзай себя и не тревожься, Вайдехи!
Супруг твой скоро вернется с прекрасной той антилопой.
Это не голос Рама и не божественный тоже.
Уверен я, это — майя¹² того самого ракшасы.
Ты мне дана на хранение. Великий духом Рама
Тебя мне доверил, Вайдехи. Не могу я тебя оставить.
Пылают к тому же враждой к нам ночные бродяги.
После убийства Кхары¹³ бродят вокруг Джанастанханы
Ракшасы, о Вайдехи, и, строя злые козни,
На разные голоса кричат в лесной чаще».
Когда сказал так Лакшмана, с глазами, от гнева красными,
Отвечала ему, правдивому, Сита недобрым словом:
«Жестокое дело творишь, о подлый, о недостойный!
Что Рама попал в беду, тебе, я вижу, приятно.
Ты знаешь, что Рама в беде и потому говоришь так!
И диво ль подлость такая в подобных тебе завистниках,
Что привыкли исподтишка везде и всюду действовать!
Нечестивый, ради меня или подосланный Бхаратой
Ты за Рамой ушел в лес, прикинувшись верным братом.
Но не выйдет этого, знай, ни у тебя, ни у Бхараты!
Смуглого, как индивара¹⁴, лотосоглазого Раму
Могу ли я променять на другого, обычного, мужа?

На твоих глазах, Саумитри¹⁵, я с жизнью расстанусь, верь мне,
Без Рамы ни мгновения не проживу на земле я».
На недобрые речи Ситы, рождавшие содроганье,
Сказал смиривший чувства Лакшмана, сложив руки:
«Ответить тебе не смею. Ты для меня — что богиня.
Несправедливые речи для женщин к тому же не диво.
Такова уж природа женщин, все в мире об этом знают.
Женщины легкомысленны, злоречивы, сеют раздоры.
Слова твои невыносимы, о Джанаки дочь Вайдехи!
Они мне терзают слух, как раскаленные стрелы.
Пусть слушают все! В свидетели беру обитателей леса,
Что на речь мою разумную ты ответила злой речью.
Горе тебе, несчастная, если по женской природе
Ты мне, послушному брату, вот так не хочешь верить.
Я отправляюсь к Какутстхе. Благо да будет с тобою!
Пусть хранят тебя, большеглазая, все божества лесные,
Ибо являются мне ужасные знамения!
Тебя да увижу я, возвратясь с Рагхавой вместе!»
И когда сказал так Лакшмана, ответила дочь Джанаки,
Рыдая и заливаясь горючими слезами:
«Если без Рамы останусь, то утоплюсь в Годавари,
Повешусь или с обрыва брошусь на острые камни,
Или же выпью яд, или в огонь войду я,
Но никогда не коснусь никакого другого мужа!»
И Саумитри не слушая, Сита в великом горе
Била себя в грудь, рыдая, словно безумная.
Видя, как рыдает она в беспамятстве,
Попытался утешить ее, большеглазую,
Саумитри, но в ответ ни слова
Не сказала Сита брату супруга.
И тогда поклонился почтительно Лакшмана,
Благословил ее на прощание
И отправился к Раме собой владеющий,
То и дело на Майтхили¹⁶ оглядываясь.

Глава 46

Так оскорбленный речами Вайдехи, брат Рагхавы
Стремясь отыскать Раму, вскоре ушел оттуда.
Воспользовавшись этим, Десятиглавый¹⁷ тут же
Приблизился к Вайдехи в облике паривраджаки¹⁸, —
В оранжевом одеянии, с зонтиком и в сандалиях,
На левом плече палка с подвешенной камандалу¹⁹.
В облике паривраджаки к Вайдехи подошел он,
В отсутствие двух братьев подкрался к ней, могучий,
Как сумрак ночной — к заре, когда нет ни луны, ни солнца.

Высмотрел царскую дочь, юную и преславную,
Будто планета страшная — Рóхини²⁰ без Месяца.
Того злодея жестокого завидев, в страхе замерли
Деревья Джанастанханы, ветры дуть перестали.
Завидев его, красноглазого, быстро катящая волны
Замедлила бег свой в ужасе прекрасная Годавари.
Тем временем Десятиглавый, жажда отмщения Раме,
Приблизился к Вайдехи в облике паривраджаки.
Неблагой под видом благого к горящей о супруге
Вайдехи подошел он, будто к Читре Шани²¹.
Благодный лишь на вид, как ловушка, скрытая дерном,
Замер на месте, увидев славную супругу Рамы.
Лунноликая, прекрасная, светлая, белозубая,
Сидела она в хижине, проливая горькие слезы.
Тогда увидев издали Вайдехи, супругу Рамы,
Лотосоглазую, милую, в желтом шелковом платье,
Радостно к ней поспешил ночной бродяга²² Равана.
Пронзенный стрелой Камы²³, бормоча священные мантры²⁴,
Стал говорить с ней вежливо повелитель ракшасов.
Ее, в трех мирах лучшую, подобную Шри²⁵ без лотоса,
Снявшую красотой, стал прославлять Равана:
«Красавица златокожая в желтом шелковом платье,
Будто лотосный пруд, лотосами украшенная!
Кто ты — Шри или Лакшми, Бхути²⁶ или апсара,
Блистательная Кирти или капризная Рати²⁷?
Зубы у тебя белые, ровные, острые, гладкие,
Глаза огромные, ясные, с красными уголками.
Бедрa у тебя широкие, как хобот слона, округлые,
А эти груди твои, полные и упругие,
Теснящие друг друга, прелестные и высокие,
Украшенные ожерельем, на плоды пальмы похожи.
Ясноулыбная, светлая, игривая, большеглазая,
Сердце крушишь, милая, как река — берег песчаный.
Талия у тебя с ладонь, о ты, прекрасноюкдая!
Ни средь богов и гандхарвов, ни средь киннаров и якшей,
Ни на земле я не видел подобной тебе красавицы.
Несравненная красота, эта хрупкость, твой юный возраст
И это житье в лесу — как такое могло случиться?
Воля твоя, прекрасная, жить тебе здесь невозможно.
Тут обитают ужасные ракшасы-оборотни.
Тебе же пристало жить в благоуханных, роскошных
Пригородных садах и дворцах наилучших.
Самое лучшее платье, лучшие благовония
И самый лучший супруг пристали тебе, черноокая.
Ты из племени рудров²⁸ или, может быть, марутов,
Или васу, прекрасная? Богиней ты мне кажешься.
А здесь ни гандхарвы не бродят, ни боги, ни киннары,
Это владения ракшасов. Как же сюда пришла ты?

Львы здесь живут, обезьяны, волки, слоны и тигры,
Медведи, гиены и цапли. Как же ты их не боишься?
В этом огромном лесу бродят слоны в маде,
Бешеные, ужасные. Как ты одна не боишься?
Кто ты, чья и откуда, и почему ты в Дандаке,
Где живут страшные ракшасы, бродишь одна, счастливая?»
Так восхвалял Вайдехи великий духом Равана.
В одежде дваждырожденного²⁹ увидев Равану, Сита,
Как гостя почтила его всеми должными почестями.
Сперва усадила удобно, затем омыла ноги,
Потом сказала: «Откушай!» ему, на вид благонравному.
Он пришел к ней в одежде дваждырожденного,
С сосудом для воды, что носят отшельники.
Что он опасен, понять не могла Майтхили,
Встретила его, как встречают брахмана.
«Вот солома, садись поудобнее, брахман!
Вот вода для ног, соблаговоли омыться.
Вот лучшие плоды из рожденных лесом,
Не спеша, отведай их, если тебе угодно!»
Рассмотрев внимательно царицу Майтхили,
Обратившуюся к нему с любезной речью,
Тверже укрепился Равана в намерении
Похитить ее, дабы отомстить Рагхаве.
Сита между тем, поджидая ушедшего
На охоту супруга, а также Лакшману,
Все смотрела вдаль, но ничего не видела,
Кроме огромного зеленого леса.

Глава 47

Так спрашивал Ситу Равана в облике паривраджаки,
Желая ее похитить. Сита про себя решила:
«Не отвечу я гостю-брахману, он меня проклянет, пожалуй».
И, подумав с минуту, тогда такое слово сказала:
«Я дочь великого духом Джанаки из Митхилы
И супруга Рамы. Зовут же меня, о брахман, Сита.
Двенадцать лет прожила я в доме царей Икшваку³⁰,
Наслаждаясь всеми удобствами, доступными человеку.
На тринадцатый год решил великий царь Дашаратха
С советниками своими помазать на царство Раму.
Но когда готовилось все к обряду помазания,
Моя свекровь Кайкейи попросила у мужа дара.
Получив же дар от свекра за свое доброе дело,
Изгнания моего супруга и помазания Бхараты
Потребовала Кайкейи от верного слову царя.
«Не стану я спать и есть, не буду я пить отныне!
Если помажешь Раму, конец придет моей жизни», —

Так говорила Кайкейи. Мой свекор, тот царь великий,
Заклинал ее всем, чем можно, но она не вняла просьбам.
Мужу моему доблестному двадцать пять было от роду.
Со дня моего рождения прошло восемнадцать лет.
Славен был Рама в народе, правдивый и добронравный,
О благе существ радеющий, большеглазый, могучерукий.
Но от любви сгорая, отец его, царь Дашаратха,
Чтоб ублажить Кайкейи, не помазал Раму на царство.
И когда Рагхава к отцу для помазанья прибыл,
Кайкейи моему мужу поспешно сказала такое:
«Слушай меня, Рагхава, что приказал отец твой.
Бхарате должно отдать лишенное терниев царство.
Тебе же прожить следует пять лет и еще девять
В лесу. Ступай же, Какутстха! Да не станет лжецом отец твой!»
«Хорошо», — ответил Рама Кайкейи, лишенный страха,
И сделал, твердый в обетах, все, что ему сказали.
Давая, не отбирать и говорить только правду. —
Этим обетам, брахман, Рама следовал твердо.
У Рамы есть сводный брат, храбрец по имени Лакшмана.
Тигр из мужей, он Раме всегда товарищ в сраженьях.
Тот брат по имени Лакшмана, чистый и твердый в обетах,
С луком в руках последовал вместе со мной за Рамой.
Вместе со мною и братом, одетый, словно отшельник,
Вступил он в лес Дандака, всегда преданный дхарме.
По милости Кайкейи покинув царство, мы трое
Бродим по этому лесу, о лучший из дваждырожденных.
Ты мог бы жить здесь с нами. Подожди минуту!
Мой муж возвратится скоро с большой добычей с охоты,
Убив кабанов, антилоп, буйволов и оленей.
А теперь и ты скажи, как зовут тебя, чей ты родом,
По какой причине один в лесу Дандака бродишь?»
Так говорившей Сите, супруге Рамы, ответил
Равана, царь ракшасов, дерзкой и гордой речью:
«Зовут меня Раваной, Сита! Я — повелитель ракшасов.
Я тот, кого боятся все боги, асуры и люди.
Но увидев тебя, светлая, в желтом шелковом платье,
Я к женам своим любовь потерял, о безупречная!
У меня немало красавиц, похищенных отовсюду.
Будь же, о благо тебе, ты их них самой лучшей.
На вершине высокой горы посереде океана
Высится крепость моя. Ланкой ее называют.
Ты будешь гулять со мной в тамошних рощах, Сита,
И этой жизни лесной не возжелаешь, милая!
Если станешь моей женой, будут тебе прислуживать
Пять тысяч красивых рабынь, украшенных всевозможно».
Когда так сказал Равана, не глядя, что он ракшаса,
Сита, пылая гневом, так ему отвечала:
«Стойкому, будто гора, подобному Махендре,
Бесстрашному, как океан, Рагхаве я предана.

Мощному, как ньягродха³¹, отмеченному благом,
Верному своему слову Рагхаве я предана.
Широкогрудому, львиной шествующему походкой,
На льва похожему мужу-льву, Рагхаве я предана.
Царевичу лунноликому, смирившему чувства Раме,
Прославленному герою, Рагхаве я предана.
Я для тебя недоступна, как для шакала львица.
Тебе меня не коснуться, как солнечного света.
Наверное, ты видишь вокруг золотые деревья,
Если супругу Рагхавы ты возжелал, нечестивый!
Ты хочешь вырвать зуб из пасти змеи ядовитой,
Или голодного льва, грозы антилоп пугливых,
Ты хочешь рукой поднять Мандару³², из гор лучшую,
Ты хочешь ходить здоровым, выпив яд калакуту³³,
Ты глазочищаешь иглой, бритву языком пробуешь,
Если супругой Рагхавы овладеть вознамерился.
Ты переплыть океан хочешь с камнем на шее,
Ты хочешь руками снять луну и солнце с неба,
Если жену Рагхавы силой взять вознамерился.
Ты хочешь в плаще унести пылающие угли,
Если жену Рагхавы похитить вознамерился.
Ты хочешь пройти босым по остриям железным,
Если женой Рагхавы овладеть вознамерился.
Как в лесу шакал и лев несравнимы,
Как с ручейком несравнимо море,
Как несравнимы нектар с саувирай³⁴,
Так несравнимы ты с Дашаратхи³⁵.
Как несравнимы железо и золото,
Как несравнимы сандал и тина,
Как кошка и слон в лесу несравнимы,
Так несравнимы ты с Дашаратхи.
Как несравнимы Гаруда с вороной,
Как несравнимы павлин с мадгу³⁶,
Как гусь и стервятник в лесу несравнимы,
Так несравнимы ты с Дашаратхи.
Пока держит в руках своих лук и стрелы Рама,
Равный могуществом тысячеглазому Индре,
Ты не сможешь мной овладеть, даже меня похитив,
Как не может переварить муха жертвенного масла!»
Вот такое слово сказала непорочная
Тому ночному бродяге, исполненному пороков,
И задрожала она, затрепетав всем телом,
Словно тонкая кадали³⁷ от порыва ветра.
Тогда, приметив, что Сита дрожит всем телом,
Тот Равана, равный могуществом самой смерти,
Стал ей описывать род свой, силу и подвиги,
И славу свою, чтобы она испугалась.

Глава 48

Так говорившей Сите, в ярость придя, Равана
Дерзкой ответил речью, грозно нахмурив брови:
«Я сводный брат Вайшраваны, знай это, о красавица!
Я — благо тебе! — Равана, герой десятиглавый.
Я тот, от кого в страхе бегут, словно от смерти,
Боги, гандхарвы, пищачи, люди, птицы и змеи.
Сводный мой брат Вайшравана однажды по некой причине
Вступил со мной в борьбу и наголову разбит был.
И в страхе после того, покинув свой дом роскошный,
Наравахана³⁸ живет на Кайласе³⁹, из гор лучшей.
Я захватил Пушпаку⁴⁰, чудесную колесницу,
И теперь разъезжаю в ней по небу, о милая.
Увидев мой лик, Майтхили, когда я в гнев впадаю,
В страхе бегут все боги, начиная с Васавы.
Там, где стою я, грозный, ветер боится веять,
Жгучее солнце в небе жар свой умеряет,
Не шелестят деревья, в реках вода стынет
Там, где я прохаживаюсь или стою на месте.
И у меня за морем есть прекрасная крепость Ланка,
Не хуже Амаравати⁴¹, полная ракшасов страшных.
Светло-желтые стены, как золотой пояс,
Крепость ту окружают. Из кошачьего глаза ворота.
В ней полно слонов и коней, барабаны гремят повсюду,
А в садах деревья растут, исполняющие желанья.
О Сита, царская дочь, живи там вместе со мною!
Там забудешь, разумная, ты о женах человеческих.
Вкушая людские утехы и божественные, светлая,
Там забудешь о Раме ты, старом уже человеке.
На царство любимого сына помазал царь Дашаратха
И в лес отослал потом трусливого старшего сына.
Что тебе делать с Рамой, глупым, лишенным царства,
Жалким этим подвижником, красавица большеглазая?
Пошади же царя ракшасов, возлюби к тебе пришедшего!
Не должна стрелой Манматхи⁴² пронзенного отвергать ты.
Если отвергнешь меня, раскаяешься в том, пугливая,
Так, как Урваши раскаялась, оттолкнув Пурураваса⁴³.
Смело владей, прекрасная, тем, что судьба тебе дарит!»
Когда он сказал так, Вайдехи, с глазами, от гнева красными,
Сказала дерзкое слово повелителю ракшасов:
«Как же ты бога Вайшравану, чтимого всеми богами,
Брата своего поминая, хочешь творить недоброе?
Все ракшасы, знай о Равана, непременно погибнут,
Если царем у них ты, неразумный и похотливый!
Ты можешь остаться живым, похитив Шачи⁴⁴ у Индры,
Но похитив меня у Рамы, ты не уйдешь от смерти!
Опозорив жену вооруженного ваджрой,
Несравненную Шачи, ты, может, и не погибнешь,

Но не жди пощады, даже испив амриты⁴⁵,
Если надо мной, ракшаса, совершишь насилие!»

Глава 49

Слово Ситы выслушав, могучий Десятиглавый,
Хлопнув в ладоши, вырос на глазах ее в великана.
И снова сказал Майтхили слово искусный в слове:
«Нет, ты, видно, не слышала, как я могуч и доблестен.
Я, стоя в небе, могу руками поднять землю,
Я море выпить могу и смерть победить в битве,
Я землю могу расколоть и стрелами сбить солнце!
Погляди, как я меняю по желанию свой облик!»
И пока он так говорил, охватила его ярость.
Красными, будто огонь, стали глаза у Раваны.
Оставив благостный облик, грозный свой облик принял,
Подобный облику смерти, младший брат Вайшраваны.
Красноглазый, великолепный, в золотых украшениях,
Объятый великим гневом, подобный черной туче,
Стал он десятиликим и с двадцатью руками.
Облик паривраджаки оставил и свой собственный
Огромный облик принял повелитель ракшасов,
Облаченный в красное платье, стоял и глядел на Ситу.
И сказал тогда чернокудрой, сиявшей, как свет солнца,
Разубранной драгоценностями Майтхили Равана грозный:
«Если желаешь супруга, в трех мирах прославленного,
Приди ко мне, о прекрасная! Я — тот, кто тебе нужен.
Отдайся мне навечно, я — муж твой, хвалы достойный.
Я никогда не сделаю тебе ничего дурного.
Оставь любовь к человеку, меня возлюби отныне!
Чем обольстил тебя Рама, о ты, что мнишь себя умной?
Из царства его изгнали, жизненный срок его краток,
По наговору женщины, глупый, покинув царство,
Живет он в этом лесу, где бродят дикие звери!»
И сказав такое слово Майтхили сладкоречивой,
Бросился к ней ослепленный любовью Десятиглавый,
И схватил он ее, жестокий, как Рохини в небе Буда⁴⁶.
Левой рукой схватил он Ситу за черные кудри,
А правой рукой обхватил бедра лотосоокой.
Увидев его, сверкавшего, как горная вершина,
Разбежались объятые страхом все божества лесные.
Тут показалась волшебная, запряженная мулами,
Золотая, огромная колесница Раваны.
И когда громовым голосом возглашая угрозы,
Прижав Вайдехи к груди, взошел он на колесницу,
В горе воззвала Сита к ушедшему в лес Рама.
Будто царицу змей, охваченный желанием,
Насильно ее схватил и в небо поднялся Равана.

Тогда она, несомая по небу царем ракшасов,
Громко, как безумная, запричитала, несчастная:
«О Лакшмана могучий, радость старшего брата,
Не знаешь ты, что уносит оборотень меня ракшаса!
Оставивший ради дхармы счастливую жизнь и богатство,
Не видишь ты, о Рагхава, как силой меня уносят!
Ведь ты, о великий герой, преступников наказуешь.
Что ж не караешь Равану за злодейство такое?
Не сразу является плод преступного деянья.
Для этого нужно время — не вдруг и зерно созревает.
Свершая это деянье, ты ни о чем не думаешь,
Но страшное наказание ты понесешь от Рамы.
О горе! Исполнилось ныне желание Кайкейи —
Похитили меня, верную, у славного супруга!
Взываю я к карникарам, цветущим в Джанастхане:
Скорей передайте Раме, что Ситу уносит Равана!
Кланяюсь я Годавари, криком гусей звенящей:
Скорей передай ты Раме, что Ситу уносит Равана!
Какие ни есть божества в этом лесу огромном,
Скажите супругу, прошу вас, что меня похитили!
Какие ни есть существа, малые или большие,
Пернатые или звери, прибегаю к вашей защите!
Скажите Раме, которому я дороже собственной жизни,
Что Равана, царь ракшасов, насильно похитил Ситу!
Узнав, что я похищена, могучий и многосильный,
Он вырвет меня из лап и самого Вайвасвата!»⁴⁷

Религиозно-философская литература I тыс. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА ВЕДИЙСКОГО КАНОНА

В древних жреческих школах, где были составлены Ригведа и другие сборники ритуальных текстов, возникла также обширная литература, в основе которой лежала учительная традиция, сложившаяся внутри самих этих школ. Наставления, касавшиеся порядка совершения ритуальных церемоний и их символического смысла, постепенно закрепляясь в устной передаче от учителя к ученику, сливались в общее предание, несколько варьировавшееся от школы к школе, но сохранявшее в целом единство как предмета, так и принципов толкования. Возможно, с VIII в., в предание школ начинают включаться и рождавшиеся в этих школах философские учения. С течением времени жреческая ритуально-философская традиция приобретает, подобно самхитам, статус священности и вводится в состав ведийского канона. При этом из первоначально единого предания выделяются три группы текстов: брахманы (брахмана — «поучение брахмана [жреца]»), содержащие толкования ритуального характера, араньяки (араньяка — «лесная книга»), связанные по преимуществу с символикой жертвенного акта, и упанишады (упанишада — «тайное наставление»), вобравшие в себя религиозно-философские учения.

К древнему ядру канона принадлежат две упанишады — «Брихадараньяка-упанишада» («Большая араньяка-упанишада») и «Чхандогья-упанишада» («Упанишада [жрецов] чхандога»). Обе, по-видимому, восходят к одной устной традиции, получившей, однако, оформление в разных школах и в разное время («Брихадараньяку» датируют предположительно VIII—VII вв., «Чхандогью» — VII—VI вв. до н. э.). В основе обоих текстов лежат сходные принципы композиционного оформления: и та и другая упанишада строится как собрание поучений, перемежаемых диалогическими сценами, причем ведущая и организующая роль в структуре целого принадлежит тут именно диалогам. Участниками их выступают знаменитые учителя школ, обобщенные преданием в условные образы вечных мудрецов — носителей знания школы. Знание при этом мыслится как знание сокровенное. Оно окружено тайной и ревниво оберегается от непосвященных. Передают его только тем, кто его достоин, кто обнаруживает в себе возможность его постижения, причем передача нередко происходит в формах намеренно завуалированных, зашифрованных. Помимо того, изречение знания в упанишадах оказывается возможным лишь в определенных ситуациях. Исходя из характера этих ситуаций, все сценические эпизоды упанишад могут быть разбиты на две группы. Эпизоды первого типа (их большинство) связаны с ситуацией ученичества. Юноша, обуреваемый жаждой знания, является к знаменитому учителю с просьбой взять его в ученики, царь просит прославленного мудреца поделиться с ним своим знанием, сын после долгих лет учения приходит к отцу и, убедившись, что так и не узнал самого важного, просит отца наставить его и т. д. Иногда подобная сцена завершается просто монологом-наставлением учителя. Но чаще она разрабатывается диалогически: учитель задает вопросы, удостаивающие незнание будущего ученика, а затем переходит к наставлению, лишь изредка прерываемому репликами наставляемого. Другой тип сцен (возможно, более древний) — это ученое состязание мудрецов (обычно перед началом жертвоприношения). В основе их лежит, по-видимому, реальная практика устройства испытательных состязаний между жрецами, учреждавшихся царем с целью выбора исполнителей для крупной жертвенной церемонии. Эти состязания именовались брахмодьями и в истоках своих были связаны с ритуальным прением загадками, входившим в состав архаических жертвенных обрядов. Диалоги типа «брахмодья» строятся сложнее «ученических», но и у них есть своя постоянная композиционная схема. Начало диалога образует вызов, который обычно исходит от наиболее уверенного в себе мудреца. Он утверждает, что обладает наивысшим знанием, мудрее других и т. д. После этого возможны два варианта — либо он сам задает вопросы своему противнику, дабы выявить его слабость, либо, напротив, противник начинает задавать ему вопросы, испытывая его мудрость (если противников несколько, состязание делится на «туры»). Поражение противника при этом всегда обозначается тем, что он в конце концов умолкает (не имея больше вопросов, или не зная, как ответить). Диалог строится как чередование вопросов и ответов, причем вопрос обычно тяготеет к загадке.

Все эти особенности брахмодьи хорошо прослеживаются в первом из приводимых фрагментов, где рисуется состязание между главным героем «Брихадараньяки» мудрецом Яджнявалкьеи из Видехи и брахманами из племени куру и панчала. Другой приводимый здесь отрывок (из «Чхандогьи») принадлежит к кругу «ученических сцен». Содержание обоих эпизодов составляет центральное для упанишад учение о Брахмане и Атмане. Брахман — это абсолютное начало объективного мира, конечная реальность, порождающая из себя Вселенную, управляющая ею и пронизывающая ее как свое проявление. Атман — соответствие Брахману на уровне микрокосма, начало, обеспечивающее жизнь человека и его познавательную деятельность. Различаясь в одних случаях как высшие объективное и субъективное начала, Брахман и Атман в других случаях объявляются тождественными друг другу и сливающимся в двуединую сущность, лежащую за пределами умопостигаемого мира, но определяющую собой существование всей — как объективной, так и

БРИХАДАРАНЬЯКА-УПАНИШАДА

Глава III

ПЕРВАЯ БРАХМАНА

1. Джанака, [царь] Видехи¹, совершил жертвоприношение со множеством даров [жрецам]. Там собрались брахманы из жителей Куру и Панчалы². И Джанака, [царь] Видехи, пожелал узнать, кто из этих брахманов самый ученый. Он заключил [в загоне] тысячу коров и к рогам каждой прикрепил десять пад³ [золота].

2. Он сказал им: «Почтенные брахманы, пусть мудрейший брахман среди вас уведет этих коров». Те брахманы не осмелились [сделать это]. Тогда Яджнявалкья сказал своему ученику: «Дорогой Самашравас, уведи их». Тот увел [коров]. Брахманы разгневались [и сказали]: «Как мог он объявить себя мудрейшим брахманом среди нас?» И был там Ашвала, хотар⁴ Джанаки, [царя] Видехи. Он спросил его: «Действительно ли ты, Яджнявалкья, мудрейший брахман среди нас?» Тот ответил: «Мы склоняемся перед мудрейшим брахманом, но и желаем иметь коров». Тогда хотар Ашвала начал спрашивать его.

[Вопросы Ашвалы касаются главным образом предстоящего жертвоприношения. Ни один из вопросов не остается без ответа, и Ашвала, в конце концов, умолкает].

ВТОРАЯ БРАХМАНА

1. Тогда Джараткарава Артабхага стал спрашивать его: «Яджнявалкья, — сказал он, — сколько существует орудий восприятия и сколько предметов восприятия?» Яджнявалкья ответил: «Восемь орудий восприятия и восемь предметов восприятия». [...]

10. «Яджнявалкья, — сказал он, — все здесь — пища для смерти. Каково же то божество, для которого смерть [сама служит] пищей?» Яджнявалкья ответил: «Поистине, огонь — смерть, и он, [став] пищей для воды, отводит [от того, кто знает это], вторичную смерть»⁵.

11. «Яджнявалкья, — сказал он, — когда умирает этот человек, уходят ли из него жизненные дыхания или нет?» — «Нет, — сказал Яджнявалкья, — они собираются в нем, он распухает, вздувается, и мертвец лежит вздутый».

12. «Яджнявалкья, — сказал он, — когда умирает этот человек, то что не оставляет его?» [Яджнявалкья ответил]: «Имя.» [...]

13. «Яджнявалкья, — сказал он, — когда речь этого умершего человека входит в огонь, дыхание — в ветер, глаз — в солнце, разум — в луну, ухо — в страны света, тело — в землю, Атман — в пространство, волоски на теле — в травы, волосы на голове — в деревья, кровь и семя попадают в воду, — где находится тогда этот человек?»⁶ Яджнявалкья сказал: «Артабхага, дорогой, возьми [мою] руку. Мы одни узнаем это, не надо нам [говорить] об этом на людях». И отойдя, они повели беседу. И когда они говорили, то говорили о деянии; когда восхваляли, то восхваляли деяние⁷. Поистине, [человек] становится добрым от доброго деяния, дурным — от дурного.

И тогда Джараткарава Артабхага умолк. [...]

ЧЕТВЕРТАЯ БРАХМАНА

1. Тогда Ушаста Чакраяна стал спрашивать его. «Яджнявалкья, — сказал он, — объясни мне, [что такое] Брахман, который воспринимается и не скрыт, который — Атман внутри всего». Яджнявалкья ответил: «Это — твой Атман, [который внутри всего]». — «Какой [Атман], Яджнявалкья, внутри всего?» — «Кто дышит при [твоем] дыхании [в легких], тот — твой Атман внутри всего; кто идет дыханием вниз при дыхании, идущем вниз, тот — твой Атман внутри всего; кто разливается дыханием по телу при дыхании, разлитом по телу, тот — твой Атман внутри всего; кто идет дыханием вверх при дыхании, идущем вверх, тот — твой Атман внутри всего. Это — твой Атман внутри всего».

2. Ушаста Чакраяна сказал: «Это объяснено [тобой] подобно тому, как говорят: «Это — корова, это — лошадь». Объясни же мне, [что такое] Брахман, который воспринимается и не скрыт, который — Атман внутри всего». [Яджнявалкья ответил]: «Это — твой Атман внутри всего». — «Какой [Атман], Яджнявалкья, внутри всего?» — «Ты не можешь видеть видящего видения, не можешь слышать слышащего слушания, не можешь мыслить о мыслящем мышления, не можешь знать о знающем знания. Это — твой Атман внутри всего. Все остальное подвержено страданию»⁸.

И тогда Ушаста Чакраяна умолк. [...]

ВОСЬМАЯ БРАХМАНА

1. Тогда Вачакнави⁹ сказала: «Почтенные брахманы, я задам ему два вопроса. Если он ответит мне, то, поистине, никто из вас не превзойдет его в брахмодье». — «Спрашивай, Гарги».

2. Она сказала: «Подобно тому, как выступил бы сын героя из Каши¹⁰, или Видехи, натянув ненатянутый лук и держа в руке

две стрелы, [готовые] пронзить врага, — поистине, так, Яджнявалкья, я выступаю против тебя с двумя вопросами. Ответь мне на них». [Яджнявалкья сказал]: «Спрашивай, Гарги».

3. Она сказала: «На чем, Яджнявалкья, выткано вдоль и поперек то, что над небом, что под землей, что между небом и землей, что зовется и прошедшим, и настоящим, и будущим?»

4. Он сказал: «Гарги, то, что над небом, что под землей, что между небом и землей, что зовется и прошедшим, и настоящим, и будущим, — это выткано вдоль и поперек на пространстве».

5. Она сказала: «Поклонение тебе, Яджнявалкья, за то, что ты разъяснил мне это! Приготовься к другому вопросу». — «Спрашивай, Гарги». [...]

7. — «А на чем же выткано вдоль и поперек пространство?»

8. Он сказал: «Поистине, Гарги, брахманы называют это Непреходящим¹¹. [Оно] ни велико, ни мало, ни коротко, ни длинно, ни красно, как огонь, ни текуче, [как влага], ни окрашено, ни темно, оно ни ветер, ни пространство, [ни с чем] не связано, без вкуса, без запаха, без глаз, без ушей, безо рта, [оно] не имеет меры, не имеет ничего ни внутри, ни снаружи. Оно никого не поедает, и его никто не поедает.

9. Поистине, по воле этого Непреходящего, Гарги, занимают свое место солнце и луна. Поистине, по воле этого Непреходящего, Гарги, занимают свое место небо и земля. Поистине, по воле этого Непреходящего, Гарги, занимают свое место мгновенья, часы, дни и ночи, половины месяца, месяцы, времена года, годы.

Поистине, по воле этого Непреходящего, Гарги, одни реки текут с белых гор на восток, другие — на запад, каждая в свою сторону. Поистине, по воле этого Непреходящего, Гарги, люди восхваляют дающего, боги следуют за жертвующим, предки — за [приношением] дарви.

10. Поистине, Гарги, кто, не зная это Непреходящее, совершает в этом мире подношения, приносит жертвы, предается подвижничеству многие тысячи лет, [заслуги] того имеют конец. Поистине, Гарги, кто, не зная это Непреходящее, уходит из этого мира, тот несчастен. Но тот, Гарги, кто, зная это Непреходящее, уходит из этого мира, тот — брахман.

11. Поистине, Гарги, это Непреходящее не видно и видит, не слышно и слышит, не мыслимо и мыслит, не познается и познает. Нет другого, кто видит, кроме него; нет другого, кто слышит, кроме него; нет другого, кто мыслит, кроме него; нет другого, кто познает, кроме него. На этом Непреходящем, Гарги, и выткано вдоль и поперек пространство».

12. Она сказала: «Почтенные брахманы, считайте великим [счастьем], если расстанетесь с ним, воздав ему поклонение. Поистине, никто из вас никогда не победит его в брахмодье».

И тогда Вачакнави умолкла.

ДЕВЯТАЯ БРАХМАНА

[...] 27. Тогда Яджнявалкья сказал: «Почтенные брахманы! Кто из вас желает, пусть спрашивает меня или все спрашивают меня; кто из вас желает, того из вас я буду спрашивать или буду спрашивать всех вас». И те брахманы не осмелились [ничего сказать].

ЧХАНДОГЬЯ-УПАНИШАДА

Часть IV

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

1. Однажды Сатьякама Джабала обратился к [своей] матери Джабале: «Мать, я хочу вести жизнь ученика. Из какой же я семьи?»

2. Она сказала ему: «Я не знаю, дитя, из какой ты семьи. В юности, когда я зачала тебя, я была служанкой, очень занятой, и вот не знаю, из какой ты семьи? Но мое имя — Джабала, твое имя — Сатьякама. Называй же себя Сатьякама Джабала».

3. И, придя к Харидрумате Гаутаме, он сказал [ему]: «Я хочу жить учеником у тебя, почтенный. Могу ли я приблизиться к почтенному?»

4. Тот сказал ему: «Дорогой! Из какой же ты семьи?» Он сказал: «Я не знаю, господин, из какой я семьи. Я спросил мать, и она ответила мне: «В юности, когда я зачала тебя, я была служанкой, очень занятой, и вот не знаю, из какой ты семьи. Но мое имя — Джабала, твое имя — Сатьякама». Поэтому я Сатьякама Джабала, господин».

5. Тот сказал ему: «Не брахман не мог бы так объяснить. Принеси [жертвенное] топливо, дорогой, — я посвящу тебя в ученики. Ты не удалился от истины». И, посвятив его в ученики, он отобрал четыре сотни тощих слабых коров и сказал: «Следуй за ними, дорогой!» [Сатьякама] сказал, погоняя их: «Я не вернусь назад, [пока их не станет] тысяча». Так жил он в отдалении несколько лет. Когда же те коровы умножились до тысячи,

ПЯТАЯ ГЛАВА

1. то бык обратился к нему: «Сатьякама!» — «Да, почтенный», — ответил он. «Нас стала тысяча, дорогой. Отведи нас в дом учителя,

2. и я поведаю тебе о стопе Брахмана¹². — «Поведай мне, почтенный». — [Бык] сказал ему: «Восточная сторона — часть

[его стопы], западная сторона — часть, южная сторона — часть, северная сторона — часть. Поистине, дорогой, это четырехчастная стопа Брахмана, названная сияющей.

3. Кто, зная это, почитает четырехчастную стопу Брахмана как сияющую, тот становится сияющим в этом мире; сияющие миры приобретает тот, кто, зная это, почитает четырехчастную стопу Брахмана как сияющую.

ШЕСТАЯ ГЛАВА

1. Огонь скажет тебе о [второй] стопе [Брахмана]». На следующее утро он погнал коров дальше. И там, где они оказались к вечеру, он разжег огонь, согнал коров, подложил топлива и уселся за огнем лицом к востоку.

2. Огонь обратился к нему: «Сатьякама!» — «Да, почтенный», — ответил он.

3. «Я поведаю тебе, дорогой, о стопе Брахмана». — «Поведай мне, почтенный». [Огонь] сказал ему: «Земля — часть [его стопы], воздушное пространство — часть, небо — часть, океан — часть. Поистине, дорогой, это четырехчастная стопа Брахмана, названная бесконечной.

4. Кто, зная это, почитает четырехчастную стопу Брахмана как бесконечную, тот становится бесконечным в этом мире, бесконечные миры приобретает тот, кто, зная это, почитает четырехчастную стопу Брахмана как бесконечную.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА

1. Гусь скажет тебе о [третьей] стопе [Брахмана]». На следующее утро он погнал коров дальше. И там, где они оказались к вечеру, он разжег огонь, согнал коров, подложил топлива и уселся за огнем лицом к востоку.

2. [Тут] подлетел гусь и обратился к нему: «Сатьякама!» — «Да, почтенный», — ответил он.

3. «Я поведаю тебе, дорогой, о стопе Брахмана». — «Поведай мне, почтенный». [Гусь] сказал ему: «Огонь — часть [его стопы], солнце — часть, луна — часть, молния — часть. Поистине, дорогой, это четырехчастная стопа Брахмана, названная светящейся.

4. Кто, зная это, почитает четырехчастную стопу Брахмана как светящуюся, тот становится светящимся в этом мире, светящиеся миры приобретает тот, кто, зная это, почитает четырехчастную стопу Брахмана как светящуюся.

ВОСЬМАЯ ГЛАВА

1. Нырок скажет тебе о [четвертой] стопе [Брахмана]». На следующее утро он погнал коров дальше. И там, где они

оказались к вечеру, он разжег огонь, согнал коров, подложил топлива и уселся за огнем лицом к востоку.

2. [Тут] подлетел нырок и обратился к нему: «Сатьякама!» — «Да, почтенный», — ответил он.

3. «Я поведаю тебе, дорогой, о стопе Брахмана». — «Поведай мне, почтенный». [Нырок] сказал ему: «Дыхание — часть [его стопы], глаз — часть, ухо — часть, разум — часть. Поистине, дорогой, это четырехчастная стопа Брахмана, названная наделенной основанием.

4. Кто, зная это, почитает четырехчастную стопу Брахмана как наделенную основанием, тот наделен основанием в этом мире; наделенные основанием миры приобретает тот, кто, зная это, почитает четырехчастную стопу Брахмана как наделенную основанием».

ДЕВЯТАЯ ГЛАВА

1. [Сатьякама] достиг дома учителя, и учитель обратился к нему: «Сатьякама!» — «Да, почтенный», — ответил он.

2. «Поистине, дорогой, ты сияешь, как знаток Брахмана. Кто же обучил тебя?» — «[То были] не люди, — ответил он, — но я желаю, чтобы меня наставил почтенный,

3. ибо от людей, подобных почтенному, я слыхал, что лишь знание, полученное от учителя, бывает самым благотворным». И [учитель] сказал ему о том же самом, и ничего из этого не было пропущено, [не было] пропущено.

ЛИТЕРАТУРА БУДДИЙСКОГО КАНОНА

Буддийский канон Типитака (скр. Трипитака — «Три корзины») дошел до нас в нескольких редакциях, но только одна из них, осуществленная школой тхеравадинов, сохранилась полностью. В отличие от канонов других школ, которые, судя по уцелевшим фрагментам, были составлены на санскрите, канон тхеравадинов получил фиксацию на языке пали, поэтому его обычно называют «палийским». Оформление палийской версии шло на протяжении почти четырех столетий: древнейшие из вошедших в нее произведений могут быть отнесены к V в. до н. э., позднейшие — ко II в. до н. э. В течение всего этого времени тексты фиксировались и передавались главным образом изустно. Запись канона была произведена на Цейлоне около 80 г. до н. э.

Типитака состоит из трех больших сводов («корзин»). Это Виная-питака, Сутта-питака и Абхидхамма-питака. Каждый из больших сводов включает несколько малых, малые, в свою очередь, имеют внутренние разделы, нередко представляющие собой самостоятельные книги.

В целом в колоссальной литературе буддийского канона могут быть выделены два потока. Один образуют произведения ученые, предназначенные исключительно для монашеской аудитории, в которых вопросы буддийского учения разрабатываются во всей их глубине и сложности; другой — произведения, обращенные к непосвященным, которые дают лишь самые общие представления о буддийском идеале, широко используют фольклорные формы и не чуждаются занимательности. Для каждого из этих потоков характерны свои жанры.

Сутта (скр. сутра — «нить») — основной жанр высокой (ученой) литературы канона. По своему происхождению она связана с практикой обучения молодых монахов и с внутриобщинной проповедью. Оформляется сутта как предание о беседах, которые вел Будда во время своих бесконечных скитаний (отсюда формула зачина: «Так я слышал»). Эта привязанность к преданию, к фигуре учителя, а также диалогичность формы сближают сутту, несмотря на все различия в стиле, композиции и характере диалога, с древними упанишадами.

Событийная сторона сутты очень проста и однообразна. Будда беседует либо с монахами, сопровождающими его в пути, либо с жителями тех мест, в которых ему приходится останавливаться. В ходе беседы он наставляет собеседника; наставление может быть кратким, но нередко разрастается в длинную проповедь. Если собеседник Будды — не монах, то, выслушав наставление, он тут же принимает решение стать последователем буддизма. Как однообразны события сутты, так однообразен и ее стиль. Особенности этого стиля, изобилующего формулами и повторами, порождены, с одной стороны, условиями устной передачи и фиксации текстов, а с другой — практикой торжественных декламаций сутт, происходивших во время ежемесячных собраний буддийских общин.

Несмотря на постоянство композиционной схемы и стиля, сутты неоднородны. Это могут быть прозаические произведения и смешанные — в стихах и в прозе, самого разного объема, повествовательная рамка может сводиться в них к нескольким фразам или разворачиваться в обстоятельный рассказ и т. д. Приводимая ниже «Сутта о Касибхарадвадже» принадлежит к числу малых сутт смешанной формы. Она входит в два собрания «Сутта-питаки» — «Самьютта-никаю» (I.172—173) и «Суттанипату» (I.4). Перевод Ю. М. Алихановой.

Сутта о Касибхарадвадже

Так я слышал. Однажды, блуждая по земле магадхов¹, Блаженный остановился в брахманской деревне Эканала, что в Даккхинагири. Как раз наступила пора сева, и в пятьсот плугов брахмана Касибхарадваджи уже впрягли быков. И вот Блаженный, одевшись поутру, накинув чивару² и взяв кружку для подаяний, отправился туда, где шли работы брахмана Касибхарадваджи. В это время у брахмана Касибхарадваджи как раз раздавали еду. И Блаженный пришел туда, где происходила раздача еды, и, придя, встал в сторонку. А брахман Касибхарадваджа увидел Блаженного, который стоял в ожидании подаяния, и, увидев Блаженного, сказал так:

— Я, шрамана³, пашу и сею, а уж после того как вспашу и посею, ем. И ты, шрамана, должен вспахать и посеять, а уж вспахав и посеяв, есть.

— Так ведь и я, брахман, пашу и сею, а уж после того как вспашу и посею, ем.

— Что-то мы не видим, чтобы у почтенного Готама⁴ были упряжь, плуг или лемех, кнут или быки, и все же почтенный Готама утверждает: «Так и я, брахман, пашу и сею, а уж после того как вспашу и посею, ем».

И тогда брахман Касибхарадваджа обратился к Блаженному с гатхой:

— Пахарем себя называешь,
Но пахоты твоей не вижу.
Спрашиваю тебя, скажи мне,
Что за пашню ты пашешь?

— Вера — зерно, воздержание — дождь,
Мудрость — ярмо и плуг мой,
Стыд — мое дышло, упряжь — мысль,
Память — мой кнут и лемех.

В речи и действиях сдержан я,
В еде и питье умерен,
Правдой прополку делаю я,
Кротость — мое спасенье.

Мужество — вот мои быки,
Что везут к отдохновенью,
Что, не сворачивая, бегут
Туда, где нет печалей.

Вот как пашется эта пашня.
Родит же она бессмертье⁵.
Вспашешь такую пашню,
Избавишься от страданий.

И тогда брахман Касибхарадваджа, наложив в большую бронзовую чашу сваренной на молоке рисовой каши, поднес ее Блаженному со словами:

— Отведай каши, почтенный Готама! Воистину почтенный Готама — пахарь, ибо он пашет пашню, которая приносит бессмертье.

— Я не беру того, что дают за пение гатх:
Для тех, кто видит истину, — это не дхарма⁶.
Отвергают Будды то, что дают за пение гатх.
И пока дхарма жива, жив и обычай этот.

Великого рйши⁷, достигшего совершенства,
Что живет без укоров совести, чист от скверны,
Другой едой и другим питьем потчевать должно —
Вот твоя пашня, если к заслугам⁸ стремишься.

— Кому же, Готама, дам я эту сваренную на молоке кашу?

— В целом мире, включая богов, Мару и Брахму⁹, среди всех населяющих его существ, будь то шраманы, брахманы, боги или люди, я не вижу никого, брахман, за исключением Татхагаты¹⁰ или ученика Татхагаты, кто, съев эту сваренную на молоке рисовую кашу, смог бы ее переварить. Поэтому,

выброси, брахман, эту сваренную на молоке рисовую кашу туда, где не растет трава, или вылей ее в воду, где не водятся живых существ.

И брахман Касибхарадваджа вылил в воду, где не водилось живых существ, ту сваренную на молоке рисовую кашу. И когда он вылил ее в воду, она зашипела, засвистела, задымилась, испустила клубы пара. Как плуг, накалившийся за день, когда его бросят в воду, шипит, свистит, дымится, испускает клубы пара, так и та сваренная на молоке рисовая каша, когда ее вылили в воду, зашипела, засвистела, задымилась, испустила клубы пара. И брахман Касибхарадваджа, взволнованный, объятый дрожью восторга, приблизился к Блаженному и, приблизившись к Блаженному и припав головой к его ногам, сказал так:

— Поразительно, почтенный Готама, поразительно, почтенный Готама! Как переворачивают лежавшее лицом вниз, как раскрывают скрытое, как объясняют дорогу заблудившемуся, как ставят лампу там, где темно, чтобы наделенные зрением видели предметы вокруг, — так именно почтенный Готама разнообразными способами показал мне Дхарму¹¹. И вот я иду к Готаме как к прибежищу, иду к Дхарме, иду к общине. Да отрекись я от мира в присутствии Готамы, да приму я посвящение от Готамы!

И брахман Касибхарадваджа отрекся от мира в присутствии Блаженного и принял посвящение. Приняв посвящение, достопочтенный Бхарадваджа жил один, вдали от всех, серьезно, ревностно, всеми помыслами устремленный к цели и, спустя недолгое время, сам познал и узрел уже в этом существовании тот высочайший предел благочестивой жизни, ради которого родовитые люди должным образом покидают дом и уходят туда, где нет дома. И обретя его, жил так. Он понял: «Уничтожено рождение; прожита благочестивая жизнь; сделано то, что нужно было сделать; новой жизни не будет»¹². И достопочтенный Бхарадваджа стал одним из архатов¹³.

ДЖАТАКА

Этот жанр сложился в русле буддийской проповеди, обращенной к мирянам. В основе его лежит притча, оформляемая как рассказ о поучительных событиях, происшедших с Буддой в одном из прошлых его рождений. Подавляющее большинство джатак — это фольклорные назидательные повествования (сказки, басни, легенды). В виде джатак оформлялись также легенды, возникшие в буддийской среде, и даже обработанные в буддийском духе эпические песни (в том числе принадлежащие к циклам «Махабхараты» и «Рамаяны»).

Джатака строится как рассказ самого Будды, который, достигнув просветления, обрел память прошлых рождений. Поэтому «история о прошлом» (собственно джатака) обрамляется «историей о настоящем», которая состоит из двух частей: вступления, излагающего события, побудившие Будду вспомнить о прошлом, и заключения, в котором Будда отождествляет героев истории с участниками этого события. В каждой джатаке непременно присутствует

стихотворная вставка (реплика персонажа, иногда диалог). Именно эти стихотворные фрагменты были внесены в канон при его записи в I в. до н. э. Что касается самих повествований, то они еще долгое время продолжали передаваться изустно и были письменно зафиксированы только в V в. н. э. цейлонскими комментаторами «Типитаки».

Хотя официально джатаки рассматривались как прошлые жития Будды, это не мешало им оставаться прежде всего занимательными рассказами, тем более что в большинстве из них буддийская обработка ограничивалась простой привязкой к фигуре Учителя. Отсюда их огромная популярность. Их не только слушали (а позднее и читали), они инсценировались в религиозных и полурелигиозных представлениях, на их сюжеты создавались фрески и барельефы в буддийских храмах. Популярность сопровождала джатакам и за пределами Индии, во всех странах, где был принят буддизм. Наряду с каноническим сборником здесь получали распространение апокрифические, создававшиеся в большей степени на основе местного фольклора. В Шри Ланке, Кампучии, Таиланде, Бирме джатаки сыграли решающую роль в становлении своей повествовательной литературы.

Сборник джатак (включающий 547 произведений) входит в состав «Сутта-питаки». Ниже приводится несколько образцов этого жанра. Перевод В. В. Вертоградовой.

Джатака о Суссонди (№ 360)

«Там и запах цветов тимире...»¹. Эту историю Учитель, находясь в Джетаване², рассказал об одном удрученном бхикшу. «Правда ли, что ты тоскуешь?» — спросил Учитель. «Правда», — отвечал тот. «По ком же ты тоскуешь?» — «Я увидел одну нарядную женщину». — «За женщинами уследить невозможно, — сказал Учитель, — даже привратники в царстве нагов берегли и не смогли уберечь женщину». И по просьбе бхикшу он рассказал историю о прошлом.

Некогда правил в городе Варанаси царь по имени Тамба. Его главная жена Суссонди была необычайно красива.

В то время Бодхисаттва³ возродился в образе нага и жил в царстве нагов в Серумадипе⁴. Тогда Нагадипа⁵ называлась Серумадипой.

Однажды он явился в Варанаси и стал играть в кости с молодым царем Тамбой. Увидав его, приближенные сказали царице: «Какой-то красивый юноша играет в кости с нашим царем». Суссонди захотела на него посмотреть. Нарядившись, она явилась со своей свитой в игральную комнату и стала его разглядывать. Тот тоже посмотрел на царицу, и оба они сразу полюбили друг друга.

Тогда силою волшебства царь нагов поднял в городе ураган. Люди из царской свиты, боясь, что разрушится дворец, разбежались. А наг своими чарами сделал тьму, подхватил царицу и по воздуху перенес ее в свой дворец в Нагадипе. Как исчезла и куда делась Суссонди, никто не знал.

А царь нагов наслаждается с ней в своем дворце и снова летает к царю Тамбе играть с ним в кости.

У царя был музыкант по имени Сагга. Не зная, куда исчезла Суссонди, царь призвал к себе этого музыканта

и сказал: «Иди, обойди сушу и море, разыщи царицу».

Музыкант взял денег на дорогу и, начав поиски с той деревни, что находилась за городскими воротами, дошел до города Бхарукаччи⁶. В это время тамошние купцы снаряжали корабль в Суваннабхуми⁷. Сагга подошел к ним и стал просить: «Я музыкант. Я заплачу вам и еще на вине⁸ буду играть, возьмите меня с собой». — «Ну хорошо», — согласились купцы и взяли его на корабль. А когда отплыли от берега и корабль побежал по волнам, купцы позвали музыканта и сказали: «Сыграй нам что-нибудь». — «Я бы сыграл вам, — сказал Сагга, — но стоит мне заиграть, рыбы придут в волнение, и корабль ваш разобьется». — «Если играет смертный человек, — сказали купцы, — рыбы спокойны, сыграй нам». — «Ну, тогда пеняйте на себя», — сказал Сагга, настроил вину и, не заглушая своего голоса музыкой, запел и заиграл.

Опьяненные звуками, рыбы задвигались, а одна ма́кара⁹ прыгнула на корабль и разбила его. Сагга схватился за доску и, лежа на ней, по ветру доплыл до Нагадипы. Там он вышел на берег у самого дворца, возле дерева нигродха¹⁰.

А царица Суссонди всякий раз, как царь нагов улетал играть в кости, выходила из дворца и бродила по острову. Встретив на берегу Сагга-музыканта, она узнала его. «Как ты попал сюда?» — удивилась царица. И музыкант все ей рассказал. «Не бойся», — успокоила его царица и, обняв, привела во дворец. Там она усадила его, накормила царской пищей, вслепала омыть царской водой, одеть в царские одежды и украсить царскими благовониями и цветами. Потом она позвала его на царское ложе. Так она кормила его и с ним наслаждалась, пряча, когда возвращался царь нагов.

Спустя полтора месяца прибыли на этот остров купцы из Варанаси за водой и древесиной и высадились у дерева нигродха. На их корабле Сагга-музыкант вернулся в Варанаси и явился к царю, когда тот играл в кости. Взяв вину, Сагга заиграл на ней и произнес первую гатху:

Там и запах цветов тимиры, там и шумящее море.
Далеко отсюда Суссонди, в сердце меня поразила царица.

Услыхав это, наг произнес вторую гатху:

Как переплыл ты море, как попал на Серумадипу,
Как удалось тебе, Сагга, с моей повстречаться Суссонди?

Тогда Сагга произнес три гатхи:

Когда с товаром купцы вышли в море из Бхарукаччи,
Разбила макара их корабль, один на доске я спасся.
Благовонная, ласково встретив, меня обняла царица,
Словно добрая мать своего обнимает ребенка.
Потом она усладила меня питьем, одеждой и ложем.
Страстью блестели ее глаза. Знай это, Тамба.

После рассказа музыканта нага охватило отчаяние. «Даже в царстве нагов, — подумал он, — я не смог ее уберечь, зачем мне эта развратница». И, возвратив Суссонди царю, он исчез и с тех пор больше не появлялся.

Учитель, приведя этот рассказ и показав Благородные истины¹¹, отождествил перерождения: «Тогда царем был Ананда¹², а царем нагов был я».

Джатака о неудаче с обеих сторон (№ 139)

«Лишился глаз, одежды нет...» Эту историю Учитель, находясь в Велуване¹³, рассказал о Девадатте¹⁴. Говорят, бхикшу собрались тогда в зале дхармы¹⁵ и стали рассуждать: «Братья, так же как факел, обгоревший с обоих концов, а в середине испачканный навозом, не может служить поленом ни для костра в лесу, ни для очага в деревне, так и Девадатта, отказавшийся от такого превосходного, ведущего к спасению учения, с обеих сторон потерпел неудачу: и радостей мирской жизни лишился, и отшельнический долг не выполняет».

В это время вошел Учитель и спросил: «Что вы здесь обсуждаете?». Когда те объяснили, Учитель сказал: «Не только теперь, о бхикшу, Девадатта с обеих сторон потерпел неудачу, так было с ним и прежде». И Учитель рассказал историю о прошлом.

Давным-давно, когда в Варанаси царствовал Брахмадатта, Бодхисаттва возродился в образе божества дерева.

Тогда в одной деревне жили рыбаки. И вот один рыбак взял рыболовный крючок и отправился с маленьким сыном к излюбленному месту, где хорошо клюет рыба. Пришел он туда и стал в разные стороны крючок забрасывать. Вдруг крючок его зацепился за подводную корягу, никак не может рыбак его освободить. И он подумал: «Наверное, у меня на крючке большая рыба. Пошлю-ка я сына домой и велю жене с соседями поругаться, чтобы никто из них на долю моей добычи не посягнул». И он сказал сыну: «Пойди, милый, передай матери, что мы поймали большую рыбу, и скажи, чтобы она затеяла ссору с соседями».

Когда сын ушел, рыбак, боясь, как бы не оборвать леску, снял свою одежду, сложил на берегу и полез в воду. Ему так хотелось поймать большую рыбу, что он принялся искать ее в воде и, наткнувшись на корягу, выколол себе глаза. А в это время вор утащил его одежду, лежавшую на берегу. Обезумев от боли, прикрывая глаза рукой, рыбак вышел из воды и, дрожа всем телом, стал ощупью искать одежду.

А в это время жена рыбака, желая поссориться с соседями, решила принять такой вид, чтобы всем противно смотреть на нее

было. Прицепив к одному уху пальмовый лист, а один глаз вымазав сажей, она взяла на руки собаку и отправилась к соседям.

«Что это с тобой? — сказала соседка, — к уху ты прицепила пальмовый лист, глаз сажей вымазан, как ребенка, держишь ты на руках собаку и ходишь из дома в дом, с ума сошла что ли?» — «Нет, я не сошла с ума, — отвечала жена рыбака, — а ты без причины бранишь меня и оскорбляешь. Вот я пойду к деревенскому старосте, и пусть он покарает тебя уплатою восьми каршапан»¹⁶. И так, затеяв ссору, обе пришли к деревенскому старосте. А когда староста разобрал дело, эта кара пала на голову жены рыбака. Ее связали и стали бить, требуя уплаты денег.

Видя оба эти несчастья: одно, которое постигло жену в деревне, а другое — мужа в лесу, божество дерева, сидя на ветке, сказало: «Эй, рыбак, и в воде, и на земле ты замышлял недоброе, оттого с обеих сторон — беда». И божество произнесло следующую гатху:

Лишился глаз, одежды нет, в соседнем доме брань слышна,
В воде и на земле беда на рыбака обрушилась.

Приведя этот рассказ для разъяснения дхармы, Учитель отождествил перерождения: «Тогда рыбаком был Девадатта, а божеством дерева был я».

Джатака о доброжелательном слоне (№ 72)

«Повсюду так и рыскают...» Эту историю Учитель, находясь в Велуване, рассказал о Девадатте.

Собравшись в зале дхармы, бхикшу рассуждали: «Братья, Девадатта — неблагодарный, он не признает добродетелей Благословенного». В это время вошел Учитель и спросил: «Что вы тут обсуждаете, бхишку?» Когда те объяснили, Учитель сказал: «Не только теперь, о бхишку, Девадатта неблагодарный, он и прежде был таким и никогда моих добродетелей не признавал». И по их просьбе он рассказал историю о прошлом.

Давным-давно, когда в Варанаси царствовал Брахмадатта, Бодхисаттва возродился в образе слона и жил в Гималаях. Только вышел он из утробы матери, как был уже весь белый, словно слиток серебра, глаза его были, как драгоценные камни, как пять божественных лучей, рот — словно красная ткань, а хобот — как серебряная цепь, украшенная каплями красного золота. Ноги его были гладкие и блестящие, как будто покрытые лаком. Словом, все десять совершенств обрела его достигшая вершин красоты природа.

Когда этот слон вырос, то все восемьдесят тысяч гима-

лайских слонов собрались вокруг него и сделали его своим вожаком.

Но увидел он в стаде грех, удалился от своих собратьев и стал жить один в лесу. Из-за его добродетелей прозвали его «добродетельный царь слонов».

Как-то один житель Варанаси бродил по лесу в поисках пропитания и забрел в гималайские леса. Там он заблудился и, в ужасе воздевая руки и громко причитая, метался по зарослям. Услыхав его крики, Бодхисаттва подумал: «Надо помочь в беде этому человеку». Проникшись состраданием, слон стал приближаться к нему. А человек, внезапно увидев слона, испугался и побежал. Тогда Бодхисаттва остановился. И человек остановился. Но стоило Бодхисаттве двинуться с места, человек снова бежал.

Но вот слон еще раз остановился, и человек подумал: «Когда я бегу, этот слон останавливается, а когда стою, подходит. Видно, он не желает мне зла. Наверное, он хочет спасти меня». И, осмелев, человек замедлил шаг. Тогда Бодхисаттва подошел к нему и спросил: «Что ты кричишь, человек?» — «Почтенный, — отвечал тот, — я сбился с дороги, не знаю, в какую сторону идти, и боюсь здесь погибнуть».

Тогда Бодхисаттва привел его в свое жилище, накормил разными плодами и сказал: «Не бойся, я выведу тебя на дорогу, где ходят люди». И он посадил человека к себе на спину и пошел. А человек этот, по природе коварный, подумал: «Если кто-нибудь спросит, надо будет рассказать про это». И, сидя на спине Бодхисаттвы, он старался запомнить приметы гор и деревьев, мимо которых проходил слон.

И вот слон вынес его из леса и, поставив на большую дорогу, ведущую в Варанаси, сказал: «Иди, человек, по этой дороге, а о том, где я живу, спросят тебя или не спросят, никому не рассказывай». И слон пошел к себе домой.

А человек этот вернулся в Варанаси и, проходя как-то по улице, где работали резчики по слоновой кости, сказал мастерам: «Что бы вы дали мне за бивни живого слона?» — «И ты еще спрашиваешь, — сказали резчики, — конечно, бивни живого слона гораздо дороже, чем мертвого». — «Тогда я принесу вам бивни живого слона», — сказал человек и, захватив острую пилу, отправился в те места, где жил Бодхисаттва.

«Зачем ты пришел?» — спросил слон, увидев его. — «Я, почтенный, несчастный бедняк, — отвечал тот, — жить мне не на что. Прошу тебя, дай мне один твой клык. Я продам его и на эти деньги буду кормиться». — «Ну что ж, дам тебе клык, если у тебя есть чем отпилить». — «Я захватил пилу, почтенный». — «Ну отпиливай клык и бери». Слон подогнул ноги и лег, как ложится вол. И человек отпилил у него два главных клыка.

Тогда Бодхисаттва обхватил клыки хоботом и сказал: «Послушай, человек, не думай, что эти клыки мне не дороги. Но всепроникающие клыки — клыки общего знания, с помощью

которых можно постичь все дхармы¹⁷, для меня в тысячу, в сто тысяч раз дороже. Да будут отданы эти клыки для достижения общего знания». И он отдал человеку пару клыков.

Человек унес эти клыки и продал, а когда истратил все деньги, снова пришел к Бодхисаттве и сказал: «Почтенный, я продал твои клыки, но деньги пришлось раздать за долги, дай мне остатки твоих клыков».

«Хорошо», — сказал Бодхисаттва и отдал остатки своих клыков.

Человек продал их и опять пришел к слону: «Почтенный, жить мне не на что, отдай мне корни твоих клыков». — «Хорошо», — сказал Бодхисаттва и лег, как прежде. А этот злобный человек по хоботу Великого Существа, как по серебряной цепи, взобрался на голову, словно на снежную вершину Кайласа¹⁸, и стал пяткой бить по заросшим концам клыков, пока не оголил их. Тогда он выпилил корни и ушел.

И как только этот злодей исчез с глаз Бодхисаттвы, огромная, простирающаяся на двести девяносто четыре тысячи йоджан¹⁹ земля, которая выдерживала и тяжесть гор Сумеру и Юкагиры, и отвратительный запах человеческих нечистот, словно не смогла выдержать всех низменных качеств этого человека, треснула и разверзлась. Из трещины вырвалось пламя великого ада и, как будто роскошной шерстяной тканью, окутало этого предающего друзей человека, закружило и увлекло вниз.

Когда этого злого человека поглотила земля, божество дерева, жившее в этом лесу, стало размышлять: «Человека неблагодарного, предающего своих друзей, невозможно удовлетворить, даже подарив ему могущественное царство». И, разъясняя дхарму, божество огласило лес следующей гатхой:

Повсюду так и рыскают глаза неблагодарного,
Хоть землю всю ему отдай, он этим не насытится.

Так божество, огласив лес, показало дхарму. А Бодхисаттва прожил свой жизненный срок и возродился согласно карме.

Учитель сказал: *«Не только теперь, о бхикшу, Девадатта неблагодарен, он был таким и прежде».*

Приведя этот рассказ для разъяснения дхармы, Учитель отождествил перерождения: *«Тогда предающим друзей человеком был Девадатта, божеством дерева — Сарипутта²⁰, а добродетельным царем слонов был я».*

ПОЭЗИЯ

Буддийская каноническая поэзия формировалась на пересечении двух традиций — жреческой, проникавшей в буддийскую среду вместе с обращавшимся в буддизм брахманством, и фольклорной. Влияние жреческой традиции особенно ошутимо в древнейшей поэзии канона, представленной главным образом в сборнике «Суттанипата». Подавляющее большинство произведений «Суттанипаты» — поэтические диалоги. Подобно сутте, они введены в контекст предания: это беседы Будды или с кем-либо из его учеников, или с кем-либо из необращенных, чаще всего брахманами (поэтому, очевидно сти-

хотворения, входящие в «Суттанипату», именуются «суттами», хотя обычный термин для обозначения стихотворного произведения в каноне — это «гатха» («песня»). Вопросо-ответная форма, намеренная завуалированность, загадочность вопроса, нередко также осязаемая установка на испытание мудреца (Будды) — позволяют предполагать, что древнейшие из этих диалогов связаны в своих истоках с ведийской брахмодьей. Что касается фольклорной песенной традиции (как обрядовой, так и лирической), то она питала буддийскую поэзию на всем протяжении ее развития, но особенно интенсивно, вероятно, на раннем этапе. В демократических слоях общины религиозные песни часто создавались на основе переработки народных, либо в традициях фольклорного песенного творчества. Отсюда распространенность в канонической поэзии таких характерных для народной песни явлений, как припев, параллелизмы, амебейность и др.

Основные жанры зрелой буддийской поэзии — наставление (от короткой заповеди до пространной поэтической проповеди), эпические песни житийного содержания (разрабатывавшие эпизоды из жизни Будды и его сподвижников) и лирическая исповедь, связанная с темами разочарования, ухода от мира, душевной борьбы и просветления. Формирование исповедальной лирики было тесно связано со становлением авторского самосознания. Показательно, что если поэзия «Суттанипаты» сплошь анонимна, то сборники «Тхерагатха» («Песни тхер [тхера (женск. тхери) — старейший, уважаемый монах]») и «Тхеригатха» («Песни тхери»), вобравшие в себя исповедальную поэтическую традицию, оформлены как авторские: каждое произведение в них носит имя своего создателя. Разумеется, имя действительного автора нередко подменяется здесь именем авторитета (знаменитого святого, ближайшего ученика Будды), многие имена случайны, но само по себе разнообразие этих имен уже свидетельствует о несомненном пробуждении авторского начала. Поздние исповедальные гатхи, которые могут быть датированы III—II вв., в некоторых случаях обнаруживают черты литературного стиля, резко противопоставляющие их полуфольклорным песням древнейшей поэзии канона. Очень вероятно, что исповедь, пронизанная буддийскими настроениями, занимала значительное место в ранней литературной лирике, формировавшейся при дворе Маурьев. Ее отголоски слышны еще в творчестве великого поэта поздней древности Бхартрихари.

Ниже приводятся стихи из «Суттанипаты», «Тхерагатхи», «Тхеригатхи» (все три сборника входят в состав «Сутта-питаки»). Перевод Ю. М. Алихановой.

Сутта о решимости (Суттанипата, 425—449)

Содержание этой древней эпической песни — знаменитый эпизод искушения Будды Марой перед достижением просветления. Действие разворачивается на берегу реки Неранджары. Будда предается аскезе, чтобы постичь пути освобождения от страданий (так, в нашей песне, в поздних житиях Будда приходит к Неранджаре, уже разочаровавшись в аскезе, садится здесь под деревом и к полуночи достигает просветления). Мара, воплощение зла и властитель всего того, что противостоит буддийским ценностям, пытается вначале соблазнить, а потом устроить Будду, насылая на него чудищ, персонажирующие разнообразные страсти, пороки и т. д. Будда остается непоколебимым в своем решении, и Мара отступает. Характерная особенность песни (сказывающаяся прежде всего в разработке образа Мары) — совмещение высоких мотивов, восходящих к демоноборческому мифу (перенесение на Мару характеристик мифического противника Индры), с фольклорными (вплоть до введения басенного сюжета об обманувшейся вороне).

Когда я, полный решимости,
На берегу Неранджары,
Все силы собрав, размышлял
О том, как достичь покоя,

Ко мне подошел Намучи¹
С жалостливыми речами:
«Ты исхудал, ты бледен,
Близка твоя смерть, несчастный!

Тысяча частей у смерти
И только одна — у жизни.
Зачем умирать? Жить лучше!
Живым обретешь заслуги².

Живя, как живут брахманы,
В огонь принося жертвы,
Много заслуг накопишь.
Что пользы в борьбе с собою?

Путь борьбы с собою тернист,
Мучителен, полон лишений».
Говоря эти гатхи, Мара
Вплотную приблизился к Будде.

Так говорившему Маре
Вот что ответил Блаженный:
«Родич беспечных, грешник,
Пришел сюда зачем ты?

Нет для меня в заслугах
И самой ничтожной пользы!
Кому до заслуг дело,
С тем и беседуй, Мара!

У меня есть вера и мужество,
И еще у меня есть мудрость.
Так зачем устремленному к цели
Ты мне толкуешь о жизни?

Даже речные потоки
Может высушить этот ветер.
Разве он не высушит кровь
У меня, устремленного к цели?

Когда высыхает кровь,
Высыхают желчь и флегма,
А чем больше ссыхается плоть,
Тем яснее становятся мысли,
Укрепляются память и мудрость,
Сосредоточенность крепнет.

Вот так я живу и обрел
Высшее ощущение.

От усад отвратилась мысль, —
Зри чистоту человека!

Твое первое войско — желанья,
Отвращеньем зовут второе,
Третье войско твое — голод,
Четвертое — жажда жизни,

Пятое — лень и вялость,
Шестым боязнь называют,
Седьмое войско — сомненья,
Восьмое — притворство и черствость.

Богатство, почести, слава,
Успех, нажитый обманом,
И тот, кто возносит себя,
А всех других презирает, —

Эти, Намучи, войска
За тебя, за Черного, бьются.
Не разбить асуре меня,
Победой не насладиться!

Над жизнью этой дрожать?
Да пусть она сгинет вовсе!
По мне умереть в бою
Лучше, чем жить побежденным!

Погрязшие в здешнем иные
Шраманы³ и брахманы
Не видят того пути,
Которым следуют праведники.

Я вижу: войска кругом,
Впереди на слоне — Мара.
Я принимаю бой!
Отступить меня не заставишь!

Твои полчища, что одолеть
Не дано ни богам, ни людям,
Мудростью в прах разобью,
Как горшок разбивают камнем.

Мысли свои обуздав,
Хорошо утвердив память,
Я буду учить людей,
Блуждая из царства в царство.

И серьезные, неуклонно
Выполняя мои наставленья,
Придут они к нежеланью,
Туда, где не страдают».

«Я за Блаженным хожу
По пятам семь долгих лет⁴.
Хода к нему не найду —
Просветленный, он в памяти тверд.

Обошла ворона камень,
Цветом на жир похожий, —
Вдруг он окажется мягким,
Вдруг сладким он будет?

Но сладости в нем не найдя,
Улетела оттуда ворона.
Как ворона, на камень напав,
Я отступаю от Гóтамы».

Печаль охватила Мару,
Из-под мышки выпала вина⁵,
И тот злоумный якша⁶
Тóтчас исчез оттуда.

Вопрос манавы⁷ Каппы (Суттанипата, 1092—1095)

«Вопрос манавы Каппы» входит в цикл «Параяна» («Достижение того берега»), относимый исследователями к группе текстов, составляющих древнее ядро «Суттанипаты». Это образцы буддийского поэтического диалога типа брахмоды. Показательна иносказательность вопроса, использующего образы потока и острова (как места спасения).

— Для попавших на середину
Наводящего ужас потока,
Для объятых смертью и старостью
Укажи остров, почтенный,
И мне расскажи про остров,
Где бы это не повторилось.

— Для попавших на середину
Наводящего ужас потока,
Для объятых смертью и старостью
Укажу тебе остров, Каппа.

Ничего не иметь и не брать —
Вот тот единственный остров.

Я его нирваной зову,
Разрушающей смерть и старость.

Те, что это познали
И свободны от зримого мира,
Они не подвластны Маре,
Они не рабы Мары.

Сутта о Дханийе (Суттанипата, 18—34)

«Сутта о Дханийе» представляет собой, по-видимому, буддийскую переработку амебейной заклинательной песни, исполнявшейся во время засухи. Две последние строфы (перебранка Мары и Будды) считаются поздним добавлением.

Пастух Дханийя:

«Сварен рис у меня, сдоено молоко,
Со своими живу у берега Махи;
Крышей хижина крыта, огонь зажжен. —
Если хочешь дождь послать, пошли, о небо!»

Блаженный:

«Гнева нет у меня, чист я от скверны;
Ночь одну проведу у берега Махи;
Крыши нет надо мною, огонь потух. —
Если хочешь дождь послать, пошли, о небо!»

Пастух Дханийя:

«Здесь нет ни оводов, ни комаров;
В поймах на сочных лугах стада пасутся;
Ливень хлынет — они его перетерпят. —
Если хочешь дождь послать, пошли, о небо!»

Блаженный:

«Плот надежный я себе сколотил;
Переплыв поток, вышел на тот берег;
Больше этот плот не надобен мне⁶. —
Если хочешь дождь послать, пошли, о небо!»

Пастух Дханийя:

«Спутница долгих лет, милая сердцу,
Пастушка моя послушна и благонравна;
Ничего дурного о ней я не слышу. —
Если хочешь дождь послать, пошли, о небо!»

Блаженный:

«Укрощенная после борьбы долголетней,
Мысль моя послушна мне и свободна.
Нет во мне теперь ничего дурного. —
Если хочешь дождь послать, пошли, о небо!»

Пастух Дханийя:

«В средствах я ни от кого не завишу.
Мои сыновья со мной, они здоровы;

Ничего дурного о них я не слышу. —

Если хочешь дождь послать, пошли, о небо!»

Блаженный:

«Я никому не служу, мне не платят:

Съем, что подадут, и скитаюсь по свету.

Нет мне надобности служить. —

Если хочешь дождь послать, пошли, о небо!»

Пастух Дханийя:

«Есть у меня коровы, телята есть,

Стельные коровы есть и есть телки,

И бык, коров повелитель, есть у меня. —

Если хочешь дождь послать, пошли, о небо!»

Блаженный:

«Нет у меня коров, телят нет,

Нет стельных коров и нет телок,

И быка, коров повелителя, нет у меня. —

Если хочешь дождь послать, пошли, о небо!»

Пастух Дханийя:

«Глубоко и прочно врыты столбы;

Новы и крепки эти веревки из мунджи⁹.

Даже быкам молодым не сорвать привязь. —

Если хочешь дождь послать, пошли, о небо!»

Блаженный:

«Словно бык, разорвав на себе путы,

Растоптав их, будто слон — лианы,

Я освободился от новых рождений. —

Если хочешь дождь послать, пошли, о небо!»

И тут, затопляя холмы и долины,
На землю с небес обрушился ливень.
И заслышав шум дождя, Дханийя
Такое тогда промолвил слово:

«О, немалое обрели мы благо —

Блаженный явился взорам нашим.

К тебе прибегаем мы, о Зрящий!

Будь учителем нашим, великий мўни!¹⁰

Послушны мы оба — я и пастушка.

Будем жить в благочестьи рядом с Блаженным.

Преодолеем смерть и рождение,

Навсегда положим конец страданиям».

Мара-грешник:

«Сыновьями счастлив имеющий сыновей.

Имеющий коров коровами счастлив.

Привязанности приносят человеку счастье, —

Ведь несчастлив тот, кто ни к чему не привязан».

Блаженный:

«Из-за сыновей скорбит имеющий сыновей.
Имеющий коров из-за коров плачет.
Привязанности приносят человеку горе,
Лишь тот не скорбит, кто ни к чему не привязан».

Могхараджа (Тхерагатха, 207—208)

За этой диалогической песней, приписываемой тхере Могхарадже, также угадывается фольклорный источник (возможно, жатвенная песня).

— Видом дурной, прекрасный сердцем,
Всегда собранный Могхараджа,
Холодны и темны эти зимние ночи, —
Ты ведь бхикшу, что будешь делать?

— Слышал я, все магадхи¹¹
Собрали зерна вдоволь.
Под крышей из соломы
Не хуже других проживу я.

Близость к народной песенной лирике отличает и три следующие гатхи, построенные на параллелизме природного и духовного событий.

Читтака (Тхерагатха, 22)

Венценосные, синие, с красивыми шеями
Павлины кричат в Карамви.
Растревоженные прохладным ветром, спящего
Пробуждают к раздумью.

Сириваддха (Тхерагатха, 41)

Падают молнии в ущелье
На Вебхаре и на Пандаве¹²,
А в горном ущелье сидит, размышляя,
Сын того несравненного¹³.

Усабха
(Тхерагатха, 110)

Разрослись на горных вершинах деревья,
Орошенные новой высокой тучей.
Радуетса-не нарадуется Усабха,
Одиночество любящий, привыкший к лесу.

Мутта
(Тхеригатха, 11)

Эта женская песня, как и следующая, — образец ранней исповедальной лирики.

О я свободна, свободна!
От трех горбунов свободна:
От пестика и от ступки
И от горбатого мужа.

От рожденья и смерти свободна —
Исчезло ведущее к жизни.

Меттика
(Тхеригатха, 29—30)

Хоть я больна и стара
И силы мои иссякли,
На гору я взобралась,
Опираясь на палку.

Покрывало сбросив с себя
И кружку перевернувши,
Сижу на камне — и вот
Мысль моя стала свободной.

Три знания¹⁴ обретенны,
Исполнен наказ Будды.

Вангиса
(Тхерагатха, 1238—1240)

Буддийское предание рассказывает, что Вангиса был современником Будды; он владел даром импровизации и, вдохновляясь проповедями Учителя, перекладывал их в стихи. В одной из приписываемых ему гатх Вангиса говорит о том, что до обращения он бродил по деревням и городам, «копьяненный

складыванием песен». В его песнях ошутимы профессионализм и владение панегирическими приемами.

Десять сотен бхикшу
Окружили Счастливого.
Он разъясняет Дхарму,
Нирвану, где страха нет.

Внемлют чистейшей Дхарме,
Возвещаемой Буддой.
Как Будда обликом светел!
Как славят бхикшу его!

Слон тебе имя, Блаженный!
Ты лучший риши из риши!
Ты, словно огромная туча,
Орошаешь благим дождем.

Из места уединения
Я пришел, чтоб увидеть Учителя.
О великий герой, склоняюсь
Я, Вангиса, к ногам твоим.

Амбапали (Тхеригатха, 252—270)

Амбапали, как утверждает буддийская традиция, была прекраснейшей и богатейшей гетерой города Вайшали, слышала проповеди Будды и подарила общине один из своих садов, где для монахов была выстроена вихара (монастырь). Однако гатха, приписываемая Амбапали, без сомнения, позднего времени. Хотя в ней используются структуры фольклорного происхождения (параллелизмы, повторы, рефрен), тем не менее это уже плод литературного искусства. В этом отношении показательно, что каждая строфа гатхи строится на сравнении (иногда — паре контрастирующих сравнений), причем некоторые из них (черных кудрей — с пчелами, бедер — с хоботом слона и др.) становятся позднее общим местом высокой поэзии. Интересно также, что в гатхе Амбапали впервые встречается прием, впоследствии канонизированный, который состоит в постепенном («по частям») описании красавицы с головы до ног (позднее обычно — с ног до головы).

Будто черные пчелы — такого цвета
Были волосы у меня когда-то.
В старости стали они на пеньку похожи, —
Как говорил Правдивый, так и случилось.

Словно корзиночка, полная благовоний,
Благоухали кудри, разубранные цветами.
В старости стали пахнуть заячьим мехом, —
Как говорил Правдивый, так и случилось.

Словно густая, красиво насаженная роща,
Частым гребнем расчесанные сверкали.
В старости тут и там поредели, —
Как говорил Правдивый, так и случилось.

Золотом гладких шпилек блистающие,
Красотой сияли, украшенные косичками.
В старости голова моя облысела, —
Как говорил Правдивый, так и случилось.

Словно кистью мастера выписанные искусно,
Красотой сияли брови когда-то.
В старости их удлиннили морщины, —
Как говорил Правдивый, так и случилось.

Как драгоценные камни блистали, сверкая,
Раньше глаза мои, черные и большие.
Пораженные старостью, теперь потускнели, —
Как говорил Правдивый, так и случилось.

Словно гладкий утес поднимался, сияя,
Этот нос мой в годы юности ранней.
В старости стал он, будто берег размытый, —
Как говорил Правдивый, так и случилось.

Как браслеты, выделанные искусно,
Красотой сияли уши когда-то.
В старости их удлиннили морщины, —
Как говорил Правдивый, так и случилось.

Белые, как бутоны банана,
Красотой сияли зубы когда-то.
В старости, как ячмень, пожелтели, —
Как говорил Правдивый, так и случилось.

Как лесная кукушка в цветущих рощах,
Голосом сладким ворковала когда-то.
В старости он дрожит у меня поминутно, —
Как говорил Правдивый, так и случилось.

Словно гладкая раковина, без морщинки,
Красотой сияла шея когда-то.
В старости стала морщинистой и согнулась, —
Как говорил Правдивый, так и случилось.

Словно две палицы, крепкие и округлые,
Красотой сияли руки когда-то.
В старости слабыми стали, как ветви патали¹⁵, —
Как говорил Правдивый, так и случилось.

Золотом гладких колец украшенные,
Красотой сияли пальцы когда-то.
В старости стали, как узловатые корни, —
Как говорил Правдивый, так и случилось.

Крепкие, круглые и высокие,
Красотой сияли груди когда-то.
Как бурдюки без воды, теперь повисли, —
Как говорил Правдивый, так и случилось.

Гладкое, как золотая пластинка,
Красотой сияло тело когда-то.
Тонкой сетью морщин теперь покрыто, —
Как говорил Правдивый, так и случилось.

Словно хобот слона, широки и округлы,
Красотой сияли бедра когда-то.
В старости стали бамбуковым палкам подобны, —
Как говорил Правдивый, так и случилось.

Золотом гладких браслетов украшенные,
Красотой сияли лодыжки когда-то.
В старости ссохлись они, будто стебли кунжута, —
Как говорил Правдивый, так и случилось.

Белые, нежные, словно из ваты,
Красотой сияли ноги когда-то.
В старости трещины их и морщины покрыли, —
Как говорил Правдивый, так и случилось.

Все это тело, что было когда-то прекрасным,
Стало теперь вместилищем многих болезней,
Неприглядным, как дом с обвалившейся штукатуркой, —
Как говорил Правдивый, так и случилось.

Талапута (Тхерагатха, 1091—1145)

Эта гатха, как и гатха Амбапали, принадлежит к числу поздних. Ее автор, судя по всему, профессиональный поэт жил, возможно, в III в. до н. э., хотя предание и связывает его с Буддой (согласно традиции, сохраненной комментаторами канона, Талапута был знаменитым актером, но под влиянием встречи с Буддой оставил свое ремесло и стал монахом). Гатха представляет собой огромную двучастную исповедь. Тоска по иному существованию, выражаемая в начальной части, сменяется обращением к сердцу — поэт упрекает его в противоречивости устремлений (то оно жаждет нирваны, то мирских радостей) и высказывает уверенность в своей конечной победе. Перевод гатхи дается с сокращениями.

О когда же я буду в горных пещерах
Жить один, вокруг никого не видя,
Постигая сущего непостоянство, —
О когда, о когда все это будет?

О когда я, мұни, одетый в лохмотья,
Ничего не имея, в желтых одеждах¹⁶,
Уничтожив вражду, заблуждения, страсти,
Буду жить, счастливый, в расселине горной?

О когда гнездо болезней и порчи,
Пораженное смертью и старостью тело
Созерцая, я буду жить без страха
Один в лесу, — о когда это будет?

О когда овладев обоюдоострым
Мечом познания, без колебаний
Несущую горе лиану жажды¹⁷
Я отсеку, — о когда это будет?

О когда, как лев, неколебимый,
Мудростью, страшным оружием риши,
Обращу я в бегство полчища Мары
И его самого, — о когда это будет? [...]

О когда грозовая черная туча
Влагой нового ливня в лесу омоет
Шествующего дорогой премудрых
И чивару¹⁸ его, — о когда это будет?

О когда, заслышав в горной пещере,
Как кричит в лесу павлин венценосный,
Пробудясь, я погружусь в размышленья
О бессмертии, — о когда это будет?

О когда по волнам Ямуны и Ганги,
Сарасвати¹⁹ и страшного океана
Я смогу пройти, оснащенный иддхи²⁰,
Словно посуху, — о когда это будет?

О когда, будто слон, идущий на битву,
Растопчу я страсть ко всем уладам,
Отшвырну от себя все влекущие вещи,
Погружусь в созерцанье, — о когда это будет?

О когда, как замученный кредиторами
Бедняк, что вдруг находит сокровище,
Стану радостен я, постигнув учение
Великого риши, — о когда это будет?

Много лет ты, прося меня, говорило:
«Не довольно ли этой жизни в доме?»
И теперь, когда я ушел от мира,
Почему не даешь мне покоя, сердце?

Ты ведь, сердце, прося меня, говорило:
«На Гириббадже²¹ пестроперые птицы,
Поднимая крик при раскатах грома,
Усладят того, кто в лесу размышляет».

И тогда, подчиняясь твоим уговорам,
Я покинул дом, друзей и любимых,
Я отказался от всех наслаждений,
И все же ты опять недоволен.

То была моя, не чужая воля.
Так зачем рыдать, собираясь на битву?
Видя, как все вокруг нестойко,
Я ушел, чтоб найти стезю бессмертья.

Лучший из людей, благоречивый,
Укротитель людей, великий целитель
Разъяснил нам, что сердце, как обезьяна:
Небесстрастному обуздать его трудно.

Ибо улады, о которых мечтают
Глупые люди, пестры и прекрасны.
Но жажда возрождения, они жаждут страданий.
Увлекает сердце несчастных в нирайю²².

В лесу, звенящем криком павлинов,
Тебе будут служить леопарды и тигры.
Убей в себе привязанность к телу, —
Так ты, о сердце, мне говорило. [...]

Безобразный, бритый, проклятый всеми,
С кружкой в руке проси подаянья,
Слову великого риши следуй, —
Так ты, о сердце, меня наставляло.

Словно луна в ночь полнолуния,
Самообузданный, броди по дорогам,
Не прилепляясь мыслью к уладам, —
Так ты, о сердце, меня наставляло.

Удались от людей, кормись подаяньем,
Очищаясь и радуясь очищенью,
У кладбища живи, в пыли и в лохмотьях, —
Так ты, о сердце, меня наставляло.

Как человек, что, вырастив дерево,
Хочет срубить его в пору цветенья,
Так же, о сердце, и ты поступаешь,
Толкая меня опять к преходящему.

Ах ты бесплотный, одинокий бродяга!
Я не стану делать того, что велишь мне.
Услады — мучение, ужас, страданье.
Буду жить, стремясь к одной нирване.

Нет, не беда, не позор, не изгнание,
Не каприз, не поиски пропитанья
Толкнули меня к уходу от мира —
Я был послушен тебе, о сердце!

Довольство малым добрые славят,
Отказ от гнева, прекращенье страданий, —
Так ты, о сердце, меня наставляло,
А теперь возвращаешься к старым привычкам! [...]

Все будет теперь не так, как прежде.
Я не буду больше в твоей власти.
Я отрекся ради учения риши,
Подобные мне не подвержены смерти. [...]

На прекрасной поляне или горной вершине,
Где бродят стада кабанов и оленей,
В лесу, орошенном новым ливнем, —
Там, укрывшись в пещере, ты возликуешь.

И синегорлые венценосные птицы
В прекрасном и пестром опереньи,
Громко крича при раскатах грома,
Усладят тебя там в твоих раздумьях.

В цветущем лесу, подобном туче,
Под дождем, на траве в четыре пальца,
Среди гор, как дерево, буду лежать я,
И будет мне мягко, как на вате.

И я буду вести себя, как хозяин.
Что ни случится, тем буду доволен.
Я тебя сделаю совсем мягким,
Как упорный дубильщик — кошачью шкуру.

И я буду вести себя, как хозяин.
Что ни случится, тем буду доволен.
Подчиню тебя мужеством своей воле,
Как искусный погонщик — слона в маде²³.

Ибо если я тебя обуздаю,
Как коня горячего ловкий наездник,
Мне откроется путь благословенный
Тех великих, что держат сердце под стражей. [...]

Как ликует олень в цветущей роще
На вершине, увенчанной темными тучами,
Так и я на пустынной горе возликую, —
Подчиню тебя, сердце, своей власти.

А те мужчины и женщины, сердце,
Что твоим желаниям следовать рады,
Все они — невежды, подвластные Маре,
Твои слуги, жаждущие возрожденья.

Литература I—V вв.

«ПАНЧАТАНТРА»

«Панчатантра» («Пятикнижие») — сборник назидательных рассказов и стихов, составленный неизвестным автором предположительно в IV в., но дошедший до нас в более поздних редакциях и переработках. Самая ранняя из них — «Тантракхьяика» («Поучительные рассказы») — датируется V в.

В сказочной истории, предпосланной сборнику в качестве вступления, рассказывается, что «Панчатантра» была создана неким брахманом Вишнушарманом для глупых царевичей, дабы научить их разным наукам, и прежде всего науке государственного управления. Ссылка на глупость царевичей, очевидно, должна была объяснить развлекательную (художественную) форму преподносимых читателю наставлений, упоминание же о науке управления — присутствие в книге поучений, адресованных царям. Хотя таких «царских» наставлений в «Панчатантре» немало, это не делает ее в полной мере «царским зеркалом». Дидактика «Панчатантры» очень разнообразна, и рекомендации царям не составляют ни единственной, ни даже главной ее цели. Наряду с ними здесь даются и уроки религиозной нравственности (включая проблемы отрешения от мира, нравственной стойкости и др.), и многочисленные поучения в житейской мудрости. Создавая свой сборник, автор «Панчатантры» явно стремился соединить в нем разнообразные дидактические традиции и преподавать своим читателям наставление «на все случаи жизни».

Как разнообразна дидактика «Панчатантры», так разнообразен и ее материал, очевидно, почерпнутый автором из различных письменных и устных источников. Сюда вошли и басни, и животные и бытовые сказки, и анекдоты, и всевозможные виды назидательной поэзии — от стихотворной пословицы до моралистической проповеди высокого стиля. Весь этот пестрый в содержательном и жанровом отношении материал автор, однако, старается объединить в некоторую целостную конструкцию. Для этого он прибегает к приему так называемой рамочной композиции.

Сборник делится на пять больших повествований («книг»). Все они прикреплены к вступительной истории. В каждое из пяти повествований, в свою очередь, вставляется определенное количество рассказов и стихов

(в первое — 17 рассказов и около 180 стихов, во второе — 5 рассказов и около 170 стихов и т. д.). Рассказы и стихи приводятся «к слову» во время бесед, которые происходят между героями основного рассказа. В некоторых случаях цепь «включений» на этом не кончается — тогда вставной рассказ оказывается рамкой еще для одного или двух рассказов. Таким образом создается многоступенчатая структура, внутренняя целостность которой обеспечивается рядом дополнительных приемов. Во-первых, заботясь о единстве отдельной книги, автор всячески старается подчинить вставные рассказы рамочному, устанавливая между ними стилистическую и содержательную дистанцию: вставные рассказы просты и сравнительно кратки, рамочные — выдержаны в относительно высоком стиле, включают описания и длинные диалоги, построенные по образцу философских бесед; вставные рассказы учат практической нравственности, рамочные — осложнены политической и религиозной проблематикой. Во-вторых, чтобы добиться единства сборника в целом, между пятью рамочными рассказами устанавливаются связи, образуемые тематической и смысловой перекличкой. Так, в первой, второй и четвертой рамочных историях проходит одна и та же тема дружбы, а первая и третья разрабатывают на контрастных примерах проблему выбора царского советника (от того, какого — хорошего или плохого — советника выберет себе царь, зависит успех его политики).

Популярность «Панчатантры» была необычайной. Ее с одинаковым увлечением читали и в древней, и в средневековой Индии. Довольно рано сборник начинает проникать и в сопредельные с Индией страны. В VI в. он был переведен на пехлевийский язык, в VIII в. — на арабский, затем на другие ближневосточные языки, с XIII в. переработки «Панчатантры» появляются в Европе. Хорошо знали эту книгу и в странах Юго-Восточной Азии. Незамкнутость художественной структуры «Панчатантры» позволяла легко менять и расширять ее состав, варьировать ее дидактику. Но при всех трансформациях неизменными оставались ее рамочная композиция и то содержательное и жанровое разнообразие, которое явилось одной из причин ее долгой жизни.

Ниже приводятся фрагменты из первой и третьей книги ранней редакции «Панчатантры» — «Тантракхьянки». Перевод Ю. М. Алихановой.

ПАНЧАТАНТРА (Тантракхьянка)

Вступление

В южных краях есть город Михиларопья. Некогда жил в этом городе царь, которого звали Амарашакти. Он был древом желаний¹, исполнявшим мечты всех, кто приходил к нему за помощью. Стопы его расцветчивал отблеск драгоценных камней, вправленных в короны самых могучих царей². Он превосходно владел всеми искусствами и знал все науки, касающиеся управления.

И у этого царя были три очень глупых сына — Васушакти, Уграшакти и Анекашакти. Увидев, что они проявляют полную неспособность к науке управления, царь созвал советников и велел им подумать над тем, что тут можно сделать.

— Вы знаете, — сказал он, — как необычайно глупы эти мои сыновья. К какому же средству следует прибегнуть, дабы пробудить в них разум?

На это одни советники сказали так:

— Божественный, двенадцать лет, как говорят, полагается на то, чтобы изучить грамматику.

— Да, — сказали другие, — и не всегда удастся изучить ее даже и в этот срок. А после надо еще изучать науки, касающиеся религиозных обязанностей, науку управления и науку любви. Даже для умных это задача почти недостижимая. Что же говорить о глупцах? Есть у нас, правда, один знаток науки управления, брахман по имени Вишнушарман. О нем идет слава, будто он сведущ и во многих других науках. Призови его и поручи ему царевичей.

Так и порешили. Один из советников позвал Вишнушармана, и тот, войдя, приветствовал царя по обычаю дваждырожденных³ благословением, а потом сел.

— Брахман, — сказал ему царь, — если ты сможешь оказать мне такую услугу и сделать этих глупых царевичей непревзойденными знатоками науки управления, я дам тебе много золота.

На эти слова повелителя Вишнушарман, однако, ответил так:

Все говорят по-разному о деле,

И, чтобы не попасть впросак,

Царь должен понимать, кто говорит с ним,

Зачем он говорит и отчего.

Так что не будем тратить лишних слов. Слушай речь мою, бесхитростную, как рык льва. Денег, скажу тебе, я не хочу. Да и не в том я возрасте, чтобы наслаждаться богатством. Ведь мне уже восемьдесят лет, и все чувства мои угасли. Но ради твоего блага я готов взяться за это дело, требующее ума и сообразительности. Так пусть же запишут сегодняшний день. Если я в течение шести месяцев не сделаю твоих сыновей непревзойденными знатоками науки управления, ты можешь указать мне на дверь и удалить отсюда на сотню хаста!⁴

Царь и советники его преисполнились великого изумления, услышав такое невероятное обещание из уст брахмана.

— Что ж, — сказал царь, — тогда я щедро одарю того, кто известит меня о том, что дело сделано.

И с этими словами он почтительно препоручил брахману царевичей. Брахман же, поразмыслив и решив, что так будет лучше всего, написал наставления в пяти книгах. Нет такого ни в мире животных, ни в мире людей, чего бы он не использовал в них должным образом для достижения своей цели.

Книга первая

«Разлучение друзей»

[В лесу, находящемся в окрестностях Михиларопы, появился бык, отбившийся от каравана. Рев его встревожил царя леса льва Пингалаку — он испугался, что в его владениях поселился какой-то могучий зверь. Шакал Даманака, сын бывшего царского советника, удаленный теперь от двора, решил воспользоваться создавшейся ситуацией, дабы поправить свои дела. Он успокаивает льва, обещая усмирить чудовище и привести его к повелителю. Доставленный Даманакой ко двору бык скоро становится ближайшим другом Пингалаки. Под облагораживающим влиянием просвещенного горожанина Сандживаки (так звали быка) дикарь Пингалака начинает отучаться от своих кровожадных привычек и перестает охотиться. Даманака, лишившийся в связи с этим пропитания (ведь шакал живет обедами с львиного «стола»), решает покончить с опасной дружбой льва и быка. Он приходит посоветоваться к своему другу, шакалу Каратаке.]

... — В любом случае, — сказал Даманака, — Пингалаку надо отлучить от Сандживаки, ибо когда нет светильника, то нет и света.

— Но ведь у тебя нет никакого влияния, — возразил Каратака. — Как ты его отлучишь?

— Дорогой, — сказал Даманака, —

Ведь хитрый может сделать то,
Чего не сможет сделать сильный.
Ворона черную змею
Убила золотою цепью.

— Как так? — спросил Каратака.

— А вот как. Росло в одном месте дерево, а на нем жила супружеская чета — ворон и ворона. И вот повадился к ним черный змей. Только выведут они птенцов, у тех еще и крылья не отросли, а он влезет к ним в дупло и съест всех до единого. В отчаянии от такого злодейства обратился ворон за советом к милому своему другу шакалу, который жил под соседним деревом.

— Как ты думаешь, дорогой, что следует делать в таких обстоятельствах? — спросил он. — Ведь от того, что дети наши гибнут, нет нам, старикам, никакой жизни.

А шакал ему на это:

Сожрала цапля много рыб,
Отменных, средних и негодных,
И все ж от жадности чрезмерной
В клешнях у рака умерла.

— Как так? — спросил ворон.

— А вот как, — ответил шакал. — Некая цапля, постарев, решила поискать себе легкой добычи. Встала она в одном месте на озере и сделала вид, будто охвачена глубоким беспокоеством. Среди многих рыб случился там рак. Он спросил цаплю:

— Что же это ты, тетушка, не охотишься сегодня, как обычно?

А цапля ему:

— Так как я питаюсь рыбой, то скажу тебе все без утайки. До сих пор я ловила вам подобных, и жизнь моя была в безопасности. Но теперь все кончено, больше мне нечем будет поддерживать свое существование. Вот я и горюю.

— Но что случилось, тетушка? — спросил рак.

— Сегодня мимо этого озера проходили рыбаки и так говорили между собой. «Какое рыбное озеро, — сказал один. — Давайте забросим сюда сети!» — «Но мы ведь не побывали еще на других озерах, что рядом с городом», — возразили ему. «Ладно, — решили все, — сходим к тем озерам, а потом вернемся сюда». Вот какой был у них разговор. Так что, дорогой, сам видишь — вам пришел конец, а я остаюсь без еды. Ну как тут не прийти в расстройство?

Тогда все они, — и рыбы, и рак — стали говорить, что, мол, из всякой беды можно найти выход, и ты должна спасти нас. А цапля им:

— Я ведь только птица, мне ли бороться с человеком? Но, правда, я могла бы перенести вас из этого озера в другое...

Тут рыбы, ничего не подозревая, закричали наперебой:

— Матушка! Сестрица! Тетушка! Отнеси меня! Нет, меня, меня неси первой!

И эта злоумышленница, в полном восторге от того, что хитрость ее удалась, стала по очереди уносить рыб и поедать их без всяких хлопот.

Между тем рак, мучимый страхом смерти, постоянно просил цаплю:

— Тетушка, прошу тебя, вырви ты и меня из пасти смерти, пока не поздно.

«Что ж, — подумала злодейка, — меня уже тошнит от этого рыбьего мяса, — все на один вкус. Почему бы и в самом деле не попробовать рака? Вкус-то у него, наверное, другой». Подхватила она рака, подняла его в воздух и, миновав все водоемы, опустилась в одном месте на нагретый солнцем камень. Смотрит рак — а там целая куча рыбных объедков. И понял он, что злодейка-цапля перехитрила их всех и убила тех рыб, что унесла из озера. «Что же теперь делать?» — подумал рак. — «Впрочем,

Когда разумный не находит,
Как выпутаться из беды,
Он в бой вступает — раз уж гибнуть,
Так лучше с недругом своим».

Глупая цапля! Она и не подозревала, что такое попасть раку в клешни. Вот и пришлось ей по его милости лишиться головы. А рак взял шею цапли, похожую на стебель голубой лилии, и отправился обратно к рыбам, находя дорогу по приметам, замеченным им с воздуха.

— Где же тетушка, братец? — спросили его рыбы.

— Померла ваша тетушка, — сказал рак. — Видите голову этой злодейки? Много вашей сестры заманила она хитростью и съела. А я вот убил ее.

Вот потому я и говорю: «Сожрала цапля много рыб...»

— Ну так что же, по-твоему, мне делать? — спросил ворон шакала.

— Надо найти золотую цепь, — сказал шакал, — и подкинуть змею в логово. Хозяин цепи непременно его убьет.

И с этими словами шакал ушел, а ворон отправился на поиски. Прилетел он к царскому дворцу и видит — в одном месте на женской половине стоит служанка и чистит очень дорогую, в превосходных камнях, золотую цепь. Кончила она ее чистить, положила на пару выстиранного белья и принялась болтать с другой служанкой. А ворон тут как тут — схватил цепь, взмыл с ней в воздух и полетел к своему жилищу. Летел он медленно, чтобы его увидели. Так что стражники, — кто с дубинкой, кто с палкой, кто с колотушкой, — тотчас бросились ему вдогонку. Бегут, видят — дерево, а ворон тут же — раз! — и забросил цепь себе в гнездо. Один из стражников влез на дерево, смотрит — а там черный змей. Наелся птенцов, лежит и дремлет. Стражник так и убил его спящего. Потом взял цепь и ушел.

Вот потому я и говорю: «Ведь хитрый может сделать то...»

Закончив свой рассказ, Даманака заговорил опять:

В ком разум есть, в том есть и сила.

Как может глупый сильным быть?

Смотри, могучий от природы

Повержен слабым зайцем лев.

— Как так? — спросил Каратака.

— А вот как. В одном лесу жил громадный лев. Зверям не было от него никакого спасения. И вот однажды, собравшись все вместе, они явились перед лицом своего господина с пучками зеленой травы⁵ в зубах, и, смиренно опустившись на колени, обратились к царю зверей с такой речью:

— Смилуйся, о царь! К чему тебе, наш повелитель, вот так зря истреблять всех животных, проявляя жестокость, грозящую дурными последствиями в будущей жизни? Ведь беда от этого произойдет двойная — и мы погибнем, и ты лишишься пропитания. Будь же милостив! А мы со своей стороны, соблюдая очередность, будем посылать повелителю по одному животному от каждого племени.

Так и сделали. Через какое-то время пришла очередь зайца. Когда звери, все вместе, объявили ему об этом, заяц в раздражении подумал: «Отправиться в пасть к самой смерти — это же конец! Что же мне делать? А впрочем, есть ли невозможное для тех, кто наделен разумом? Нужно придумать хитрость и убить льва!» И сказав себе так, заяц пришел ко

льву позже того часа, когда тот обычно обедал. На льва страшно было смотреть: горло стянуло от голода, глаза от гнева налились кровью, морда дергается, зубы скрежещут, клыки торчат, хвост бьет по земле.

— Ты, верно, решил, — прорычал он, — что если меня хорошенько разозлить, то я и жизни тебя лишать не стану? Как бы не так! Можешь считать себя уже мертвым. Ты почему так поздно явился?

— Не по своей воле, о господин, пропустил я час твоей трапезы, — ответил заяц.

— Кто же тебя задержал?

— Лев.

Услышав такое, лев встревожился.

— Разве в этом лесу, находящемся под защитой моих лап, есть еще лев? — спросил он.

— А как же! — отвечал заяц.

Тут лев подумал: «Да стоит ли его убивать? Вот покажет мне моего соперника, убью того, а тогда и съем его». И говорит зайцу:

— Показывай, где этот негодяй!

А заяц тот усмехнулся про себя, призвал себе на помощь наставления Брихаспати и Ушанаса⁶ и, смело идя к своей цели, показал льву глубокий, выложенный кирпичом колодец. Вода в колодце была чистая и прозрачная, а расстояние до нее было в два человеческих роста. Вот лев и не понял, что видит собственное отражение. Мысли его устремились по ложному пути. Он решил, что перед ним его соперник, тут же бросился на него и по собственной глупости лишился жизни.

Вот потому я и говорю: «В ком разум есть, в том есть и сила...»

[Отправившись к Пингалаке, Даманака стал его убеждать в том, что бык хочет убить своего высокого друга и захватить престол. Вслед за тем он встретился с Сандживакой и стал внушать тому, что лев изменил к нему отношение и собирается отдать его на растерзание зверям.]

... — Поначалу повелитель наш Пингалака бывает, как мед, а под конец оказывается сущим ядом, — сказал Даманака.

— Так и есть, дорогой, — ответил, подумав, Сандживака. — На собственном опыте испытал я это. Верно ведь сказано:

Он со слезами на глазах протягивает руку,

Сесть предлагает рядом;

В объятья заключает вас, любезностями сыплет,

Неутомим в расспросах;

В притворстве ловок так, что в сердце яд тая смертельный,

Снаружи — мед, и только!

Владеют подлецы вонистину необычайным

Искусством лицедейства.

И еще:

Сперва она пленяет красотой услуг,
Покорности и лести;
Потом почтительность внушает блеском слов,
Бесплодных, но цветистых;
В конце же грязью наглости и клеветы
Внушает отвращенье, —
Пусть дружба с низким не коснется вас,
Рожденная корыстью!

О горе! Разве можно было мне, поедателю травы, вступать
в дружбу со львом? И потом,

Когда спешит к горе заката⁷ солнце,
Огнем пылая,
Пчела, стремясь испить нектар с тычинок,
Влетает в лотос.
Что через миг он станет для нее тюрьмой⁸,
Она не помнит.
Так люди забывают обо всем,
Успеха жаждая.

Отвергнув лотосов медовое питье,
Презрев цветенье лилий,
Без удержу струящий аромат
Прекрасный от природы малати⁹ покинув,
Летят к слоновьим лбам, чтоб в липкой маде вязнуть¹⁰,
Бессовестные пчелы.
Вот так и люди: от доступного бегут,
А ради недоступного рискуют жизнью.

Когда сметает слон, махнув ушами,
С висков, безостановочно струящих маду,
До меда жадных пчел, те, падая на землю,
Об играх в лотосе с тоскою вспоминают.

Достойные, впрочем, всегда так страдают. —

Ломают ветви дереву плодов
Поспевших изобилье;
Павлину неуклюжесть придает
Богатство оперенья;
Конь возит на себе, как бык простой,
Когда он быстр, как ветер. —
Достоинства достойным портят жизнь.
Кто станет спорить с этим?

И с другой стороны,

Властителю достойный неугоден,
Любезен женщине развратник и дурак.

Нет, добродетель не в цене. Кого волнует,
Что в самом деле значит человек?

Печальный лев за изгородью клетки,
Слон с окровавленным анкушей¹¹ лбом,
Змея, ослабленная заклинанием,
Лишенный счастья доблестный герой,
Ученый, впавший в бедность, — кто они?
Судьбы любимые игрушки!
Она их, забавляясь, то подбросит вверх,
А то возьмет и наземь кинет.

Как ни верти, а нет мне жизни, ибо попал я в окружение негодяев. Сказано ведь:

Живя обманом, зло добром
Представить могут негодяи.
Когда их много. Ворон так
С друзьями обманул верблюда.

— Как это? — спросил Даманака.

— А вот как. Жил в одном лесу лев по прозвищу Бешеный. Трое плотоядных — пантера, ворон и шакал — составляли его свиту. Блуждая как-то в лесу, набредли они на верблюда, брошенного здесь купцом. Лев никогда раньше верблюдов не видел и облик его показался ему смешным.

— Такого зверя в нашем лесу еще не бывало, — сказал он. — Спросите у него, кто он.

Тут ворон догадался и говорит:

— Да это верблюд! Кто ж его не знает?

Потом ворон уговорил верблюда ничего не бояться и подвел его ко льву. И верблюд рассказал льву о себе и как он расстался с купцом, а лев даровал ему убежище и безопасность.

И вот однажды лев подрался с диким слоном и, тяжело израненный его бивнями, залег в пещере. Не прошло и пяти-шести дней, а уж все его слуги едва держались на ногах от голода. Когда они совсем отошлани, лев сказал:

— Вы же видите — я болен и не могу добывать вам пищу, как прежде. Но хоть ради себя потрудитесь, пока я оправлюсь.

— Ах, — отвечали те, — до себя ли нам, когда с тобой приключилось такое?

— О, какая самоотверженность и какая преданность! — воскликнул лев. — Прекрасные слова! Что ж, тогда накормите меня — ведь я болен, а вы полны сил!

Когда же они ничего ему на это не ответили, он сказал:

— Ну, смелее! Выследите какое-нибудь животное. И я, даже и в этом состоянии, обеспечу пропитанием и вас, и себя.

Делать было нечего. Ворон, шакал и пантера поднялись и вместе с Горбуном¹² (так звали верблюда) углубились в лес. Здесь, однако, они его бросили, а сами стали держать подлый совет.

— Хозяин обрекает нас на верную смерть, — сказал ворон, — а ведь то, что мы ищем, у него уже есть.

— Как так? — спросили шакал и пантера.

— А Горбун?!

— Что ты! Он же доверился нам, прибег к нашей защите, мы признали его своим другом!

— Плотоядные и травоядные всегда были врагами, а не друзьями! — сказал ворон.

— А хозяин, который даровал ему безопасность? Он ведь будет его защищать. Нет, нехорошо это, да и невозможно.

— Ладно, — сказал ворон, — вы оставайтесь здесь, а я пока доложу об этом деле нашему повелителю.

— Ну что? — спросил его лев. — Выследили вы какое-нибудь животное?

А ворон ему в ответ:

— У кого есть зрение и силы, тот пусть и выслеживает. Мы же от голода ослепли и едва держимся на ногах. Но дать совет повелителю — без сомнения, наш долг. Так вот. Зачем повелителю обрекать себя на смерть, когда у него есть то, что может его спасти?

— Каким образом? — спросил лев.

— Ну а Горбун?

— Фу, какая низость! — воскликнул лев. — Ты забыл, что я своей милостью даровал ему убежище и безопасность? Ведь

Как ни ценны дары такие, как земля,
Корова и еда, но в этом мире
Из всех даров ценнейших, говорят,
Дар безопасности есть самый ценный!

А ворон:

— Ах, осведомленность повелителя по части дхармашастры¹³ поистине необычайна! Но есть и другая важная истина, завещанная нам великими рйши¹⁴, а именно — что ради благой цели допустимо совершать и дурные дела. И так ведь еще говорят:

Пожертвуй для семьи одним,
Семьей пожертвуй для деревни,
Пожертвуй для страны, деревней,
Страной пожертвуй для себя!

— И потом, — снова заговорил ворон, — повелитель сам может не совершать убийства. Я сделаю так, что Горбун будет убит без участия повелителя.

— Каким же это образом? — спросил лев.

— Да очень просто! Он же видит, в каком тяжком состоянии находится повелитель и все мы, и знает, что, пожертвовав собой, отправится на небо. Так что он сам предложит себя нам на прокормление.

При этих словах ворона лев как будто заколебался и не нашелся, что ответить. А ворон возвратился к пантере и шакалу и каждого заставил затвердить одни и те же лживые слова. Затем, сговорившись между собой, они вместе с Горбуном отправились ко льву.

И вот ворон поклонился и говорит:

— Что бы там ни было, божественный, а мой долг — пожертвовать своей плотью для поддержания плоти моего повелителя.

А лев ему отвечает:

— Не вышел ты телом. Если и съем тебя, все равно останусь голодным.

Ворон отошел, тогда шакал сказал:

— У меня тело побольше. Возьми мою жизнь и спаси свою.

Но и от него лев отказался. Шакал отошел, тогда пантера сказала:

— Я побольше этих двух. Съешь меня!

Но и ей лев ответил:

— Не вышла ты телом.

Слыша все это, Горбун подумал: «А ведь никто из них не пострадал. Скажу-ка и я, как они». Встал он, подошел ко льву и говорит:

— Божественный, я больше их всех. Возьми мое тело и поддержи им свою жизнь.

Только он это сказал, как пантера и шакал бросились на него и разорвали ему бока. И в тот же миг он испустил дух и был съеден.

Вот потому я и говорю: «Живя обманом...»

Рассказав эту историю, Сандживака вновь обратился к Даманаке:

— Этот царь, дорогой, окружен подлецами. Что хорошего могут ждать от него подданные? Недаром говорится: «лучше царь-коршун, окруженный гусями, чем царь-гусь, окруженный коршунами». Ибо от окружения, и только от него, появляются пороки, а этого довольно, чтобы привести к гибели. Ты спросишь, почему. Да потому, что от этого является желание окружать себя только прежними слугами, наговоры же этих слуг лишают царей всякой способности к рассуждению. Сказано ведь:

Царь, если он невежда
И верит наговорам слуг,
Бывает в ссоре и с друзьями,
Не говоря уж про врагов.

Наверняка кто-то восстановил Пингалаку против меня. Верно говорят:

Подточенные мягкой водой,
Теряют даже скалы крепость, —

Что стоит опытным клеветникам
Испортить мягкое людское сердце?

Но если все так, то что же мне делать? А впрочем, что тут размышлять? Надо сражаться — иного пути нет. Говорят же:

Карать мы вправе и отца,
Когда он запятнал себя,
Забыл, что должно и недолжно,
И сбился с верного пути.

К тому же

Небесные миры, мечтая о которых
Свершают жертвы и творят аскезу,
В единый миг герои обретают,
На поле брани расставаясь с жизнью.

В сражении пусть всякий защищает
И жизнь свою, и славу, и богатство.
Почетна в битве смерть. И если блага
Желаешь для себя, врагу не покоряйся.

Попасть на небо, умерев,
Врага сразив, достигнуть счастья —
Перед героями открыты
Два этих благодатных пути.

— Нет, дорогой, это не годится, — сказал Даманака. — Ибо

Кто нападет, не разузнав,
Как возопит его противник,
Потерпит поражение тот,
Точь-в-точь как море от титибхи.

— Как так? — спросил Сандживака.

— А вот как. В одном месте на берегу океана жила супружеская чета птиц — титибха и титибхи. Однажды, собираясь отложить яйца, титибхи сказала супругу:

— Надо бы поискать место, где мне отложить яйца!

— А это место чем худо? — спросил титибха. — Здесь и клади!

— Ну его, — возразила титибхи, — тут опасно. Морской прилив наверняка смоем яйца, и птенцы мои погибнут.

— Что ты, дорогая, океан никогда не отважится затеять со мной такую жестокую ссору!

— Уж очень несравнимы твои силы с силой океана. Как можно не понимать, чего ты стоишь на самом деле? Сказано ведь:

Конечно, не легко понять,
В чем ты силен, а в чем ты слаб,
Но только тот, кто это понял,
Не терпит в жизни неудач.

И к тому же

Кто невнимателен к совету
Друзей, желающих добра,
Тот гибнет, словно черепаха,
Что тут же сорвалась с шеста.

— Как так? — спросил титибха.

— А вот как. В одном пруду жила черепаха по прозвищу Морщинистая Шея. У нее были два друга — гусь по прозвищу Толстяк и гусь по прозвищу Худышка. Шло время, и вот случилась как-то двенадцатилетняя засуха. Пруд стал мелеть, и решили гуси переселиться на другой водоем. Но тут вспомнили они о милом своем друге Морщинистой Шее, с которой прожили бок о бок долгое время. «Надо бы с ней проститься», — подумали гуси. Пришли они к черепахе, а та и говорит им:

— Как! Вы прощаетесь со мной? Но если есть у вас привязанность ко мне, то и меня должны вы вырвать из этой пасти смерти. Почему, спросите вы, говорю я о смерти? Да потому, что вам в этом обмелевшем пруду грозит голод, и только, а меня здесь ждет верная смерть. Так подумайте — чего тяжелее лишиться, еды или друга?

— Ты права, — сказали гуси. — Так оно и есть. Ты поняла, что надо делать. Ну конечно, мы берем тебя с собой. Но смотри, не сболтни чего-нибудь по недомыслию в дороге. А теперь ухватись-ка зубами за середину этой палки! Вот так. На ней мы поднимем тебя в воздух и отнесем к большому озеру, что всего в шести йоджанах¹⁵ отсюда. А уж там заживем себе все припеваючи.

Так все и сделали. Но когда они пролетали над городом, расположенным неподалеку от того озера, люди, увидев, как несут черепаху, подняли шум:

— Что это там в небе? — кричали они. — Ни дать, ни взять тележное колесо!

Услышав такое, черепаха, смерть которой была уже близка, отпустив палку, воскликнула:

— Да я же черепаха! Что за чепуху болтают по недомыслию эти люди!

И так как она при этом потеряла опору, то и грохнулась, еще не договорив, на землю. А те из собравшихся здесь людей, что любили лакомиться мясом, едва она упала, разрезали ее на куски острыми ножами.

Вот потому я и говорю: «Кто невнимателен к совету...» И опять она сказала:

Предусмотрительная та,
Находчивая эта — обе
Живут себе, не зная бед.
Погибла только Будь-что-будет.

— Как так? — спросил титибха.

— А вот как. В одном большом озере жили три большие рыбы — Предусмотрительная, Находчивая и Будь-что-будет. И вот однажды, плавая около берега, Предусмотрительная услышала разговор проходивших мимо рыбаков: «Много рыбы в этом озере, — говорили они, — надо будет ее выловить». Услышав такое, Предусмотрительная подумала: «Что они вернутся сюда — это ясно. Уйду-ка я по протоке в другое озеро, захватив с собой Находчивую и Будь-что-будет». Затем она позвала своих подруг и спросила, не хотят ли они отправиться вместе с ней. Как-то так случилось, что Находчивая не последовала за Предусмотрительной. Будущее мало заботило ее — ведь она была надежно защищена своим умом и к тому же бесстрашна сердцем. Ну, а Будь-что-будет просто не обратила внимания на слова подруги и ничего не стала предпринимать для своего спасения. Смертный час ее был уже близок.

На следующий день, едва Предусмотрительная уплыла, рыбаки перегородили протоку и забросили сети. Когда же они их вытащили, в том озере не осталось ни единой рыбешки. Видя, что дело обернулось таким образом, Находчивая всплыла на поверхность и прикинулась мертвой. «Эта большая рыба умерла своей смертью», — решили рыбаки и отбросили ее к протоке. Тут она прыг! — и ушла в другое озеро. А Будь-что-будет как стали глушить дубинкой, так все косточки ей переломали. Она и померла.

Вот потому я и говорю: «Предусмотрительная та...»

Титибхи отложила яйца. И вот как-то, желая проверить ее супруга, океан унес те яйца. «Посмотрим, что он теперь предпримет?» — подумал океан. Когда титибхи обнаружила, что место, где лежали яйца, опустело, сердце ее преисполнилось глубокой скорбью.

— Как я думала, — сказала она супругу, — так все и случилось со мной, бедной!

Он же, усмехнувшись про себя, ответил ей:

— Теперь, дорогая, ты увидишь, на что я способен.

И супруг титибхи созвал птиц и поведал им о том, что потомство его похитили и он из-за этого пребывает в величайшем горе. Тут одна из птиц сказала:

— Воевать с океаном мы, конечно, не можем. Но вот что надо сделать. Поднимем все вместе плач и разжалобим Гаруду¹⁶. Уж он-то сумеет помочь нашему горю.

Так и порешили и отправились к Гаруде.

Как раз в это время Вишну послал за Гарудой, ибо началась битва богов с асурами. А Гаруда, узнав, какое несчастье обрушилось на его сородичей, пришел в страшный гнев. Тогда Вишну, который, будучи богом, обладал способностью видеть все — и настоящее, и прошлое, и будущее, понял, что творится в душе Гаруды, и пришел к нему сам.

— Что же это такое! — горестно воскликнул Гаруда, завидев бога. — Ты — мой господин, а я должен терпеть такое унижение от этого негодника океана!

Тогда Вишну усмехнулся и сказал океану:

— Сейчас же возврати яйца титибхи, а не то я спалю тебя горящими стрелами и вмиг иссушу твои воды тысячами подводных огней¹⁷!

«Да, — подумал океан, — эта птица разбила меня в пух и в прах». И, поклонившись богу, вернул яйца.

Вот потому я и говорю: «Кто нападет, не разузнав...»

[Козни Даманаки увенчались успехом. Заметив друг в друге настороженность, бывшие друзья окончательно поверили в правоту его наветов, между ними произошла схватка, в результате которой бык погиб. Теперь Даманака должен занять его место, что, по мнению добродетельного шакала Каратаки, чревато для царя и всего царства весьма опасными последствиями.]

Книга третья «Вороны и совы»

[Совы совершают ночной набег на дерево, где живут вороны, и истребляют стаю почти полностью. Царь ворон, молодой ворон Мегхаварна, созывает советников для обсуждения создавшегося положения. Выслушав мнения всех своих министров, он отпускает их и остается наедине с самым старым из них, Чирадживинном.]

... — Отец, — сказал Мегхаварна, — я по молодости своей неразумен. Как ты говоришь, так и сделаю, ибо тебе подвластно все. Ты сведущ в вопросах управления, богат разнообразными знаниями, и притом желаешь мне блага, как если бы был мне отцом по крови. Но вот что хотелось бы от тебя услышать: из-за чего возникла вражда между нами и совами?

— Из-за подачи голоса, дорогой, — ответил Чирадживинн. —

Осел, что шкурою пантеры
Прикрывшись, преспокойно в поле
Ходил пастись, раз подал голос
И от того, дурак, погиб.

— Как так? — спросил Мегхаварна.

— А вот как. Осел одного мойщика так надорвался, таская непомерно тяжелые узлы с бельем, что едва не подох. Стал мойщик думать: «Горе мне! До чего же скверно все получилось. Дело мое теперь станет, заработки упадут. Как же мне быть? Попробую-ка вот что сделать. Куплю за три рупии пантерью шкуру и по ночам буду пускать осла в этой шкуре на поля. Попасется он на молодых всходах и, смотришь, уже через несколько дней совершенно окрепнет». Так и сделал. Пахарь же, когда заметил, что кто-то травит посевы, начал сторожить свои поля. И вот как-то увидел он посреди поля осла. «Я погиб, — подумал пахарь, — это же пантера!» И, накинув на себя

отсыревшее за ночь одеяло и подняв над головой лук, стал медленно выбираться оттуда. Тут и осел заметил пахаря. «Это же ослица!» — решил он и, спеша навстречу собственной гибели, бросился за пахарем. Пахарь прибавил шагу. «Что такое? — подумал осел. — Может быть, она заблуждается на мой счет, видя на мне эту шкуру? Порадую-ка я ей сердце своим криком — тогда уж она поймет, кто я такой». И принялся кричать. Сторож сразу же сообразил, что перед ним осел, повернул назад и выстрелил в него из лука. Осел вмиг и помер.

Вот потому я и говорю: «Осел, что шкурою пантеры...»

[Из дальнейшего рассказа советника выясняется, что некогда, во время избрания совы царем птиц, случившийся при этом ворон неожиданно выступил против этой кандидатуры, и сова так и осталась без престола. В память об этом совы до сих пор воюют с воронами. Беседа царя и советника продолжается.]

... — Я понял, отец, — сказал Мегхаварна. — Все ясно. Нужно подумать, как сделать, чтобы они не пришли сюда опять.

— Повелитель, — сказал Чирадживин, — из шести способов внешних сношений — мирного соглашения и войны, сидения на месте и похода, поисков союзника и сеяния раздора — первые два были уже подвергнуты рассмотрению. Что же до остальных — сидения на месте, похода, поисков союзника и сеяния раздора, то все это для нас сейчас невозможно. Почему? Потому что если мы останемся на месте, то крепость нашу разрушат, если предпримем поход, то крепость придется оставить. И, наконец, с кем из могучих можем мы заключить союз и среди кого нам сеять раздор? Итак, в создавшемся положении для всех четырех видов отношений с врагами — переговоров, уплаты дани, сеяния раздора и применения силы — места нет. Есть, однако, пятый способ, о котором не говорит создатель науки управления, а именно — хитрость. Применив его, я один добьюсь разгрома наших врагов и полной победы над ними. Сказано же:

Пусть много у тебя врагов,
Могучих даже, все равно
Их можно обмануть — так брахман
Премудрый потерял козла.

— Как так? — спросил Мегхаварна.

— А вот как. Один брахман шел к себе домой, неся на плечах скотину, — он собирался принести скотью жертву. На полдороге увидели его мошенники и стали говорить между собой: «Вот бы нам сегодня полакомиться этим козленком». Составив план действий, они забежали вперед и двинулись по дороге навстречу брахману, разделившись предварительно так, чтобы вначале ему попался один, потом двое, а потом трое.

Тот из мошенников, что шел первым, сказал брахману:
— Несомненно, благочестивый, эта собака обладает высокими достоинствами, если ты носишь ее на плечах. Должно быть, она отлично загоняет зверя!

И сказав так, прошел мимо.

«Что такое говорит этот негодяй? — подумал брахман. — Чтобы я взвалил себе на плечи собаку? Да как это возможно!»¹⁸

Как только он поравнялся со следующими двумя мошенниками, те говорят ему:

— Что за непотребное дело задумал ты, брахман! Этот жертвенный шнур, четки, кувшин для воды, священный знак на лбу, а на плечах — собака! Тьфу! Или, может быть, она очень хорошо загоняет зайцев и кабанов?

И с этими словами прошли мимо.

Тогда брахман, решив проверить себя, сбросил козла на землю и тщательнейшим образом ощупал его уши, рога, яйца, хвост и все прочее. «Вот, дураки! — подумал он. — Приняли козла за собаку. И как это их угораздило?» Он опять взвалил скотину на плечи и двинулся дальше.

Тут повстречались ему трое и говорят:

— Смотри, не коснись нас, проходи боком! Почему? Да потому, что ты только знаками чист, брахман, а на деле, видно, охотник, раз с собакой ходишь!

Сказали и прошли дальше.

«Да что же это такое! — подумал брахман. — Но ведь если столько людей говорят одно и то же, значит, это — правда. Да и оборотни в мире — вещь нередкая. А вдруг это ракшаса в собачьем обличье? Еще чего доброго возьмет и примет собственный свой облик!» И уже ни в чем не сомневаясь, бросил козла наземь и в страхе, как бы не пришлось совершать потом искупительный обряд, пустился бежать без оглядки. А мошенники съели козла.

Вот потому я и говорю: «Пусть много у тебя врагов...»

[Чирадживин перебегает к совам и просит у них убежища — в своей стае он якобы подвергается несправедливым гонениям. Царь сов собирает советников, чтобы решить, принять ворона-перебегчика, или нет. Все высказываются за, и только один советник, Рактакша, требует, чтобы Чирадживин был предан казни. Но царь соглашается с решением большинства.]

...Усмехнувшись про себя, Рактакша заговорил снова.

— Увы, — сказал он, — наш повелитель погублен вами, вашим неумением вести дело. Говорят ведь:

Пусть на глазах творится зло,
Даст убедить себя в обратном
Дурак. С любовником жену
На голове таскал ведь плотник.

— Как так? — спросили советники.

— А вот как. В одном месте жил плотник, жена которого славилась дурным поведением. И хотя друзья и родственники

постоянно предостерегали ее против этого, она не переставала иметь дело с другими мужчинами. И тогда плотник, желая убедиться во всем сам, сказал ей как-то:

— Дорогая, в одном месте, далеко отсюда должны строить царский дворец. Я собираюсь завтра туда отправиться.

И она, довольная, приготовила ему в дорогу все, что он ей наказал. Рано утром, взяв инструменты и еду, плотник сказал жене:

— Я ухожу, дорогая. Затвори за мной дверь.

А сам тайком вернулся обратно и, воспользовавшись моментом, когда дома никого не было, вместе с учеником залез под свою кровать.

Между тем жена его, радуясь, что нынче она спокойно встретится с любовником, послала за ним сводню, и когда тот пришел, стала преспокойно потчевать его разным питьем и кушаньем. Дело еще не дошло до любовных ласк, когда, каким-то образом двинув ногами, она неожиданно коснулась колена мужа. «Никак это плотник, — подумала она. — Что же делать?» А тут как раз возлюбленный ее принялся за клятвы и давай спрашивать:

— Скажи мне, кто тебе милее — я или муж?

Жена плотника сразу сообразила, как ей быть, и говорит:

— Верно спрашиваешь. Еще бы! Ведь женщины — кто этого не знает? — легкомысленны и способны на что угодно. Да что там говорить! Если б не было у них носов, они, можешь в том не сомневаться, и навоз бы ели! Но я — другое дело. Без долгих слов скажу тебе так: стоит мне услышать, что с супругом моим случилось что-то плохое, пусть самая малость, я тут же расстанусь с жизнью!

Тогда плотник, обманутый лживыми словами этой распутницы, воскликнул, обращаясь к ученику:

— Победа! Жена моя предана мне в высшей степени! Перед всем народом я воздам ей должные почести.

И он поднял себе на голову ложе, на котором возлежали его жена и ее любовник, и пронес их так по главной улице и по всем другим улицам, а люди смотрели и смеялись.

Вот потому я и говорю: «Пусть на глазах творится зло...»

[Несмотря на все предостережения Рактакши, Чирадживин был допущен в крепость сов, и вскоре ему удалось устроить там поджог, в результате которого погибла вся свиная стая.]

ПОЭЗИЯ I—V вв.

Первые века н. э. — время расцвета североиндийской поэзии на санскрите и время зарождения двух поэтических традиций на юге Индии. Одна из них — на пракрите — сформировалась при дворе Сатаваханов, правивших в северо-западном Декане (Махараштре) со II—I вв. до н. э. по III в. н. э. Вторая — на тамильском языке — возникла в государствах крайнего юга (Чола, Чера, Пандья).

ХАЛА «САТТАСАИ»

Антология «Саттасан» («Семь шатак», шатака — «сотня»; цикл из ста стихов на одну тему), составление которой приписывается Хале, — самое раннее, что дошло до нас из пракритской поэзии. В своих истоках эта поэзия восходит к женским хороводным песням, исполнившимся во время ряда праздников, прежде всего — весеннего праздника, посвященного богу любви Каме. Короткие — то шуточные, то элегические — песенки, которыми обменивались участницы праздничных хороводов, распевались по всей Махараштре. Пели их и при дворе, возможно, так же как и в деревне, вопреки тому, что в поздних, претерпевших многие переделки редакциях «Саттасан», все еще сохраняются диалогически связанные строфические пары, которые могли составиться только в условиях амебейного исполнения. В эпоху поздних Саттаваханов (I—II вв.) отношение к песням при дворе начинает меняться. Они все больше выходят из сферы бытового обихода и все более ощутимо приобретают ценность искусства. Их начинают культивировать, по их образцу сочиняются новые песенки, на первых порах, вероятно, мало отличающиеся от собственно фольклорных; особый, характерный для этой песенной традиции поэтический язык (пракрит) становится предметом грамматических описаний. В конце концов распространенные в придворной среде песни-стихи объединяются в обширный свод. В него включается и значительный пласт прижившейся при дворе народной поэзии, и созданная в традициях этой поэзии ранняя авторская лирика, в большинстве своем, вероятно, анонимная. Так составила первая антология пракритской поэзии.

В дальнейшем эта антология неоднократно редактировалась, что сказалось и на ее составе, и на ее композиции. Так, хотя изначально поэтический материал в ней располагался свободно, в поздних редакциях появляются различные попытки его группировки, в том числе и группировка в шатаки, с которой связано известное нам теперь название антологии — «Саттасан». В некоторых из дошедших до нас редакций «Саттасан» для отдельных стихов указываются их авторы. Но очевидная нестабильность традиции, на которую опираются редакторы (в разных редакциях для одних и тех же стихов часто указаны разные авторы), говорит о позднем ее происхождении и подтверждает предположение о первоначальной анонимности собрания.

Поэтика пракритского стиха целиком сформирована породившей его хороводной игрой. Условия этой игры определили его малый объем, особенности его ритмики, подчеркнутую музыкальность его звукового облика, характерную для него разговорность (стихотворение обычно звучит как реплика, выходящая из диалога), тяготение к намеку. Сходным образом содержание ему дали формы деревенского жизненного уклада, прежде всего формы обрядового поведения женщины в существенные моменты ее жизни. Подготовка к свадьбе, свадьба, первое соние, беременность, месячные, рождение первого ребенка, прощание с мужем перед разлукой, жизнь в разлуке, отношения со свекровью, отношения с деверем, вдовство — все эти моменты и сопровождающие их обряды лежат в основе поэтических ситуаций, образующих смысловой контекст пракритского стихотворения и задающих его тему и тональность.

Пракритская поэзия довольно рано проникает на север, первоначально, видимо, в районы северо-запада. С III—IV вв. северные поэты начинают включать песенки на пракрите махараштри (как он стал теперь называться) в свои драмы. Эти песенки всегда исполняются только женскими персонажами. С VII в. воздействие «Саттасан» становится ощутимым и в лирической поэзии на санскрите. Формируется особый жанр санскритской любовной лирики, усваивающий некоторые существенные стороны пракритской поэтической системы; появляются санскритские подражания отдельным пракритским стихам. Поэтическая традиция, восходящая к «Саттасан», продолжает жить на севере вплоть до XVII в., когда поэт из Раджастхана Бихарилал создает в подражание древней антологии свою «Сатсан» на брадж.

Стихи из «Саттасан» даны в нумерации, принятой в издании А. Вебера. Перевод В. В. Вертоградской.

САТТАСАИ

Следующие два стихотворения составляют, по-видимому, поэтический диалог. В первом содержится намек на то, что с наступлением холодов приходит конец тайным встречам. Во втором подруга утешает героиню, уверяя ее, что скоро появится новое прибежище для свиданий.

8

Смотри, свекровь, эти заросли лотоса,
Украшение нашей деревни,
Похожи теперь, побитые морозом,
На сжатое кунжутное поле.

9

Что плачешь, опустив голову?
Уж побелело рисовое поле.
Скоро его конопля заменит,
Зеленоликая, как танцовщица¹.

В стихотворении № 29 обыгрывается тема прихода поры дождей, несущей радость и обновление всему живому, но мучительной для находящихся в разлуке влюбленных.

29

Когда без него сегодня
Я вспомнила наши утехи,
Гром раздался из дальних туч,
Как удары приговорного барабана².

65

Если ты не его возлюбленная,
Почему, усталая, спишь ты целыми днями,
Словно теленок, только родившийся,
Молоком коровы опьяненный?

Подруга пытается утешить героиню, которая ждет мужа, ушедшего в дальние края. Невозвращение милого к началу дождей сулит героине страдания.

70

Летом чернеют вершины Вйндхья,
Но ты не тревожься, ждущая мужа.
Это горелый лес, а не тучи
Новой поры дождей.

Выходя из реки, ты чистишь колючкой
Зубцы гребешка, полные желтой куркумы.
Скажи, длинноглазая,
Кого осчастливишь?

94

Проводила милого, и дом наш теперь,
Как пустырь у ворот деревни.
Там недавно росла смоковница,
А ее вырвали с корнем.

169

Уж нечего делать в поле,
Но не хочет пахарь идти в свой дом опустелый.
Там со смертью милой жены
Тоска поселилась.

170

От ливня, что хлещет сквозь щели,
Своими ладонями нежно она защищает
Нацарапанный на стене
Срок возвращения мужа.

190

Сегодня милый в отъезде,
Сегодня кажутся мне пустыней
И улица наша, и двор,
И храм деревенский, и сердце.

200

Весенний месяц. Деревня полна парней.
Старый муж. Старое вино.
Чтобы не стать неверной,
Что же ей, умереть?

229

Все у меня сгорело,
А в сердце — радость,
Потому что взял он во время пожара
Кувшин из моей руки.

Посмотрите, как идет молодница,
 Не привыкшая к нарядному платью,
 Хоть тонка, не хватает ей места
 На широких улицах деревни.

Когда, натершись куркумой,
 Сегодня в реке я мылась,
 Парень пил эту желтую воду.
 Сердце мое он выпил.

Ты слишком замешкался, милый,
 Не пора ли подумать о возвращеньи,
 Пока не распрямились совсем
 Волны моих волос³.

В летний полдень после купанья
 На потной мужа груди она рассыпает
 Свои влажные волосы,
 Пахнущие рекой.

Твоя спина — в листьях анколы⁴.
 Скорей отряхнись, пока ты за домом,
 А то попадет тебе, простодушная,
 От хитрой жены деверя.

В глубокой тьме утонула ночь.
 В отъезде муж. Дом пустой.
 Не спи, сосед,
 Пока я одна!

«Под этим деревом будет меня ласкать он», —
 Мечтает она с замирающим сердцем.
 И падает в землю влажное от ее руки
 Семя туари⁵.

Опустел дом со смертью милой жены,
И сам, словно выжжен внутри, крестьянин,
Когда смотрит в тот угол,
Где когда-то ласкал ее.

Стойте, стойте! Не бойтесь!
Это идет не одержимая бхúтой⁶.
Это жена путника, которая услышала
Первые раскаты грома.

Дитя еще дочка старосты,
А уж многих сводит с ума.
Вырастет — немало натворит бед,
Словно усик ядовитой лианы.

Прицепив к ушам твой подарок —
Две красные ягоды бора⁷,
Молодица по улице деревни,
Раскрасневшись, идет домой.

Еще теперь я вижу, неблагодарный,
Ту непролазную грязь,
Которую ночью дождливой порой
Ради тебя переходила вброд.

Два следующих стихотворения посвящены дочери старосты, первой красавице деревни.

Не лезь, сынок, на эту патáлу⁸.
Без веток трудно забраться.
И сколько ее ни вали, проклятую, —
Поднимется снова.

В деревне нашей только одна патала
 Растет возле дома старосты.
 Скажи, свекровь, отчего у деверя
 Так много патал в волосах?

536

Крики, смех, всюду люди снуют,
 Оживление, громкая музыка,
 Но когда его нет, для меня этот праздник —
 Все равно что пожар деревни.

550

Собака мерзкая сдохла.
 Свекровь напилась. Муж в отъезде.
 Хлопчатника поле вытоптал буйвол.
 Кто может нас выдать?

558

Сгорела веялка. Нут⁹ не намочен.
 Парень мимо прошел. Свекровь бранится.
 Теперь ее крик для меня все равно,
 Что для бхутов игра на флейте.

567

О туча дождливой поры, со всею силой
 Пошли гром на меня, у которого железное сердце!
 Не губи только ту, что дома
 Ждет меня, не прибрав волосы!

568

Напоенное водой рисовое поле,
 Где ноги вязнут в грязи по колено,
 Радует пахаря, как чумазый,
 Молоко сосущий сынок.

645

Когда заиграли песню
 К моей предстоящей свадьбе,
 Мне казалось, смеются тростниковые заросли
 И меня целовавшие парни.

Сегодня милый далёко.
И на что б ни глядели глаза,
Сердце мое повсюду видит
Только его одного.

Из деревни на пашню молодилы несли еду.
И глядя на них, наш новый работник
Думал быку отвязать поводья,
А снял носовую петлю.

«ЭТТУТОХЕЙ»

«Эттутохей» — одно из двух больших собраний, в которых дошла до нас древнетамильская поэзия. В отличие от другого собрания, «Паттупатту», куда вошли поэмы, «Эттутохей» представляет собой свод поэзии малых форм. Стихи в «Эттутохей» сгруппированы в восемь разделов, или сборников («Эттутохей» и значит «Восемь антологий»), принцип группировки главным образом тематический.

Оформление древнетамильских поэтических собраний происходило, видимо, с V в., но отраженная в них поэтическая традиция может быть отнесена в основном к I—III вв. Как всякая ранняя литературная поэзия, поэзия тамильских антологий по преимуществу анонимна (или полуанонимна). Подавляющее большинство авторских имен, приводимых составителями, представляет собой прозвища, нередко образованные из слов или словосочетаний, использованных в приписываемых им произведениях. Очень вероятно, что ранний слой этой анонимной поэзии связан с творчеством бродячих певцов, о которых часто упоминают антологические стихи. Но антологии включают и поэзию, отмеченную более зрелой и прочной авторской традицией. Значительная ее часть принадлежит, по-видимому, профессионалам придворного круга. Имена этих поэтов хорошо известны составителям, за каждым из них закреплено большое число произведений, интерес к их личности подтверждается связанными с ними легендами.

Хотя состав сборников показывает, таким образом, что древнетамильская поэзия не может быть связана с какой-то одной средой, но в разное время культивировалась в разных кругах, она тем не менее обнаруживает постоянство художественных принципов, что позволяет рассматривать ее как явление единое и целостное. Этой поэзии свойственны некоторая торжественность интонаций, церемониальная приподнятость стиля. Но самая характерная ее черта — это описательность. Будь то панегирик или лирическое излияние — всюду тамильский поэт стремится к созданию развернутой картины, наполненной красками, звуками, множеством конкретных деталей, придающих воссоздаваемой действительности живость и зримость.

Сложность и изысканность изобразительного канона сочетаются в тамильской поэзии с чрезвычайной архаичностью содержательной основы. Почвой, на которой выросла эта поэзия, была древняя, главным образом обрядовая, песенно-поэтическая традиция. К ней восходят образность, символика антологических стихов, обыгрываемые в них поэтические ситуации. В недрах этой традиции зародился и тот тематический канон, в соответствии с которым организован материал антологий.

Все включенные в них произведения составители подразделяют на две группы — пурам («внешнее») и ахам («внутреннее»). Пурам (сборники «Пуранануру», «Падиттритпатту») — это по преимуществу поэзия героического

панегирика; ахам (сборники «Аханунуру», «Наттриней», «Курунтохей» и др.) — поэзия лирическая, разрабатывающая темы, в истоках своих связанные с любовным ритуалом и семейной обрядностью. В поэзии ахам, в свою очередь, выделяются тематические комплексы — тиней. Тиней — это та или иная ситуация во взаимоотношении героев, развертывающаяся в строго определенном природном окружении и в определенное время года. Общее число тиней — пять. Это кўриньджи — тайные любовные свидания героев (холодный сезон, горы), муллэн — героиня ожидает скорого возвращения супруга (сезон дождей, леса и пастбища), нёйдалъ — разлука влюбленных (холодный сезон или дожди, берег моря), ма́рудам — супружеская размолвка (речные долины, рисовые поля), пален — страдания влюбленных или супругов в разлуке, предчувствие разлуки (летняя жара, безлюдная, пустынная местность). Подавляющее большинство стихов ахам связано, таким образом, с темой разлуки, однако идеал счастливого соединения героев всегда незримо присутствует в любой ситуации, чем создается элемент драматического напряжения между действительным и желаемым положением дел.

Из приводимых ниже стихов пять принадлежат к поэзии пурам, остальные — к поэзии ахам. Перевод А. М. Дубянского.

ЭТТУТОХЕЙ

Алаттур Кижар (Пуранануру, 69)

Стихотворение, посвященное царю династии Чола Килли Валавану, создано Алаттур Кижаром в форме «аттруппадей» («приглашение к пути», «наставление на путь»), которая подразумевает ситуацию встречи двух поэтов на дороге. Один из них направляет другого, обедневшего и голодного, к щедрому покровителю, доблести которого он одновременно восхваляет.

В руке твоей — прекрасный ладный йаль¹,
На бедрах — пропотевшие, тесьмой прошитые лохмотья,
В утробе — из-за отсутствия кормильца сильный голод.
О панар² исстрадавшийся!
Когда с толпой своих сородичей измученных,
Подобных тем несчастным, кто не имеет даже покрывала,
Ты целый мир напрасно обойдешь
И тихо спросишь у меня, куда ж теперь идти,
Тебе скажу:
Он — обладатель армии свирепой,
Что, сокрушая бивненосных боевых слонов,
Поля сражений устилает мясом, —
И в лагере врагов, украшенном знаменами,
Текут потоки крови, и слоны от ран страдают;
Копьем он обладает славным,
Которое за воинов своих подьемлет,
И обладает правом во владения врагов вторгаться.
Живет он во дворце высоком в Уранден³,
И на груди его — царя достойная гирлянда
С цветами, точно пламя яркое, — врагам внушает страх.
Когда придешь ты к Валавану Килли,

То у ворот его широких долго ждать не будешь —
Всего лишь столько, чтобы, дожидаясь угощения,
В том месте, где он щедро дарит колесницы,
Его узреть, — и тотчас обретешь награду:
По меньшей мере — лотос, сделанный из золота,
Вокруг которого жужжащие не выются пчелы.

Паранар (Пуранануру, 4)

Это стихотворение, также посвященное одному из царей династии Чола, — типичный пример восхваления военной мощи царя. Его автор, Паранар, — один из самых известных поэтов тамильской древности. Большую часть стихотворения составляет описание войск царя (упоминаются четыре традиционных для древней Индии рода — пехота, конница, слоны, колесницы). Описание выдержано в воинственных, даже кровавых тонах, что вообще характерно для тамильских панегириков, воспевающих неукротимую силу, мужество предводителей, их гнев и жестокость по отношению к врагам, но доброту, щедрость и заботливость по отношению к подданным и, в частности, к самим поэтам-панегиристам.

Кровавые мечи, дающие победу,
Блещут красотой небес багряных;
Похожи на рога быка-убийцы ноги твоих воинов
С разбитыми в пылу сражения браслетами;
Щиты, что с шумом ливни стрел пронзают,
Похожи на мишени лучников искусных;
Подобны тиграм, впившимся в загривок антилопы, кони —
Их пасти в кровь уздечками разбиты,
Когда наездники их в битву направляют;
Слоны, чьи бивни затупились
В атаках на ворота крепостей,
Напоминают силой бога смерти.
А ты при появлении своем великолепно
На золоченой колеснице
С конями быстрыми, чьи гривы развеваются,
Прекрасен и подобен солнцу, что встает над миром,
Вздымаясь из пучины океана.
Из-за того, что ты таков,
Стенает непрерывно,
Как матери лишенное, голодное дитя,
Страна твоих врагов, — тех, кто тебя разгневал!

Ауввейар (Пуранануру, 95)

Поэтесса Ауввейар, остроумно противопоставляя нетронутое, ухоженное и, следовательно, бездействующее оружие некоего правителя оружию своего князя — Адиямава, восхваляет воинские достоинства последнего:

Прекрасны эти копыя, что хранятся во дворце ·
 просторном!
 Они украшены цветочными гирляндами и перьями павлина,
 Округлые и прочные их древка натерты маслом и
 отполированы до блеска.
 А те — затуплены, разбиты от ударов, на врага направленных,
 Их каждодневно видишь под навесом в кузнице, —
 То копыя нашего царя острокопечные.
 Великий господин, он кормит всех, когда богат,
 А нет богатства, ест со всеми,
 Как старший в клане неимущих.

Мосикиранар (Пуранануру, 186)

Этот короткий стих (можно сказать, стихотворный афоризм) поэта Мосикиранара выражает суть отношения к царю как к сакральной фигуре, в которой сосредоточены и от которой зависят жизнь и благоденствие подданных.

Рис не есть жизнь, и вода не есть жизнь,
 Царь есть дыхание жизни громадного мира, — поэтому:
 «Я — это жизнь» — вот что знать
 Многокопейного войска царю долженствует.

Капилар (Пуранануру, 236)

Известный поэт Капилар оплакивает смерть своего покровителя — властителя небольшого горного княжества — Паря, с которым он находился в близких дружеских отношениях.

О щедрый Паря, господин высоких гор,
 Где обезьяны бродят и грызут плоды деревьев хлебных,
 Напоминающие с виду барабаны, а плодов остатки
 Обильной служат пищей кураварам!⁴
 Меня покинув, ты нарушил узы дружбы, —
 Ты видно, рассердился на того,
 О ком всегда заботился, одаривая щедро.
 Ты поступил не как достойный славный друг;
 Ты словно произнес: «Со мною не иди, останься!»
 И вот я разлучен с тобой, —
 Но пусть моя счастливая судьба,
 Что мне тебя дала увидеть в этом мире,
 Опять соединит нас в мире том,
 Где лицезреть тебя я буду непрестанно!

Это и два следующих стихотворения из сборника «Курунтохен» относятся к теме куриныджи и отражают любовные переживания героини.

Капилар (Курунтохен, 25)

Никто здесь не был, лишь мой тайный друг.
Теперь обманет если, что мне делать?
С ногами, что напоминают стебли проса,
В воде бегущей ищущая рыбу,
Была здесь только цапля в этот,
Его со мной соединивший день.

Аниладу Мундрилар (Курунтохен, 41)

Когда любимый мой неподалеку,
Я веселюсь, как в праздник все селенье.
В разлуке с ним тоскую я и чахну, о подруга,
Как дом, пришедший в запустенье
В деревне маленькой заброшенного края,
Где во дворе пустынном белки лишь играют.

Наннахейяр (Курунтохен, 325)

«Я от тебя уйду, уйду», — сказал он мне,
И я, решив, что, как и прежде, это лишь слова пустые,
Ему сказала: «Что же, уходи!
Но больше уж ко мне не возвращайся».
Увы, теперь я одинока!
Громадным озером, где бродит аист черноногий,
Ложбинка стала на груди моей, наполнившись слезами.
Ах, где теперь мой господин жестокий?

Перунганнанар (Наттриней, 137)

Входящее в состав антологии «Наттриней», это стихотворение связано с темой пален. Оно отражает душевное смятение героя перед разлукой. Обращаясь к своему сердцу, герой использует этикетную формулу, весьма часто употребляющуюся в стихах: «живи, о сердце!» («о подруга», «о туча» и т. д.).

Когда ты помышляешь об уходе
От простодушной, полной блага нежноплечей,
Чьи ниспадают волосы густые, прохладный аромат
распространяя,

То помышляешь ты о чем-то невозможном,
Живи, о сердце, — ты, что вдаль меня влечешь,
Туда, где посреди дороги длинной,
На склонах гор, лишенных влаги водопадов,
Громадный слон, чтоб утолить своей подруги голод,
Ломаёт омеи-деревья⁵ с гнутыми стволами,
Что путникам, бредущим по земле пустынной,
Дают скупую тень.

Следующие стихи из сборников «Наттриней», «Аханануру» и «Аингунуру» разрабатывают тему муллен: начинается сезон дождей; героиня ждет возвращения супруга, находящегося в военном лагере царя. Стихотворения, как правило, внутренние диалогичны: это обращения либо героини к подруге, либо подруги к героине, либо героя к вознице, управляющему его боевой колесницей. Форма стихов, а также их привязанность к строго определенным моментам одной и той же сюжетной ситуации (герой отправляется в военный поход — страдания героини — возвращение героя) позволяют предполагать в качестве источника этой поэзии хороводную игру, вероятно, обрядового характера. Последнее стихотворение, отнесенное составителями к этой же теме, представляет собой редкий пример прямого поэтического отражения идеала семейного соединения героев.

Кидангил Кавиди Перунтоттранар (Наттриней, 364)

[Герония обращается к подруге:]

Срок возвращения, который он сам называл, уж прошел.
Тучи шумящие, полные влаги, даже дневную порой
Мрак полуночный приносят.
Северный ветер, холодные струи дождя
Гнев на меня обратили.
Если пройдет, о подруга, — живи ты! — подобных хоть
несколько дней,

Долго тогда мне не жить, если снова и снова
Будет сюда приходить вместе с чистым дождем
Вечер такой, налетающий быстро, чтобы забрать мою жизнь:
В каждом загоне играют на сладостнозвучных свирелях,
Что из кондрен⁶ ветвей пастухи неученые делают;
Стадо коров пригоняют домой, и слышны колокольчики,
Сладкие звуки красивых и маленьких их язычков, не умеющих
Грубо и громко, как гром отгремевший, звучать.

Мадурен Маруданкижар Маханар Перунганнанар (Аханануру, 364)

[Герония обращается к подруге:]

Ползет громадная, скрывающая небо туча,
Гремит и насылает тьму и проливается дождем;

Кричат по всем низинам полосатые лягушки,
Как барабаны, что стучат во время танцев на поляне.
Висят, сверкая красотой, кондрей длинные соцветья,
Подобные сережкам, сделанным из золота;
В лесу свой стебель поднимает кандаль⁷,
Как будто светит средь ветвей фонарик;
Муллен⁸, вокруг домов растущий, расцветает.
В горах широкие расселины, где звери жажду утоляют,
Водою свежей полнятся, — пришел сезон дождей!
Любимый наш в просторном лагере горячегневною царя
О нас не думает, — он жаждет лишь победы над врагом.
Что ж делать нам? ведь тяжело переплыть
Такое время вечера, несущего страданье,
Что налетает быстро, словно об убийстве помышляя.

Илантареиянар (Наттриней, 99)

[Подруга утешает героиню:]

О простодушная подруга, ты сказала:
«Смотри, пришел сезон, когда вернуться обещали
Ушедшие в засушливые жаркие края,
Где зной сверкает и подобно покрывалу,
Безводную, пустынную дорогу облекает».
Но то лишь туча неразумная, брюхатая водой из моря,
Забывшись, тяжести не выдержав, дождем внезапно пролилась.
А пидавам⁹, кондрей и кандаль, ей поверив,
Душой затрепетали: «Это — кар!¹⁰ Сезон дождей!»
И, глупые, повсюду расцветают.

Мадурен Ежутталан (Аханануру, 84)

[Монолог героя, находящегося в царском военном лагере:]

Над горными вершинами изогнут страх внушающий
прекрасный лук;
Подобно барабанам, прогремели тучи и, океана влагой
насыщаясь,
Стремительно вздымаются и проливают столь обильный
дождь,
Что света стороны во мраке исчезают. В это время,
Когда прохладной красотой и наслаждением наполнена
земля,
Цветы муллен ароматные, едва раскрывшись, опадают
И спину покрывают кабана, чьи маленькие глазки.

Всегда пылают, словно огненные искры, но сейчас,
Под куст забравшись, лежа на песке, он спит спокойно.
В таком лесу идет кремнистая дорога к маленькой деревне,
Где ждет нас та, чей светел чистый лоб.
А мы — в другой стране, где красные цветы
Сверкают, как огонь, в снопах тяжелых риса,
Когда работники хмельные тащат их на ток.
Мы в лагере находимся царя, что в битву войско посылает
И столь, гирляноносный, он неутолим, что даже той
страны
Богатую и редкостную дань — селенья-крепости, где
флаги развеваются,
Он в гневе страшном отвергает.

Подумбил Пуллалам Каннияр
(Аханануру, 154)

[Герой по дороге из военного лагеря обращается к вознице:]

В краю холмов и пастбищ благодатных дожди льют проливные.
В наполненных водой низинах придорожных кричат,
 разинув рты, лягушки,
Подобно множеству звучащих музыкальных инструментов.
Растущие на ветках маленьких, но с длинным стеблем
 пидавам цветы
Под ливнем падают рядами на песок мелкозернистый
 красноземный.
В лесу, прохладный аромат распространяя, медовые бутоны
 распускает кандаль,
Цветок которого похож на капюшон горячегневной кобры.
Пьют воду, наслаждаясь, антилопы — он, винторогий, и его
 прекрасная подруга.
В таком лесу, обретшем красоту и свежесть,
Стремительно несутся по большой дороге наши кони, —
Их гривы — дыбом, в тряске колокольчики звенят,
Вплетенные в нагрудные гирлянды.
Правь, о возница, колесницей, торопись,
И мы приедем к женщине любимой, что обладает телом темным
 и прекрасным,
И ради нас блюдет обет разлуки.

Марунгурпаттинаттычендан Кумаранар
(Наттринен, 289)

[Героиня обращается к подруге:]

О подруга, живи! Неужели любимый таков,
Что от данного слова отступит? — О нет!

Уж скорее земля свое место покинет. И все ж,
Когда облако, выпив громадное море, насытилось тьмой,
Раскатилось громами, пролилось обильным дождем
И, как будто проникнув в меня, принесло с собой кар,
Неутешная, жалкая я, вся горю,
Словно корни деревьев больших,
Под которыми, ночь коротая, разводят костры пастухи.

Одаландей (Аингурунуру, 401)

Когда меж ними сын их, то они подобны
Самцу и самке антилопы, поместившим
Между собой детеныша. Воистину!
И благостно, и сладко им их ложе!
И в этом мире, что во гневе океан объемлет
Своим простором синим и широким,
И в мире высшем том — такое счастье редко достижимо.

БХАРТРИХАРИ

Как к о многих других поэтах индийской древности, о Бхартрихари нам ничего достоверно не известно. Некоторые косвенные свидетельства и данные самих стихов позволяют предположить, что он жил в III или IV в., вероятнее всего, в одной из областей Северо-Западной Индии; был близок к кругам религиозных проповедников и странствующих учителей, и сам, возможно, вел бродячий образ жизни, выступая с импровизациями перед самой разнообразной аудиторией. Стихи поэта, как полагают, были собраны и записаны уже много лет спустя после его смерти. В первоначальном собрании стихи, по-видимому, располагались без определенного порядка, но в поздних редакциях материал был сгруппирован в три цикла — шатаки (откуда и общее название сборника «Шатакатрая» — «Три шатаки»). Это «Нити-шатака» («Шатака о правильном поведении»), «Шрингара-шатака» («Шатака о любви») и «Вайрагья-шатака» («Шатака об отрешении»). Темы, зафиксированные в названиях шатак, лишь приблизительно отражают содержание объединенных в них стихотворений. В «Шатаку о правильном поведении», например, помимо стихов, разрабатывающих положительный идеал и его противоположность («хороший человек» — «дурной человек»), входят также назидания царям, стихи о всевластии судьбы, о богатстве, знании, дружбе и т. д. «Шатака о любви» включает и назидательные стихи о женщине и любви, и любовную лирику, и лирику сезонную (о радостях и горестях, которые сулят разные времена года); «Шатака об отрешении» — религиозную лирику, но также наставления о бренности бытия, ничтожестве мирских радостей, отшельническом пути и т. д. В целом во всех трех шатаках преобладающее место занимает поэзия моралистического характера. Поэзия эта обнаруживает чрезвычайное разнообразие, притом не только тематическое и жанровое, но и идейное. Морализм Бхартрихари лишен однонаправленности, в нем нет единства, предполагающего оценку жизни с точки зрения одного избранного для себя идеала. В стихах сборника проповедуются разные жизненные цели, и при этом все они признаются не только равновозможными, но и равноценными. Один стремится к славе, другой — к жертвенной само-

отдаче, третий — к духовному освобождению. Путей много, и каждый из них хорош по-своему. Герой Бхартрихари часто задается вопросом: отдаться любви, наслаждаться мирскими радостями или стать отшельником, уйти в лес, помня, что все эти радости нестойки и кратковременны? Выбор труден, почти невозможен — оба пути кажутся одинаково притягательными. Каждый путь связан со своей системой ценностей. Что кажется ценным одному, для другого не имеет никакой цены. Все ценности относительны, и все ценности равны между собой отношением тех, кто ими владеет и к ним стремится. Разнозначность противоположных идеалов, свойств и явлений становится для Бхартрихари предметом логической игры. Он выстраивает доказательства, приравнивающие отшельника к царю, бедность к богатству, не устает составлять списки самых неожиданных и несопоставимых предметов, сопрягая и уравнивая их единством оценки либо общностью какого-то одного присущего им признака. При этом его интересуют не столько сами эти предметы, сколько красота доказательства, эффект логически безупречного совмещения несовместимых начал и вещей. Рациональной в своих установках поэзии Бхартрихари чужды как живописная изобразительность тамильской традиции, так и бытовая ассоциативность пракритской. Она тяготеет к перечислениям, к абстрагирующим сопоставлениям и антитезам. Причем эта тенденция свойственна не только дидактическим стихам, но и лирике Бхартрихари. Даже в жалобах на бессмысленно прожитую жизнь или невозможность обретения духовной свободы, очень близких по теме и общему звучанию к буддийской исповедальной лирике, можно заметить характерное движение от перечисляемых признаков к заключительному выводу, лишаящее эти жалобы той непосредственности личного излияния, которой отмечены песни древних монахов.

Влияние Бхартрихари на древнюю и средневековую поэзию было огромным. Стихи его расходились и устным путем, и в многочисленных списках. Ему подражали поэты и севера, и юга, причем образцом для подражания служили не только отдельные стихи, но и отдельные шатаки, и даже весь сборник. Можно с полным основанием говорить о том, что творчество Бхартрихари породило целую поэтическую традицию со своим тематическим, жанровым и стилистическим канонам.

Нумерация приводимых ниже стихов Бхартрихари дана по критическому изданию Д. Д. Косамби. Перевод стихотворений 156, 158, 165 — В. В. Вертоградовой, остальных — Ю. М. Алихановой.

ШАТАКАТРАЯ

11

Кто прекрасен в ушербности? Месяц,
Отшлифованные алмазы,
Пораженный копьем герой,
Истомленная ласками девушка,
Обмелевшие осенью реки,
Исхудавший от мады слон,
И еще — тот, кто растратил
На просителей все добро.

18

Быть всегда приветливым и справедливым,
И под страхом смерти не совершать дурного,
Не обращаться за помощью к негодяю,
Не просить даже у друга, если он беден.

С достоинством переносить несчастья,
Следовать по стопам великих, — кто этот
Трудный обет, сулящий много страданий,
Взять на себя велел хорошему человеку?

23

От дурного совета царь гибнет,
Подвижник — от привязанности, от баловства — сын,
Брахман — от невежества, род — от плохого сына,
Добродетель — от общения с низким и злым,
Стыд — от вина, от нерадивости — поле,
От долгих скитаний на чужбине — любовь,
Процветание — от несчастья, от недоверия — дружба,
А богатство — от щедрости и мотовства.

24

В преисподнюю пусть провалится джати¹,
Добродетель — того ниже,
Пусть скромность низвергнется с горной вершины,
В огне сгорит родовитость,
Пусть ваджра² на смелость падет, но пусть
Я буду богат. Без богатства
Все эти достоинства, сколько их есть,
Не стоят и жалкой травинки.

26

Прогрызла как-то ночью мышь дыру в корзине
И тут же угодила в пасть к змее,
Которая лежала там, кольцом свернувшись,
Голодная и без надежд на жизнь.
Наевшись, ожила змея и выползла на волю
Через дыру, проделанную мышью.
Не беспокойтесь! Видите? Судьба сама хлопочет
О том, чтоб нас сломить или возвысить.

30

С таким невыразимым наслаждением
Пес гложет человечью кость,
Без мяса, склизкую, покрытую червями,
Вонючую и мерзкую на вид,
Что кажется, явись сюда сам Индра,
Он даже и не взглянет на него, —
Ничтожество того, чем он владеет,
Ничтожному увидеть не дано.

По словам хороших людей,
Вот что делает истинный друг:
Он от зла отлучает,
К добру приучает,
Тайны хранит,
Достоинства разглашает,
В беде не бросает
И в нужде одаряет.

Травой — антилопа, рыба — водой,
Добрый живет довольством в себе.
Кто в мире враждует без всяких причин?
Трое: охотник, рыбак, клеветник.

Если ты молчалив, тебе скажут — ты нем!
Красноречьем блеснешь, попадешь в болтуны,
Будешь рядом вертеться, скажут — наглец,
А держаться поодаль, нерадивым сочтут.
Если сдержанным будешь, окажешься трус,
А не стерпишь, в безродности упрекнут, —
Дхарма службы воистину глубже всех дхарм,
Даже йогам, и тем не постигнуть ее.

Если есть жадность, зачем еще недостатки?
Если клеветнешь на всех, зачем еще преступленья?
Если правдивость есть, к чему тогда та́пас³?
Если есть чистота, к чему тогда т́ртхи⁴?
Если приветливость есть, к чему родные?
Если достоинство есть, к чему украшенья?
Если знания есть, к чему тебе деньги?
Если бесславие есть, к чему тогда смерть?

Дружба с плохим человеком отлична от дружбы с хорошим
Так, как отличны тень до полудня и после полудня:
Тень до полудня с каждым часом все меньше,
После полудня, напротив, с каждым часом растет.

Знание — высшая красота в человеке.

Знание — клад тайный.

Знание радость дарует и славу,

Наставников наставник.

Знание — верный друг на чужбине.

Знание — бог верховный.

Знание ценят цари, не богатство.

Люди без знаний — не люди.

Что б женщины ни делали, всегда
Они берут нас в плен — когда смеются
Когда волнуются, когда грустят,
Когда от нас как будто отвернувшись,
Бросают искоса лукавый взгляд,
Когда смущаются иль размышляют,
Когда беседуют, когда молчат,
Когда ревнуют и когда играют.

Отбросив зависть и всех обсудив,
Скажите, почтенные, прямо:
Что лучше — склоны девственных гор⁶
Или бедра страстных красавиц?

Тучами плотно затянуто небо,
Павлины танцуют на горных склонах,
Земля белым-бела от кандали⁶, —
Не на чем путнику взгляд успокоить⁷.

Нет для меня иного нектара
И нет яда, кроме нее.
Она — медоносный цветок, если любит,
Холодна — ядовитый вьюнок.

Лукавый взгляд из-под бровей,
Искусно округленных,
Пленительная речь и смех,
Оборванный смущенно,

Медлительность походки, поз
Изящество — все это
Оружья женского набор
И женских украшений.

96

Видишь губы на этом лице,
Несущем печать благородства,
Крадущем свет у полной луны?
Сейчас они слаще меда.
Но пройдет недолгое время,
И станут эти самые губы
Противней, чем яд и невкусней
Незрелых плодов кимпаки⁸.

99

Ветры сейчас струят ароматы,
Ветви топорщатся молодыми побегами,
Жужжание пчел наполняет кукушек
Сладкой тоской, а лица красавиц
Покрываются редкими каплями пота
Во время любовных ласк, —
Отчего-то летом возрастают достоинства
У тех, кто ими и так богат.

101

Если не хочешь погибнуть в океане сансары⁹,
Берегись, не приближайся к этой опасной реке¹⁰!
Рябью трех складок¹¹ на ней расходятся волны,
Грудью высокой плывет пара чакравак¹²,
Прекрасным лицом на воде распускается лотос,
А на дне жестоким сердцем сидит крокодил.

113

Тех глупцов скудоумных, взыскующих ложного плода,
Что идут, не глядя,
Мимо женщины, этой победной, услады сулящей
Печати Камы¹³,
Жестокий Мадана, мстя им, в нагих и бритоголовых
Превращает,
Заплетает косички одним, других увешивает
Черепами¹⁴.

Не видя, мечтаю только увидеть.
 Увидев, вкуса объятий жажду.
 Обняв длинноглазую, однако,
 Слияния наших тел желаю.

Милая моя, ты — лучница
 Необыкновенная:
 Прелестями пронзаешь сердца,
 А не стрелам!

Где обитель моя, — на Ганге,
 У вод, смывающих скверну,
 Иль на груди у милой,
 Украшенной ожерельем?

Если упруги груди ее и бедра прелестны,
 Если прекрасно лицо, — что ты волнуешься, сердце?
 Хочешь всем этим владеть, — чистотой преисполнись.
 Без чистых заслуг не достигают желанной цели.

Исчертили лицо морщины,
 Седина убелила голову.
 Слабеют руки мои и ноги,
 Молодеют только желанья.

Пусть ем однажды я в день
 Скучную пищу подавня,
 Одеваюсь ветхой одеждой
 Из сотен старых лоскутьев,
 Голая земля — мне ложе,
 Слуги — собственное тело.
 Увы, привязанность к этому миру
 Не дает мне покоя.

Для еды довольно плодов,
 для питья — сладкой воды,
 Ложе мое — земля,
 из коры — одежды мои.
 Не могу больше терпеть
 грубости подлецов,
 Что, из чаши богатства хлебнув,
 совсем помутнились умом.

Я не певец, не танцор и не вѣта¹⁶,
 Не интриган я, не заговорщик,
 Я не женщина с пленительной грудью.
 Кто же я при дворе властелина?

Ты владеешь богатствами, я владею речами,
 Неистоимо это богатство мое.
 Ты — герой, я же мастер в нетленном искусстве
 Изгонять лихорадку спеси у пустых болтунов.
 Служат тебе ослепленные блеском сокровищ,
 Чтобы мысли очистить, стекаются люди ко мне.
 Если нет у тебя интереса ко мне, что же, тем лучше!
 Ты мне тоже не нужен, о царь. Я удаляюсь. Прости!

Катит река надежды воды бесплодных мечтаний
 Между крутых берегов бесконечных тревог,
 Вьются птицы сомнений над волнами жажды,
 Гибель сулит заблуждений водоворот.
 Сносит могучим разливом деревья спокойствия,
 В глубине притаились крокодилы страстей...
 Люди, восславим очищенных святостью йогов,
 Тех, кто мутный этот поток сумел переплыть!

Я радуюсь одежде из коры,
 Ты — дорогому платью,
 Но радость одинакова у нас,
 И потому равны мы.
 Бедняк не тот, кто нищ, а тот, кого
 Снедает жар желаний.

Когда же в сердце радость и покой,
Кто бедный, кто богатый?

185

О когда же, Шáмбху¹⁶, я стану покоен,
Буду жить один и пить из пригоршни,
И нагой, забыв о страстях и желаньях,
Навсегда уничтожу свою карму¹⁷?

190

Земля расстелилась широким ложем,
Мягкой подушкой — лиана руки,
Балдахином нависло ночное небо,
Опахалом веет ветер вокруг,
Светит луна зажженным светильником...
Воздержанием, как женой наслаждаясь,
Спит себе мун¹⁸, спокоен и радостен,
Словно могущественный царь.

191

Что толку в Ведах, в чтении пурáн¹⁹?
Что толку в смрíti²⁰ и пространных шáстрах²¹?
Что толку хлопотать о списке добрых карм,
Дающих право приютиться в сварге²²?
Все это мелкий торг. И лишь одно
Блаженство самопогруженья
До тла сжигает тяжесть бытия
И боль всех горестей и всех лишений.

195

Не обрел я знаний, смиряющих пыл
Мастеров ученого спора,
И мечом, разящим слонов боевых,
Не вознес своей славы до неба,
И на лунном восходе не целовал
Губ возлюбленной, нежных, как лотос, —
Отгорела бессмысленно юность моя,
Как светильник в пустом доме.

КАЛИДАСА

Калидаса — крупнейший поэт и драматург поздней древности. Был связан, как полагают, с двором Чандрагупты II (380—414), при котором Гуптская империя, охватывавшая почти всю территорию Северной Индии, достигла наивысшего расцвета. До нас дошло шесть произведений Калидасы: три поэмы

(«Род Рагху», «Рождение Кумары», «Облако-вестник») и три драмы («Малавика и Агнимитра», «Натака о мужестве и Урваши» и «Шакунтала», или «Вновь узнанная Шакунтала»). Хотя Калидаса обращается и к эпосу («Род Рагху»), и к исторической легенде («Малавика и Агнимитра»), но главным для него является безусловно мифический сюжет. Миф, однако, претерпевает у Калидасы значительную трансформацию: в выборе сюжета и при его разработке на первый план выдвигается любовная тема, обстановка, в которую помещены персонажи, приближена к бытовой, внешняя форма их поведения строится в соответствии с нормами утонченного придворного этикета, а мифические конфликты оказываются переосмысленными в связи с этическими идеалами эпохи. Бытовизируя мифические сюжеты, Калидаса в то же время сохраняет в них некоторые архаичные черты, которые на исходе древности воспринимались уже только как сказочные: герои его поэм и драм нередко общаются с богами, поднимаются на небо, вступают в сражения с демонами, находят волшебные талисманы и т. д. В результате в произведениях Калидасы возникает особый полуфантастический, идеально-прекрасный и удивительно гармоничный мир, в котором зло почти не обнаруживает себя, а несчастья, ниспосланные судьбой, карающей героев за неосознанные и невинные проступки, в конце концов обязательно устраняются — либо той же судьбой, либо богами. Подлинной реальностью в этом условном мире обладает только человеческое чувство. Хотя оно, как и у всех древних поэтов, не дается в развитии и лишено какой-либо индивидуализации, но тонкость психологического анализа придает ему жизненность и достоверность. Тема чувства имеет для Калидасы (и всей эпохи поздней древности) особое значение. Именно в чувстве, в любви, выдерживающей все испытания, человек открывается этому времени как личность, способная противостоять судьбе и потому уже обладающая собственной, не определяемой извне ценностью. Поэтому будь то бог, мифический царь или эпический герой — все они предстают у Калидасы прежде всего влюбленными: то томящимися по недоступной возлюбленной, то безмерно страдающими в разлуке с нею и, несмотря ни на что, хранящими ей верность. Формы выражения и изображения чувства при этом нередко обнаруживают фольклорное происхождение: страдая в разлуке, влюбленные теряют рассудок, обращаются к облакам, цветам, птицам; любовные сцены, в особенности же жалобы разлученных влюбленных, даются обычно на природном фоне, притом отмеченном признаками определенного сезона (как правило, весны или дождей), — несомненное наследие психологического параллелизма народной лирической песни.

Самое прославленное произведение Калидасы — его драма «Шакунтала». В основу ее положен миф о небесной деве (апсаре) Шакунтале, родившей царю Душьянте сына Бхарату — великого героя и прародителя Пандавов и Кауравов. У Калидасы древний сюжет о священном браке небожительницы с земным царем преобразуется в историю верной любви, прошедшей через многие испытания и долгую разлуку.

Фрагменты из «Шакунталы» приводятся в переводе К. Бальмонта. Устаревшая транскрипция некоторых имен в переводе заменена принятой в настоящее время и более верно отражающей их звучание на санскрите.

ШАКУНТАЛА

Действие первое

[Царь Душьянта охотится. Стоя в боевой колеснице с натянутым луком, он преследует лань. Неожиданно раздается голос, призывающий его прекратить охоту. Из-за деревьев появляются два отшельника. Они объясняют царю, что преследуемая им лань принадлежит отшельнической пустыни премудрого Канвы. Царь тут же опускает лук. Его приглашают посетить пустынь — хотя самого Канвы сейчас нет, царя встретит его дочь, Шакунтала. Спустившись с колесницы, Душьянта направляется к берегу реки Малини, где раскинулись хижины отшельников.]

Ц а р ь (*идет и смотрит вокруг*). Пустынь. Хорошо, я войду.
(*В то время как он входит, он чувствует подергивание в руке*).

Место спокойное. Что б это значило, —

Трепет. Сюда не придет же любовь. .

Впрочем, к тому, что судьбой предназначено,

Двери открыты везде.

Голос за сценой. Этой дорогой, девушки.

(*Прислушиваясь*). Мне кажется, я слышу кого-то направо от
рощи. Нужно узнать. (*Идет и осматривается кругом*). Ах, это
девушки-отшельницы с кувшинами как раз таких размеров, что-
бы они могли их нести. Они идут сюда поливать деревья.
Они очаровательны.

Если столько в них чары в безлюдной пустыне,

Как не встретить у девушек в царском дворце,

Достоительно признать, что лесные лианы

Превосходнее в свойствах садовых лиан.

Я отойду в тень и подожду их. (*Стоит и смотрит в сторону
девушек*).

Входит с двумя подругами Шакунтала, поливая деревья.

Первая подруга. Мне кажется, милая, что отец
Канва более заботится о деревьях пустыни, чем о тебе. Ты
нежна, как цветок жасмина, а он велит тебе наполнять водой
канавки около деревьев.

Ш а к у н т а л а. О, тут не столько отец велит. Мне расте-
ния — как сестры. (*Поливает деревья*).

П р и а м в а д а. Шакунтала, мы полили деревья, что цветут
летом. Теперь обрызгаем водою те, что уже отцвели. Это
будет более благим делом, потому что мы сделаем его бес-
корыстно.

Ш а к у н т а л а. Какая красивая мысль. (*Делает это*).

Ц а р ь (*про себя*). Так это дочь Канвы, Шакунтала. (*С
удивлением*). Благий отец делает дурно, заставляя ее носить
отшельническую одежду из коры.

Мудрец, что ярмом покаянья и горести

Возжелал чарованья ее укротить,

Решил лепестками лазурного лотоса

Тяжелые сучья рубить.

Ну, хорошо, я отойду за дерево и посмотрю, что она будет
делать со своими подругами. (*Прячется*).

Ш а к у н т а л а. Ах, Анасуйя, Приамвада так затянула
на мне одежду из коры, что она жмет. Прошу, распусти ее.

Анасуйя делает это. .

П р и а м в а д а (*смеясь*). Ты бы лучше упрекала красоту
свою расцветающую.

Ц а р ь. Она права.

Связуя на плечах узлами,
Покров из колющей коры
Скрывает девственные груди.
И утесняет их расцвет.
В лесу под желтыми листьями
Так расцветет цветок весной,
И тот покров осенних листьев,
Тесня, скрывает красоту.

Но, говоря по правде, эта одежда из древесной коры не враждует с ее красотой. Она лишь добавочное украшение. Потому что —

Хоть скрыт болотною травой,
Сияет лотос красотой.
Хоть на Луне темнеют пятна,
Блится светлая Луна.
И хоть покрыт корой древесной,
Не скрыт девический тот стан, —
На теле юном, теле стройном,
Какой не будет мил наряд?

Ш а к у н т а л а (*смотря вперед*). О девушки, это манговое дерево хочет мне что-то сказать, ветки его движутся в ветре, как пальцы. Пойду посмотрю. (*Делает это*).

П р и а м в а д а. Постой, Шакунтала, подожди минутку и стой так прямо там, где ты стоишь.

Ш а к у н т а л а. Почему?

П р и а м в а д а. Когда я тебя вижу там, это точно виноградная лоза вьется вокруг мангового дерева.

Ш а к у н т а л а. Я вижу, почему они зовут тебя льстивой¹.

Ц а р ь. Но лезть эта — правда.

Ее руки — нежные побеги,
Ее губы — красные цветы,
Ее губы — жаркие расцветы,
Ее груди — свет цветочных чаш.

А н а с у й я. Шакунтала, вот ветка жасмина, что ты назвала Лунный Свет Лесной. Эта ветка выбрала манговое дерево в мужья.

Ш а к у н т а л а (*подходит и радостно смотрит*). Какая прелестная чета. Жасмин являет свою юность свежими своими цветами, а манговое дерево выказывает силу своим наливающимся плодом. (*Стоит и смотрит на эти растения*).

П р и а м в а д а (*улыбаясь*). Анасуйя, знаешь, почему Шакунтала так пристально смотрит на Лунный Свет Лесной?

А н а с у й я. Нет. Почему?

П р и а м в а д а. Она думает, что Лунный Свет Лесной нашел себе подходящего друга, и надеется, что она тоже встретит хорошего жениха.

Ш а к у н т а л а. Тебе самой это не мешает. (*Зачерпывает кувшином воду*).

А н а с у й я. Смотри, Шакунтала, вот здесь вьюнок, отец Канва сам выходил это растение собственными руками — как тебя. А ты забываешь его.

Ш а к у н т а л а. Я скорей себя забуду. (*Она идет к вьюнку и смотрит на него радостно*). Удивительно. Удивительно. Приамвада, я что-то тебе радостное скажу.

П р и а м в а д а. Что, милая?

Ш а к у н т а л а. Это совсем не по времени года, но вьюнок весь покрылся цветочными почками до самого корня.

Д в е п о д р у г и (*бегут к ней*). Правда?

Ш а к у н т а л а. Ну, конечно. Разве вы не видите?

П р и а м в а д а (*смотря радостно*). И я тебе что-то радостное скажу. Ты скоро выйдешь замуж.

Ш а к у н т а л а (*сердито*). Ты знаешь, что это как раз тебе самой не мешает.

П р и а м в а д а. Я не дразню тебя. Я на самом деле слышала, как отец Канва сказал, что эта цветущая лоза будет знаком твоего будущего счастья.

А н а с у й я. Вот почему, Приамвада, так любовно поливает Шакунтала эту лозу.

Ш а к у н т а л а. Она сестра моя. Почему бы не дала я ей воды? (*Зачерпывает воду*).

Ц а р ь. Могу ли я надеяться, что у этой дочери отшельника мать принадлежит к другой касте?² Так должно быть.

Супругою воителя ей, верно, можно быть, —

Иначе как бы смел мой дух томиться в возжеланье?

Когда в сомненье разум наш, не зная, где наш путь, —

Нам сердце точно говорит в нелживом указанье.

Но я должен узнать всю правду.

Ш а к у н т а л а (*с волнением*). А, а! Пчела улетела с ветки жасмина и прямо в лицо мне. (*Показывает, как пчела надоедает ей*).

Ц а р ь
(пламенно)

Ты, медвяная летунья,

Хлопотливая пчела,

Ты крылом звенящим реешь

Возле трепетных ресниц.

И жужжишь при этом нежно,

Точно на ухо ты ей

Хочешь ласково поведать,

Нашептать исподтишка.

Хоть она рукой своею

Отгоняет твой полет,

С юных губ ее крадешь ты

Весь восторг, что в них расцвел.

(Ревнуя)

Шестиногая летунья,
Ты куда ни полетишь,
За тобой стремится следом
Этот, полный ласки, взгляд.
И хоть страхом, не любовью,
Те движенья внушены,
Все полны они играньем,
В каждом искрится любовь.
Я ж, ее лишь зная имя
И не ведая семьи,
Здесь стою, и ты — у цели,
Я же близко и вдали.

Ш а к у н т а л а. Девушки! Спасите меня от этой чудовищной пчелы.

Д в е п о д р у г и (*улыбаясь*). Кто мы, чтобы спасти тебя? Позови лучше Душьянту. Благочестивые рощи находятся под его покровительством.

Ц а р ь. Хороший случай показаться. Не... (*Удерживается*). Нет, они сейчас же догадаются, что я царь. Мне больше нравится появиться в качестве гостя.

Ш а к у н т а л а. Она не оставляет меня. Я убегу. (*Делает шаг и осматривается*). Ай, ай! Что мне делать? Она меня преследует. Спасите меня!

Ц а р ь (*поспешно выступая вперед*). А!

Царь из мощного рода Пуру³
Процветает на этой земле,
Он карает бесстыдную грубость, —
Кто тот дерзкий, который посмел
Этих девушек благоговейных
Потревожить в их пустыни здесь?

Девушки несколько смущаются при виде царя.

А н а с у й я. Ничего особенно страшного, владыка. Вот только нашу подругу (*указывает на Шакунталу*) испугала и раздражила пчела.

Ц а р ь (*к Шакунтале*). Я думаю, благословенны дни здесь — дни благоговейные.

Шакунтала опускает глаза в замешательстве.

А н а с у й я. Да, теперь, когда такой у нас высокий гость.

П р и а м в а д а. Добро пожаловать, владыка. Шакунтала, сходи в беседку и принеси плодов. Этой водою можно омыть ноги гостю⁴.

Ц а р ь. Слыша учтивые ваши слова, я уже вижу ваше гостеприимство.

А н а с у й я. Тогда прошу, владыка, присядь и отдохни на этой тенистой скамейке.

Ц а р ь. Вы тоже, я думаю, устали от благочестивых ваших работ. Прошу, присядьте на минуту.

Приамвада (*в сторону, к Шакунтале*). Милая, мы должны быть вежливы с гостем. Мы ведь присядем?

Три девушки садятся.

Шакунтала (*к самой себе*). Почему такие чувства во мне, когда я вижу его? Нейдет к пύстыни то, что в сердце моем.

Царь (*смотря на девушек*). Пленительно видеть вашу дружбу. Вы все юны и красивы.

Приамвада (*в сторону к Анасуйе*). Кто б он был? Какой он таинственный, достойный и вежливый. Он поступает, как царь и благородный.

Анасуйя. Мне тоже хотелось бы это знать. Я спрошу его. (*Громко*). Владыка, ты так вежлив и учтив, что я решаюсь что-то спросить тебя. Какой царственный род тобою украшен, властитель? Какая страна печалится о твоём отсутствии? Почему благородный человек со столь изящным воспитанием предпринял утомительное путешествие в благочестивую нашу рошу?

Шакунтала (*в сторону*). Смелее, сердце. Твои собственные мысли сказала вслух Анасуйя.

Царь (*в сторону*). Сказать ли мне сразу, кто я, или скрыть это? (*Он размышляет*). Вот как я сделаю. (*Громко*). Я изучаю священное писание. Мне поручено наблюдать справедливость в царских городах. И я пришел сюда, чтоб убедиться, что ничто не нарушает жертвоприношений.

Анасуйя. У нас здесь, в пύстыни, есть кому позаботиться о нас.

Шакунтала выказывает смущение.

Две подруги (*наблюдая за ощущениями царя и Шакунталы. В сторону к Шакунтале*). О Шакунтала. Если б только отец был сегодня здесь.

Шакунтала. Что же было бы?

Две подруги. Он сделал бы превосходного нашего гостя счастливым, хотя бы лишился при этом самого драгоценного своего сокровища.

Шакунтала (*с притворным гневом*). Подите вы! Что вы там болтаете. Не хочу вас слушать.

Царь. Я тоже хотел бы что-то спросить у вас о вашей подруге.

Две подруги. Твой вопрос нам желанен, владыка.

Царь. Отец Канва всю жизнь живет как отшельник. А вы говорите, что ваша подруга — его дочь. Как же это так?

Анасуйя. Слушай же, властелин. Есть тут такой великий царственный мудрец по имени Каушика⁵...

Царь. Ах да. Знаменитый Каушика.

Анасуйя. Знай же, это от него произошла наша подруга. Но отец Канва настоящий отец для нее, потому что он стал о ней заботиться, когда она была покинута.

Царь. Ты пробуждаешь мое любопытство этим словом — покинута. Могу узнать я весь рассказ?

Анасуя. Слушай, владыка. Много лет тому назад этот царственный мудрец вел жизнь, полную строгого подвижничества, и боги, возревновав, послали небесную деву Менаку, чтоб смутить его в благоговейности⁶.

Царь. Да, боги ревнуют, когда видят строгое подвижничество. И потом?..

Анасуя. И вот чарующей весной он увидал пьянящую красоту ее... *(Останавливается в замешательстве)*.

Царь. Остальное ясно. Она, конечно, дочь небесной девы.

Анасуя. Да.

Царь. Так и должно было быть.

Такое чарование,

Нет, не от здешней женщины.

Блистающая молния

Не из земли рождается.

Шакунтала опускает голову в смущении.

(К самому себе). О, желания мои превращаются в надежды.

Приамада *(смотря с улыбкой на Шакунталу)*. Владыка, мне кажется, что ты как будто хотел еще что-то спросить?

Шакунтала грозит ей пальцем.

Царь. Да, ты угадала. Хотелось бы мне знать побольше о благочестивой вашей жизни, и есть у меня еще один вопрос.

Приамада. Не колеблись же. Мы, отшельники, готовы отвечать на все вопросы.

Царь. Вопрос мой следующий:

До замужества ли только соблюдать она должна,

Как отшельница, обеты воздержанья от любви,

Или нежными очами нужно видеть ей всегда

Только очи нежных ланей в изумрудной тишине?

Приамада. Владыка, мы исполняем обет вести жизнь добродетельную. Но отец ее желает отдать ее достойному любящему.

Царь

(радостно к самому себе)

О сердце, бесстрашно желай,

Сомненья ушли наконец.

Ты думало — здесь лишь огонь,

А здесь ожерелье твое.

Шакунтала *(сердито)*. Анасуя, я уйду.

Анасуя. Почему так?

Шакунтала. Я иду сказать матери Гаутами, что Приамада говорит глупости. *(Встает)*.

Анасуя. Милая, мы, отшельницы, не можем небрежно относиться к высокому гостю и уходить, когда нам вздумается.

Шакунтала хочет уйти, не отвечая.

Царь (в сторону). Она уходит. (Он быстро встает, как бы желая удержать ее, но овладевает собой). Кто любит, в том мысль есть действие.

Хотя я победил себя

И не пошел за ней,

Мне кажется — я встал, пошел

И вновь пришел — во сне.

Приамада (подходя к Шакунтале). Ты, милая ворчунья, ты не должна уходить.

Шакунтала (оборачивается, нахмутив брови). Почему бы нет?

Приамада. Ты должна полить еще два дерева. Заплати долг, тогда можешь идти. (Она заставляет ее вернуться).

Царь. Она уже устала поливать деревья, это видно. Смотрите.

Плечи ее понижают, ладони у ней покраснели,

Руки устали тяжелый кувшин поднимать, опускать,

Грудь так прерывисто дышит, и капельки пота на лице,

Волосы пали без ленты, держит она их рукой.

Я отпускаю ей долг ее. (Дает двум подругам кольцо. Они берут его, читают вырезанное внутри имя и смотрят одна на другую). Да не будет здесь недоразумения. Это — подарок от царя.

Приамада. Тогда, владыка, тебе не нужно расставаться с ним. Слова твоего достаточно, чтобы отпустить долг.

Анасуя. Ну, хорошо, Шакунтала, тебя освободил этот добрый ласковый господин — или, вернее, сам царь. Куда теперь пойдешь?

Шакунтала (к самой себе). Если бы могла, никогда бы от него не ушла.

Приамада. Ну, что же ты не уходишь?

Шакунтала. Я не ваша слуга больше. Когда захочу, тогда и уйду.

Царь (смотря на Шакунталу. К самому себе). Она чувствует ко мне то же, что я чувствую к ней? По крайней мере на это можно надеяться.

Хотя, когда я говорю,

Она со мной не говорит,

Но только я заговорю,

Она вся слушает меня.

И хоть она своим лицом

Не обращается ко мне,

Но взгляд внимательных очей

Не отрывает от меня.

Голос за сценой. Отшельники! Отшельники! Приготовьтесь защищать живые существа в благочестивой роще. Царь Душьянта охотится по соседству.

Пыль от копыт, от коней набегающих,

Красная в солнце вечернем, летит

И на ветвях, где одежду вы сушите,

Падая, виснет, как рой саранчи.

(В сторону). Увы! Мои воины, в поисках меня, тревожат благочестивую рощу.

Голос за сценой. Отшельники! Отшельники! Слон бежит, и в испуге бегут от него старцы, и дети, и женщины.

Он на дерево, что было на дороге.

Натолкнувшись, клык один себе сломал.

И проходит он походкой затрудненной

От нависнувших бесчисленных лиан;

От него бегут испуганные лани,

К нам он близится, как злое существо,

В страхе сам при виде царской колесницы

Он врывается в спокойный наш уют.

Девушки прислушиваются и с беспокойством встают.

(Про себя). Как прискорбно потревожили из-за меня отшельников. Мне нужно уходить.

Две подруги. Властитель, мы испуганы этой тревогой из-за слона. Позволь нам вернуться в нашу беседку.

Анасуя (к Шакунтале). Шакунтала, милая, мать Гаутами будет тревожиться. Пойдем скорее к ней.

Шакунтала (притворно хромая). О, о! Я совсем идти не могу.

Царь. Иди тихонько. А я позабочусь о том, чтобы больше не тревожили пустынь.

Две подруги. Властитель, у нас такое чувство, как будто мы знаем тебя очень хорошо. Прости, что недостаточно хорошо приняли тебя. Можно просить тебя, чтобы еще раз ты пожаловал к нам и дал нам возможность выказать больше гостеприимства?

Царь. Вы слишком скромны. Уже то, что я вижу вас, истинная честь для меня.

Шакунтала. Анасуя, я обрезала себе ногу об острый лист травы. И одежда моя зацепилась за ветку амаранта. Подождите меня, пока я отцеплюсь. (Бросает медлящий взгляд на царя и уходит со своими подругами).

Царь (вздыхая). Они ушли. И мне нужно уходить. Я видел Шакунталу и не хочу возвращаться в город. Я заставляю людей моих расположиться караваном недалеко от благочестивой рощи. Я не могу оторвать моих мыслей от Шакунталы.

Это — тело уходит мое от любви, а не я,

Это — тело уходит, а сердце осталось при ней,

И назад устремляется мысль и забота моя,

Точно зная из шелка, несомое против ветров.

(Уходит).

[Второе действие разворачивается в охотничьем лагере Душьянты. Царь признается своему наперснику-шуту, что влюблен в Шакунталу. Меж тем ему докладывают о приходе юных отшельников. Отшельники передают Душьянте просьбу обитателей пустыни задержаться на несколько дней до возвращения Канвы — присутствие царя напугает ожившихся за последнее время злых духов, мешающих совершению священных обрядов. Царь обещает

остаться. Не успевают отшельники удалиться, как появляется вестник из столицы — мать Душьянты просит его поскорее вернуться. Царь в затруднении: «С одной стороны, мои обязанности по отношению к отшельникам, с другой — повеление моей матери. Ни тем, ни другим пренебречь нельзя. Как же быть?» В конце концов он решает отправить в столицу всю свою свиту, а сам остается на несколько дней в пустыни. Третье действие открывается выходом царя, разыскивавшего Шакунталу. Он находит ее в беседке. У Шакунталы жар. Она лежит на скамье, над ней хлопочут подруги. Притаившись за кустами, царь подслушивает их беседу. Настойчивые расспросы подруг заставляют Шакунталу признаться в том, что причина ее недомогания — любовь к царю. Услышав признание возлюбленной, царь выходит из-за кустов. Подруги оставляют влюбленных вдвоем, взяв сперва с царя обещание сделать Шакунталу главной царицей.]

Действие четвертое

[Царь возвращается в столицу, не дождавшись Канвы. В день его отъезда Шакунтала, занятая грустными мыслями, не замечает прихода отшельника Дурвасаса. Тот в гневе проклинает ее — так как она забыла о своих обязанностях хозяйки, возлюбленного ее забудет о ней начиная с этого момента. Услышавшая это грозное предсказание, Анасуя молит Дурвасаса о прощении, и тот несколько смягчается: память вернется к возлюбленному Шакунталы, когда он увидит свое кольцо, данное ей на память. Анасуя и Приамвада не сообщают об этом происшествии своей подруге. Между тем вернувшийся Канва извещается небесными силами о том, что Шакунтала в его отсутствие стала супругой царя и теперь ждет ребенка. Канва решает отослать ее к Душьянте.]

Приамвада (*смотря вперед*). Вон Шакунтала. С восходом солнца она искупалась, как должно, и отшельницы дают ей в знак приветствия рисовые лепешки и желают счастья. Пойдем к ней.

Они идут. Входит Шакунтала с теми, кто окружает ее, как описано, и Гаутами.

Шакунтала. Святые жены, я приветствую вас.

Гаутами. Дитя мое, прими счастливое поименование царицы, в нем знак, что супруг твой чтит тебя.

Отшельницы. Милая, да будешь ты матерью героя.

Все уходят, кроме Гаутами.

Две подруги (*приближаясь*). Хорошо ли искупалась, милая?

Шакунтала. Доброе утро, девушки. Присядьте.

Две подруги (*сядась*). Стой теперь прямо, мы совершим счастливый обряд⁷.

Шакунтала. Это часто случалось, но сегодня я вдвойне благодарна. Будут ли когда еще подруги мои украшать меня? (*Плачет*).

Две подруги. Не нужно плакать, милая, в эти счастливые мгновения. (*Вытирают слезы и украшают ее*).

Приамвада. Ты так красива, лучших нужно было бы тебе украшений. Это прямо обидно давать тебе эти прикрасы пустыни.

Входит Харита, юноша с украшениями.

Харита. Вот украшения для нашей госпожи.

Женщины смотрят на него с удивлением.

Гаутами. Харита, сын мой, откуда эти вещи?

Харита. Священной силой отца Канвы.

Гаутами. Создание его мысли?

Харита. Не вполне. Слушайте. Отец Канва послал нас нарвать цветов с деревьев для Шакунталы, и вдруг —

На дереве одном, как лунный белый плод,

Висело шелковое свадебное платье,

С другого красная сочилась камедь,

Которой пальцы ног охотно красят девы,

И руки виделись невидимых существ⁶,

Подобные ветвям дерев, цветущих нежно,

Все драгоценности они давали нам,

Каких бы только мы от них ни пожелали.

Прямвада (смотря на Шакунталу). Пчела родиться может в дупле древесном, но любит она мед, собираемый с лотоса.

Гаутами. Эта изысканная милость незримых существ есть знак, что ты царски будешь счастлива во дворце у твоего супруга.

Шакунтала выказывает смущение.

Харита. Отец Канва пошел на берег Малини совершить омовение. Пойду скажу ему о милости, оказанной нам деревьями. (Уходит).

Анасуя. Милая, мы, бедные девушки, никогда и не видывали подобных украшений. Как нам украсить ими тебя? (Она думает и смотрит на украшения). Но мы видали картины. Быть может, мы сумеем надеть их на тебя как следует.

Шакунтала. Я знаю, вы умные.

Две подруги украшают ее. Входит Канва, окончив омовение.

Канва

Шакунтала сегодня в путь уходит,

С ней расстанусь, и грусть во мне встает,

Как только я подумаю об этом,

Я вдаль смотрю, и взор мой полон слез.

Меня любовь и жалит и терзает.

Хоть я живу, не ведая жены,

Не ведая детей, отшельник мирный, —

Так как же должен чувствовать отец,

Что с дочерью своей расстаться должен?

(Ходит взад и вперед).

Две подруги. Вот, Шакунтала, мы украсили тебя. Надень теперь это красивое шелковое платье.

Шакунтала встает и надевает его.

Гау та ми. Дитя мое, тут отец твой. Глазами своими он прощально обнимает тебя, и глаза его полны слез радости. Приветъ его хорошенько.

Шакунтала стыдливо приветствует его, кланяясь.

Ка н в а. Дитя мое,
Как Шармиштха, супруга Яяти⁹,
Добродетелью меряй любовь,
И роди нам царевича-сына,
Чтобы правил он целой Землей.

Гау та м, и. Дитя мое, это не мольба, а благословение.

Ка н в а. Дочь моя, обойди теперь кругом, слева направо, Огонь, в который только что брошено жертвоприношение.

Все обходят Огонь.

Огонь горит на очаге,
Огонь восходит с алтаря,
Горит священная трава,
Огонь взбегает к небесам.
Как жертва съедена Огнем,
Светло пылающим Огнем,
Так тени были, — где оне?
Исчезли в пламенном Огне.
Прими, все темное гоня,
Благословение Огня.

Шакунтала обходит Огонь слева направо.

Теперь можно и в путь, дочь. (*Осматривается кругом*). Где же Шарнгарава и Шарадвата?

Входят два ученика.

Два ученика. Мы здесь, отец.

Ка н в а. Шарнгарава, сын мой, води сестру свою.

Ша р н г а р а в а. Идем.

Все идут.

Ка н в а. Деревья рощи благоговейной, где живут существа незримые, —

Услышьте голос мой, она уходит,
Она, что не решалась испить,
Пока не напоит вас свежей влагой,
Она, что, украшения любя,
Цветов с ветвей зеленых не срывала
И каждой почке радовалась здесь,
И праздником ей был цветок здесь каждый,
Шакунтала идет к супругу в дом;
Благословите путь ее далекий
И ласковое молвите «прощай».

Раздается крик кукушки.

Ш а р н г а р а в а (*прислушиваясь*)
Деревья услышали слово твое,
Как братья родные ответили,
И птица лесная, прощаясь с сестрой,
Протяжно кукует Шакунтале.

Незримые существа

Пусть взор твой с цветами лилейными нежно встречается,
Пусть тень от деревьев смягчает полуденный зной,
Дорожная пыль пусть в цветочную пыль превращается,
И мир и веселье в пути да пребудут с тобой.

Все слушают с изумлением.

Г а у т а м и. Дитя мое, незримые существа священной рощи прощаются с тобой. Они любят родных своих. Преклонись перед священными.

Ш а к у н т а л а (*преклоняется. В сторону, к Приамваде*). Приамвада, мне очень хочется увидеть супруга, и все же ноги мои не хотят идти. Трудно, трудно оставить обитель.

П р и а м в а д а. Не только тебе грустно при этом расставанье, милая. Смотри, вся роща чувствует разлуку.

Лани роняют траву изо рта, не глотая,
Пляску не хочет продолжить павлин,
Желтые листья вьюнок уронил, извиваясь,
Листья, как слезы, упали, грустя о тебе.

Ш а к у н т а л а (*что-то вспоминая*). Отец, я должна проститься с любимой моей сестрой среди лиан и цветов, с Лунным Светом Лесным.

К а н в а. Я знаю, как ты любишь эту лесную сестру свою. Вот она как раз направо от тебя.

Ш а к у н т а л а (*приближаясь к жасмину и обнимая растение*). Сестра лесная, Лунный Свет Лесной, обними меня и ты руками своими, этими ветвями. Я завтра уже буду далеко от тебя. Отец, заботься о ней, как ты заботился обо мне.

К а н в а

Еще недавно, дочь моя,
Я был в заботе о тебе,
Но вот ты милого нашла,
Вполне достойного тебя.
Так с древом манговым та ветвь
В лесной вступила нежный брак.
Я от забот освобожден,
Но буду думать я о вас.

А теперь в путь.

Ш а к у н т а л а (*подходя к двум подругам*). Милые девушки, и вы тоже заботьтесь об этой сестре моей.

Д в е п о д р у г и. А кто будет заботиться о нас бедных? (*Заливаются слезами*).

К а н в а. Анасуйя, Приамвада! Не плачьте! Это вы должны утешать Шакунталу.

Все идут.

Ш а к у н т а л а. Отец, тут есть одна лань, у которой должен родиться скоро маленький. Когда она будет счастливой матерью, смотри непременно пошли мне кого-нибудь с этой вестью. Не забудь.

К а н в а. Не забуду, дитя мое.

Ш а к у н т а л а (*спотыкаясь*). О! о! Кто это держит мое платье и не пускает меня? (*Оборачивается, чтобы посмотреть*).

К а н в а

Это лань, что когда-то обрезала губы

Острой осоки листом,

Ты ее исцелила смягчающим маслом,

Ты из рук ей давала пшена.

И она, полюбивши тебя благодарно,

Уж не хочет тебя отпускать.

Ш а к у н т а л а. Милая, зачем ты идешь за мной, когда я ухожу из дому. Твоя мать умерла, когда ты родилась, и я тебя вырастила. Теперь я тебя оставляю, и отец Канва о тебе позаботится. Иди назад. Иди назад. (*Отходит плача*).

К а н в а. Не плачь, дитя мое. Смелее. Смотри на дорогу, что перед тобой.

Сдержи кипение слез,

Они затуманят глаза твои,

На длинных ресницах дрожа, —

Споткнешься, дорога неровная.

Ш а р н г а р а в а. Святой отец, писание учит нас, что мы должны провожать уходящего любимого только до первой воды. Прошу, дай нам свои поручения на берегу этого прудка и потом вернись домой.

К а н в а. Так помедлим в тени этой смоковницы.

Все останавливаются.

Что поручить мне передать нашему царю Душьянте? (*Размышляет*).

А н а с у й я. Милая, нет ни одного живого существа во всей нашей роще, которое не печалилось бы, прощаясь с тобой. Взгляни:

Цесарка забыла о милом дружке,

Напрасно ее он зовет.

За лотосом прячась, он грустно кричит:

«Услышь, я тоскую, услышь».

К а н в а. Шарнгарава, сын мой, когда предстанет Шакунтала перед царем, передай ему от меня следующее:

Прими во внимание, что наше богатство

Теперь в отречение одном,

Что доблестный род твой всегда был высоким,

Что эта любовь не от нас.

Прими же ее между жен, что ты любишь,

Почти, как других ты почтил,

Что больше, то будет судьбы повеленье,

Бессильны мы здесь предрешать.

Шарнга ра ва. Я не забуду слов твоих, отец.

Кан ва (*обращаясь к Шакунтале*). Дитя мое, теперь тебе я дам совет мой. Хотя я в лесу живу, я немного знаю мир.

Шарнга ра ва. Истинная мудрость, отец, дает заглянуть во все.

Кан ва. Дитя мое, когда ты вступишь в дом твоего супруга, —

Слушайся старших своих, что душой руководят,

К женам другим благовольной и ласковой будь,

Гневной с супругом не будь и не будь с ним упрямой,

Если бы даже обидел тебя чем-нибудь;

С слугами вежливой будь, как ты только умеешь,

Не заносись в своем счастье, в свой день не гордись,

Девушка может так стать благородной супругой,

А своевольная — бремя и скорбь для семьи.

Или что об этом молвит Гаутами?

Га у т а м и. Это мудрый совет для новобрачной. (*К Шакунтале*). Не забудь его, дитя мое.

Кан ва. Подойди, обними меня, дочь моя, и обними подруг своих.

Шакунтала. Ах, отец! Мои подруги тоже должны вернуться домой?

Кан ва. Дочь моя, они тоже однажды выйдут замуж. Они не могут поэтому идти с тобой к царскому двору. С тобой пойдет Гаутами.

Шакунтала (*охватывая руками своего отца*). Оторвали меня от отцовской груди, как лозу от санталового дерева на Малабарских холмах. Как быть мне, как жить мне в чужой земле? (*Плачет*).

Кан ва. Что ты туманишься так, дочь моя?

Раз будешь ты ценимою супругой

Близ доблестного мужа своего

И, каждый миг обязанности помня,

Достоиную окажешься женой,

И вскоре чрез тебя дитя возникнет,

Как на востоке Солнце в ранний час, —

Не вспомнишь ты иль вступишь только в малость

Ту давнюю разлучную печаль.

Шакунтала (*падая к ногам отца*). Прощай, отец!

Кан ва. Да придет к тебе, дочь моя, все, что я тебе желаю.

Шакунтала (*подходя к двум подругам*). Обнимите меня, подружки, обе вместе.

Две подруги (*обнимают ее*). Милая, если добрый царь вдруг да не сразу признает тебя, ты покажи ему это кольцо, на котором вырезано собственное его имя.

Шакунтала. Вы говорите, и сердце у меня начинает биться.

Две подруги. Не бойся, милая. Любовь недоверчива. Шарнгарава (*осматриваясь*). Отец, Солнце уже достигло середины неба. Ей нужно спешить. [...]

Канва. Дитя, ты нарушаешь мои обязанности в благочестивой роще.

Шакунтала. Да, отец. Не томись обо мне. Ты и так истомляешься всем служением своим. Но я о тебе буду томиться.

Канва. Как не томиться. (*Вздыхает*).

Ты риса зерна рассыпала

Пред дверью здесь.

Зазеленеют приношенья,

Как стебли трав,

И вспомяну тебя, родная,

Здесь в тишине.

Иди. И светлый мир да идет с тобою.

Шакунтала уходит с Гаугами, Шарнгаравой и Шарадватой.

Две подруги (*смотря ей вслед. Печально*). А, а! Уж Шакунталы не видно среди деревьев.

Канва. Анасуя! Приамвада! Подруга ваша ушла. Сдержите печаль свою и идите за мной.

Две подруги (*начинают возвращаться*). Отец, роща кажется такой пустой без Шакунталы.

Канва. Такие мысли — от любви. (*Идет, погруженный в размышления*). Ну вот, я отослал Шакунталу в дом к супругу. И снова я стал самим собой. Так и должно быть.

Девушка, это — чужое сокровище,

Нежным рукам я ее отдаю,

Мужу отдав, что ему надлежало здесь,

Чувствую в сердце опять тишину,

Небо священный залог даровало мне,

Я его честно теперь возвратил.

Все уходят.

Действие пятое

[Шакунтала, сопровождаемая отшельниками, приходит во дворец. Царь велит впустить их.]

Привратница. Высокий повелитель, отшельники, кажется, вполне счастливы. Они смотрят на тебя ласково.

Царь (*пристально смотря на Шакунталу*). А!

Кто она, кто она, скрытая тканью,

Что затеняет ее красоту?

В этой одежде она — точно скрытый

Мертвыми листьями нежный цветок.

Привратница. Она достойна того, чтобы смотреть на нее, владыка.

Царь. Довольно. Я не должен смотреть на жену другого.

Шакунтала (*прижимая руку к груди. В сторону*).
О сердце мое, зачем так трепещешь ты? Вспомни постоянство
любви его и будь смелее.

Жрец (*выступая вперед*). Привет тебе, государь. Отшель-
ники были встречены, как повелевает нам писание. Они прихо-
дят с вестью от своего учителя. Да благоугодно тебе будет
выслушать ее.

Царь (*почтительно*). Я слушаю.

Два ученика (*поднимая правую руку*). Победа тебе,
о царь.

Царь (*низко кланяясь*). Приветствую вас всех.

Два отшельника. Всесветный, привет тебе.

Царь. Совершается ли благочестивое ваше служение
беспрепятственно?

Два ученика

Какие могут быть препятствия,

Когда защита ты благим?

Как может сила тьмы осмелиться,

Коль Солнце светит в высоте?

Царь (*к самому себе*). Поистине, царское мое имя не
пустой звук. (*Громко*). В добром ли здравии пребывает святой
Канва?

Шарнгарав. О царь, те, которые имеют молитвен-
ную власть, могут повелевать здоровьем. Он спрашивает тебя,
как преуспеваешь ты, и посылает тебе весть.

Царь. В чем его повеление?

Шарнгарав. Он говорит: «Так как ты встретил эту
дочь мою и вступил с нею в супружество, я даю тебе радост-
ное свое согласие. Потому что —

Из достойных людей ты достойнейший,

И Шакунтала есть воплощение

Дел и мыслей благих,

Сочетались верховною волею

Муж благой с благородной супругою,

Благодатен союз.

Она ожидает рождения дитяти. Возьми ее и живи с нею в
светлом благочинии».

Гаутами. Да придет к тебе благословение, властитель.
Хотелось бы мне что-нибудь сказать, да не спрашивают меня.

Царь. Говори, мать.

Гаутами

Ни отцу ничего не сказал, и ни матери,

И с родными ее ты беседы не вел,

Вы друг с другом беседу вели, как вы знаете,

Будьте ж верны друг другу теперь.

Царь (*слушая с тревожной подозрительностью*). Что оз-
начает эта выдумка?

Шакунтала (*к самой себе*). О, о! Какая надменность
и какая клевета!

Шарнгарава. «Что означает эта выдумка?» Что означает этот вопрос? Ты, конечно, хорошо знаешь, как все происходит в мире.

Так как мир заподозрит замужнюю женщину,

Если в доме родных она только живет,

В дом к супругу родные должны отослать ее,

Если даже он больше не любит ее.

Царь. И эта молодая женщина будто бы моя жена?

Шакунтала (*печально к самой себе*). О сердце мое, ты боялось этого, и вот это пришло.

Шарнгарава. О царь,

Быть царем — и раскаяться в том, что соделано,

Полюбить — и скорее бежать от любви?

Царь. Что означает это чудовищное обвинение?

Шарнгарава

(*яростно*)

О да, такие перемены не редкость в том,

Кто, властью упиваясь дерзко, как пьян вином.

Царь. Этот жалиющий упрек несправедлив.

Гаутами (*к Шакунталу*). Забудь стыд на минутку, дитя мое. Я сдвину твое покрывало. Супруг твой узнает тебя тогда. (*Делает это*).

Царь

(*внимательно смотря на Шакунталу. К самому себе*)

Сердце глядит и глядит на нее,

Видит ее красоту, пред собой,

Мыслью стараюсь я вспомнить ее,

Мог ли, не мог ли я мужем быть ей, —

Ранняя так прилетает пчела,

Хочет к жасмину прильнуть на заре,

Влагой студеной покрыты цветы,

Вьется бессильно пчела над цветком.

Привратница (*к самой себе*). Какой он добродетельный, наш царь. Стал ли бы другой кто колебаться, если такая жемчужина сама приходит к нему?

Шарнгарава. Тебе нечего сказать, царь?

Царь. Отшельник, я думал и придумал. Я не могу поверить, чтобы эта женщина была моей женой. Она ожидает рождения ребенка. Как могу я взять ее, признавая себя этим за прелюбодея?

Шакунтала (*к самой себе*). О, о, о! Он даже бросает тень подозрения на самое супружество наше. Как высоко вознеслась лоза моей надежды — и вот сломалась.

Шарнгарава. Значит, нет, —

Тебе простил отшельник тот позор,

Что к дочери его ты прикоснулся,

И то, что вору честь он возвратил,

Награбленное принося в подарок,

Ты даже это обращаешь в грязь,
Позор другим позором умножая?

Ш а р а д в а т а. Довольно, Шарингарава. Шакунтала, что мы посланы сказать, мы сказали. Ты слышала слова владыки. Ответь ему, ты теперь.

Ш а к у н т а л а (к самой себе). Он так меня любил. Он так изменился. Зачем напоминать ему о себе? Ах, но мне нужно себя оправдать! Что же делать, попытаюсь. (Громко). Дорогой супруг мой! (Останавливается). Нет, он сомневается, чтобы я имела право так называть его. Высокий повелитель, чистая любовь раскрыла мое бедное сердце перед тобой в пúстýни. Ты был добр ко мне и дал мне свое обещание. Справедливо ли это, что ты теперь так говоришь со мной и отвергаешь меня?

Ц а р ь (затыкая уши). Довольно, довольно.

Зачем ты хочешь мой род унижить

И имя запятнать мое?

Или поток ты, что берег роет,

И воду светлую мутит,

И подрывает деревьев корни,

Что возросли на берегу?

Ш а к у н т а л а. Хорошо. Если ты так поступаешь, потому что действительно боишься прикоснуться к чужой жене, я устраню твои сомнения, я покажу тебе талисман, который ты сам мне дал на память.

Ц а р ь. Великолепная мысль.

Ш а к у н т а л а (ощупывая свой палец). О, о! Кольцо... Я потеряла его. (Смотрит скорбно на Гаутами).

Г а у т а м и. Дитя мое, ты молилась святому Гангу в том месте, где сходил Индра. Ты там, должно быть, и потеряла кольцо.

Ц а р ь. Хорошая выдумка, прекрасная.

Ш а к у н т а л а. Судьба слишком жестока со мной. Я скажу тебе что-нибудь другое.

Ц а р ь. Да услышу я, что ты имеешь сказать.

Ш а к у н т а л а. Это было, когда лань ко мне подошла молодая, приемное детище мое. Ты пожалел ее и приласкал. «Дай ей испить сперва», — сказал ты. Но лань не знала тебя и не хотела пить воду из твоих рук. А когда я протянула ту же воду, она испила. Тогда ты засмеялся и сказал: «Это вот так. Каждый своему верит. Вы обе — лесные».

Ц а р ь. Как раз таковы женщины — своекорыстные, вкрадчивые, обманные, только чтоб глупцов заманить.

Г а у т а м и. Ты не имеешь права так говорить. Она выросла в благоговейной роще. Она не умеет обманывать.

Ц а р ь. Престарелая отшельница,

Женщины вместе с обманом рождаются.

Это заметим мы даже в зверях,

В женщинах, полных корысти, подавно.

Так знаменита кукушка меж птиц:

Яйца подкинув другим, улетает.

Шакунтала (с гневом). Недостойный! Ты судишь обо всем по собственному неверному своему сердцу. Посмел ли бы кто-нибудь сделать то, что ты? Прятаться под личиной добродетели, как зияющий колодец, прикрытый сверху травой!

Царь (к самому себе). Гнев ее искренний, она выросла в лесу. Вот —

Смотрит прямо, гнев краснеет пламенем в глазах,

Речь ее чистосердечна в резкости своей,

И дрожат от гнева губы, точно бьет озноб,

И приподнятые брови выражают скорбь.

Нет, однако, она увидела, что я колеблюсь в нерешительности, и гнев ее — притворство.

Когда с тяжелым сердцем

Признать я отказался

Любовную ту тайну,

Взор вспыхнул у нее,

И лук ее любовный

В руках ее согнулся,

В чрезмерном напряженье

Переломился лук.

(Громко). Поведение Душьянты, достойнейшая, известно всему царству, но не это деяние.

Шакунтала. Хорошо, хорошо. К чему шла, к тому и пришла. Я поверила царю, я предалась в его руки. Мед был на языке у него, сердце его было из камня. (Закрывает лицо свое краем одежды и плачет).

Шарнгарав

Нужно медлить с любовью, и медлить вдвойне,

Выбирая товарища тайного:

Если сердца не знаешь того, с кем вдвоем,

За любовь увидишь ты ненависть.

Царь. Почему верите вы этой девушке и обвиняете меня в воображаемом преступлении?

Шарнгарав (презрительно). Мудрость твоя вверх ногами опрокинулась —

Девушке верить, что сроду обмана не знала,

Есть безрассудство одно,

Мудро же верить тому, кто в обманах искусен,

Истинно так.

Царь. Ага, ты пророчествуешь. Ну, допустим, что я именно такой человек, как ты воображаешь. Что должно случиться со мной, если я обманул девушку?

Шарнгарав. Гибель.

Царь. И отпрыск рода Пуру захотел бы своей гибели? Как это правдоподобно!

Шарнгарав. К чему извилистые слова? Мы свершили то, что повелел нам отец. Теперь мы вернемся назад.

Покинь ее или возьми, —
Она твоя жена,
Неограниченная власть
У мужа над женой.

Гаутами, идем.

Идут.

Гаутами (*оглядываясь на Шакунталу*). Шарнгарав, сын мой, Шакунтала идет за нами и горько плачет. Что будет делать бедный ребенок, если муж настолько низок, что отвергает ее?

Шарнгарав (*оборачиваясь, гневно*). Ты, своевольница! Ты дерзаешь выказывать независимость?

Шакунтала, вздрогнув, отступает в испуге.

Слушай же.

Если ты заслужила весь этот позор,

Что отцу с тобой делать, преступная?

Если ж совесть чиста твоя, знай и терпи,

В доме мужа и рабство ты вынесешь.

Останься здесь: А мы должны уйти.

[Не зная, как быть, Душьянта обращается за советом к жрецу. Тот предлагает оставить Шакунталу до рождения ребенка в своем доме. Если родится мальчик со знаками царского достоинства, значит — она и отшельники не лгали. Однако когда он выходит с нею из дворца, кто-то похищает ее и уносит в небо.]

Кольцо, оброненное Шакунталой, находит рыбак. Он пытается продать его, но попадаетеся стражникам, которые, узнав печать царя, относят кольцо во дворец. Так заканчивается пятое действие. Шестое действие застаёт Душьянту в неутешном горе. Найденное кольцо вернуло ему память, а вместе с нею и муки раскаяния. В то время как он изливает перед своим наперсником тоску по возлюбленной, появляется вестник и возница Индры Матали. Он передает царю приказ бога возглавить битву небожителей с асурами. Душьянта садится в колесницу Матали и отправляется на небо.]

Действие седьмое

[Душьянта, разгромив асуров, возвращается на землю в колеснице Матали. Он замечает золотую вершину горы Хемакута. На ней находится обитель отца Индры и всех богов, божественного мудреца Кашьяпы. Душьянта решает посетить его].

Матали. Подожди здесь, о царь, а я возвещу о твоём прибытии родителю Индры.

Царь. Хорошо.

Матали уходит. У царя дергается рука — счастливое предзнаменование.

К чему напрасный знак счастливый?

Я не дерзаю уповать.

Кто от себя отбросил счастье,

Тот видит в нём одну печаль.

Голос за сценой. Не делай этого. Не будь таким сумасбродным. А, ты всегда один и тот же.

(Слушая). Сумасбродству здесь как будто совсем не место. Кто бы это был, кого так порицают? (Смотрит по направлению к тому месту, где говорили. Удивленно). Это ребенок. И ребенок еще маленький. Две отшельницы бегут за ним.

Он тащит львенка, львенок бьется,

Ему он гриву всю взлохматил

И ручкой детскою, но властной

Зверенка хочет укротить.

Входит маленький мальчик, какописано, и две отшельницы.

Мальчик. Открой свою пасть, зверюга. Я сосчитаю, сколько у тебя зубов.

Первая женщина. Гадкий мальчик, зачем ты дразнишь наших любимцев? Они для нас как дети. Тебе непременно кого-нибудь ударить нужно, сил слишком много. Недаром тебя отшельники зовут Всеукротителем.

Царь. Почему мое сердце так рвется к этому мальчику, точно он сын мой родной? (Размышляет). Это, конечно, оттого, что у меня нет детей.

Вторая женщина. Смотри, львица на тебя набросится, если ты не отпустишь ее детеныша.

Мальчик (смеясь). Ай, боюсь, боюсь. (Кусает себе губы).

Царь
(удивленно)

В этом мальчике зерно

Подвигов блестящих,

Он, как искра, только ждет,

Чтоб костер сложили.

Первая женщина. Отпусти львенка, милый. Я дам тебе другую игрушку.

Мальчик. Где она? Дай мне ее. (Протягивает руку).

Царь (смотря на его руку). У него одна из царских примет.

Между пальцами живыми, что желают что-то взять,

Тканью тонкою белеет волоконце,

Вся рука его как лотос, где стеснились лепестки,

Чуть подернутые розовой зарею.

Вторая женщина. Суврата, мы его одними словами не удержим. Поди, у меня там в хижине есть разрисованный глиняный павлин, игрушка мальчика-отшельника Манканаки. Принеси его сюда.

Первая женщина. Сейчас. (Уходит).

Мальчик. А пока я с ним поиграю.

Отшельница (смотрит и смеется). Отпусти его.

Царь. Мое сердце рвется к этому своевольному ребенку. (Вздыхая).

Какое счастье для родителей,

Коль дети на руках у них,

Еще незримы бусы белые,
Что будут зубками во рту,
Они чему-то улыбаются,
Кто догадается — чему,
Лепечут, говорить пытаются,
И темен смысл их первых слов,
Но все так мило для родителей,
И слово каждое поет,
И если тельце вдруг запачкают,
Вот даже это мило в них.

Отшельница (*грозясь пальцем*). Ты даже на меня и взглянуть не хочешь? (*Осматривается кругом*). Никого здесь нет из отшельников-подростков? (*Видит царя*). О владыка, пожалуйста, подойди и освободи этого львенка. Маленький негодник мучает его, и я не могу заставить его отпустить зверенка.

Царь. Хорошо. (*Приближается улыбаясь*). Маленький сын великого мудреца,

Не хочешь быть ты добрым мальчиком?

Не хочешь слушаться отца,

Что хочет добрым быть с животными?

Ты хочешь быть здесь в роще злым?

Ведь ты не будешь же змеенышем,

Рожденным черною змеей,

Что портит древо благовонное,

Пятнает благостный сантал?

Отшельница. Но, владыка, его отец не отшельник.

Царь. Так должно явствовать и из его взглядов и из его поступков. Но в этом месте я ничего другого не мог предполагать. (*Он высвобождает львенка из рук мальчика и, прикоснувшись к нему, говорит себе*).

Всем телом я чувствую нежность,

Коснувшись ребенка чужого,

Какое ж безмерное счастье

Ребенка своим называть.

Отшельница (*смотря на царя и на мальчика*). Удивительно. Удивительно.

Царь. Почему говоришь так, мать?

Отшельница. Я изумлена при виде того, как мальчик похож на тебя, владыка. Ведь вы не родственники. Притом же он своевольник и не знает тебя, а все же не выказывает к тебе никакого нерасположения.

Царь (*лаская мальчика*). Мать, если отец его не отшельник, из какой же он семьи?

Отшельница. Из рода Пуру.

Царь (*к самому себе*). Из одного рода со мной. Тогда, быть может, мысль моя верна? (*Громко*). Но таков обычай в роде Пуру:

Они живут в блистательных дворцах
И правят родиною мудро,
Когда ж преклонный возраст настает,
Кончают дни в уединенье.

Но как человеческие существа собственною своею волей
могут достичь этого места?

Отшельница. Ты справедливо говоришь, владыка. Но
мать ребенка была сродни небесным девам, и она родила
своего сына в священной роще отца богов.

Царь (к самому себе). О, второе основание для надежды.
(Громко). Как имя доброго царя, кому она супруга?

Отшельница. Кто будет называть его имя? Он отверг
свою верную жену.

Царь (к самому себе). Рассказ указывает на меня. Спро-
сить мне мальчика, как зовут его мать? (Размышляет). Нет,
это было бы недостойно меня говорить о той, кто может
оказаться чужой женой.

Приходит первая женщина с глиняным павлином.

Первая женщина. Смотри, Всеукротитель. Вот тебе
птица, шакунта. Скажи, милá шакунта?

Мальчик (осматривается кругом). Где моя мама?

Две отшельницы раздражаются смехом.

Первая женщина. Слово звучало, как ее имя, и об-
мануло его. Он любит свою мать.

Вторая женщина. Она сказала: «Посмотри, какой
красивый павлин». Больше ничего.

Царь (к самому себе). Его мать зовется Шакунтала.
Имена одинаковы. Хочу думать, что эта надежда не окажется
в конце концов обманом, миражем.

Мальчик. Мне нравится этот маленький павлин, сестра.
Он умеет летать? (Хватает игрушку).

Первая женщина (смотря на мальчика. С тревогой).
О, амулета нет у него на руке.

Царь. Не тревожься, мать. Амулет упал, когда он бо-
ролся с львенком. (Быстро наклоняется, чтобы поднять амулет).

Две женщины. О, не делай, не делай этого. (Смотрят
на него). Он прикоснулся к амулету. (Изумленные, они при-
жимают руки к груди и смотрят одна на другую).

Царь. Почему вы хотели помешать мне сделать это?

Первая женщина. Слушай, государь. Это божествен-
ный и сильнейший талисман, зовущийся Непобедимым. Святой
сын Маричи¹⁰ дал его ребенку, когда только что был совер-
шен обряд рождения. Если он падает на землю, никто не
может прикасаться к нему, кроме родителей мальчика или его
самого.

Царь. А если кто другой его тронет?

Первая женщина. Он превращается в змею и жалит.

Царь. Вы когда-нибудь видели, чтоб это с кем-нибудь произошло?

Обе женщины. И не раз.

Царь (*радостно*). Так почему бы не стал я ликовать, что надежда моя, наконец, исполнилась? (*Обнимает мальчика*).

Вторая женщина. Идем, Суврата. Шакунтала исполняет сейчас молитвенные обязанности. Пойдем и расскажем ей об этом.

Обе уходят.

Мальчик. Пусти меня. Я хочу к моей матери.

Царь. Сын мой, ты вместе со мной пойдешь приветствовать свою мать.

Мальчик. Мой отец Душьянта, а не ты.

Царь (*улыбаясь*). Опровергая меня, ты мне показываешь, что я прав.

Входит Шакунтала, волосы ее заплетены в одну косу.

Шакунтала (*сомневаясь*). Я слышала, что амулет Всеукротителя не изменился, когда он должен был бы измениться. Но я не верю моему счастью. (*Идет*).

Царь (*смотря на Шакунталу. С грустной радостью*). Это она. Это Шакунтала.

В темном покрове она,

Лицо от поста исхудало.

Волосы в косу одну

Скромно она заплетает,

Так исполняет обет,

Грустя обо мне, бессердечном.

Шакунтала (*смотря на царя, бледного от душевного волнения. С сомнением*). Это не супруг мой.. Кто этот мужчина, что прикасается своими поцелуями к моему ребенку? Амулет должен был бы защитить его.

Мальчик (*бежит к матери*). Мать, этот человек принадлежит к нашему народу. И он называет меня своим сыном.

Царь. Любимая, жестокость, которую я высказал тебе, обратилась в счастье. Или ты не узнаешь меня?

Шакунтала (*к самой себе*). О сердце, уверуй. Судьба ударила жестоко, но зависть ее миновала, и жалость вернулась. Это супруг мой.

Царь

Исчезла темнота безумия,

Вернулась память, это ты,

Любовь, окончилось затмение,

И снова с Месяцем звезда.

Шакунтала. Победа. Побе... (*Рыдания пресекают ее голос*).

Ц а р ь

О милая, милая, да, победил я,

Хоть клич твой победный в слезах потонул,

Но снова я вижу лицо дорогое

И милые бледные губы твои.

М а л ь ч и к. Кто он, мать?

Ш а к у н т а л а. Спроси судьбу, дитя мое. *(Плачет)*.

Ц а р ь

Забудь, красивая, забудь,

Скорбь отлученья да развеется,

Безумьем странным разум мой

Был облечен, как тенью дымною.

Я был, как скорбный тот слепец,

Что разлучен с сияньем солнечным

И принимает за змею

Венок любви, ему дарованный.

(Падает к ее ногам).

Ш а к у н т а л а. Встань, милый супруг мой. Наверно, наверно, это какой-нибудь давнишний грех мой прервал мое блаженство — хоть вот снова оно вернулось, счастье мое. Иначе как мог бы ты, любимый, так поступить со мной? Ты такой добрый!

Царь встает.

Но что возвратило воспоминание о тоскующей жене твоей?

Ц а р ь. Скажу тебе, только прежде жало скорби вырву совсем.

Это было безумье, безумье, желанная,

На глазах твоих вызвать слезу хоть одну,

Вот еще на реснице дрожит одинокая,

Я сотру ее — так — и стираю печаль.

(Смахивает слезинку с ее ресниц).

Ш а к у н т а л а *(смотрит пристальнее и видит кольцо)*.
Супруг мой, это — кольцо.

Ц а р ь. Да. И когда чудо совершилось, память моя вернулась.

Ш а к у н т а л а. Так вот почему для меня было совершенно невозможно заставить тебя поверить.

Ц а р ь. Так пусть лоза с цветком соединится, как их союз соединен с Весной.

Ш а к у н т а л а. Я ему не доверяю. Уж лучше ты его носи.

Входит Матали.

М а т а л и. Приветствую тебя, о царь, и радуюсь, что ты соединился с своею супругой и видишь лицо сына твоего.

Ц а р ь. Мои желанья увенчались вдвойне сладостно, ибо исполнились через друга. Матали, Индра не знает обо всем этом?

М а т а л и *(улыбаясь)*. Что же скрыто от богов? Идем. Святой сын, Маричи, Кашьяпа, хочет видеть тебя.

Царь. Жена моя милая, возьми с собой нашего сына. Я не могу предстать без вас пред святым.

Шакунтала. Я стыжусь предстать с супругом пред такими родителями.

Царь. Таков обычай в праздничные дни. Идем.

Идут. Взорам глядящих предстает Кашьяпа,
он сидит вместе с Адити¹¹. [...]

Царь (*падая перед ними*). Слуга Индры, Душьянта, приносит вам свое почитание.

Кашьяпа. Царствуй над Землею в долгоденствии, сын мой.

Адити. И будь непобедим.

Шакунтала с сыном падает к их ногам.

Кашьяпа. Дочь моя,
Супруг твой равен Индре Громовержцу,
Твой малый сын
Похож на сына Индры, на Джайянту,
А ты сама

Будь как супруга Индры, Пауломи.

Адити. Дитя мое, блюди благую волю твоего супруга. И да преуспевает этот сын прекрасный, как честь семей обоих родителей. Придите и сядьте.

Все садятся по обе стороны праотца.

Кашьяпа

(*указывает по очереди на каждого*)

Счастье да будет Шакунтале,
Счастье малому мальчику,
Счастье царю,
Благословенная тройственность,
Верность, Сокровище, Доблестность,
Миру — рассвет.

Царь. Святой, твое благословение, нам явленное, беспримерно. Ты даровал нам исполнение наших желаний, прежде чем мы предстали пред тобой.

Сперва — цветок, потом и плод созреет,

Сначала — туча, поеле — дождь,

А ты сперва свершенье даровал нам,

А после мы пришли к тебе.

Матали. О царь, таково благоволение, что оказывают праотцы мира.

Царь. Святой, я сочетался с этой девственной служительницей твоей обрядом вольного супружества. Когда некоторое время спустя родные ее привели ее ко мне, память моя изменила мне, и я ее отверг. Так поступив, я прегрешил перед Канвой, пред близкими ее. Но позднее, когда я увидел кольцо, я постиг, что я связан с ней браком. И все это кажется мне чудесным и непонятным.

Я был, как тот, кто говорит: «Вот слон»,

Потом сомненью предается,

Хоть видел ясно, утверждает: «Нет»,

И снова знает, след увидев.

Ка ш ь я п а. Сын мой, не обвиняй себя в грехе. Это была мечта, и она была неизбежна. Слушай.

Ц а р ь. Я слушаю.

Ка ш ь я п а. Когда небесная дева Менака сошла на землю и взяла Шакунталу, огорченную твоим отвержением, она пришла к Адити. Тогда я воззрел на все это божеским своим прозрением. И я увидел, что несчастная девушка была отвергнута законным своим супругом благодаря проклятию, что произнес Дурвасас. И я увидел, что проклятие кончится, когда появится опять кольцо.

Ц а р ь (со вздохом облегчения. К самому себе). Так значит я свободен от порицания.

Ша к у н т а л а (к самой себе). Благодарение небу. Супруг мой отверг меня не по собственной своей воле. Он действительно не помнил меня. Верно, я не слыхала проклятия, когда была так рассеяна, и потому-то мои подруги так убедительно предостерегали меня, чтобы я показала супругу кольцо.

Ка ш ь я п а. Дочь моя, ты знаешь истину. Не давай же теперь никогда хода гневу на твоего законного супруга. Помни:

Все было вызвано проклятием —

Забвение, разлука, скорбь.

Исчезла злая тьма беспамятства,

И ты его царица вновь.

Когда покрыто пылью зеркало,

Неверен в нем и дымен лик,

Но если глубь чиста зеркальная,

Все отраженья в нем живут.

Ц а р ь. О святой, это слова правды.

Ка ш ь я п а. Сын мой, я полагаю, что ты достолично приветствовал рожденного тебе Шакунталой сына, над которым я сам совершил обряд рождения и все другие священные обряды.

Ц а р ь. Святой, в нем вся моя надежда, чаянье рода моего.

Ка ш ь я п а. Так знай же, что мужество, которое в нем заложено, сделает его мировым царем.

В такой колеснице, для бега которой

Не будет препятствий,

Он быстро проедет всемирное море

Победным героем.

И семь мировых островов¹² покорит он

Властительной волей,

Недаром с младенчества так полюбил он

Зверей укрощенье.

Он Всеукротителем назван был в детстве;

Когда ж возрастет он,

Он Бхарата будет, правитель, что зорок

И с мудростью правит.

Царь. Я всего благого могу ждать от него, если ты совершил над ним начальные священные обряды.

Адити. Нужно известить также Канву, что желание его дочери исполнилось. Но Менака нужна мне здесь, и я не могу ее послать.

Шакунтала (к самой себе). Святая сказала то, чего я так хотела.

Кашьяпа. Галява, лети немедленно по воздуху и отнеси желанные вести от меня благому Канве. Скажи ему, как проклятие Дурвасаса пришло к концу, как к Душьянте вернулась память, сообщи ему, что он взял Шакунталу с ее ребенком к себе.

Ученик. Да, святой, исполню. (Уходит).

Кашьяпа (к царю). Сын мой, взойди с супругою и сыном на колесницу дружественного к тебе Индры и направься в свою столицу.

Царь. Слушаю тебя, святой.

Кашьяпа

Индра твоим да пошлет капли свежащего ливня,

Ты же небесным отдашь жертвы свои в полноте,

Так во взаимной любви сто человеческих жизней

Будут на благо Земле и в прославление Небес.

Царь. Святой, я сделаю все, что могу.

Кашьяпа. Что еще, сын мой, сделать мне для тебя?

Царь. Может ли что еще быть сделано? Но да будет услышана вот эта мольба:

Да правит царь, о благе царства помня,

И счастье подданным дает,

Богиня песни светлые дороги

В искусстве слова да ведет,

И да восхочет тот, чей свет в пространстве¹³,

Чья мысль на каждом здесь челе,

Что, если суждено мне возродиться,

Вновь буду жить — не на земле¹⁴.

Мифология

Наше представление о китайской мифологии складывается на основании памятников словесного искусства, самые ранние из которых относятся к позднеродовой эпохе, а самые поздние датируются первыми веками нашей эры. Это очень разнородный материал: ритуальные гимны и философские памятники, исторические своды и произведения поэтов, различные каталожные собрания по географии, астрономии и пр. Во всем пестром материале, составлявшем древнюю литературу, жила, переосмысливаясь, обретала новые формы мифология. К этому времени она уже выполнила свою историческую роль, место мифологических воззрений заняли другие, но до конца древности мифология сохраняет свой авторитет.

Открывая раздел главой о мифологии, мы имели в виду показать истоки всех дальнейших переосмыслений, попробовать воссоздать картину собственно мифологических (и даже домифологических) воззрений, показать, что человек думал о мире и о своем месте в нем, как представлял себе этот мир, его возникновение, силы, действующие в нем. Целью мифологии было познание мира, образность и фантазия служили орудием познания, однако в то же время в этих фантазиях отражено и первое художественное творчество, не осознаваемое как таковое, но тем не менее составившее основу для его дальнейшего развития.

Мифология — это завершенная картина мира. Начав с представления о мире как о хаотическом множестве вещей, обладающих чудесной силой губить и исцелять, превратив эти вещи в фетиши, идолы, которым надо служить, чтобы не погибнуть, человек в мифологии вырастает до сознания возможности борьбы с силами хаоса, выдвигает героев, побеждающих враждебные силы и несущих людям благо. Он постепенно устранивает мир, освобождая его от страха, наводя в нем порядок. Философия, которая преемствует мифологии, рассматривает мир как безусловно гармоническое и упорядоченное целое.

В китайской мифологии есть свои излюбленные темы, мотивы, предметы. Совершенно особое место в ней занимает культ камней. Это и просто камень, и любимые китайцами до сих пор яшма и нефрит — камни-обереги, и груда камней — гора. На горе живут солнца, ветры и облака. Гора связана с культом плодородия, с ней ассоциируется идея рождения: небо оплодотворяет землю, а гора ближе всего к небу. С культом плодородия связан и амбивалентный культ змеи-дракона. Распластанная по земле змея мыслилась связанной с силами плодородия, заключенными в земле. Дракон — олицетворение водной стихии, днем витает в облаках, ночует же в земных водоемах. Змея-дракон символизирует божество, во власти которого реализация сил плодородия: оплодотворенная дождем земля родит. Облака, горы, воды (озера, реки, ручьи), осознаваемые в мифологии как места обитания богов плодородия,

возможно, именно с этих пор закрепляются в сознании китайцев как предметы, общение с которыми делает человека причастным к таинству рождения Жизни и потому способно затронуть в нем самые глубокие струны.

В редкой полноте дошла до нас солярная мифология. Можно видеть, как солнце вначале представляется в дриадной форме — в образе шелковницы например, как затем оно мыслится птицами-воронами, которых десять и которые поочередно восходят на небесный свод, а потом отдыхают на ветвях солнечного дерева, как происходит антропоморфизация солнечного божества — и перед нами богиня Сихэ, мать десяти солнц, правящая солнечной колесницей, и, наконец, в наиболее позднем мифе это братья Си и Хэ — основатели календаря, подданные мифического правителя Яо, рассчитавшие календарь по его приказу. Здесь явные следы историзации мифологии.

Приводимые ниже фрагменты из «Книги гор и морей» («Шань хай цзин») даны в переводе Э. М. Яншиной, из «Книги преданий» («Шу цзин») — в переводе Л. Д. Позднеевой, Э. М. Яншиной, из «Весен и осеней Люй Буэя» («Люйши чуньцю») — в переводе Г. А. Ткаченко, Э. М. Яншиной, из «Философов из Хуайнани» («Хуайнаньцзы») — Л. Е. Померанцевой.

КНИГА ГОР И МОРЕЙ

«Книга гор и морей» («Шань хай цзин») относится к III—I вв. до н. э. Она возникла в результате полемики с «Книгой преданий» — одной из книг конфуцианского канона. В то время как в «Книге преданий» мифология принимает вид истории, а мифологические герои выступают в роли мудрых правителей, в «Книге гор и морей» они оказываются богами природы, героями — устроителями земли и изобретателями благ цивилизации. Памятник представляет собой свод, включающий разновременные пласты и отражающий иногда чрезвычайно архаичные представления. «Книга гор и морей» имеет форму каталога¹ гор, расположенных на территории Китая, и земель, находившихся, по представлению древних, на окраинах или за пределами этой территории. Этот перечень включает элементы положительных знаний — зоогеографии, ботанической географии, народной медицины, а также народных верований и мифологии.

Цзюань I

КАТАЛОГ ЮЖНЫХ ГОР

[Книга первая]

В «Каталоге Южных гор» первыми названы Сорочьи горы. Среди них главной названа гора Блуждающая. [Она] подходит к Западному морю². [Там] много коричневого дерева, много золота (цзинь), нефрита (юй). [Там] растет трава, похожая на душистый лук, но с зелеными цветами, называется заговорная [трава] юй. Съешь ее, утолишь голод³. Там растет дерево, похожее на бумажное дерево, но [у него листья] с черными прожилками. Цветы его освещают все вокруг. Его название — Дурманное гу. Если носить его у пояса, то не поддашься дурману. [Там] водится животное, похожее на обезьяну, но у него белые уши (ходит как люди, но горбится). Его называют синсин. Съешь его, будешь ходить без усталости. Оттуда берет начало река Лицзи, течет на запад и впадает в море. В ней обилие юйлэй⁴. Имей ее при себе и не будешь болеть желудком...

[Книга третья]

Главной горой третьей книги «[Каталога] Южных [гор]» названа гора Небесного тигра... Оттуда река Инь течет на юг и впадает в море. В ней много *хуцзяо* (тигровых драконов). Они имеют туловище рыбы и хвост змеи. Кричат как утки. Съешь их, не будет опухоли, можно излечить геморрой... Еще в пятистах ли к востоку [есть] гора под названием Петух-гора. На ее вершине много золота, у ее подножия — много киновари (*даньху*). Вытекающая оттуда Черная речка течет на юг и впадает в море. В ней водится рыба *чжуань*, похожая на лягушку, но со щетиной. Она издает звук, похожий на хрюканье поросенка. Когда [ее] увидят, быть в Поднебесной большой засухе...

Цзюань II

КАТАЛОГ ЗАПАДНЫХ ГОР

[Книга третья]

В третьей книге «[Каталога] Западных [гор]» первой названа гора Высокая защита... Еще в четырехстах двадцати ли к северо-западу [находится] гора под названием Ми. На ее вершине [растет] много деревьев Бессмертия (Даньму)⁵... Оттуда берет начало река Бессмертия (Даньшуй). [Она] течет на запад и впадает в озеро Проса⁶. Там много белого нефрита, имеется [ключ] нефритового нектара. У истока он кипит и клокочет. Желтый Предок⁷ насыщается [им] по утрам и в полдень. [Там] рождается священный нефрит. Нефритовый ключ вытекает, чтобы оросить Древо Бессмертия. Древо Бессмертия расцветает один раз в пять лет пятью цветами... Желтый Предок собирает нефритовые цветы на горе Ми и сажает их на южном склоне горы Колокол⁸. Нефрит *хуайюй* самый прекрасный. Он твердый и крепкий, блестящий и гладкий, как отполированный. Он играет всеми цветами, сочетает в себе хрупкость и твердость. Боги и духи небес и земли вкушают его по утрам и в полдень. Государи едят его, чтобы предотвратить несчастья... В четырехстах ли к юго-западу (от горы Высокая защита) находится гора Куньлунь⁹. Именно там — земная (нижняя) столица Предка¹⁰. Бог Холма (Луу) управляет ею. У этого бога туловище тигра и девять хвостов, человеческое лицо и тигриные когти¹¹. Этот бог управляет девятью сводами неба и Садам времен года у Предка. [Там] водится животное, по виду похожее на барана, но у него четыре рога... Оно пожирает людей. Водится птица, похожая на пчелу, но величиной с утку-мандаринку... Клюнет птицу или зверя, [те] погибнут, клюнет дерево, [оно] засохнет... Там растет дерево, похожее на дикую грушу, с желтыми цветами, красными

плодами, по вкусу напоминающими сливу, но без косточек. Называется груша песочная (*шао*). Ею можно предотвратить наводнение. Съешь ее, не утонешь...

Еще в трехстах пятидесяти ли к западу находится Нефритовая гора. Это место, где живет Бабка [Хозяйка] Запада (Сиванму)¹². Бабка Запада похожа на человека, но с хвостом барса, клыками, как у тигра, любит свистеть; на всклокоченных волосах надеты украшения. Она управляет небесными эпидемиями и пятью наказаниями. [Там] водится животное, похожее на собаку, но пятнистое, подобно леопарду. У него рога, как у быка. Оно называется *цзяо*. Лает как собака. Где его увидят, в том царстве получают большой урожай...

Цзюань III

КАТАЛОГ СЕВЕРНЫХ ГОР

[Книга третья]

Третья книга «[Каталога] Северных [гор]» начинается с Великой гряды (Тайхан). Из них первой названа гора Возвращения... Еще в двухстах ли к северу находится гора Отпуска птиц на волю... Там есть птица, похожая на ворона. [У нее] голова в разводах, белый клюв и красные лапки. [Она] зовется Цзинвэй. Она выкрикивает собственное имя. Это младшая дочь Предка Огня по имени Нюйва¹³. Нюйва резвилась в Восточном море, утонула и не вернулась, превратилась в Цзинвэй. [Она] все время носит в клюве [куски] деревьев и камни с Западных гор, чтобы завалить Восточное море...

Цзюань V

КАТАЛОГ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ГОР

[Книга девятая]

В девятой книге «[Каталога] Центральных [гор]» первой вершиной гор Минь названа гора Материнский Алтарь¹⁴... Еще через сто пятьдесят ли к востоку [увидишь] гору под названием Медведь-гора. Там есть пещеры. Из Медвежьей пещеры выходит бог, [на вид, как] человек. Летом [она] открывается, а зимой закрывается. Если эта пещера откроется зимой, то обязательно быть войне... Медведь-горе как Предку¹⁵ приносят в жертву яства и вино, используя утварь по ритуалу Великого Заклания¹⁶. (По обряду плодородия) жертвуют животного вместе с нефритовым диском (*би*)¹⁷. Исполняют ри-

туальный танец с оружием, изгоняя злых духов. Молясь, играют на нефритовом *цине*, шаманские пляски совершают в обрядовом головном уборе (*мян*).

Цзюань VIII

КАТАЛОГ ЗАМОРЬЯ СЕВЕРА

...Отец Цветущего¹⁸ соревновался в беге с солнцем, почти догнал его, но почувствовал жажду и пошел напиться. Пил в Реке и в Вэй. [Воды] в них [ему] не хватило. [Повернул на] север, чтобы попить из Большого озера, но, не дойдя до него, умер от жажды. [По пути он] бросил свой посох, [который] превратился в Рошу Плодородия...

Цзюань XI

КАТАЛОГ ЗАПАДНЫХ [ЗЕМЕЛЬ] ВНУТРИ МОРЕЙ

...В пределах морей, на северо-востоке, находится гора Куньлунь. Это земная столица Предков. Гора Куньлунь занимает в окружности восемьсот ли, в высоту [она вздымается] на десять тысяч жэней. На ее вершине растет хлебное дерево, высотой в пятьсот сюней, шириной в пять обхватов. [На горе] той девять колодцев, огороженных нефритом, и девять ворот, их охраняет животное Открывающий свет. Здесь живет множество богов. По восьми краям [высятся] отвесные скалы, [их] окружает река Красная... [Священный] южный источник Куньлуня [имеет] в глубину триста жэней. Животное Открывающий свет похоже на огромного тигра с девятью головами, у каждой из которых человеческое лицо; стоит на вершине Куньлуня, обернувшись к востоку...

Цзюань XIV

КАТАЛОГ ВЕЛИКИХ ПУСТЫНЬ ВОСТОКА

...В Восточном море лежит гора Движущейся волны. Она выступает в море на семь тысяч ли. На ее вершине живет животное, похожее на быка, с туловищем изумрудного цвета, без рогов, с одной ногой. Когда [оно] входит в воду или выходит из нее, поднимается ветер и льет дождь. Оно светится, как солнце и луна, гремит, как гром. Его имя — Куй. Желтый Предок схватил его, сделал из его кожи барабан. Палки [к нему он] сделал из костей Громого Животного. Его (барабана) бой пугает Поднебесную и слышен на пятьсот ли.

Цзюань XV

КАТАЛОГ ВЕЛИКИХ ПУСТЫНЬ ЮГА

...За Юго-восточным морем, у реки Благостной, расположено царство Сихэ. [Там] живет женщина по имени Сихэ. Здесь солнца купаются в водоеме Благостном. Сихэ — жена Предка Выдающегося (Цзюнь)¹⁹ родила десять солнц²⁰...

Цзюань XVI

КАТАЛОГ ВЕЛИКИХ ПУСТЫНЬ ЗАПАДА

...Есть царство Западного Чжоу, [там живут люди] из рода Ци, питаются просом. [Там] живет человек, пашет землю, зовется Младший Дядя Уравнивающий. Предок Выдающийся (Цзюнь) родил Владычествующего над Просом (Хоуцзи). [Владычествующий над] Просом спустился, чтобы [дать] все злаки. Младший брат [Владычествующего над] Просом по имени Тайси родил Младшего дядю Уравнивающего. Младший дядя Уравнивающий преемствовал своему отцу и сеял вместе с [Владычествующим над] Просом злаки. Первым стал пахать землю...

В Великой пустыне лежит гора под названием гора Солнца и Луны. Это — Небесный стержень. В небесные ворота Уцзюй заходят солнце и луна. [Там] живет бог с человеческим лицом, без рук; ноги [у него] растут на макушке. Зовется Е. Чжуаньсуй родил Старца-младенца. Старец-младенец родил Великого (Чжуна) и Черного (Ли). Бог приказал Великому поднять небо, а Черному — опустить землю. Опустив землю, [Черный] родил Е. [Е] поселился на краю запада, чтобы управлять чередованием солнца и луны, звезд и планет... Есть женщина, купает луны. Жена Предка Выдающегося (Цзюня) Чанси родила двенадцать лун. Она первая начала их купать...

К югу от Западного моря у самых Зыбучих песков,²¹ за Красной рекой, перед Черной рекой вздымается огромная гора, называется Холм Куньлунь. Здесь живут духи с человеческими лицами, туловищем тигра, полосатые, а хвосты у всех белые. У его (холма) подножия — заводи Мертвой воды, [они] окружают его (холм). За ней (рекой) высится Огненная гора. Бросишь в нее вещь — [она] тут же сгорит. [Там] в пещере живет человек в пышном женском уборе с зубами тигра, хвостом леопарда. Зовется Бабка [Хозяйка] Запада. На этой горе растут все растения, водятся все звери...

За Юго-западным морем, к югу от Красной реки, к западу от Зыбучих песков живет человек, в уши [у него] продеты две зеленые змеи. [Он] ездит на двух драконах. Зовется

Сяский владыка Открывающий. Открывающий преподнес трех красавиц Небу. [Он] получил Девять напевов и Девять песен²² и отдал их вниз [людям]. Это — Долина Небесных таинств, она находится на высоте двух тысяч жэней. Открывающий, добыв [песни], первым пропел Девять призывов (гимнов)...

Цзюань XVII

КАТАЛОГ ВЕЛИКИХ ПУСТЫНЬ СЕВЕРА

...В Великой пустыне есть гора под названием Обитель Совершенства (Чэнду). [Она] держит [на себе] небо. [На ней] живет человек. В ушах [у него] продеты две желтые змеи, пару желтых змей он держит в руках. Имя его Отец Цветущего (Куафу). Владычествующая над Землей (Хоуту)²³ родила Синя. Синь родил Отца Цветущего. Отец Цветущего не рассчитал сил и захотел догнать солнце. [Он почти] догнал его на закате в Долине Обезьян, [но стал] пить в Реке, не хватило [воды], кинулся к Большому озеру, но не дошел и умер здесь...

Слуга (чэнь) Бога Разливов (Гунгуна)²⁴ зовется Сянлю. [У него] девять голов, змеинное туловище, свернутое в клубок. Кормится [он] в девяти землях. Где он плевал и испражнялся, образовались родники и озера. [Смрад от него] был нестерпим. Никакие животные не могли [там] жить. Юй²⁵, запрудив воды потопа, убил Сянлю. Его кровь издавала такое зловоние, что в тех местах не могли расти злаки. Земля так увлажнилась [кровью], что жить было невыносимо. Юй возвел насыпь [высотой] в три жэня. Но [кровь] трижды просачивалась так, что образовался пруд. Поэтому [Юй] основал жертвенники всем богам к северу от Куньлуна²⁶...

Чию²⁷ сделал оружие и пошел войной на Желтого Предка. Желтый Предок приказал тогда Откликающемуся дракону напасть на него в Пустоши Цзичжоу. Откликающийся дракон — водяное животное. Чию попросил Старшего дядю Ветра (Фэн-бо) и Повелителя Дождя (Юйши) поднять сильный ветер и дождь. Тогда Желтый Предок спустил небесную деву по имени Демон-Засуха (Ба)²⁸, и дождь прекратился. Затем убили Чию. Демон-Засуха не могла вновь подняться [на небо]; где она поселилась, там не стало дождей. Младший дядя Уравнивающий сказал об этом Предку. Тогда поселили ее к северу от Красной реки. Младшего дядю Уравнивающего же сделали Прародителем (Цзу) полей. Демон-Засуха [боится] и убегает от него. Те, кто хочет прогнать ее, заклиняют: «Дух, уходи на север!» Тогда впервые вырыли каналы и провели арыки...

За Северо-западным морем, к северу от Красной реки находится гора Отроги Чжан. [Там] живет дух Прямовосседающий [Чжэнчэн] с человеческим лицом, туловищем змеи и красными

[расположенными один над другим] глазами. Когда он закроет глаза, наступает тьма, откроет — появляется свет. Не ест, не спит, не дышит. Он дарует ветер и дождь. Он освещает Великую Тьму. Его зовут Дракон-Светильник.

Цзюань XVIII

КАТАЛОГ [ЗЕМЕЛЬ] ВНУТРИ МОРЕЙ

...Желтый Предок родил Знаменитого черногривого коня (Ломина). Ломин родил Белого коня, Белый конь — это и есть Гунь²⁹. Предок Выдающийся [Цзюнь] родил Обезьяний крик [Юйхао], Юйхао родил Иньяна, Иньян родил Паньюя, который первым смастерил лодку³⁰. Паньюй родил Сичжуна, Сичжун родил Цзигуана, Цзигуан первым сделал из дерева колесницу [телегу]. Шаохао родил Баня, Бань первым изготовил лук и стрелы. Предок Выдающийся [Цзюнь] даровал Охотнику³¹ красный лук и стрелы с белым опереньем, чтобы он помог царствам на земле. Охотник первым отдал свои силы, чтобы избавить землю от всех бедствий. Предок Выдающийся [Цзюнь] родил Веселящегося Дракона [Яньлуна]. Веселящийся Дракон изобрел лютню и гусли. Предок Выдающийся [Цзюнь] имел восемь сыновей. Они первыми создали песни и танцы... Юй и Гунь первыми устроили землю и учредили девять областей... Заклинающий огонь спустился [на землю], поселился на реке Цзян и родил Бога Разливов... Бог Разливов родил Владычествующую над Землей (Хоуту)³²...

Воды потопа разлились до небес. Гунь³³ не дождался приказа Предка и похитил саморастущую землю, чтобы прекратить [путь] водам потопа³⁴. Приказал тогда Предок Заклинающему огонь казнить Гуня у Крыло-[горы]. Гунь воскрес и родил Юя. Повелел тогда Предок Юю закончить устройство земли, чтобы учредить Девять областей.

КНИГА ПРЕДАНИЙ

«Книга преданий» («Шу цзин», или «Шан шу») представляет собой свод, возникший на основе мифологической, эпической и собственно исторической традиций. Его сложение относится, по-видимому, ко времени объединения племен и становления первых государственных образований. Нижняя граница может быть определена приблизительно XII—X вв. до н. э. Современная версия относится ко II в. до н. э., когда «Книга преданий» стала частью конфуцианского канона. Изначально смыслом ее, как кажется, было оправдание с помощью авторитета древности власти царей, сменявшей власть племенных вождей. В конце древности она воспринималась как образцовая история правления мудрых государей. Очевидно, что и мифология в ней имеет вид истории. Преимущественной формой изложения в «Книге преданий» являются речи — богов, вождей, правителей, их советников и пр.

...И сказал правитель: «О, Главы четырех гор³⁶! Бурлят и пенятся разлившиеся воды и разрушают все вокруг, окружают горы, заливают холмы и поднимаются до небес, и тяжело стонут внизу люди. Есть ли такой, кто смог бы остановить их?» И воскликнули все: «О, это Гунь!» И сказал правитель: «О, он преступен! Он разрушает род, он отвергает повеления». И сказали Главы гор: «Он выдающийся! Испытай его! Сможет, тогда используй!» И сказал правитель: «Иди, достойный!» И трудился девять лет Гунь и не имел успеха.

ВЕЛИКИЙ ПЛАН

...Отвечал Цзицзы³⁷: «Я слышал, что некогда Гунь запрудил разлившиеся воды и разрушил тем порядок чередования пяти элементов³⁸, и воспылил тогда Бог гневом, и не дал он Гуню Великого Плана Девяти Разделений³⁹, и нарушился тогда порядок отношений, и изгнан был Гунь, и умер он. И возвысился за ним Юй, и даровало Небо Юю Великий План Девяти Разделений, и пришли тогда в порядок законы отношений...»

И И ЦЗИ⁴⁰

Предок⁴¹ сказал: «Приди, Юй! Ты также прекрасно говоришь!» Юй поклонился и ответил: «О, Предок и старшие! Что говорить? Я думаю о каждодневном труде без лени». Гао Яо⁴² спросил: «Ах, о каком же?» Юй ответил: «Беспредельные воды разлились до небес, безбрежным пространством окружили горы, затопили холмы. Народ в низинах⁴³ пришел в смятение и тонул. Я передвигался четырьмя способами⁴⁴. На горах рубил деревья и вместе с И показывал всем дичь для пищи. Я продолжил русла девяти рек и отвел их в море, углубил канавы и каналы и отвел их в реки, вместе с Цзи сеял, показывая всем, как добывать трудную пищу⁴⁵ и мясную пищу. Старался, чтобы обменивали то, что есть, на то, чего нет, меняли местожительство. Весь народ получил зерно, во всех племенах воцарился порядок». Гао Яо сказал: «Да! Надо брать пример с твоих прекрасных речей!»

Мифология широко используется философами VI—V вв. до н. э. — I в. н. э. Она служит аргументом в спорах, освящает своим авторитетом истину, ее образы и сюжеты становятся основой художественных фантазий философов, по их подобию они творят собственные «мифы». Конечно, у философов мифология превращается лишь в средство, с помощью которого они утверждают новую правду о мире, поэтому ее образы переосмыслены — либо историзованы, либо очеловечены и приближены к идеалу философа, либо переведены в сказочный мир, либо бытовизированы.

ВЕСНЫ И ОСЕНИ ЛЮЙ БУВЭЯ

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

О корне (вещей)

... Женщина из рода Владеющих Шэнь собирала шелковицу и нашла в дупле ребенка. Отдала его своему господину, он поручил его воспитывать повару. Господин стал расспрашивать, ему сказали: «Его мать жила у реки И. Когда она ходила беременной, во сне увидела бога [духа], он ей сказал: «Если увидишь, что в ступке появилась вода, иди на восток и не оглядывайся!» На следующий день она увидела, что в ступке показалась вода, сказала об этом соседям и пошла на восток. Прошла десять ли и оглянулась. Увидела, что ее город весь ушел под воду, и тут же превратилась в полуку шелковицу⁴⁶. Поэтому [мальчика] и называли Инь [с реки] И...⁴⁷

КНИГА ДВАДЦАТАЯ

О поведении

... Яо уступил Поднебесную Шуню. Гунь был чжухоу. Вскипел он гневом против Яо и вскричал: «Кто постиг закон Неба, тот становится правителем! Кто постиг закон правителя, тот становится одним из трех гунов! Я же постиг закон Земли, а меня не сделали (даже) одним из трех гунов!»⁴⁸ Воспользовавшись оговоркой Яо⁴⁹, он захотел получить [титул] гуна. И рассвирепел лютый зверь и захотел поднять смуту: соединенные вместе рога зверя образовали крепостные зубцы, а поднятые вверх хвосты — его знамена. И призывали его⁵⁰, и не явился он. И носился он по диким просторам. И хотел повергнуть он правителя Шуня. И изгнали его тогда на Крыло-гору, и разрубили там усским клинком...⁵¹.

КНИГА ПЯТАЯ

Древняя музыка

... Предок Чжуаньсюй⁵² родился в реке Жо, а жил на [горе] Полая Шелковица⁵³. Затем вознесся и стал Предком. Привел в гармонию с Небом восемь ветров⁵⁴, а затем стал [их слушать]. Их мелодия была то мягкая и ласковая, [как

весна], то чистая и прозрачная [как осенний воздух], то звонкая [как колокольчик]. Чжуаньсюю понравились их голоса, и он повелел Летающему Дракону создать мелодию, подражающую восьми ветрам. Ее называли «Подносим облака» — она предназначалась для поднесения Главному Предку. Затем Чжуаньсюй приказал Желтому Угрю первому исполнить эту мелодию. Желтый Угорь опрокинулся на спину и стал хвостом бить по брюху — звуки были [прекрасны] как белые облака...

ФИЛОСОФЫ ИЗ ХУАЙНАНИ

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Небесный узор

... Некогда Бог Разливов [Гунгун] боролся с Чжуаньсюем за владычество. В ярости боднул гору Щербатую. Небесный свод разломился, земные веси оборвались. Небо накренилось на северо-запад, солнце, луна и звезды переместились. Земля на юго-востоке оказалась неполной и поэтому воды и ил устремились туда⁵⁵...

Солнце поднимается из долины Восходящего солнца, купается в озере Сянь, приближается к Шелковице Фу. Это называется Утренняя Заря. Поднимается на шелковицу Фу, отсюда собирается в путь. Это называется Рассвет. Достигает Кривых гор. Это называется Утро. Достигает Ярусных Ключей. Это называется Время первой еды. Достигает Шелковичного края. Это называется Время второй еды. Достигает Равновесия Света. Это называется Позднее утро. Достигает [гор] Кунью. Это называется Полдень. Достигает Птичьего Ночлега. Это называется Малое возвращение. Достигает Долины Скорби. Это называется Время дневной еды. Достигает горы Матери Цзи. Это называется Большим возвращением. Достигает Пучины Печали. Это называется Временем первого толчения риса. Достигает Каменной гряды. Это называется Временем второго толчения риса. Достигает Источника Скорби. Здесь останавливается его женщина⁵⁶. Здесь отдыхают его кони. Это называется Распряженная колесница⁵⁷. Когда достигает Пучины Печали, это называется Сумерками. Когда достигает Долины Мрака, это называется тьмой. Солнце погружается в Пучину Печали, светит в Долине Мрака...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Обозрение сокровенного

...В те далекие времена четыре полюса разрушились, девять материков раскололись, небо не могло все покрывать, земля

не могла все поддерживать, огонь полыхал не утихая, воды бушевали не иссякая. Свирепые звери пожирали добрых людей, хищные птицы хватили старых и слабых. Тогда Нюйва⁵⁸ расплавила пятицветные камни и залатала лазурное небо, отрубила ноги гигантской черепахе и подперла ими четыре полюса, убила Черного Дракона⁵⁹ и помогла Цзичжоу⁶⁰, собрала тростниковую золу и преградила путь разлившимся водам. Лазурное небо было залатано, четыре полюса выправлены, разлившиеся воды высушены, в Цзичжоу водворен мир, злые твари умерщвлены, добрый люд возрожден. Тогда Нюйва взвалила на спину квадрат земли, взяла в охапку круг неба⁶¹, сделала весну мягкой, лето жарким, осень убивающей, зиму сохраняющей...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Очертания земли

...Дерево Фу растет в Янчжоу, солнцем лучится. Дерево Цзянь растет на [горе] Дугуан. Отсюда боги спускаются [с неба] и поднимаются [на него]. На солнце нет тени, нет эха. Это центр Неба и Земли. Дерево Жо растет на запад от дерева Цзянь. На ветвях его десять солнц. Его цветы освещают землю внизу...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Коренная основа

...Когда же наступили времена Яо, десять солнц вышли вместе на небосвод. Они сожгли хлеба и посевы, иссушили деревья и травы, и народ остался без пропитания. [Чудовища] Яюй, Зубы-Буравы, Девять Младенцев, Тайфэн, Дикий Вепрь, Длинный Змей⁶² были бедствием для народа. Тогда Яо послал Охотника, и он казнил Зубы-Буравы в краю Цветущего Поля, убил Девять Младенцев на реке Зловещей, поразил стрелой Тайфэна на озере Зеленого Холма⁶³, вверх выпустил стрелы в десять солнц, внизу поразил (чудовище) Яюй, разрубил на части Длинного Змея на [озере] Дунтин, поймал Дикого Вепря в Роше Шелковицы⁶⁴. И возрадовался тогда народ, и поставил Яо Сыном Неба⁶⁵...

Песенно-поэтическое творчество XI—VI вв. до н. э.

КНИГА ПЕСЕН

«Книга песен» («Ши цзин») представляет собой собрание произведений песенно-поэтического творчества китайцев приблизительно с XI по VI в. до н. э. Сохранность материала была обеспечена тем, что уже в начале I тыс. до н. э. в древних школах юношей наряду со стрельбой из лука и управлением колесницей учили песням. Устное предание отобрало и передавало из поколения в поколение определенный свод, продолжавший составлять основу образования и в развитом классовом обществе. В песнях был закреплен исторический, нравственный, эстетический, религиозный и художественный опыт коллектива, приобретенный за тысячелетия предшествующего развития. Конфуций (VI—V вв. до н. э.) дал песням такую характеристику: «Песни развивают воображение, учат наблюдательности, объединяют людей, воспитывают [справедливый] гнев,ставляют в служении как отцу, так и господину, сообщают много сведений о птицах и зверях, деревьях и травах» (XVII, 9). Конфуций и его последователи использовали песни для проповеди своего учения. С этой целью свод был соответствующим образом обработан, каждая песня обросла комментарием, толкующим ее содержание в духе конфуцианского учения, а весь свод превратился в иллюстрацию конфуцианских положений. Окончательная запись одного из списков была произведена во II в. до н. э., когда конфуцианство было объявлено «официальной идеологией». Наряду с другими сводами «Книга песен» вошла в «Пятикнижие» — основу конфуцианского учения и в составе канона дошла до нашего времени.

По справедливому замечанию академика Н. И. Конрада, материал, представленный в «Книге песен», «отражает процесс развития древней китайской поэзии: ее зарождение и широкое развитие в народной песне, постепенное созревание на этой основе литературной поэзии и в конечном счете обособление этой литературной поэзии в самостоятельную линию поэтического творчества». Простейшая трудовая песня, все содержание которой заключено в названии повторяющегося действия; песни-заклинания тотемов; календарно-обрядовая поэзия древнего типа; круг песен, примыкающий к свадебной и похоронной обрядности; эпические песни — среди них мифические, героические, исторические; культовые гимны; наконец, лирика с разработанной системой художественных средств и политической дидактики, представляющая собой плод анонимных, но уже ощутимо присутствующих авторов, — такова «Книга песен».

Произведения, составляющие свод, типичны для синкретического искусства. Все они исполнялись под музыкальный аккомпанемент, пелись и плясались одновременно, так что наш перевод «ши» словом «песня» достаточно условен. В первом китайском трактате по поэтике, получившем название «Большое предисловие к «Книге песен» (II в. до н. э.), говорится: «Ши рождаются душевным волнением. В сердце — это душевное волнение, облеченное в слова — ши. Чувства возникают внутри, а форму обретают в словах. Слов не хватает — вздыхают, вздохов не хватает — протяжно запевают, протяжного пения не хватает — непроизвольно руки начинают делать танцевальные движения, а ноги — притоптывать». Недаром Бань Гу (I в. н. э.), описывая сильное душевное волнение Ли Лина, провожающего на родину Су У, говорит: «Лин начал делать танцевальные движения, а в песне его пелось...» Иными словами, ши — это не стихи, а произведения, в которых слиты воедино слово, музыка (напев) и танцевальный жест, и такими они оставались по крайней мере до первых веков нашей эры.

На протяжении всей последующей истории Китая «Книга песен», вследствие своей принадлежности канону, входила в образовательный минимум китайцев и служила неисчерпаемым источником вдохновения для позднейших поэтов.

Ниже приводятся фрагменты из «Книги песен» в переводах Г. А. Ткаченко («Подорожник»), Л. Д. Позднеевой («Иволга», «Перепелка бежит»), Г. Днепровой («Кипарисовый челн»), Л. Е. Померанцевой (все остальные).

Подорожник¹ (I, I, 8)

Единственная трудовая песня, сохранившаяся в составе «Книги песен».

Подорожник рвем да рвем,
Ой-йю! Рвем его!
Подорожник рвем да рвем,
Ой-йю! Соберем его!

Подорожник рвем да рвем,
Ой-йю! Разберем его!
Подорожник рвем да рвем,
Ой-йю! Обтрясем его!

Подорожник рвем да рвем,
Ой-йю! Подберем его!
Подорожник рвем да рвем,
Ой-йю! Завернем его!

Саранча (I, I, 5)

Саранча, возможно, была тотемом. Тучей опускаясь на поля, она приносила неисчислимые бедствия земледельческим племенам. Эта грозная сила, несомненно, вызывала у древних китайцев священный ужас, но именно поэтому, возможно, почиталась. Текст представляет собой заклятье на плодovitое потомство. Сопоставление с саранчой проведено по признаку множественности.

С-с-с свистят саранчи крылья,
Дети да внуки кишмя кишат!

М-м-м гудят саранчи крылья,
Дети да внуки веревьем выются!

И-и-и звенят саранчи крылья,
Дети да внуки роем роятся!

Единорог² (I, I, 11)

Текст представляет собой заговорную формулу. Обращение к тотему, данное по принципу расчленения и сопровождающееся восклицаниями, призвано обеспечить исполнение просьбы-требования, заключенной в каждой второй строке.

Копыто Единорога!
Да множатся гуна сыны!
О, Единорог!

Чело Единорога!
Да множится гуна племя!
О, Единорог!

Рог Единорога!
Да множится гуна род!
О, Единорог!

Широкое поле (II, VI, 7)

Календарно-обрядовая песнь.

Прекрасно это широкое поле,
Берем с него десятки тысяч.³
Я⁴ возьму с него остаток⁵,
Я накормлю им моих земледельцев.
С древности и поныне да будет урожай!

Вот иду я на южную пашню⁶ —
Кто полет, кто окучивает,
Густо возрастает зерно.
Межи — на месте, границы — где надо.
Щедро одарю моих славных мужей!

Мою жертвенную чашу с зерном
И моего жертвенного барана
Отдам богам земли и духам четырех сторон.
Мое поле достойно хвалы,
Да будет оно наградой земледельцам!

Звуками циня и сз, громом барабанов
Встречаем предка полей,
Чтобы молить его о живительной влаге,
Чтобы помог он моим хлебам,
Чтобы дал он зерно моим мужам и женам!

Правнук пришел,
Чтобы жен своих и детей
Накормить на этой южной пашне.
Владыка полей доволен,
Предлагает свите —
Пусть попробуют, хороша ли еда.

Хлеб посеян, растет поле,
И межи все в порядке.
Правнук не гневается —
Земледельцы хорошо поработали.

Хлеба правнука
Подобны пырею⁷, подобны балкам.
Скирды правнука,
Как холм, как гора.
Готовьте тысячи складов,
Готовьте десять тысяч житниц,
Просо такое и другое
Да будет наградой земледельцам,
Да возблагодарят их предки счастьем великим,
Долголетьем без границ!

Утки кричат (I, I, I)

Эта и следующие шесть песен принадлежат кругу песен, примыкающих к свадебному обряду.

Кря-кря кричат селезень с уткой
Там, на островке речном.
Девуца ясная, девушка красная,
Доброму мужу — пара.

То больше, то меньше кувшинок листы,
То тут, то там качаются на воде.
Девуца ясная, девушка красная,
Ночью и днем он мечтает о ней.

Мечтает и не находит,
Ночью и днем она на уме.
Томится, тоскует,
Не знает покоя во сне.

То больше, то меньше кувшинок листы,
То тут, то там собираем их.
Девуца ясная, девушка красная,
Цинем и сэ встретим тебя!

То больше, то меньше кувшинок листы,
То тут, то там выбираем их.
Девуца ясная, девушка красная,
Барабаном и гонгом приветим тебя!

Река Хань широка (I, I, 9)

На юге деревья-гиганты,
Под ними не ищи тени.

В реке Хань русалки —
О них и мечтать не смей!

Река Хань так широка —
Никому не переплыть ее,
Река Цзян так велика —
Никому не обойти ее.

Высоко высится копна хвороста,
А мы срубим — терновник.
Невеста едет к жениху,
Коней накормим ее.
Река Хань так широка —
Никому не переплыть ее.
Река Цзян так велика —
Никому не обойти ее.

Высоко высится копна хвороста,
А мы сожнем — чернобыльник.
Невеста едет к жениху,
Лошадей накормим ее.
Река Хань так широка —
Никому не переплыть ее.
Река Цзян так велика —
Никому не обойти ее.

Девушка рядом со мной в колеснице

(I, VII, 9)

Девушка рядом со мной в колеснице,
Лицо ее — грушевый цвет.
Бежит колесница, летит вперед.
И нежно звенит в подвесках нефрит.
Эта красавица — Цзян из дома Мэн,
Благородна поистине ее красота.

Девушка рядом со мной в колеснице,
Лицо ее — груши цветок.
Бежит колесница, летит вперед,
И легким звоном звенит в подвесках нефрит.
Это красавица Цзян из дома Мэн,
Добрый нрав ее не забыть.

У реки есть притоки (I, II, 11)

У реки есть притоки.
Невеста едет к жениху.
Не берет нас с собой,
Не берет нас с собой —
Потом пожалеет.

У реки́ есть островки.
Невеста едет к же́ниху.
Не взяла нас с собой,
Не взяла нас с собой —
Потом спохватится.

У реки есть рукава.
Невеста едет к жениху.
Обошлась без нас,
Обошлась без нас —
Еще поплачет.

У ворот (I, VIП, 3)

Ты ждешь меня у ворот, ой-ли,⁸
На шапке твоей белый шнур, ой-ли,
Ярким блеском нефрит горит, ой-ли.

Ты ждешь меня во дворе, ой-ли,
На шапке твоей зеленый шнур, ой-ли,
Ярким блеском нефрит блестит, ой-ли.

Ты ждешь меня у крыльца, ой-ли,
На шапке твоей желтый шнур, ой-ли,
Ярким блеском нефрит сияет, ой-ли.

Полные воды Ци (I, V, 1)

Смотрю на полные воды Ци —
Зеленый бамбук по берегам клонится...
О, стройный юноша!
Словно из кости вырезан,
Словно из нефрита выточен.
Отважен и смел,
Пылок и горд.

О, стройный юноша!
Увидишь его — не забудешь вовек!

Смотрю на полные воды Ци —
Зеленый бамбук синее вдали...
О, стройный юноша!
В ушах его ярко камня блещут,
На шапке — узор сияет звездой.
Отважен и смел,
Пылоч и горд.
О, стройный юноша!
Увидишь его — не забудешь вовек!

Смотрю на полные воды Ци —
Зеленый бамбук простерся ковром...
О, стройный юноша!
Словно золота легкий блеск,
Словно нефрита матовый свет,
Великодушен и мягок
В колеснице стоит.
Меткое слово в его устах
Не обидно звучит никому.

Пышна артемизия (II, V, 8)

Песнь сироты.

Обильна, пышна артемизия,
Не артемизия то — полынь!
О, горе-горе! Отец и мать!
В тяжких муках растили меня.

Обильна, пышна артемизия,
Не артемизия то — полынь!
О, горе-горе! Отец и мать!
В трудах и тяготах растили меня.

Кувшин опустел —
Наполняют из бочки.
Одинокому жить —
Горше смерти.
Нет отца — на кого опереться?
Нет матери — на кого положиться?
Куда бы ни шел — везде тоска,
Откуда бы ни возвращался — некуда идти.

Мой отец породил меня,
Моя мать вскормила меня,

Ласкали меня, поили меня,
Растили меня, холили,
Ходили за мной, лелеяли,
Всегда и везде пеклись обо мне.
Хотел бы воздать им благом,
Безмерным, как небо великое!

Остры кряжи Южного хребта,
Свирепы заверти смерча.
Все кругом счастливы,
В чем я провинился?

Грозны кряжи Южного хребта,
Сокрушительны заверти смерча.
Все кругом счастливы,
Только мое горе неизбежно.

Разросся плющ (I, X, 11)

Песня-плач по убитому мужу.

Разросся плющ и заглушил терновник,
Дикий виноград закрыл землю.
Мой любимый погиб,
С кем разделю мой кров?

Разросся плющ и заглушил унаби,
Дикий виноград закрыл траву.
Мой любимый погиб,
С кем разделю мой ночлег?

Сияет ярко роговое изголовье,
Сверкает золотом парчовый саван.
Мой любимый погиб,
С кем встречать рассвет!

Сколько летних дней,
Сколько зимних ночей,
Сколько лет пройдет,
Пока приду я под твой кров!

Сколько зимних ночей,
Сколько летних дней,
Сколько лет пройдет,
Пока приду я в твой приют!

Иволга⁹ (I, XI, 6)

В песне выражен протест против обряда сопогребения вместе с умершим царем лучших мужей его царства. Песня датируется VII в. до н. э.

Печально там иволга-птица поет,
Спустиась на терновник колючий.
Вослед за Мугуном¹⁰ из нас кто уйдет?
Янь Си, что из рода Цзычэ¹¹.
Но этот Янь Си ведь у нас
Первейший из сотен мужей.
В могилу свою заглянул —
И в ужасе он задрожал!

Увы! О лазурные вы небеса!
Ведь гибнет так воинов наших краса!
Когда бы могли, то за выкуп таких
Мы жизни бы отдали сотен других.

Печально там иволга-птица поет,
На тут опустившись кудрявый.
Вослед за Мугуном из нас кто уйдет?
Чжун Хан, что из рода Цзычэ.
Но этот Чжун Хан ведь у нас
Из сотен — первейший муж.
В могилу свою заглянул —
И в ужасе он задрожал!

Увы! О лазурные вы небеса!
Ведь гибнет так воинов наших краса!
Когда бы могли, то за выкуп таких
Мы жизни бы отдали сотен других.

Печально там иволга-птица поет,
На ветку колючую села.
Вослед за Мугуном из нас кто уйдет?
Цзянь Ху, что из рода Цзычэ.
Но этот Цзянь Ху ведь у нас
Средь сотен — первейший муж.
В могилу свою заглянул —
И в ужасе он задрожал!

Увы! О лазурные вы небеса!
Ведь гибнет так воинов наших краса!
Когда бы могли, то за выкуп таких
Мы жизни мы отдали сотен других.

Следующие ниже песни принадлежат лирике — самой большой и наиболее развитой по форме части «Книги песен». Первое место здесь занимает любовная лирика, а в ней — песни, связанные с девичеством, замужеством, разводом, разлукой. Элегические настроения преобладают в этой части —

усталое сердце, тоскующая душа, печальные воспоминания, жалобы на судьбу. Эти лирические темы вместе с привычным способом их выражения переходят в другие тематические циклы — в песни, имеющие гражданскую и социальную направленность (о неблагополучии в государстве, о несправедливости господина и т. п.), также составляющие значительную часть памятника. Эмоция печали как самая сильная оказывается наиболее разработанной не только в фольклоре, но и в произведениях анонимных авторов. Человеку, живущему в эпоху царств и переживающему сложные социальные и мировоззренческие катаклизмы, становится тесно в рамках фольклора, и для выражения усложнившихся чувств он ищет индивидуальных художественных средств. Поиск идет на почве фольклора и проявляется не столько в отступлении от него, сколько в необычном использовании фольклорных средств: например, одна и та же параллель не обязательно повторяется из строфы в строфу, а в каждой строфе может быть новая, либо они меняются через несколько строф — тем самым оказывается возможным передать чувство не однопланово, а с нюансами. Некоторые авторы достигают в этом большого мастерства, и мы можем только удивляться столь раннему умению передавать движения человеческой души.

Слива уже опадает (I, II, 9)

В песне нашел отражение существовавший в древнем Китае обычай, по которому девушки и юноши во второй лунный месяц, когда созревает слива, могли на игрищах свободно общаться и выбирать себе пару. Этот обычай являлся отголоском древних празднеств, посвященных культу плодородия.

Слива уже опадает,
Но много еще на ветвях.
Юноши, которым мила я, —
Счастливым день настал!

Слива уже опадает,
Осталось мало совсем.
Юноши, которым мила я, —
Спешите — время пришло!

Слива уже опадает,
Наклонив корзину, сгребаю ее,
Юноши, которым мила я,
Скажите заветное слово!

Перепелка бежит (I, IV, 5)

Песня игровая, исполнялась, вероятно, во время весенних игрищ.

Сорока на луг бежит.
За нею перепел спешит.
Коль друга нет у тебя,
Так милым готов быть я.

На луг тот перепел спешит.
Сорока за ним бежит.
Коль милой нет у тебя,
Подругой твоей стану я.

Чжэнь и Вэй (I, VII, 21)

Песня царства Чжэнь. В ней нашел отражение весенний праздник воды, праздновавшийся в третий лунный месяц и связанный с культом плодородия. В этот день по берегам рек и водоемов собиралось множество народу. Омовение приносило очищение от всякого зла и символизировало возрождение к новой жизни. Праздник был полон веселья, мужчинам и женщинам позволялось свободно общаться.

Как Чжэнь и Вэй
Разольют свои воды,
Так парни и девушки
Выйдут с цветами.
Она скажет ему: «Ты омылся уже?»
«Да, уже», — он ответит. — «Пойдем же еще!»
За рекою за Вэй
Широко и привольно,
Парни и девушки,
Смеясь и шутя,
Дарят друг другу пионы¹².

Чжэнь и Вэй,
Глубоки и чисты,
В этот день оживленья полны.
Она скажет ему: «Ты омылся уже?»
«Да, уже», — он ответит. — «Так пойдем же еще!»
За рекою за Вэй
Широко и привольно,
Парни и девушки,
Смеясь и шутя,
Дарят друг другу пионы.

У восточных ворот вяза (I, XII, 2)

У восточных ворот вяза.
На высоком холме дубы,
Цзычжунова дочь
Пляшет под ними.

В это ясное утро
На южной стороне

Не сучит она конопли —
Пляшет она у рынка.

В это ясное утро
В шумной толпе
Повстречал я мою мальву:
«Подари мне веточку перца!»

На горах кустарник (I, VII, 10)

На горах кустарник,
А в низинах — лотосы.
Мне не любить пригожего,
А любить бедового.

На горах сосны высокие,
А в низинах — лилии.
Мне не любить красивого,
А любить смышленного.

Вот собираем лианы (I, VI, 8)

Вот собираем лианы¹³.
День не увижу тебя,
А будто — три луны.

Вот собираем полынь¹⁴.
День не увижу тебя,
А будто — три лета.

Вот собираем чернобыльник.
День не увижу тебя,
А будто — три года.

Просила я Чжуна (I, VII, 2)

Просила я Чжуна:
«Не лазай через мою околицу,
Не обламывай моих раkit!»
Ну как мне любить его?
Боюсь я отца с матерью.
Мил мне Чжун,

Но и отца с матерью
Я тоже боюсь.

Просила я Чжуна:
«Не лазай через мою стену,
Не обламывай моих шелковиц!»
Ну как мне любить его?
Боюсь я братьев своих.
Мил мне Чжун,
Но и братьев своих
Я тоже боюсь.

Просила я Чжуна:
«Не лазай в мой сад,
Не обламывай моих сандалов!»
Ну как мне любить его?
Боюсь я людской молвы.
Мил мне Чжун,
Но и людской молвы
Я тоже боюсь.

Кипарисовый челн (I, IV, 1)

Плывет кипарисовый челн.
Там посреди реки.
Юноша милый —
Он мне пара,
Ему до смерти не изменю.
О маты! О небо!
Пожалейте меня!

Плывет кипарисовый челн
Там вдоль берега.
Юноша милый —
Он мой единственный,
Ему до смерти буду верна.
О маты! О небо!
Пожалейте меня!

Листики (I, VII, 11)

Листики-листочки кружатся на ветру,
Милый мой, любимый, спой — я тебе подтяну!
Листики-листочки пляшут на ветру,
Милый мой, любимый, спой — я тебе подпою!

**«Петух пропел», — она сказала
(I, VII, 8)**

«Петух пропел», — она сказала.
«Еще темно», — ответил он.
«Вставай, взгляни
Венера загорелась!»
«Иду-иду, гусей и уток настроляю».
«Набьешь ты дичи,
Тебе приготовлю ее.
С тобой попируем,
К пиру вино подойдет.
Неразлучны будем с тобою.
Под тихие звуки циня и сэ
Будет нам хорошо».
«За заботу твою
В подарок подвески возьми,
За ласку твою,
В подарок подвески прими,
За любовь твою
В благодарность подвески носи!»

**Милый мой
(I, V, 8)**

Милый мой — отважный воин,
Доблестью известен всей стране.
Копье в руке сжимая,
За царя стремится он вперед.

С той поры как на восток ушел он,
На голове моей овин —
Не потому, что нечем умастить,
Но для кого готовить мне убор?

Молим, молим у небес дождя,
Но сияет и сияет солнце в выси,
Думы все мои о милом,
И виски сжимает боль.

Где взять забвения траву?
Я б в тени ее растила.
Думы все мои о милом,
Сердце тоской истомилось.

Бьют барабаны (I, III, 6)

Бьют барабаны, выбивают дробь,
Взлетают клинки в руках.
Над Цао¹⁵ растет стена —
Только мне отправляться в поход.

С Сунь Цзычжуном¹⁶ идти
Усмирять Чэнь и Сун¹⁷.
Нет домой мне пути,
И на сердце печаль.

Где найдем мы приют?
Где наши кони падут?
Где оставим мы след?
Не под корнями ль деревьев?

На жизнь и на смерть
Мы с тобой поклялись
Рука об руку
Вместе до старости быть.

О, эта дальняя даль!
Здесь найдет меня смерть.
О, эта долгая разлука!
Надеждам моим конец...

Восточные горы (I, XV, 3)

Мы на службе в Восточных горах,
Давно уж от дома вдали.
С тех пор как пришли на восток,
Надоедливый дождь моросит...

Мы — на востоке, но мысли — о доме,
Сердце на запад стремится.
Снять бы эту одежду,
Забыть о походах!
Червь шелковичный, свернувшись в коконе
В листьях тутовника спит.
И мы, завернувшись в накидку,
Под телегой находим приют.

Мы на службе в Восточных горах,
Давно уж от дома вдали.
С тех пор как пришли на восток,
Надоедливый дождь моросит...

Дома перезрелые тыквы
Под самой кровлей висят,
Мокрицы по стенам ползут,
На дверях — паутина,
Двор истоптан оленями,
Светится гниль по ночам.
Не жутко ли?
Поистине печальная картина.

Мы на службе в Восточных горах,
Давно уж от дома вдали.
С тех пор как пришли на восток,
Надоедливый дождь моросит...

Аист кричит на гнезде,
В доме вздыхает жена.
«Сбрызни пол и подмети его чисто -
Походам скоро конец!»
Тыквы крепко обвили
Каштана ветви и ствол.
Сегодня три года.
Как не виделись мы с тобой!

Мы на службе в Восточных горах,
Давно уж от дома вдали.
С тех пор как пришли на восток,
Надоедливый дождь моросит...

Иволги кружили над нами,
Невеста отправлялась в путь.
Гнедые, пегие в упряжке кони.
Мать поясом тебя повязала¹⁸ —
Исполнен как должно обряд.
Молодая прекрасна была. —
Что-то с нею теперь?

Кипарисовый челн (I, III, 1)

Мой челнок кипарисовый
Волны качают.
Я заснуть не могу,
Словно скована вся тоскою.
Не под силу вину
Разогнать мою грусть и печаль.

Мое сердце не может
Быть бесстрастным, как зеркало.
Братья есть у меня,
Да помочь мне они не смогут —
На несчастную долю свою лишь пожалуюсь им,
Встречу гнев и досаду в ответ.

Мое сердце не камень,
Что катают играя,
Не цинковка,
Которую с легкостью можно свернуть.
Ни угрозой, ни силой
Нельзя мою гордость сломить.

В сердце тяжесть и горечь обид,
Что терплю от ничтожных людишек.
Всех придирок не счесть,
Нет числа униженьям...
Я безмолвно страдаю
И руки ломаю в тоске.

Солнце и месяц сменяют друг друга,
А в моей душе — беспросветный мрак.
И не выжать из сердца тоску,
Как грязь не отмыть с одежды...
Я безмолвно страдаю — мне птицей
Никогда не лететь на волю.

В «Книге песен» заметное место принадлежит «славам» — отважному воину, доброму мужу, гостю и хозяину или, как в приводимой ниже песне — хорошему охотнику.

Шу на охоту собирается (I, VII, 4)

Шу на охоту собирается,
Запрягает четверку коней.
В руке — туго вожжи сплелись,
Пристяжные словно танцуют.

Шу в заросли только въехал,
И разом пламя взметнулось¹⁹.
Обнажившись, на тигра идет.
И вот уж подносит всем тигра!
«Ах, Шу, уймись!
Смотри, поранят тебя!»

Шу на охоту собирается,
Запрягает четверку каурых.

Вперед коренные закинули головы,
И клином к ним — пристяжные.

Шу в заросли только въехал,
И разом пламя все охватило.
Шу — отличный стрелок,
Возничий он тоже добрый,
То придержит коней,
То их пустит вперед.

Шу на охоту собирается,
Запрягает четверку пегих.
Коренные — ноздря в ноздю,
И пристяжные — что руки вдоль туловища.

Шу в заросли только въехал,
И разом вспыхнуло пламя.
Вот кони его замедляют бег,
Все реже стрелы мелькают,
Вот уж снят колпачок с колчана,
Расстегнут лука чехол...

В Китае не сложилось эпосов, подобной греческим или индийским. Но в «Книге песен» сохранилось около десятка эпических песен, развитых по форме и дающих возможность предполагать существование целой эпической традиции. Среди них можно выделить песни мифологического содержания, песни героического цикла, исторический эпос, рассказывающий уже о современных певцу героях. Эпическая песнь вызрела в древнем Китае до такой степени, что в ней начался процесс циклизации. Следы этого процесса мы видим во многих песнях, но особенно отчетливы они в «Уединенном храме». Песня начинается с рождения человеческого рода, но понимается этот момент уже не мифологически, а эпически — это рождение племени чжоу. Культурные герои здесь учат цивилизаторской деятельности не людей вообще, а данное племя, и сами они понимаются не просто как герои-полубоги, но родоначальники племени, предки. Полулегендарные первые цари толкуются как их потомки, в свою очередь передающие власть над все расширяющимися владениями своим потомкам, к каковым и относится воспеваемый луский гун.

Уединенный храм (IV, IV, 4)

I

Тих и покоен уединенный храм,
Торжествен в своей красе.
Славна в веках Цзян Юань²⁰,
Добродетель ее без изъяна.
Так положил Высокий Владыка²¹,
Чтоб без страданий и без вреда,
Без опозданья и в самый срок
Родить ей Просо-Владыку²²
Ниспослано счастье великое.

Гаолян и просо — ранние и поздние,
Ранние и поздние бобы и пшеницу —
На всей земле
Велит народу он высевать.
Просо и гаолян,
Черное просо и рис,
Велит он сеять на всей земле.
Так продолжил он Юя деянья.²³

II

Просо-Владыки внук
Поистине Великий был ван²⁴.
Склон южный циской горы²⁵ заселив,
Он шанцев²⁶ начал теснить.
Когда же цари Мирный, Воинственный²⁷ встали,
Они продолжили Великого вана дела.
Пришел назначенный Небом срок²⁸
И сошлись на равнине Муе²⁹.
«Мужайся, будь тверд,
Высокий Владыка с тобой!»
Разбиты шанские рати,
Великий подвиг свершен.
И молвил ван:³⁰ «Дядя³¹!
Старший сын твой
Да правит в Лу,
Да расширит его границы,
Да будет Чжоускому дому опорой!»

III

И вот лускому гуну дано повеленье:
«Править тебе на востоке.
Дарую тебе долины и горы,
Во владенье — поля и земли».
Ныне же внук Чжоугуна,
Сын Чжуангуна³²
Под драконовым знаменем жертву правит,
Четверки коней его окружают.
Ни весны, ни осени не пропусти,
Жертвы все принеси без ошибки,
Славному-Преславному Владыке,
Преславному предку — Просо-Владыке,
Отправь жертву красным быком.
Пусть будет вкусна и предкам угодна она,
Да ниспошлют они счастье великое!
Чжоугун и славные предки
Да одарят тебя счастьем!

IV

Осенью — жертву приносишь,
 Летом — для жертвы быков пасешь,
 Белого быка и красного быка.
 Торжественно жертвенные кубки стоят,
 Опалена шкура, настругано мясо и отвар готов,
 Стоят сосуды, из бамбука плетеные, из дерева выточенные,
 столики с жертвою,

В торжественном танце взлетают щиты.
 Это праздник сыновнепочтительного внука!
 Славься и цветы,
 Долголетия тебе и богатства,
 Храни этот восточный край,³³
 Да будет вечно Луское царство,
 Твердо и непоколебимо,
 Незыблемо и прочно!
 Саньшоу³⁴ тебе клянутся в дружбе
 Крепкой, как холм, надежной, как гора.

V

Колесниц у гуна — тысяча,
 Красные перья на копьях, зеленые шнуры на луках,
 Копья короткие и длинные, луки тяжелые и легкие,
 Соратников гуна — тридцать тысяч,
 Шлемы с раковинами, киноварная перевязь —
 Несметны воинов ряды.
 Жунов и ди поразили,
 Цзинам и шу отплатили³⁵,
 И нет таких, которые бы не покорились!
 Славься и цветы,
 Долгих лет тебе и богатства,
 Желтых волос и горбатой спины³⁶!
 Старцы³⁷ да пребудут с тобой,
 Да будешь славен и велик,
 Да будешь стар и сед,
 Тысяч и тысяч тебе лет,
 С вечными бровями³⁸ да будешь невредим!

VI

Грозные горы Тайшань
 Над Луским царством высятся.
 Гуй и Мэн³⁹ наши,
 Будет нашим и весь восток,
 Приморские царства,
 Хуай и и⁴⁰ придут,

Не будет нам непокорных —
Все это луского гуня подвиг!

VII

Горы Фу и И⁴¹ — наши,
Будут нашими и сюйские земли,
Приморские царства,
Хуай и и, мань и мо⁴²
И южные варвары все —
Средь них не будет нам непокорных,
Все покорятся!
Таков луский гун!

VIII

Небо даровало гуну чистое счастье,
До седых бровей владеть ему Лу,
Чан и Сюй⁴³
Вновь стали прибежищем Чжоу.
Луский хоу доволен и весел.
Доброй ему жены, долголетней матери,
Верных дафу и подданных!
Да вечно владеет царством,
Да примет он счастье,
До желтых волос, до детских зубов⁴⁴.

IX

Сосны с гор Чулая,
Разрублены, размерены
На сюни, на чи.
Сосновые балки огромны,
Покои просторны,
Новый храм величествен —
Сисы он создан!
Народу на радость
Велик и просторен!

Философская проза

Философия возникает в Китае приблизительно в VIII в. до н. э. Она продолжает быть синкретическим мировоззрением, призванным ответить на все вопросы бытия. Так же как в мифологии, в философии большую роль играет образное мышление, отчего древние философские памятники являются одновременно и художественными. В пору бурного развития философии в Китае (V—III вв.) достигает высокого уровня искусство красноречия, носителями которого являются многочисленные учителя мудрости, несущие слово

своего Учителя от двора к двору, из царства в царство. Красноречие и раньше было одной из форм развития художественного слова, о чем свидетельствуют такие памятники, как «Книга преданий», донесшая до нас образцы военного и политического красноречия; относящиеся к значительно более раннему времени, чем VIII в. Но теперь это становится делом профессионалов-философов. Стихийным образом в русле философского красноречия складываются будущие литературные жанры, которые здесь еще не осознаются как таковые, а являются лишь удобной формой философского наставления. Первым из них нужно назвать философский диалог. Возникнув как философская проповедь, он определит основу других жанров древней литературы — *фу* и жизнеописания. Кроме того, у философов получают разработку исконно фольклорные жанры — притчи, сказки, легенды и пр. К концу древности, в III—I вв. до н. э., диалог в философском произведении сменяется новыми формами изложения, тяготеющими к научной прозе.

Среди множества школ, образовавшихся в период с VIII по III в. до н. э. и продолжавших существовать до конца древности, то есть до первых веков нашей эры, особое место принадлежит конфуцианству и даосизму, сыгравшим важнейшую роль в развитии китайской культуры.

Основатели обеих школ — Конфуций и Лаоцзы — жили в VI—V вв. до н. э. Значение Конфуция для истории китайской философии можно сравнить со значением Сократа для греческой. Он первым обратился к вопросам, связанным не с космосом, а с устройством общества, государства. Как явствует из «Изречений» («Лунь юй») — памятника, донесшего до нас учение Конфуция, он принципиально не касался тем, выходящих за рамки строго обозначенной им области. И надо сказать, сделал в ней много. Достаточно напомнить, что конфуцианство, просуществовавшее в Китае в качестве официальной идеологии почти беспрерывно по меньшей мере двадцать столетий, имело ядром своего учения теорию, разработанную ее основателем за три-четыре века до ее признания.

Задачу свою Конфуций видел в выработке условий, при которых общество, организованное в государство, достигнет гармонии, а следовательно, и благополучия. Образцом для Конфуция служила семья в том виде, в каком она вышла из родового общества. В ней строго соблюдалось подчинение младших старшим, нормы поведения и обязанности каждого были четко регламентированы, старший в роде являлся ее главой, распоряжаясь семейной, хозяйственной, религиозной жизнью этой ячейки общества. Все члены семьи были связаны общими занятиями, общим культом предков, кровнородственной связью, что обеспечивало монолитность коллектива. Свой идеал государства Конфуций мыслил близким к этому типу. Как в семье, в государстве младшие подчинены старшим, но теперь разделение проводится не только по родственно-возрастному признаку, но и по месту на социальной лестнице. Государство Конфуция можно представить в виде пирамиды, вершину которой — Сын Неба, государь; середина — правящее сословие; а основание — народ. Сын Неба осуществляет «волю Неба», он безусловно должен обладать всеми необходимыми достоинствами. Отношения между правящими и народом определены просто: первые — «ветер», вторые — «травы», когда «ветер» дует, «травы» клонятся. Все внимание Конфуция сосредоточено на середине.

В центре учения стоит фигура «благородного мужа» («цзюньцзы») — идеального представителя правящего сословия, деяния которого в соответствии с добродетелями, воспитанными им в себе с помощью учения Конфуция, обеспечивают общее благо. Конфуций делает уступку, вероятно, аристократии, говоря, что «высший» — тот, кто «знает» от рождения, другие же, чтобы быть полезными обществу, должны пройти подготовку у учителей.

Необходимыми признаются пять добродетелей: «долг-справедливость», «жизнь», «доблесть», «ритуал» (или «обряд»), «знание». «Долг» («и») понимается как исполнение обязанностей младшего по отношению к старшему и наоборот, по следующей шкале: муж — жена, отец — сын, младший брат — старший брат, старший по возрасту — младший по возрасту, «господин» (стоящий выше на социальной лестнице) — «слуга» (стоящий ниже на социальной лестнице) и пр. Само слово «и» — значит порядок отношений, вроде русского «чин» (ср.: «сидеть по чину»). У Конфуция же оно означает действие

в соответствии с «чином», которое рассматривается как долг каждого и, поскольку направлено к общему благу, то и — справедливость. «Жэнь» — есть перенесенное на общество чувство родства, которым спаяны члены семьи, и предполагает не только сознательное, но искреннее и истовое выполнение предписываемых обязанностей по отношению к живым и мертвым. «Жэнь» объединяет «благородных мужей» в «семью», где каждый другому «брат» и может рассчитывать на помощь и поддержку со стороны коллектива. «Доблесть» — исконно (в родовом обществе) значит мужскую физическую силу, употребляемую на благо рода и семьи. У Конфуция — постоянная готовность «благородного мужа» отстаивать принципы, заключенные в «пяти добродетелях», хотя бы и ценой собственной жизни. Смысл «ритуала» у Конфуция — во внесении во всякое действие меры. «Ритуал» детально регламентирует все отношения и действия, в результате чего каждый шаг и жест оказывается символом определенных значений, которые нормируют степень проявления «долга-справедливости», «жэнь», «доблести». «Ритуал» предписывает не только отпущенное действие в соответствии с общественной градацией, но и форму этого действия. У Конфуция «ритуал» стоит в центре системы, выступая в качестве регулятора общественных отношений и тем способствуя общественной гармонии. И, наконец, значение «благородного мужа» заключается в знании того, что есть «долг-справедливость», «жэнь», «доблесть», «ритуал». Такое «знание» было необходимо потому, что предпологаю и действие в согласии с этим знанием.

«Изречения» содержат подробную и достаточно цельную характеристику «благородного мужа», которая складывается из многих наставлений. «Благородный муж» — почтительный сын, брат, родственник; уважителен по отношению к высшим и милостив к народу, усерден в службе и верен долгу; правдив и искренне предан «господину»; заботится не об известности среди современников, а о том, чтобы его способностей хватило для исполнения долга; строго соблюдает обряд и традиции, испытывает священный «трепет» перед «волей Неба», «мудрецами» (такими, как Яо и Шунь), «большими людьми»; он озабочен высшей добродетелью и долгом и не думает о собственной пользе; он хочет, чтобы имя пережило его; в его добродетельности — залог процветания всех; спокоен и уравновешен, лицо его выражает искренность, грубость и небрежность чужды его облику, одежда его аккуратна, речь лишена вульгарности; он осмотрителен в действиях, осторожен в речах, сдерживает свои желания «ритуалом» и не преступает меры; к богатству и знатности относится как к «взвешению судьбы» (то есть не стремится к ним); он милостив, но не расточителен, нелицеприятен и не присоединяется к партиям и пр. Эти качества в глазах Конфуция делают человека «прекрасным». Когда правящие таковы, государство процветает.

«Благородному мужу» противопоставлен «ничтожный человек» («сяо жэнь»). Такой человек обладает только «безобразными» свойствами: он гонится лишь за собственной выгодой; не знает, что такое долг, и потому легко преступает запреты; не ведает, что такое «воля Неба», пренебрежительно относится к «большим людям», издевается над словами мудрецов; ему чужда гармония, он легко распускается, зависим и не обладает чувством собственного достоинства, постоянно ждет милости и пр. Если «благородный муж» может оказаться недостаточно «жэнь», то «ничтожный человек» никогда не может быть «жэнь». Словосочетание «ничтожный человек» («сяо жэнь») может означать и «малый люд» — оба значения присутствуют в одном слове одновременно и отражают два критерия выделения этой категории: этико-эстетический и социальный. Для современников Конфуция, как и для него самого, высшие безусловно и «лучшие», а низшие также безусловно — «худшие». Произошло разделение труда, умственный труд стал привилегией высших и получил высшую оценку по сравнению с физическим, поэтому и заниматься им могут только лучшие, которых общество специально готовит для этой деятельности.

Учение Конфуция было продолжено и развито его крупнейшими последователями, в древности — Мэнцзы (IV в. до н. э.) и Сюньцзы (IV в. до н. э.), в средние века — основателем неоконфуцианства Чжу Си (XII в.). Однако как ни важны были изменения, произведенные ими в философии Учителя, идеал «благородного мужа» с его антиподом «ничтожного че-

ловека» просуществовал практически в неизменном виде вплоть до XX в.

Учение Лаоцзы дошло до нас в памятнике, который называется «Книга о дао и дэ» («Дао дэ цзин»), а более известно в изложении крупнейшего в древности последователя Лаоцзы — Чжуанцзы (IV в. до н. э.). В основе даосской философии лежит представление о единстве мира и властвующих в нем законов. Древние даосы попытались создать теорию, которая научила бы людей жить в единстве с природой. Они призывали к изучению мира, к проникновению в механизм действующих в нем сил, к объяснению причин его гармонии, разумной соотносительности всех частей. Из теории происхождения мира и его устройства сложился образ идеального государства, где на троне — мудрец, согласующий интересы общества с требованием общих мировых законов и тем приводящий государство к благу.

Человек, по даосам, есть микрокосм, и его задача понять самого себя в качестве элемента мировой системы. Смысл его существования — приобщение к мировым силам и в конечном счете достижение вершин мудрости и блаженства. Пафос этой философии — в слиянии с природой, космосом, в подчинении их правильному и целесообразному круговращению, в растворении в их гармонии. Интерес к природе и поиски способов проникновения в ее тайны привели даосов ко многим открытиям как в области познания мира, так и в познании природы человека, ставших позднее достоянием науки. Политическая же теория в даосизме разработана слабо, утопические проекты даосов не имели будущего. Но даосские философы были сильны критикой современного им общества. Полемизируя с конфуцианцами, они утверждали несправедливость социальной градации. Природа, полагали они, «родит» свои «вещи» не случайно, каждая малость необходима для ее правильного круговращения. Поэтому дело мудрого правителя заключается в определении каждого на то место, которое соответствует его способностям, его «природе», чтобы случайно не повредить ни его «природы», ни всего целого.

На протяжении средних веков даосизм (как и пришелший в первых веках нашей эры буддизм) был философией тех, кто стремился выйти из-под опеки конфуцианства, освободиться от навязчивой дидактики конфуцианских учителей, нормативов, которые определяли не только повседневную, но и творческую жизнь. Все живое и полнокровное в литературе и искусстве питалось даосским источником, философией «Лао и Чжуаня», жило эстетическими вкусами, воспитанными древними даосами.

ИЗРЕЧЕНИЯ

«Изречения» («Лунь юй») дошли до нас в составе конфуцианского канона, состоящего из «Пятикнижия» и «Четверокнижия». Они являются частью «Четверокнижия», в которое кроме «Изречений» входят «Мэнцзы», «Великое учение», «Учение о середине», представляющие собой развитие учения Конфуция его последователями. «Пятикнижие» включает своды, сложившиеся в культуре независимо от конфуцианства, но использованные им для укрепления авторитета собственного учения. В него входят: «Книга песен» («Ши цзин»), «Книга обрядов», или «Ритуал» («Ли цзи»), «Книга преданий» («Шу цзин»), «Книга гаданий», или «Книга перемен» («И цзин») и летопись царства Лу, родины Конфуция, — «Весны и осени» («Чунь цю»).

«Изречения», как считают, содержат учение Конфуция в передаче учеников его учеников. Сам же Конфуций проповедовал свое учение устно, в беседе с учениками, которых у него насчитывали около трех тысяч, а наиболее талантливых — семьдесят. «Изречения» передают дух и атмосферу ученичества и показывают положение учителя, не так давно сменившего жреца, вещающего неоспоримую истину. Сам стиль ответов Конфуция — сентенционный, а порой афористичный — исключает возможность оспаривания. Наряду с этим очевидны элементы бытовизации, создающие ощущение полной жизненности, а иногда и интимности обстановки, в которой проходит общение учителя и ученика. В некоторых, хотя и немногих, фрагментах присутствует психологизм.

Перевод Л. Е. Померанцевой.

1.1. Учитель сказал:² «Разве не удовольствие постоянно совершенствоваться [упражняться] в том, что приобретено учением? Разве не радость, когда ученик приезжает к тебе из дальних краев? Разве не благородный муж тот, кто не сетует, что неизвестен?»

1.2. Учитель Ю³ сказал: «Редко бывает, чтобы тот, кто сыновнепочтителен и уважителен к старшим, выступил бы против высших, и никогда не бывает, чтобы тот, кто не выступает против высших, стал бы смутьяном. Благородный муж заботится об основе, когда основа установлена, то и путь⁴ открыт. Сыновняя почтительность и уважение к старшим и есть основа жэнь».

1.4. Учитель Цзэн⁵ сказал: «Я трижды за день спрашиваю себя, с достаточной ли преданностью⁶ я веду дела с людьми, искренен ли я в отношении с друзьями, достаточно ли совершенствуюсь [упражняюсь] в том, что передано мне [учителем]».

1.7. Цзыся⁷ сказал: «Если человек обладает достоинством... в служении родителям истощает силы, в служении господину способен отдать всего себя, общаясь с друзьями говорит искренне, то хотя бы он никогда не учился, я, конечно же, скажу, что он обладает знанием».

1.11. Учитель сказал: «Того, кто при жизни отца наблюдает за его планами, по смерти отца изучает его поступки, в течение трех лет не меняет пути отца, назову сыновнепочтительным».

2.2. Учитель сказал: «Если в одной фразе выразить суть «Трехсот песен»⁸, то можно сказать: в них нет ереси».

2.5. Мэн Ицзы⁹ спросил о сыновней почтительности. Учитель ответил: «Это послушание»¹⁰. Фань Чи,¹¹ заняв место возникшего, вез Учителя и тот ему сказал: «Мэнсунь¹² спросил меня о сыновней почтительности. Я ему ответил: «Это послушание». Фань Чи спросил: «Что это значит?» И Учитель ответил: «При жизни [родителей] служи им по обряду, по смерти похорони по обряду, свершай жертвы по обряду».

5.16. Учитель сказал о Цзычане¹³: «У него есть четыре черты благородного мужа: он почтителен, в служении высшим уважителен, в кормлении народа милостив, в управлении народом справедлив».

6.22. Фань Чи спросил о знании. Учитель ответил: «Ревностно исполнять долг по отношению к народу, почитать духов, но не приближаться к ним¹⁴, можно назвать знанием». Спросил о жэнь, [Учитель] ответил: «Тот, кто обладает жэнь, сначала тяжело трудится, а потом пожинает плоды. Это можно назвать жэнь»¹⁵.

7.22. Учитель сказал: «Среди трех идущих по дороге обязательно найдется тот, у кого я могу поучиться. Я возьму от него все доброе и буду следовать ему, а все недоброе я исправлю».

7.34. Учитель сказал: «Что касается мудрости и жэнь, то разве я посмею [сказать, что ими владею]? Я стараюсь без устали, учу других не переставая, но только это и можно сказать». Гунси Хуа¹⁶ сказал: «Вот чему не могут научиться ученики!»¹⁷

8.2. Учитель сказал: «Уважительность без ритуала — пустая суетливость; осторожность без ритуала — та же трусость; доблесть [смелость] без ритуала превращается в бунтарство; прямота без ритуала — грубость. Если благородный муж усерден в исполнении родственных обязанностей, то в народе расцветает жэнь. Если благородный муж верен старым обычаям, то народ честен».

8.13. Учитель сказал: «Твердо верь в правильное учение, жизнью защищай правильный путь¹⁸. В государство, в котором опасно, не ходи; в государстве, в котором смута, не живи. Если в Поднебесной царит дао, будь на виду; если нет дао, то уйди от мира. Если в государстве процветает дао, стыдно быть бедным и незнатным; в государстве, в котором нет дао, стыдно быть богатым и знатным».

9.6. Первый министр спросил у Цыгуна¹⁹: «Учитель, должно быть, мудрец? Как многообразны его способности!» Цыгун отвечал: «Безусловно, Небо одарило его мудростью и наделило многими способностями!» Учитель, услышав это, сказал: «Разве первый министр знает меня? В молодости я был беден, поэтому многое умел, но все это были мелкие занятия. Разве благородному мужу нужно много умений? Совсем немного!»²⁰

9.18. Учитель сказал: «Мне не приходилось встречать такого, кто любил бы добродетель (дэ), как любят женскую красоту».

10.4. Когда [Конфуций] входил в дворцовые ворота, он весь как будто сгибался, как будто боялся в них не пройти. Когда он останавливался, он не стоял посредине прохода, а когда проходил, не ступал на порог. Когда он шел мимо престола, лицо его словно загоралось, шаги убыстрялись, речь затруднялась. Поднимаясь в приемный зал, он приподнимал полы платья и шел согнувшись, затаив дыхание. Когда же выходил, то спускался ступенька за ступенькой, всем видом демонстрируя удовлетворение. Дойдя до конца лестницы, он устремлялся вперед, как на крыльях, и, вернувшись на свое место, выглядел тревожно почтительным²¹.

11.26. Цзылу, Цзэн Си, Жань Ю, Гунси Хуа²² сидели подле Учителя. Учитель сказал: «Если я немного и старше вас, то не думайте (сейчас) об этом. Вы все говорите: «Нас не знают». Ну, а если бы узнали, то что?» Цзылу поспешно сказал: «Пусть будет царство в тысячу колесниц, пусть оно зависит от больших царств, пусть страдает от нападений, пусть там будет неурожай и голод, я за три года [сделаю так, что его граждане] будут доблестны и овладеют [необходимым] знанием». Учитель на это снисходительно улыбнулся. «А ты, Цю, что бы сделал?» — спросил он Жань Ю. Тот отвечал: «Если бы у меня была

земля в шестьдесят-семьдесят (ли) или хотя бы в пятьдесят-шестьдесят, то я, управляя ею, за три года добился бы благополучия народа, что же до ритуала и музыки²³, то это дело благородных мужей». «А ты, Чи?» — спросил Конфуций Гунси Хуа. Тот отвечал: «Нельзя сказать, что я умею, но я хотел бы научиться. Во время служения в храме предков и на приемах при дворе одетый в парадное платье и в парадном головном уборе я хотел бы быть младшим помощником». «Ну, а ты, Дянь?» — обратился Учитель к Цзэн Си. Дянь подождал, пока утихнет последний звук лютни, отложил ее и поднявшись сказал: «Мое желание отличается от других». «Что ж в том, — откликнулся Учитель, — ведь каждый высказал свое желание и только». Тогда Дянь сказал: «Я хотел бы в третью луну весны в весеннем платье в сопровождении пяти-шести молодых людей и шести-семи мальчиков пойти омыться в водах И, насладиться ветерком, стоя среди пляшущих у алтаря Дождя, и напевая вернуться домой»²⁴. Учитель, вздохнув, сказал: «Я присоединяюсь к Дяню». Трое мужей вышли, а Цзэн Си, который шел последним, спросил у Конфуция: «Ну, как тебе понравились речи трех мужей?» «Каждый высказал свое желание и только», — ответил Учитель. «А почему ты улыбнулся на слова Ю?» «Государством надо управлять с помощью ритуала, а его слова самонадеянны. Потому и улыбнулся», — ответил Учитель. «Ну, а Цю хотел бы иметь царство?» — «Разве земля в шестьдесят-семьдесят ли или даже в пятьдесят-шестьдесят не может быть царством?» — «А Чи не о царстве говорил?» — «Кто, кроме чжухоу, служит в храме предков и принимает при дворе? Если Чи будет младшим, то кто же будет старшим?»

12.5. Сыма Ню²⁵ печально сказал: «У всех есть братья, только у меня нет». Цзыся возразил: «Я слышал, что жить или умереть — зависит от судьбы, богатство и знатность — от Неба. Если же благородный муж неизменно почтителен и верен ритуалу, то в пределах четырех морей²⁶ все ему братья. Зачем благородному мужу сокрушаться, что у него нет братьев?»

12.11. Циский правитель Цзин спросил об управлении у Кунцзы²⁷. Кунцзы отвечал: «Господин должен быть господином, слуга — слугой, отец — отцом, сын — сыном». Правитель сказал: «Да, действительно, если господин не будет господином, слуга — слугой, отец — отцом, сын — сыном, то хоть и будет у меня хлеб, но могу ли я его (спокойно) есть?»

14.4. Учитель сказал: «Обладающий дэ²⁸; непременно красноречив, но красноречивый не обязательно обладает дэ. Обладающий жэнь непременно храбр, но храбрый не обязательно обладает жэнь».

14.6. Учитель сказал: «Бывает, что благородный муж недостаточно жэнь, но никогда не бывает, чтобы ничтожный человек оказался жэнь».

14.27. Учитель сказал: «Благородный муж стыдится того, что его речи не соответствуют его делам».

14.28. Учитель сказал: «Три вещи, которыми обладает благородный муж, я не могу: будучи жэнь, не печалиться; знать и не сомневаться; быть смелым и не бояться». Цыгун заметил: «Учитель о себе говорит!»

14.35. Учитель сказал: «Никто не знает меня!» Цыгун спросил: «Что значит не знает?» Учитель ответил: «Не гневил Неба, не винил людей, мало знал, но многое постиг. Знает меня только Небо!»²⁹

14.37. Учитель сказал: «Благородный и честный бежит от мира, следующий тот, кто бежит из царства, следующий тот, кто бежит от косого взгляда, следующий тот, кто бежит от дурного слова».

14.42. Цзылу спросил о том, что есть благородный муж. Учитель отвечал: «[Он] совершенствует себя, чтобы выработать в себе почтительность». — «Только и всего?» — «Он совершенствует себя ради покоя других». — «Только и всего?» — «Он совершенствует себя ради покоя всех. Совершенствовать себя ради покоя всех, разве не о том же пеклись Яо и Шунь?»³⁰

15.19. Учитель сказал: «Благородный муж беспокоится о том, что не обладает способностями, а не о том, что не известен».

15.20. Учитель сказал: «Благородный муж страшится, что он канет в вечность, а имя его не будет прославлено».

16.19. Кунцзы сказал: «Знающий от рождения — высший; следующий тот, кто приобрел знание учением; кому было трудно, но он все же учился, тот третий; а тот, кто бросил ученье, потому что было трудно, того люди зовут низшим».

16.10. Кунцзы говорил: «Благородный муж заботится о девяти [вещах]: когда смотришь — видеть; когда слушаешь — слышать; чтобы на лице была приветливость, а в облике почтительность; в речах — преданность, а в делах — уважительность; сомневаешься — спрашивай, в гневе думай о последствиях; когда что берешь, помни о долге».

16.13. Чэнь Ган спросил у Боюя³¹: «Случалось ли тебе слышать (от отца) что-либо иное, чем мы?» Боюй отвечал: «Нет. Случилось как-то, что он стоял один, а я быстро шел через двор. И он сказал: «Ты выучил Песни³²?» Я ответил: «Нет еще». — «Тому, кто не знает Песен, нечего сказать». Я пошел и выучил Песни. В другой раз он опять стоял, а я быстро шел через двор. Он спросил: «Ты выучил Ритуал³³?» Я ответил: «Нет еще». — «Ритуал дает опору». Я ушел и выучил Ритуал. Вот две вещи, которые я слышал». Чэнь Ган уходя сказал: «Спросил об одном, а узнал три: о Песнях, о Ритуале, о том, что благородный муж держит сына на расстоянии».

17.4. Учитель приехал в город У и услышал звуки песен и струн. Улыбаясь он сказал: «Режут курицу ножом для быка?»

Цзыю ответил: «Когда-то мне, Яню, довелось слышать, как Учитель говорил: «Благородный муж, постигнув дао, проникается любовью к людям, а малый люд, постигнув дао, становится легко управляем». Конфуций сказал: «Ученики! Янь прав, я пошутил»³⁴.

17.10. Учитель сказал, обращаясь к Боюю: «Ты выучил «Песни царства Чжоу и стран, лежащих к югу от него», «Песни царства Шао и стран, лежащих к югу от него»³⁵? Кто их не знает, подобен стоящему лицом к стене».

18.6. Чанцзюй и Цзени³⁶ вдвоем пахали. Кунцзы проезжал мимо и послал Цзылу спросить у них переправу. Чанцзюй спросил: «А кто тот, кто правит, держа в руках вожжи?» Цзылу ответил: «Это Кунцю» — «Не луский ли Кунцю?»³⁷ — «Да». — «Он знает, где переправа». [Тогда Цзылу] спросил у Цзени. Тот сказал: «А ты кто будешь?» «Я Чжун Ю», — ответил Цзылу. — «Ты ученик Кунцю?» — «Да». Цзени сказал тогда: «Вся Поднебесная бурлит, с кем собираетесь ее преобразовывать? Чем идти с теми, кто бежал от людей, не лучше ли следовать за теми, кто бежал от мира?» И он стал рыхлить землю, больше не останавливаясь. Цзылу ушел и рассказал все Конфуцию. Учитель, тяжело вздохнув, сказал: «С дикими зверями и птицами не будешь объединяться. С кем я еще могу объединиться, как не с такими людьми? Будь Поднебесная в покое, я не стал бы с ними ее преобразовывать».³⁸

20.2. Цзычжан³⁹ спросил у Кунцзы: «Как надо управлять?» Учитель ответил: «Надо с уважением относиться к пяти прекрасным [способам управления] и отвергать четыре безобразных.» Цзычжан спросил: «Что называется пятью прекрасными [способами управления]?» Учитель отвечал: «Благородный муж милостив, но не расточителен; он [требователен в] работе, но не вызывает гнева; в желаниях не алчен; широк и не заносчив; величав, но не грозен». Цзычжан сказал: «А что значит милостив, но не расточителен?» Учитель отвечал: «Исходит из того, что выгодно народу, и эту выгоду ему доставляет. Разве это не называется быть милостивым, но не расточительным? Определить кто может [работать] и [требовать] от них работы, тогда кто же будет гневаться? [Благородный муж] стремится быть жэнь и достигает этого, откуда же взяться алчности? Он одинаков с одним и со многими, с большими и малыми людьми, с быстрыми и медлительными — разве это не значит, что он широк и не заносчив? Благородный муж держит свою одежду в порядке, взгляду придает серьезность, важность его вызывает у взирающих на него робость, разве это не значит, что он величав, но не грозен?»

Цзычжан спросил: «А что называется четырьмя безобразными способами управления?» Учитель сказал: «Убивать без наставления — это жестоко; требовать результата [в работе], не сделав предупреждения, — это насилие; медлить с приказом вплоть до срока [его исполнения] — это разбой;

проявлять скупость в оплате [труда] значит проявлять мелочность»⁴⁰.

КНИГА О ДАО И ДЭ

«Книга о дао и дэ» («Дао дэ цзин») возникла, по-видимому, не позже III в. до н. э. и названа была «книгой»⁴¹, возможно, в параллель к конфуцианскому канону. В монологической форме в ней излагаются тезисы учения, в целом остающегося как бы за текстом. Голос строгого проповедника звучит сдержанно, убежденно, а порой взволнованно. «Знающий не доказывает, а доказывающий не знает» — в этой фразе заключено характерное для древности представление о том, что истина не нуждается в доказательстве, частично поколебленное лишь в III в. до н. э. китайскими «софистами». Практически на протяжении всей древности слово учителя, как показывают памятники, остается неоспоримым, что всегда сказывается на несколько торжественном стиле монологов учителя. В «Дао дэ цзине», как в «Изречениях» и в любом другом произведении древнего периода, нет систематического изложения учения; хотя, безусловно, само учение представляет собой систему. Для ее выражения существовал другой способ, чем теперь. Поскольку вообще образное мышление, фантазия, воображение играли очень большую роль, многое в изложении рассчитано на эмоциональное, а не на логическое восприятие. Казалось бы, разрозненные фрагменты — изречения Конфуция и его учеников, тезисы «Книги о дао и дэ», диалоги Мэнцзы и Чжуанцзы, оказываются в тексте связанными в одно целое.

Огромную роль как стилистический прием играет повтор. Композиционный, синтаксический, лексический и звуковой повторы подчеркивают смысловой. Одни и те же темы, варьируясь, служат созданию многообразной, но единой картины мира.

Дао и дэ, о которых толкует текст, суть главнейшие понятия даосской философии. Как уже говорилось, дао значит «путь». На правильном пути наставлял и Конфуций применительно к государству и «благородному мужу». У даосов же дао значит путь природы, ее внутренний закон, по которому она разворачивается. И если дэ у Конфуция есть в некотором роде «мистическая» сила, которую дает обладание всеми необходимыми добродетелями «благородному мужу» или даже Сыну Неба, то у Лаоцзы и последующих даосов дэ значит силу, царствующую в природе наравне с дао и сообщающую всему живому способность жить, не подвергаясь опасности порчи или безвременной гибели — при условии ненарушения основного закона (дао).

Приводимые ниже фрагменты из «Книги о дао и дэ» даны в переводе Ян Хин-шуня с некоторой редакцией отдельных мест перевода.

§ 1

Дао, которое может быть выражено словами, не есть постоянное дао. Имя, которое может быть названо, не есть постоянное имя⁴². Безымянное есть начало неба и земли, обладающее именем — мать всех вещей...

§ 2

Когда все в Поднебесной узнают, что прекрасное является прекрасным, появляется и безобразное. Когда все узнают, что доброе является добром, возникает и зло. Поэтому бытие и небытие порождают друг друга, трудное и легкое создают друг друга, длинное и короткое взаимно соотносятся, высокое

и низкое устремлены друг к другу, звуки *инь* и *шэн* согласуются друг с другом⁴³. Поэтому совершенномудрый, совершая дела, предпочитает недеяние⁴⁴; осуществляя учение, не прибегает к словам...

§ 4

Дао пусто, но неисчерпаемо⁴⁵. О глубочайшее! Оно предок всех вещей!.. Я не знаю, чей оно сын, но оно предшествует небесному владыке⁴⁶.

§ 11

Тридцать спиц соединяются в одной ступице [образуя колесо], но употребление колеса зависит от пустоты между [спицами]. Из глины делают сосуды, но употребление сосудов зависит от пустоты в них. Пробивают двери и окна, чтобы сделать дом, но пользование домом зависит от пустоты в нем. Вот почему полезность зависит от пустоты⁴⁷.

§ 12

Пять цветов притупляют зрение. Пять звуков притупляют слух. Пять вкусовых ощущений притупляют вкус⁴⁸. Охота и скачки приводят в неистовство. Труднодоступные вещи влекут к преступлению. Поэтому совершенномудрый устремлен к внутреннему, а не к внешнему⁴⁹...

§ 14

Смотрю на него и не вижу, поэтому называю невидимым. Слушаю его и не слышу, поэтому называю неслышимым. Пытаюсь схватить его и не достигаю, поэтому называю его мельчайшим⁵⁰. Эти три [свойства] неразделимы и составляют одно. Вверху не освещено, внизу не затемнено⁵¹. Оно бесконечно и не может быть названо. Оно снова возвращается в небытие⁵². И вот называю его формой без форм, образом без существа. [Поэтому] называю его неясным, туманным. Встречаюсь с ним и не вижу лица его, иду следом за ним и не вижу спины его.

§ 25

Вот вещь в хаосе возникающая, прежде неба и земли родившаяся! О беззвучная! О лишенная формы! Одиноко стоит она и не изменяется. Повсюду действует и не имеет преград. Ее можно считать матерью Поднебесной. Я не знаю ее имени. Обозначая словом, назову ее *дао*; произвольно давая ей имя, назову ее — *великое*. *Великое* — оно в бесконечном движении.

Находящееся в бесконечном движении, не достигает предела. Не достигая предела, оно возвращается [к своему истоку]. Вот почему велико *дао*, велико небо, велика земля, велик также и государь. Во Вселенной имеются четыре великих, и среди них — государь.

Человек следует [законам] земли. Земля следует [законам] неба. Небо следует [законам] *дао*, а *дао* следует самому себе.

§ 30

Кто служит правителю посредством *дао*, не покоряет другие земли оружием, ибо это может обратиться против него. Где побывали войска, там растут колючки [и бурьян]. Где прошло большое войско, там наступают голодные годы.

Искусный [полководец] побеждает и на этом останавливается, [он] не смеет творить насилие. Побеждает и сам себя не прославляет. Побеждает и не нападает. Побеждает и не гордится. Побеждает, потому что вынужден. Побеждает, но не воинственен.

Когда сильное [и здоровое] превращается в старое [и слабое], это противоречит *дао*. То, что противоречит *дао*, то рано погибнет.

§ 32

Дао вечно и безымянно. Эта простая основа хоть и мала, но никто в мире не может ее подчинить себе. Если бы хоу и ваны были способны ее хранить, то тьма существ пришла бы им служить, небо и земля слились бы в гармонии и пролили сладкую росу, а народ и без приказов бы успокоился...

§ 47

Не выходя со двора, можно познать мир. Не выглядывая из окна, можно видеть естественное *дао*. Чем дальше идешь, тем меньше познаешь. Поэтому совершенномудрый не ходит, но познает [все]. Не видя [вещей], он проникает в их [сущность]. Не действуя, он добивается успеха.

§ 51

Дао рождает [вещи], *дэ* вскармливает [их]. Вещи оформляются, формы завершаются. Поэтому нет вещи, которая бы не почитала *дао* и не ценила бы *дэ*... *Дао* рождает [вещи], *дэ* вскармливает [их], взращивает их, воспитывает их, совершенствует их, делает их зрелыми, ухаживает за ними, поддерживает их. Создавать и не присваивать, творить и не хвалиться, являясь старшим, не повелевать — вот что называется глубочайшим *дэ*.

Мои слова очень легко понять, им очень легко следовать. Но Поднебесная не может понять их, не может следовать им. В речах есть корень, в делах есть закон. Но именно этого не понимают. Вот почему не знают меня. Знающих меня мало, идущих за мной единицы...

Человек при своем рождении нежен и слаб, а по смерти крепок и тверд. Все существа и растения при своем рождении нежные и слабые, а при гибели иссохшие и ломкие. Твердое и крепкое — это то, что погибает, а нежное и слабое — это то, что начинает жить. Поэтому могущественное войско не побеждает, крепкое дерево погибает. Место сильного и могущественного внизу, а слабого и нежного наверху.

Пусть государство будет маленьким, а население — редким. Пусть будут в нем различные орудия, но пусть ими не пользуются. Пусть народ помнит о смерти и не уходит далеко. Пусть будут у него лодки и колесницы, но пусть им не будет применения. Пусть будут у них щиты и оружие, но не будет против кого их направлять. Пусть люди снова вернутся к узелкам⁶³. Пусть пища их будет сладкой, одежда красивой, жилище удобным, а жизнь радостной. Пусть соседние царства расположатся так близко, что будут видны издали, крик петухов и лай собак будет доноситься от одного к другим, а люди царств никогда не будут иметь нужды друг в друге⁶⁴.

МЭНЦЫ

«Мэнцзы» — памятник, названный именем крупнейшего в древности последователя Конфуция Мэн Кэ, жившего в 372—289 гг. до н. э. Памятник датируется временем не позже III в. до н. э., авторство принадлежит школе Мэнцзы.

В отличие от «Изречений» Конфуция, «Мэнцзы» содержит не только отдельные высказывания, но и диалоги, в которых подробно излагается точка зрения философа. Монолог зачастую значительно превалирует над диалогом, диалогу же в этом случае отведена вспомогательная роль — он движет тему вперед. Партнером Мэнцзы является либо правитель, в царство которого Мэнцзы прибыл с надеждой применить свое учение на практике, либо ученики, либо другие философы. Монолог Мэнцзы часто вводится словами: «Мэнцзы сказал...» В этом памятнике довольно значительное место занимает повествование, исторические аналогии, цитаты, притчи, примеры и пр., с помощью чего Мэнцзы стремится представить свою мысль в доступной форме, поскольку, в отличие от Конфуция, он заботится об убедительности.

Фрагменты из «Мэнцзы» даны в переводе Л. Д. Позднеевой (5.4) и Л. Е. Померанцевой.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Лянский ван Милостивый⁵⁵

1.1.⁵⁶ Мэнцзы был принят Лянским правителем Милостивым. Ван сказал: «Отец! Вы приехали ко мне, не посчитавшись с расстоянием в тысячу ли, вероятно, чтобы принести пользу моему царству?»

Мэнцзы отвечал: «Ах, ван! Зачем непременно говорить о пользе? Ведь достаточно жэнь и долга! Ван скажет: «Как принести пользу царству?» Дафу скажет: «Как принести пользу семье?» Простые люди и ши скажут: «Как извлечь пользу для себя?» Верх и низ втянутся во взаимную борьбу за выгоду, и государство окажется в опасности... Если на первом месте будет выгода, а долг — на последнем, то борьба никогда не кончится. Не будь жэнь, все оставили бы своих родичей; не будь долга, все забыли бы о своем правителе. Ах, ван! Зачем непременно говорить о выгоде?»

1.2. Мэнцзы был принят Лянским правителем Милостивым. Ван, стоя на берегу озера и наблюдая за дикими гусями и оленями, сказал: «А что достойным людям известно такое удовольствие?» Мэнцзы отвечал: «Надо быть достойным человеком, чтобы испытывать это удовольствие; недостойный же, хотя бы и видел это, не испытал бы наслаждения. В Песнях говорится⁵⁷:

Взялся строить Чудесную башню,
Размерил, расчертил.
Всем народом собрались —
И вот уже башня готова.
Взялся когда, «Не спеши», — говорил,
А народ только пуше старался.
Вот ван идет по Чудесному парку —
Оленихи мирно пасутся,
Их шерсть мягким блеском блестит,
Белых птиц оперенье сверкает.
Ван выходит к Чудесному озеру —
В нем во множестве рыбки резвятся.

Царь Просвещенный,⁵⁸ хотя и использовал народ при постройке башни, при закладке озера, но народ с удовольствием [работал для него], называл эту башню Чудесной, называл это озеро Чудесным, радовался рыбкам и черепахам в озере. Древние вместе с народом наслаждались, потому и могли наслаждаться. В «Клятве Тана»⁵⁹ говорится: «Когда это солнце закатится⁶⁰, мы погибнем с ним!» Народ хотел вместе с ним погибнуть! Хотя и имеешь башни, пруды и парки с дикими зверями, но разве одному можно наслаждаться?»⁶¹

1.6. Мэнцзы был принят Лянским ваном Сяном⁶². Выйдя от вана, Мэнцзы сказал: «Посмотришь на него издали, не

похож на владыку, подойдешь ближе, не внушает трепета. Вдруг спросил: «Как укрепить Поднебесную?» Я отвечал: «Укрепить можно одним». «Кто может это одно?», — спросил ван. Я отвечал: «Тот, кто не кровожаден, может». — «Кто с ним пойдет?» Я отвечал: «В Поднебесной не будет таких, которые бы не пошли. Ван знает, как растут хлеба? Если в седьмую-восьмую луны не будет дождя, колосья засохнут. Но если небо нальется тучей и хлынет дождь, то колосья пышно зазеленеют. Если будешь таков, то кто сможет тебе противостоять? Ныне же среди человеческих пастырей не найдется ни одного, кто бы не жаждал убивать. Если бы нашелся такой, то люди Поднебесной, вытянув шею, устремили бы к нему взоры с надеждой. Поистине если бы так было, люди потекли бы к нему, как вода устремляется вниз, кто смог бы противостоять такой силе?»

1.7. Циский ван Сюань⁶³ спросил у Мэнцзы: «Можно ли услышать от Вас о делах Циского Хуаня и Цзиньского Вэня?»⁶⁴ Мэнцзы отвечал: «Ученики Чжунни⁶⁵ ничего не передавали о делах Хуаня и Вэня, вот почему и последующие поколения не передают, и мне никогда не приходилось слышать. Если ван не возражает, то, может быть, поговорим о том, каков должен быть ван?»

— Каковы должны быть добродетели, чтобы быть ваном?

— Храни народ и правь, и никто не сможет противостоять тебе.

— Ну, а такой, как я, может хранить народ?

— Может.

— Откуда знаешь, что может?

— Мне пришлось слышать, как Ху Хэ⁶⁶ говорил: «Ван сидел на возвышении, а внизу вели быка. Ван увидел и спросил: «Куда ведете быка?» Ему ответили: «На освящение колокола». Ван сказал: «Отпустите его! Я не могу вынести его вида — как будто невинного ведут на казнь». — «Значит, отменить освящение колокола?» Ван отвечал: «Как можно отменить? Замените на барана!» Не знаю, было ли это на самом деле?

— Было.

— С таким сердцем можно быть ваном. Народ посчитал, что ван пожалел [большого] быка, я же знал, что ван не вынес его вида.

— Конечно. Значит были такие в народе... Циское царство хоть и мало, но разве мог я пожалеть быка? Именно, что не вынес его вида — как будто невинного ведут на казнь, поэтому и заменил на барана.

— Не удивляйтесь, ван, что народ решил, что вы поскупились. Большое заменили на малое, откуда ему знать, почему. Но если вану стало больно, что невинного ведут на казнь, то как ван выбрал между быком и бараном?

Ван, улыбнувшись, сказал:

— Действительно, что я думал? Но я не из скупости заменил его на барана. Народ же в самом деле должен был посчитать меня скупым.

— Не сокрушайтесь! Это ведь и есть проявление жэнь⁶⁷ — вы видели быка, а барана не видели. Благородный муж, видя животных живыми, не может видеть их смерти; слыша их крик, не в состоянии есть их мясо. Вот почему благородный муж относит свою кухню подальше от дома.

Ван обрадованно сказал:

— В Песнях говорится: «Ты подумал, я отгадал»⁶⁸. Это о Вас, учитель, сказано. Я все думал, так и этак, не мог себя понять. Ваши, слова, учитель, сразу все прояснили... Так почему же подобные чувства достойны вана?

— Предположим, кто-то скажет вану: «Моей силы достаточно, чтобы поднять сто цзюней, но недостаточно, чтобы поднять одно перо; зрения достаточно, чтобы разглядеть кончик осенней паутины, но недостаточно, чтобы видеть воз с хворостом». Ван может допустить такое?

— Нет.

— В нашем же случае любви достало даже на животных, почему же добрые дела не достигают народа? Если так, то значит тот, кто не может поднять одно перо, просто не прикладывает усилий; кто не видит воза с хворостом, тот не смотрит; если народ не чувствует заботы, то значит милость не проявлена. Поэтому ван не правит как должно не потому, что не может, а просто не делает этого.

— Какая разница между тем, кто не делает и тем, кто не может?

— Если дать кому-нибудь под мышку гору Тайшань и велеть перенести ее через Бэйхай⁶⁹, а он говорит, что он этого не может, то он действительно не может; если взрослого человека попросить переломить ветку, а он говорит: «Я не могу», — это значит, что он не пытается делать, а не то, что не может. Поэтому, когда ван не правит как должно, относится не к случаю, когда гору Тайшань надо под мышкой перенести через Бэйхай, а к случаю с ветками.

3.6. Мэнцзы сказал: «Все люди обладают состраданием. Прежние ваны, обладая состраданием, были и в управлении сострадательны. Если, обладая состраданием, управлять сострадая, править Поднебесной будет так же легко, как катать шарик на ладони. Ведь все люди обладают состраданием — каждый, увидев, что ребенок сейчас упадет в колодец, испытывает чувство страха и острой жалости не потому, что тем он может вызвать дружбу родителей ребенка, не потому, что может приобрести славу среди друзей в селении, и не потому, что ему неприятен крик ребенка, и тому подобное. Отсюда заключаем, что кто не обладает чувством жалости, не человек; кто не имеет совести, не человек; кто не обладает уступчи-

востью, не человек; кто не чувствует, где правда, а где ложь, не человек. Чувство жалости есть высшее выражение жэнь; совесть есть высшее выражение справедливости; уступчивость есть высшее выражение ритуала; чувство правды и лжи есть высшее выражение ума. Обладание этими четырьмя высшими [чувствами] так же [естественно], как обладание четырьмя конечностями. Когда обладающий этими четырьмя [чувствами] говорит себе, что он не способен, он обкрадывает самого себя; когда он говорит о своей неспособности господину, он обкрадывает своего господина. Тот, кто обладает этими четырьмя высшими [чувствами], знает, что они требуют выхода и простора, как разгорающийся огонь, как разливающийся источник. Если дать им этот простор, их будет достаточно, чтобы хранить пространство меж четырех морей; если нет, то их будет недостаточно даже для служения родителям.

5.4. Некий Сюй Син⁷⁰, исповедовавший учение Шэньнуна⁷¹, из Чу прибыл в Тэн. Придя к Тэнскому гуноу Вэню, он сказал: «Я прибыл издалека и слышал, что государь правит, руководствуясь жэнь. Хотел бы получить пристанище и стать Вашим подданным.» Вэнь дал ему жилище. С ним было несколько десятков учеников, которые все были одеты в грубое платье, плетеные сандалии и зарабатывали себе на пропитание тем, что плели циновки.

Ученик Чэнь Ляна⁷² Чэнь Сян вместе со своим братом Синем, неся на спине сошник, пришел из Сун в Тэн и сказал: «Я слышал, что государь проводит политику мудрецов и значит сам мудрец, хотел бы стать подданным мудреца».

Чэнь Сян, встретившись с Сюй Сином очень ему обрадовался, оставил свое учение и стал учиться у него.

Чэнь Сян, встретившись с Мэнцзы, передал ему слова Сюй Сина: «Тэнский правитель поистине достойный государь, однако ему еще не знакомо дао. Ведь достойный человек должен вместе с народом обрабатывать землю для своего пропитания, готовить пищу утром и вечером и управлять. Как же он может быть добродетельным, если у него хлебные амбары и сокровищницы, если он кормится тем, что притесняет народ?»

Мэнцзы ответил ему:

- Философ Сюй, конечно, ест просо, которое посеял сам?
- Да.
- Философ Сюй, конечно, одевает то платье, которое сам ткал?
- Нет, он носит грубое платье.
- Носит ли философ Сюй шапку?
- Носит.
- Какую шапку?
- Простую шапку.
- Сам ли он ее сделал?
- Нет, выменивает на просо.
- Отчего он не делает ее сам?

— Помешало бы обработке земли.
— Философ Сюй варит пищу в котлах и горшках, пашет железом?

— Да.

— Сам он их выделяет?

— Нет, выменивает на просо.

— Если обмен проса на орудия и посуду не является притеснением гончаров и литейщиков, то разве гончары и литейщики, меняющие орудия и посуду на просо, притесняют земледельца? Почему же философ Сюй не занимается гончарным делом и литьем и не берет все для потребления в собственном доме? Зачем он так часто обменивается с ремесленниками? И как это ему не надоест!

— Земледелием никак нельзя заниматься вместе с ремеслом!

— Тогда только управлением страной можно заниматься вместе с земледелием? Есть дела великих людей и есть дела малых людей. Если бы каждый делал для себя все, что изготовляют сотни ремесленников, то все в стране бегали бы по дорогам. Поэтому и говорится: одни работают головой (сердцем), другие — силой. Работающие головой управляют людьми, работающие силой управляются людьми. Управляемые кормят людей, управляющие кормятся от людей — такова всеобщая справедливость Поднебесной.

6.2. Цзин Чунь сказал: «Гунсунь Ян, Чжан И⁷³ — разве не великие мужи? Стоит им разгневаться, и чжухоу охватывает страх; они спокойны, и Поднебесная утихает».

Мэнцзы ответил: «Откуда им быть великими мужами? Ты разве не знаешь ритуала? Когда мужчина надевает шапку⁷⁴, то его наставляет отец; когда женщина выходит замуж, ее наставляет мать; она провожает ее до ворот и, наставляя, говорит: «Придешь в новый дом, будь почтительна, будь осмотрительна, будь покорна мужу!» Послушание — это дао женщины. Жить в просторном храме Поднебесной, занимать истинное место в Поднебесной, осуществлять великое дао Поднебесной; удастся достигнуть желаемого — идти вместе со всеми, не удастся — одному идти по своему пути; богатство и знатность его не волнуют, бедность и незнатность не меняют; ни угрозой, ни силой его не согнуть — вот кто называется великим мужем Поднебесной!»

7.27. Мэнцзы сказал: «Сущность жэнь — в служении родичам; сущность долга — в покорности старшим; сущность мудрости — в знании этих двух начал и в неотступлении от них; сущность ритуала — во внесении меры и украшения в эти два начала; сущность музыки — в наслаждении этими двумя началами. Когда приходит наслаждение, рождается радость; рождается, и ее не остановить; не остановить, и произвольно ноги начинают притоптывать, а руки делать танцевальные движения».

ЧЖУАНЦЫ

«Чжуанцзы» назван по имени даосского философа Чжуан Чжоу, жившего приблизительно в 369—286 гг. до н. э. Памятник сложился, вероятно, не позже III в. до н. э. в школе философа.

Так же как «Мэнцзы», «Чжуанцзы» состоит в основном из диалогов. Но только в «Чжуанцзы» диалог обретает форму, которая позволяет определять его как первый прозаический жанр. Несмотря на философский контекст, в котором существует диалог, его можно рассматривать как художественное целое. Именно в этом своем виде он надолго сохранит значение и послужит основой для развития других жанров вплоть до XX столетия.

Диалог Чжуанцзы имеет трехчастную композицию. Каждая из частей выполняет определенную функцию. Первая часть мотивирует или провоцирует последующий монолог. Она может иметь форму краткого диалога между действующими лицами или кратко описывать обстановку, в которой происходит беседа. Центральное место принадлежит монологу, содержащему поучение. Он легко принимает в себя другие формы, такие, как притча, пословица, поговорка, сказка или полуфольклорная утопия, инвектива против конфуцианства, гротескная зарисовка и пр. Третья часть заключает в себе философский вывод.

Сказанное является идеальной схемой диалога, но, как правило, не все части обязательно присутствуют в нем: может не быть введения или концовки или того и другого вместе. Соотношение частей также может быть очень свободным: введение иногда занимает по объему чуть не весь диалог; иногда оно может перерезать монолог, создавая впечатление сплошного сюжета и завершаясь только в концовке; или заключаться в одной фразе и т. д. Центральная часть может состоять из ряда монологов, «нанизанных» один на другой и связанных диалогом персонажей.

Если тематика конфуцианских диалогов ограничена узкой сферой государственного управления, то даосы принципиально отвергают всякое ограничение. Важность любого предмета или явления безусловна, если рассматривать их с точки зрения манифестации природы. Внимание даосов сосредоточено на неповторимости, бесконечном разнообразии форм. Эта мировоззренческая позиция отражается на содержании диалогов Чжуанцзы. Допустим любой вопрос к жизни: что есть сама жизнь и что есть смерть, в чем путь природы, отдельных ее предметов и человека, един ли путь человека с природой, что есть наслаждение, познание, мудрость и пр. Допустима любая форма ответа и вопроса. Разнообразен мир героев Чжуанцзы — здесь мифологические и исторические герои, персонажи животного эпоса и сказки, олицетворенные предметы живой и неживой природы, герои, родившиеся в воображении Чжуанцзы и носящие самые разнообразные прозвища и пр.

Диалог, имитирующий (или воссоздающий) живую беседу, был той формой, которая предоставляла широкие возможности для введения неограниченного числа героев, столь же неограниченного числа тем и столь же неограниченных путей к их разрешению. Чжуанцзы сталкивает противоположное — героев, темы, образы, мысли, — потому что жизнь представляется ему бесконечным превращением противоположностей. Притча, его самое сильное оружие, оказывается наиболее удобна — неожиданное превращение в ней серьезного в смешное заставляет задуматься над относительностью всеми признанной правды. Для демонстрации ее несостоятельности Чжуанцзы использует все формы осмеяния: насмешку, иронию, сарказм. Чжуанцзы любит фантастические преувеличения, перерастающие порой в гротескные образы, истоки которых в толще народной культуры. Образы безумцев, горбунов, калек, так хорошо известные из «Чжуанцзы», были народной формой протеста против официальной культуры. У Чжуанцзы они наполняются новым содержанием: важно не внешнее, важно внутреннее, дающее превосходство мудрости над невежеством.

Одной из тем, неразрывно связанных с даосской тематикой и ведущих свое происхождение от Чжуанцзы, является тема даосского отшельничества. Стоя на той позиции, что только природные законы святы, даосы противопоставляли конфуцианской активности и требованию обязательного служе-

ния — неслужение. Герон Чжуанцзы бродят, скитаются, покидают семью и родных, предпочитая родственным узам дружеские, живут в бедности, встречаются друг с другом на дорогах, в харчевнях, гуляют у рек, водопадов. Мудрецы, или те, кто стремится к мудрости, говорят об истинном странствии, под которым имеют в виду странствие духом, в чудесном краю, который открывает познание. Для этого мудрец покидает суетный мир, где все охвачено борьбой за славу и богатство, поселяется в уединении в горах, у ручья, проводит время один, размышляя о дао, либо в окружении учеников и единомышленников предается размышлению или беседе, а более — молчаливому единению с природой. Эта форма отшельничества исключает аскезу, наоборот, мудрец весь открыт миру, но миру природы. Действительно, он обходится малым, чтобы прокормить себя, занимается простым ремеслом — плетет сандалии, обжигает горшки и пр., бывает голодно, весной приходится собирать на поле оставшиеся с осени колоски, но это его не печалит, он совершенно счастлив своим единством с природой, открывающей ему, созерцателю и философу, свои тайны.

Переводы из Чжуанцзы принадлежат Л. Д. Позднеевой⁷⁵.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Странствия в беспредельном

На Крайнем Севере, где нет ни деревьев, ни трав, находится Пучина-Океан. Это — Небесный водоем. В нем водится рыба шириной в несколько тысяч ли, а сколько ли она длиною — неизвестно. Имя ей Кит. Водится там птица, имя ей — Феникс. Спина у него точно гора Великая, распростертые крылья — точно нависшие тучи. Оперевшись о волны и раскачавшись, он взвивается по спирали на высоту девяти тысяч ли — туда, где нет ни облаков, ни воздуха, над ним — лишь небесная синь, а затем устремляется на юг, к Южному океану.

— И куда он стремится? — усмехнулась перепелка на болоте. — Я подпрыгну, взлечу, а через несколько жэней опущусь. Порхать между кустиками полыни — вот предел полета. Куда же он стремится?

Вот в этом и заключено различие между малым и великим!..

Высочайший⁷⁶, уступая Поднебесную Никого не Стесняющему⁷⁷, сказал:

— Я вижу свои недостатки и прошу вас принять Поднебесную. Разве не следует погасить факел, когда восходит солнце или луна? Ведь его свет все равно померкнет! Разве следует орошать поле во время дождей? Ведь труд этот будет напрасным! Зачем мне занимать трон, если вы взойдете на него и в Поднебесной воцарится порядок?

— Вы управляете Поднебесной, и в ней царит порядок, — ответил Никого не Стесняющий. — Мне заменить вас только ради имени? Ради того, чтобы стать гостем? Ведь имя относится к сущности, как гость к хозяину! Королек вьет гнездо в лесной чаще, но занимает лишь одну ветку. Крот пьет из реки, но лишь столько, сколько вместится в желудке. Оставьте это и возвращайтесь, государь! Мне нечего делать с Поднебес-

ной. Если повар не приготовил кушанья, Покойник и жрец не станут его заменять и подносить чаши с жертвенными яствами⁷⁸.

Цзянь У сказал Лянь Шу⁷⁹:

— Я внимал Встречающему Колесницы⁸⁰. Он велик и бесконечен, отправился и не вернулся. Я удивился его рассказу: ему нет предела, точно Млечному пути. Он так далек от мира и человеческих чувств.

— О чем же он рассказал? — спросил Лянь Шу.

— Далеко-далеко на горе Охотниц-прорицательниц живут бессмертные. Кожа у них словно снег, красота подобна девичьей. Они вдыхают ветер, пьют росу, а зерном не питаются. Оседлав облака и воздух, управляя летящими драконами, странствуют за пределами четырех морей. Душевные силы у них сосредоточены, поэтому не бывает ни мора, ни болезней, урожай всегда обилен. Я принял его за безумца и ему не поверил.

— Да, — заметил Лянь Шу. — Слепому не познать красоты орнамента, а глухому — звуков колокола и барабана. Но разве слепыми и глухими бывают только телесно? Бывают глухи и слепы разумом, как ты, судя по твоим словам. А человек с подобными свойствами рассматривает в единстве весь хаос, всю тьму вещей. Разве стал бы он трудиться над управлением Поднебесной, даже если бы люди просили его спасти от смуты? Такому человеку ничто не может повредить, он не утонет даже при потопе, когда вода поднимется до самого неба, не сгорит даже в великую засуху, когда расплавятся металлы и камни, обуглятся земля и горы. Из пыли и сора, оставшихся после него, можно сформировать таких, как Высочайший и Ограждающий⁸¹. Разве согласится такой человек заниматься делами?..

Хойцзы⁸² сказал Чжуанцзы:

Вэйский царь подарил мне семена большой тыквы-горлянки. Я посадил их и собрал тыквы, которые вмещают по пять дань. Огромные, а что в них проку? Для воды и сои они оказались слишком хрупкими; разрубленные на ковши, они оказались слишком мелкими. Я решил, что они бесполезны, и их порубил.

Чжуанцзы ответил:

Вы, конечно, не сумели придумать, что делать с огромными тыквами, как тот сунец, который обладал прекрасным снадобьем для рук, чтоб кожа на них не потрескалась. Пользуясь этим снадобьем, в его семье из поколения в поколение занимались промыванием шелковой пряжи. Об этом услышал чужеземец и предложил за рецепт сотню золотом. Собрав весь род на совет, сунец сказал:

— Из поколения в поколение мы промывали шелковую пряжу, но получали совсем немного денег. А сегодня за одно утро можем получить сотню золотом. Давайте продадим ему снадобье.

Чужеземец получил рецепт и поведал о нем царю У. Когда же юэсцы оказались в тяжелом положении, царь У сделал владельца рецепта полководцем. Тот вступил с юэсцами зимой в морское сражение, разбил их наголову, отнял у них землю и получил ее в награду.

Снадобье было все то же, а воспользовались им по-разному: один с его помощью лишь промывал пряжу, а другой сумел получить землю.

Ныне у вас были тыквы-горлянки, вмещавшие по пяти даней. Зачем было печалиться, что ковши из тыквы мелкие? Почему бы не связать тыквы в большой плот и не плавать по рекам и озерам? Ах, как вы не сообразительны!

Творящий Благо сказал:

— У меня есть большое дерево, которое называется Вонючий ясень. Его ствол распух от наростов и не поддается работе с отвесом. Его ветви такие изогнутые и скрюченные, что не поддаются работе с циркулем и наугольником. Стоит у дороги, а плотники на него не смотрят. Так и ваши слова велики, но бесполезны, никто их не принимает.

— Не замечали ли вы, — ответил Чжуанцзы, — как, прижавшись к земле, лежит в засаде лиса или дикая кошка и подстерегает беззаботную жертву? Но, прыгая то на восток, то на запад, то вверх, то вниз, сами они попадают в ловушки, умирают в сетях. А вот як велик, словно обложившая небо туча, но при огромной силе ему не схватить и мыши. Вас заботит, что большое дерево не приносит пользы? Но зачем так печалиться? Почему бы не пересадить его в бесплодную местность, в широкую степь? Почему бы не блуждать около него в недеянии? Почему бы не спать под ним при странствиях в беспредельном? Дерево не погибнет раньше времени от топора или секиры; не принося никому пользы, не принесет и вреда.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О равенстве вещей

Владеющий Своими Чувствами из Южного предместья⁸³ сидел, облокотясь о стол, отрешась от всего, смотрел вверх и тихо дышал, словно отсутствовал. Странник Красоты Совершенной⁸⁴, стоявший в ожидании перед ним, спросил:

— Как же так? Неужели верно, что телом можно уподобиться сухому дереву, а сердцем — угасшему пеплу? Ведь тот, кто сидит, облокотясь о стол, сейчас уже не тот, кто сидел облокотясь о стол ранее?!

— Как хорошо ты спросил, Странник! — сказал Владеющий Своими Чувствами. — Понял ли ты, что сегодня я отрешился от самого себя? Когда ты услышал свирель человека, не знал еще, что такое свирель земли; когда услышишь свирель

земли, еще не будешь знать, что такое свирель Вселенной.

— Дозвольте спросить, как это узнать? — продолжал Странник.

— Вздохнет земля, и говорят, что подул ветер. Сейчас он стих. А заиграет — яростно завоюет сквозь тьму земных отверстий. Разве тебе не случалось слышать подобные голоса? Ущелья гор, массивы лесов, ямы, от вывороченных с корнями деревьев-гигантов в сто обхватов, подобны носу, рту, ушам; подобны перекладинам, оградам ступкам; подобны то стремительному потоку, то стоячей воде. Одни бурлят, как поток, другие — свистят, как стрела, у одних — шумный выдох, у других — тихий вдох, голоса высокие, низкие, звуки протяжные, отрывистые. Одни запевают, другие подхватывают. Прохладный ветерок — малый хор, а вихрь — хор огромный. Утихнет буйный ветер, и все отверстия опустеют. Разве не слышал последних вздохов затихающего ветра?

— Свирель земли создается всеми ее отверстиями, как свирель человека — дырочками в бамбуке. Осмелюсь ли спросить, что такое свирель Вселенной? — сказал Странник.

— В ней звучит тьма ладов и каждый сам по себе, — ответил Владеющий Своими Чувствами. — Все вещи звучат сами по себе, разве кто-нибудь на них воздействует?! [...]

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Среди людей

...Плотник Кремень направлялся в Ци и на повороте дороги у алтаря Земли увидел Дуб в сотню обхватов, такой огромный, что за ним могли укрыться много тысяч быков (целый бык), высотой же с гору. В восьмидесяти локтях от земли возвышалась его крона с десятком таких толстых ветвей, что каждой хватило бы на лодку. Зеваки (толпились), точно на ярмарке. А Плотник, не останавливаясь и не оборачиваясь, прошел мимо дерева.

Ученики, вдоволь насмотревшись на Дуб, догнали Плотника и спросили:

— Почему вы, прежде рожденный⁸⁵, прошли мимо, не останавливаясь, и не захотели даже взглянуть? Нам еще не приходилось видеть такого прекрасного материала с тех пор, как мы с топором и секирой последовали за вами, учитель.

— Довольно! Замолчите! — ответил Плотник. — От него нет проку. Лодка, сделанная из него, потонет; гроб или саркофаг — быстро сгниют, посуда — расколется. Сделаешь ворота или двери — из них будет сочиться сок, колонну источат черви. Это дерево не строевое, ни на что не годное, оттого и живет долго.

Когда Плотник Кремень вернулся домой, во сне ему пригрезился Дуб у алтаря.

— С какими деревьями ты хочешь меня сравнить? — спросил Дуб. — С теми, что идут на украшения? Или с плодоносящими? Вот боярышник и груша, апельсиновое дерево и памела. Как только плоды созреют, их обирают, а обирая, оскорбляют: большие ветви ломают, маленькие — обрывают. Из-за того, что полезны, они страдают всю жизнь и гибнут преждевременно, не прожив отведенного природой срока. Это происходит со всеми, с тех пор как появился обычай сбивать плоды. Вот почему я давно уже стремился стать бесполезным, чуть не погиб, но теперь добился своего — и это принесло мне огромную пользу! Разве вырос бы я таким высоким, если бы мог для чего-нибудь пригодиться? К тому же мы оба — и ты, и я — вещи. Разве может одна вещь судить о другой? Не тебе смертному, бесполезному человеку понять бесполезное дерево!

Очнувшись, Плотник Кремень стал толковать свой сон, а ученики спросили:

— Если Дуб у алтаря стремился не приносить пользы, почему же он вырос у алтаря?

— Не болтайте! Замолчите! — ответил Плотник. — Он вырос там затем, чтобы невежды его не оскорбляли. Разве не срубили бы его, не будь здесь алтаря Земли? И все же он живет так долго по другой причине, чем все остальные. Не отделимся ли мы от истины, меряя его обычной меркой?

...Подбородок Урода Шу касался пупка, плечи возвышались над макушкой, пучок волос на затылке торчал прямо в небеса. Внутренности теснились в верхней части тела, бедренные кости походили на ребра. Склонясь над иглой или стиркой, он зарабатывал достаточно, чтобы набить себе брюхо; провеивая и очищая зерно, мог прокормить десять человек.

Когда призывали воинов, среди них без опаски толкался этот калека. Когда объявляли общую повинность, его, всегда больного, не назначали на работы. Когда же производилась раздача немощным, он получал три чжуна зерна и десять вязанок хвороста. Если способен прокормиться и дожить до предельного срока тот, у кого искалечено тело, то тем паче тот, у кого искалечена добродетель.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Знак полноты свойств

...Луский царь Айгун спросил Конфуция:

— Что за человек безобразный вэец⁶⁶, которого звали Жалкий Горбун То? Мужчины, которым приходилось вместе с ним

жить, так к нему привязывались, что не могли от него уйти. Увидя его, девушки просили родителей: «Лучше отдайте ему в наложницы, чем другому в жены!» Их не пугало, что наложниц у него уже было больше десятка. Никто не слышал, чтобы он запевал — всегда лишь вторил⁸⁷. Он не стоял на престоле, не мог спастись от смерти; не получал жалования, не мог насыщать голодных; своим же безобразием пугал всю Поднебесную. Он лишь вторил, никогда не запевая, слава о нем не выходила за пределы округи, и все же к нему стремились мужчины и женщины — он был, наверное, выдающимся человеком! Я, единственный⁸⁸, призвал его и увидел, что безобразием он воистину пугал всю Поднебесную. Но не прожил он у меня, единственного, и одной луны, а я, единственный, уже привязался к нему. Не прошло и года, как я стал ему доверять. В царстве не было тогда ведающего закланием скота⁸⁹, и я, единственный, хотел назначить его, а он опечалился. Позже согласился, но с такими колебаниями, словно отказывался. Мне, единственному, стало досадно, но в конце концов я ему вручил должность. Вскоре, однако, он покинул меня и ушел. Я, единственный, горевал, точно об умершем, как будто никто другой не мог разделить со мной радости власти.

— Однажды, — начал Конфуций⁹⁰, — когда я, Цю, ходил послом в Чу, я заметил поросят, которые сосали свою уже мертвую мать. Но вскоре они взглянули на нее, бросили сосать и убежали, ибо не увидели в ней себя, не нашли своего подобия. В своей матери они любили не тело, а двигавшую им жизнь. Погребая погибшего в бою, его провожают без опахала из перьев, (ибо для таких знаков отличия) нет оснований, как (нет смысла) заботиться о туфлях тому, кому отрубили ногу в наказание. Никто в свите Сына Неба не срезает ногтей, не прокалывает себе ушей. Новобрачный не выходит из дома, свободен от службы. Этого достаточно для них, сохранивших в целостности свое тело, тем более же для тех, кто сохранил в целостности добродетель! Обратимся же ныне к Жалкому Горбуну То. Ничего не говорил, а снискал доверие; не имел заслуг, а пользовался общей любовью; ему вручали власть и боялись лишь его отказа. Он должен был быть человеком целостных способностей, добродетель которого не проявлялась во (внешней) форме...⁹¹.

Айгун сказал:

— Раньше я считал высшим пониманием (долга) то, что, стоя лицом к югу⁹², правлю Поднебесной, храню в народе порядок и печалюсь о смерти людей. Ныне же я услышал о настоящем человеке⁹³ и боюсь, что подобным совершенством не обладаю: легковесно отношусь к самому себе и веду к гибели царство. Мы с Конфуцием не царь и слуга — мы с ним друзья по добродетели...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Великий основной учитель

...Приносящий жертвы, Носильщик, Пахарь и Приходящий⁹⁴, беседуя, сказали друг другу:

— Мы подружались бы с тем, кто способен считать небытие — головой, жизнь — хребтом, а смерть — хвостом; с тем, кто понимает, что рождение и смерть, существование и гибель составляют единое целое.

Все четверо посмотрели друг на друга и рассмеялись. [Ни у кого из них в сердце] не возникло возражений, и они стали друзьями.

Но вдруг Носильщик заболел, и Приносящий Жертвы отправился его навестить.

— Как величественно то, что творит вещи!⁹⁵ — воскликнул больной, — то, что сделало меня таким согбенным!

У него на горбу открылся нарыв, внутренности теснились в верхней части тела, подбородок касался пупка, плечи возвышались над макушкой, пучок волос на затылке торчал прямо в небеса. Эфир, [силы] жара и холода пришли в нем в смятение⁹⁶, но сердцем он был легок и беззаботен. Дотащившись до колодца и посмотрев на свое отражение, он сказал:

— Как жаль! Таким горбуном создало меня то, что творит вещи!

— Тебе это не нравится?

— Нет, как может не нравиться? Допустим, моя левая рука превратилась бы в петуха, и тогда я должен был бы кричать в полночь. Допустим, моя правая рука превратилась бы в самострел, и тогда я должен был бы добывать птицу на жаркое. Допустим, что мой крестец превратился бы в колеса, а моя душа — в коня, и на мне стали бы ездить, разве сменили бы упряжку? Ведь для обретения (жизни) наступает свое время, а ее утрата следует (за ее ходом). Если довольствоваться своим временем и во всем (за процессом) следовать, к тебе не будут иметь доступа ни горе, ни радость⁹⁷. Древние и называли это освобождением от уз...

Но вдруг заболел Приходящий. Он задышался перед смертью, а жена и дети стояли кругом и его оплакивали.

Придя его навестить, Пахарь на них прикрикнул:

— Прочь с дороги! Не тревожьте того, кто превращается! — И прислонившись к дверям, сказал умирающему: «Как величественно создание вещей! Что из тебя теперь получится? Куда тебя отправят? Превратишься ли в печень крысы? В плечо насекомого?»

— Куда бы ни велели сыну идти отец и мать — на восток или на запад, на юг или на север, он лишь повинуется приказанию, — ответил Приходящий. — [Силы] жара и холода человеку больше, чем родители. Если они приблизят ко мне смерть,

а я ослушаюсь, то окажусь строптивым. Разве их в чем-нибудь упрекнешь? Ведь огромная масса⁹⁸ снабдила меня телом, израсходовала мою жизнь в труде, дала мне отдых в старости, успокоила меня в смерти. То, что сделало хорошей мою жизнь, сделало хорошей и мою смерть. Если ныне великий литейщик станет плавить металл, а металл забурлит и скажет: «Я должен стать мечом Мосе!»⁹⁹ — то великий литейщик, конечно, сочтет его плохим металлом. Если ныне тот, кто пребывал в форме человека, станет твердить: «[Хочу снова быть] человеком! [Хочу снова быть] человеком!» — то творящее вещи, конечно, сочтет его плохим человеком. Если ныне примем небо и землю за огромный плавильный котел, а [процесс] создания — за великого литейщика, то куда бы не могли мы отправиться? Завершил и засыпаю, а затем спокойно проснусь!..

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Достойный быть предком и царем

...Не поступай в услужение к славе, не становись сокровищницей замыслов, не давай делам власти над собой, не покоряйся знанию.

Постигая все до предела, будь бесконечен; странствуя, не оставляй следов¹⁰⁰; исчерпывая дарованное природой, ничего не приобретаешь; будь пустым и только.

Настоящий человек пользуется своим сердцем [разумом] словно зеркалом. Не следует за вещами, не идет им навстречу, им отвечает, но их не удерживает. Поэтому преодолевает вещи, но остается невредимым.

Владыкой Южного океана был Поспешный, владыкой Северного океана — Внезапный, владыкой центра — Хаос. Поспешный и Внезапный часто встречались на земле Хаоса, который принимал их радушно, и они захотели его отблагодарить.

— Только у Хаоса нет семи отверстий, которые есть у каждого человека, чтобы видеть, слышать, есть и дышать, — сказали они. — Попытаемся их ему проделать.

Каждый день делали по одному отверстию и на седьмой день Хаос умер.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

У коня копыта

У коня копыта, и он может ступать по инею и снегу. Шкура защищает его от ветра и холода. Он щиплет траву, пьет воду, встает на дыбы, скачет. Такова истинная природа коня. Ему не нужны ни высокие башни, ни огромные залы.

Но вот Радующийся Мастерству¹⁰¹ сказал:

— Я умею укрощать коней.

И принялся подстригать им гриву, подрезать копыта, стал их палить и клеймить, взнуздывать и стреноживать, запирать в конюшне и в загоне. Из каждого десятка погибали два-три коня. Он стал укрощать их голодом и жаждой, пускал рысью и галопом, заставлял держать строй. Спереди им грозили удила и шлея, сзади — кнут и хлыст. Коней же погибало более половины.

Гончар сказал:

— Я умею лепить из глины.

Круги у него соответствовали циркулю, а квадраты — наугольнику.

Плотник сказал:

— Я умею обрабатывать дерево.

Изгибы у него соответствовали крюку, а прямые линии — отвесу.

Разве своей природой глина и дерево стремятся соответствовать циркулю и наугольнику, крюку и отвесу? Но все же мастеров славил из поколения в поколение:

— Радующийся Мастерству умел укрощать коней; Гончар и Плотник умели обращаться с глиной и деревом!

Это ошибка тех, кто правил Поднебесной.

Я думаю, что мастер, управляя Поднебесной, поступил бы иначе. Постоянное в природе людей то, что они ткнут и одеваются, возделывают землю и питаются — это и называется их общим свойством. Некогда они были едины, не делились на группы, и это я называю естественной свободой. Поэтому во времена, когда свойства были настоящими, ходили медленно и степенно, смотрели твердо и непреклонно. Тогда в горах еще не проложили дорог и тропинок, на озерах не было лодок и мостов; все создания жили вместе, и селения тянулись одно за другим. Птицы держались стаями, звери ходили стадами, травы росли со всей пышностью, а деревья — во всю длину. Поэтому можно было гулять, держа на поводу птицу или зверя, вскарабкаться на дерево и заглянуть в гнездо сороки или вороны. Да, во времена, когда свойства были настоящими, люди жили рядом с птицами и зверями, составляя один род со всеми существами. Разве знали они [о делении] на благородных мужей и на ничтожных людей? Ни у кого одинаково не было знаний, никто не нарушал своих свойств, все одинаково были свободны от страстей, и это я называю безыскусственностью. В безыскусственности народ обретал свою природу.

Когда же появились мудрецы, то умение ходить вокруг да около прихрамывая, стали принимать за человечность; умение ходить на цыпочках — за долг, и все в Поднебесной пришло в замешательство. Распушенность и излишества стали принимать за наслаждение; сложенные руки и согнутые колени стали при-

нимать за обряды. И все в Поднебесной стали отдаляться друг от друга.

Кто сумел бы, не повредив дерева, вырезать жертвенную чашу? Кто сумел бы, не повредив белого нефрита, выточить скипетр и булаву? Как сумели бы ввести человечность и долг, не нарушив природных свойств? Как сумели бы ввести обряды и музыку, не отбросив естественных чувств? Кто сумел бы создать орнамент, не спутав всех пяти красок? Кто заставил бы пять звуков, не спутав их, отвечать шести трубочкам? В том, что ради сосудов искалечили дерево, — вина мастеров; в том, что ради человечности и долга нарушили природные свойства, — вина мудрецов.

Пока кони жили на просторе, они шипали траву и пили воду. Радуюсь, сплетались шеями и ласкались; сердясь, поворачивались друг к другу задом и лягались. Только в этом и состояли их знания. Но когда на коней надели ярмо, украсили им морду изображением луны, они научились коситься и выгибать шею, упираться и брыкаться, ломать ярмо и рвать поводья. Поэтому в том, что кони приобрели [подобные] знания и научились разбойничьим повадкам, виноват Радующийся Мастерству...

Во времена Пламенных Помощников народ жил, не зная, что ему делать; ходил, не ведая куда; набивал себе рот и радовался, похлопывал себя по животу и отправлялся гулять. В этом состояли все его способности. Но когда появились мудрецы, они ввели преклонения и поклоны, обряды и музыку для исправления формы [поведения] в Поднебесной; вывесили для [общей радости] человечность и долг, чтобы внести успокоение в умы Поднебесной. И тут народ принялся ходить вокруг да около прихрамывая, и так пристрастился к знаниям и к соперничеству в погоне за выгодой, что его нельзя было остановить. В этом также вина мудрецов.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Взломщики сундуков

Чтобы уберечься от воров, которые взламывают сундуки, шарят по мешкам и вскрывают шкафы, нужно обвязывать все веревками, запирать на засовы и замки. Вот это умно, говорят обычно. Но приходит большой вор, хватается сундук под мышку, взваливает шкаф на спину, цепляет мешки на коромысло и убегает, боясь лишь одного — как бы веревки и запоры не оказались слабыми. Так те, кого прежде называли умными, оказывается, лишь собирали добро для большого вора.

Посмотрим, не собирает ли добра для больших воров тот, кого обычно называют умным? Не охраняет ли крупных разбойников тот, кого называют мудрецом? Как доказать, что это истина?

В старину в царстве Ци соседи из разных общин видели друг друга, петухи там друг с другом перекликались, собаки отвечали друг другу лаем. На пространстве более двух тысяч квадратных ли расставляли сети, обрабатывали землю сохой и мотыгой. В пределах четырех границ во всем брали пример с мудрецов — при постройке храма предков, алтаря Земли и Проса, домов, при разбивке на околотки, селения, округа, области.

Но вот однажды утром Тянь Чэнцзы¹⁰² убил цисского царя и украл его царство. Только ли царство украл? Вместе с царством украл и мудрые порядки. И хотя о Тянь Чэнцзы пошла слава как о воре и разбойнике, сам он наслаждался таким же покоем, как Высочайший и Ограждающий. Малые царства не смели его порицать, а большие — покарать. И так двенадцать поколений его потомков владели царством Ци. Если он украл не только царство Ци, но и его порядки, введенные умными и мудрецами, то не являются ли эти самые умные и мудрецы хранителями разбойников и воров?..

Сообщник разбойника Чжи спросил:

— Есть ли у разбойников свое учение?

— Разве можно выходить [на промысел] без учения? — ответил Чжи. — Угадать по ложным [слухам], что в доме есть сокровища, — мудрость; войти в него первым — смелость; выйти последним — чувство долга; пронюхать, возможен ли грабеж, — знание; разделить добычу поровну — человечность. Без этих пяти добродетелей еще никто в Поднебесной не становился крупным разбойником. Отсюда видно, что если без учения мудрецов нельзя стать добрым человеком, то без учения мудрецов нельзя стать и разбойником. Но добрых людей в Поднебесной мало, а недобрых много. Поэтому польза, которую приносят Поднебесной мудрецы, невелика, а вред — велик. Поэтому и говорится...: «Когда рождается мудрец, появляется и великий разбойник»...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Предоставить каждого самому себе

...Высоченный Боязливый¹⁰³ спросил Лаоцзы:

— Если не навести порядка в Поднебесной, как исправить людские сердца?

— Будь осторожен! — ответил ему Лаоцзы. — Не тревожь человеческого сердца! Стоит его низвергнуть — человек унижится, стоит возвысить — человек возгордится. Так он и превра-

щается то в раба, то в убийцу. Сердце может быть нежным и слабым — тогда ему не совладать с сильным и крепким; оно может быть твердым, словно резец, и гранить драгоценный камень. Оно то вспыхнет словно пламя, то станет холодным как лед. Оно меняется с удивительной быстротой, успевает дважды побывать за всеми четырьмя морями, пока презрительный взгляд сменится благосклонным.

В покое оно не дрогнет, точно лучина, в движении — устремится к небесам. Оно своевольное и гордое, его не обуздать! Вот каково человеческое сердце!..

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

С осенними разливами

...Гунсунь Лун¹⁰⁴ сказал царевичу Моу:

— Я, Лун, с юности изучал путь древних государей; когда вырос, понял поведение человеческого, обладающего чувством долга. Я объединил тождество и различие, отделил твердость и белизну, утвердил истинное и неистинное, возможное и невозможное. Я утомился, постигая знания всей сотни школ, исчерпал мастерство в споре многих ораторов и счел, что достиг высшей проницательности. Ныне же услышал речи Чжуанцзы и удивился, так они не ясны. В чем я отстал от него — в красноречии, в знаниях? Не пойму! Ныне я больше не раскрою рта. Дозвольте спросить, в чем его секрет?

Царевич Моу облокотился о столик, глубоко вздохнул, взглянул на небо и, улыбнувшись, заговорил:

— Разве ты не слышал, что сказала Лягушка из обмелевшего колодца Черепахе из Восточного моря? «Почему бы вам, учитель, не зайти посмотреть, как я наслаждаюсь? Я выбираюсь наверх, прыгая по стенкам колодца, возвращаюсь, отдыхая в выбоинах стены, где выпал кирпич. Зайду в воду — доходит до подмышек, до подбородка; зайду в ил — утонет в нем стопа и голень. Никто кругом со мною не сравнится, ни червяки, ни головастики. К тому же то прыгать, то сидеть в разрушенном колодце, распоряжаться целой лужей — это высшее наслаждение!» Не успела Черепаха из Восточного моря ступить левой ногой, как правое колено уже застряло. Тут она потопталась и, пятясь, стала рассказывать Лягушке о море: «Ведь оно так широко, что тысячи ли не хватит измерить его дали; так глубоко, что тысячи жэней не хватит достать до дна. Во времена Молодого Дракона¹⁰⁵ за десять лет девять раз случалось наводнение, а воды в море не прибавилось; во времена Испытующего¹⁰⁶ за восемь лет семь раз случалась засуха, а берега его не понизились. Много ли пройдет времени, мало ли, сколько бы ни влилось, сколько бы ни вылилось, море

не переменится. Вот какое огромное наслаждение жить в Восточном море». Тут, само собой разумеется, Лягушка из обмелевшего колодца испугалась и задрожала как потерянная.

Не уподобляешься ли Лягушке из обмелевшего колодца с твоими знаниями, недостаточными, чтобы понять тончайшие речи учения, со стремлением каждый раз показаться остроумным своего времени...

Когда Чжуанцзы удил в реке Бу, от чуского царя прибыли два знатных мужа и передали ему [слова царя]: «Хочу обременить тебя службой в моем царстве».

Не выпуская из рук удочку и не оборачиваясь, Чжуанцзы так им сказал:

— Слыхал я, что в Чу есть Священная черепаха. Три тысячи лет как она мертва, и цари хранят ее в храме предков, облаченную в покровы и в ларце. Что лучше для черепахи: быть мертвой, чтобы почитали и хранили ее панцирь, или быть живой и влачить хвост по земле?

— Лучше быть живой и влачить хвост по земле, — ответили знатные мужи.

— Вот и я хочу влачить хвост по земле. Ступайте! — заключил Чжуанцзы.

Чжуанцзы отправился повидаться с Хойцзы, который служил советником в Лян. И кто-то предупредил советника:

— Идет Чжуанцзы, он зарится на ваш пост.

Хойцзы испугался. Целых три дня и три ночи обыскивал он страну. Чжуанцзы явился к нему и спросил:

— Слыхал ли ты про птенца, что водится на юге и зовется Юный Феникс? От Южного океана он летит к Северному, гнездится лишь на платане, питается лишь чистыми плодами, пьет лишь из сладкого источника. И вот этот Феникс пролетал над Совой, подобравшей дохлую крысу, а та, посмотрев на него снизу, угрожающе крикнула: «Прочь!» А ныне ты хочешь так же отпугнуть меня от царства Лян!

Прогуливаясь с Хойцзы по мосту через Хао¹⁰⁷, Чжуанцзы сказал:

— Пескари привольно резвятся, в этом их радость!

— Ты же не рыба, — возразил Хойцзы. — Откуда тебе знать, в чем ее радость?

— Ты же не я, — возразил ему Чжуанцзы. — Откуда тебе знать, что я знаю, а чего не знаю.

— Я не ты, — продолжал спорить Хойцзы, — и, конечно, не ведаю, что ты знаешь, а чего не знаешь. Но ты-то не рыба, и не можешь знать, в чем ее радость.

— Дозволь вернуться к началу, — сказал Чжуанцзы. — «Откуда тебе знать, в чем ее радость?» — спросил ты, я ответил, и ты узнал то, что знал я. Я же это узнал, гуляя над Хао.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Высшее наслаждение

...Подходя к Чу, Чжуанцзы наткнулся на голый череп, побелевший, но еще сохранивший форму. Чжуанцзы ударил по черепу хлыстом и обратился к нему с вопросом:

— Довела ли тебя до этого, учитель, безрассудная жажда жизни или секира на плахе, когда служил побежденному царству? Довели ли тебя до этого недобрые дела, опозорившие отца и мать, жену и детей или муки голода и холода? Довели ли тебя до этого многие годы жизни? — Закончив свою речь, Чжуанцзы лег спать, положив под голову череп.

В полночь Череп привиделся ему во сне и молвил:

— Ты болтал, будто софист. В твоих словах — бремя мучений живого человека. После смерти его нет. Хочешь ли выслушать мертвого?

— Хочу, — ответил Чжуанцзы.

— Для мертвого, — сказал череп, — нет ни царя наверху, ни слуг внизу, нет для него и смены времен года. Спокойно следует он за годовыми циклами неба и земли. Такого счастья нет даже у царя, обращенного лицом к югу.

Не поверив ему, Чжуанцзы сказал:

— А хочешь, я велю Ведающему судьбами возродить тебя к жизни, отдать тебе плоть и кровь, вернуть отца и мать, жену и детей, соседей и друзей?

Череп взглянул на него, сурово нахмурился и ответил:

— Разве захочу сменить царственное счастье на человеческие муки!..

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Понимающий сущность жизни

...Цзи Синцзы¹⁰⁸ тренировал бойцового петуха для царя. Через десять дней царь спросил:

— Готов ли петух?

— Еще нет. Пока самонадеян, попусту кичится.

Через десять дней царь снова задал тот же вопрос.

— Пока нет. Бросается на каждую тень, откликается на каждый звук.

Через десять дней царь снова задал тот же вопрос.

— Пока нет. Взгляд еще полон ненависти, сила бьет через край.

Через десять дней царь снова задал тот же вопрос.

— Почти готов. Не встревожится, пусть даже услышит другого петуха. Взгляни на него — будто вырезан из дерева.

Полнота его свойств совершенна. На его вызов не посмеет откликнуться ни один петух — повернется и сбежит.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Притчи

Из десяти речей девять — притчи, из десяти семь — речи серьезные, но всегда новые — речи за вином, вторящие естественному началу.

Из десяти речей девять — притчи. Ими пользуюсь как посторонним примером. Ведь родной отец не бывает сватом собственных детей. Лучше, если хвалит не родной отец! Если в них что не так, то не моя вина, а кого-то другого. Я соглашусь с тем, что едино со мной, я возражаю на то, что со мной не едино. Едино с собой называю правдой, не единое — ложью.

Из десяти речей семь — речи серьезные. Это те, что уже были высказаны, это речи старцев. Но если первый по возрасту не знает, что есть основа, а что утök, что есть корень, а что — лишь верхушки, то из-за одного только возраста не назову его первым. Человек, который не имеет ничего, что ставило бы его впереди других, не обладает дао человека. А кто не обладает дао человека, тот ненужный человек.

Речи за вином — всегда новые, вторящие естественному началу¹⁰⁹. Следуй их свободному течению и проживешь до конца свой жизненный срок¹¹⁰.

ВЕСНЫ И ОСЕНИ ЛЮЙ БУВЭЯ

«Весны и осени Люй Бувэя» («Люйши чуньцю») относятся к III в. до н. э. Этот памятник составлен при дворе крупного политического деятеля первого министра циньского двора Люй Бувэя его «гостями»¹¹¹. В отличие от всех предыдущих он не является записью речей главы школы, а представляет собой коллективное произведение профессиональных философов, попытавшихся создать новую универсальную систему на основе синтеза даосизма и конфуцианства.

Для глав «Люйши чуньцю» характерно построение: тезис, иллюстрация, вывод. Есть и иные способы организации материала, как видно даже из приводимых ниже примеров, но этот все-таки превалирует. Иллюстрация представляет собой мифологический или исторический пример — краткий либо развернутый в рассказ, один или, как правило, несколько, «нанизанных» один на другой. Несколько примеров подряд нужны для того, чтобы выразить оттенки или подчеркнуть главное. Используется именно исторический пример (мифология здесь тоже принимается за историю), потому что в глазах конфуциански настроенных философов, устремленных к проблемам общественного устройства, более достоверна история, а не притча или сказка, построенные на вымысле.

Перевод фрагментов из «Весен и осеней Люй Бувэя» выполнен Г. А. Ткаченко.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА ВТОРАЯ

Об учении

Из преподанного прежними царями ничто не прославлено так, как сыновняя почтительность, ничто не известно так, как верность. Верность и почтительность — именно этого прежде всего жаждут правители и родители. Известность и слава — именно этого более всего желают сыновья и подданные. Однако правители и родители не обретают того, чего жаждут, а сыновья и подданные не получают того, чего желают.

Происходит это от незнакомства с истинным законом¹¹² и чувством долга. Незнакомство же с долгом и с истинным законом проистекает из необразованности, ибо не известен случай, когда бы учившийся у проницательного и талантливового наставника сам не стал впоследствии мудрецом. А ведь там, где бывает мудрец, мир приходит к истинному закону. Если он обращается вправо, становится важным правое, если влево — левое. Посему среди мудрых царей древности не было такого, кто не почитал бы наставника.

Почитать наставника означает не судить по тому, благороден он или худого рода, беден или богат. И тогда слава далеко разнесется, благие деяния не останутся в тени. Ибо наука наставника не в приверженности к известности или незаметности, поклонению или презрению толпы, бедности или богатству, но в приверженности дао. Если человек обладает достоинством, и деяния его будут достойными. Он получит все, чего добивается, исполнит все, чего желает. Это происходит оттого, что человек стремится стать мудрецом. Мудрец же рождается в упорном учении. Ибо никто еще без упорного учения не становился ни великим мужем, ни прославленным человеком.

Упорство в учении проистекает из почитания наставника. Если почитают наставника, тогда следуют его поучениям с верой и как он судят о дао. Кто отправляется учить, не имеет влияния, и кто призывает учителя, останется неучем. Кто сам себя унижает, того не станут слушать, и кто унижает учителя, ничего от него не услышит. Когда наставник избирает метод, которым невозможно добиться влияния и к которому невозможно привлечь внимание, и насильно обучает этому других, добиваясь от них достойного поведения, он лишь удаляется от цели. И когда ученик попадает в положение, в котором невозможно добиться влияния и в котором невозможно привлечь внимания, желая при этом прославить свое имя и достичь спокойного существования, он уподобляется хранящему за пазухой падаль, но желающему вдыхать ароматы, или бросающему-

ся в воду, но не желающему промокнуть. Ибо учение требует строгости, а никак не баловства.

Однако в наш век обучающие по большей части не способны проявить строгость, скорее напротив — склонны забавлять. Неспособность же проявить строгость по отношению к обучаемому и стремление его, напротив, ублажить, напоминает такое спасение утопающего, когда его бьют по голове, или такое лечение больного, когда ему дают отраву.

От этого мир впадает во все большие смуты, а неумные правители — во все большее ослепление. Посему деятельность наставника должна быть обращена на достижение разумного порядка и твердое следование долгу. Когда достигается разумный порядок и утверждается следование долгу, положение наставника почетно. Цари, гуны и большие люди не смеют тогда относиться к нему свысока. Он может тогда подняться до самого Сына Неба, не испытывая смущения. Не обязательно этой встрече будет сопутствовать согласие. Но не обязательно же и отступаться от разумного порядка и пренебрегать долгом ради достижения этого согласия. Тем более невозможно это для желающего сохранить уважение людей. Посему наставник обязан стремиться к разумному порядку и твердо следовать долгу, тогда он будет почитаем.

Учитель Цзэн¹¹³ говорил: «Когда благородный муж идет по дороге, по его виду сразу можно определить, есть ли у него отец и есть ли у него наставник. Тот, у кого нет отца, нет наставника, выглядит совершенно иначе». Этим сказано, что человек должен служить наставнику, как он служит отцу.

Цзэн Дянь, отец Цзэн Шэня, как-то отправил сына с поручением. Все сроки прошли, а тот не вернулся. Люди, пришедшие к Цзэн Дяню, говорили: «Уж не погиб ли он?!» Цзэн Дянь отвечал: «Хотя бы погиб. Но я-то жив! Как же он смел погибнуть!»

Конфуций попал в опасность в Куане. Янь Хой отстал. Потом Конфуций сказал ему: «Я думал тебя нет в живых!» Янь Хой ему отвечал: «Как я смел умереть, если вы живы!»

Янь Хой служил Конфуцию так же, как Цзэн Шэнь служил отцу. Именно так выдающиеся люди древности почитали своих наставников. Посему и наставники не жалели знаний, обнаруживали в поучениях всю глубину дао.

КНИГА ДЕВЯТАЯ

ГЛАВА ВТОРАЯ

О следовании народу

Прежние цари во главу угла ставили следование сердцу народа. А потому добивались славы и побед. Все они привле-

кали народные сердца своим дэ и достигали славы через установление в мире порядка. Таких в прежние времена было немало. Не было лишь таких, которые прославились бы своими деяниями, утратив народные сердца.

Для обретения народа надо владеть дао. Тогда и в государстве в десять тысяч колесниц, и в городке в сто дворов не будет того, кто не радовался бы. Обрести же то, чему радуется народ, означает обрести народ. Но мало ли чему радуется народ! Оттого от народа берут главное...

Некогда Тан одержал победу над домом Ся¹¹⁴ и привел мир в порядок. Небо послало великую засуху — пять лет подряд был неурожай.

Юэский царь страдал от позора поражения при Куайци¹¹⁵. Стремясь вновь обрести сердце народное, сразясь насмерть с У, он спал без подушки и без циновки, не брал в рот сластей, не смотрел на красавиц, не слушал гонгов и барабанов. Три года изнурял он свою плоть, истощал силы в трудах, у него растрескались губы, иссохла грудь. При дворе он относился к слугам как к родным, по всей стране заботился о народе, стараясь привлечь его сердце. Если яств с его стола не хватало на всех, он отказывался их есть сам; вино выливал в реку, чтобы пить то же, что народ. Он сам пахал и кормился от этого, одевался в то, что наткала жена. Он запретил есть редкое, носить поверх одной одежды другую, одеваться в разные цвета. Часто пускался в путь по дорогам за телегой, нагруженной едой, высматривал сирот, вдовых, старых и слабых, больных и хворых, нуждающихся и обремененных, печальных ликом и не могущих себя поддерживать и сам их кормил. Собирал всех дафу и, обращаясь к ним, говорил: «Желаю одного: поспорить с У ради добра в Поднебесной. Ныне царства У и Юэ истощены друг другом. Мужи и дафу готовы положить животы свои и умереть в один день, я же схвачусь с царем У врукопашную и повергну его. Если я не добьюсь этого, я сочту свое царство неспособным нанести поражение У. Если же и с помощью других чжухоу не смогу разбить врага, я покину страну, оставлю подданных, опояшусь мечом и с кинжалом в руках, изменив внешность, стану служить под другим именем как последний слуга с решетом и метелкой, чтобы однажды сразиться с царем У насмерть. Пусть голова моя расстанется с телом, а руки и ноги будут валяться порознь на позор всему миру, но я свершу свою волю!» И однажды он сошелся с У при Уху. Уские войска потерпели поражение, царский дворец был окружен. Городские ворота не охранялись, и юэцы схватили царя Фучая, убили уского первого министра. Через два года после уничтожения У юэский царь стал баваном. Так случилось оттого, что он следовал сердцу народному.

Циский Чжуанцзы¹¹⁶, думая напасть на Юэ, спросил совета у Тянь Хэ. Тот сказал: «Еще покойный правитель в своей

последней воле говорил, что не следует нападать на Юэ. Юэ — это бешеный тигр». Чжуанцзы сказал: «Был бешеный тигр, но ныне сдох, не так ли?» Тянь Хэ ответил: «Спросим все же Сяоцзы». Сяоцзы отвечал: «Да, мертв, но слишком многие его считают живым».

Посему во всяком начинании нужно прежде всего справиться о том, что думает народ, и лишь затем браться за дело.

КНИГА ДЕСЯТАЯ

ГЛАВА ПЯТАЯ

О разном употреблении

Вещи различаются между собой, и человек использует их по-разному. В этом причина порядка и смуты, существования и гибели, жизни и смерти.

Посему обширность пределов государства, мощь и сила его войска не означают сами по себе покоя. Почет и знатное происхождение, высокое положение еще не означают сами по себе известности. Все зависит от того, каким образом эти вещи будут употреблены.

Цзе и Чжоу¹¹⁷ использовали свои способности таким образом, что это привело их к гибели. Тан и У¹¹⁸ использовали свои способности таким образом, что это привело их на царство.

Некогда Тан увидел, как ставят сеть. Ее устанавливали со всех четырех сторон и притом еще приговаривали: «С небес спускающиеся, по земле рыскающие, отовсюду стекающиеся — все в мою сеть!» Тан сказал на это: «Ох-хо! Всех изведут! Кто же так поступает, кроме Цзе!» И он убрал сеть с трех сторон, оставив только с одной, сказав в поучение: «Когда-то люди увидели, как паук плетет сеть. Теперь они сами научились ее плести. Пусть же кто хочет идти влево, идет влево, кто хочет идти вправо, идет вправо, кто желает стремиться ввысь, стремится ввысь, и кто желает опускаться вниз, спускается вниз без препятствий. Брать можно лишь того, кто нарушит этот порядок». Услышали об этом в царствах к югу от реки Хань и сказали: «Дэ Тана простерлась уже на птиц и зверей!» И сорок городов отошло к нему. Люди, ставившие сеть со всех четырех сторон, неизвестно, поймали бы птичку или нет, а Тан, убравший сеть с трех сторон и оставивший с одной, тем самым уловил сорок городов, а не только птичку.

Некогда чжоуский Вэньван послал людей копать пруд. А они выкопали скелет какого-то человека. Сказали об этом Вэньвану и тот велел: «Погребите снова». Доложили, что у могилы нет

хозяина. Вэньван сказал: «Владеющий Поднебесной — хозяин Поднебесной, владеющий царством — хозяин царства. Разве я ему не хозяин?» И он приказал облачить останки, положить в гроб и предать погребению. В Поднебесной, прослышав про это, заговорили: «Как разумен Вэньван! Милость его простирается даже на кости и прах, тем более на живых людей!»

Так что бывает, что и сокровище, обретенное неразумным, обращается во вред стране. Вэньван же и сгнившие кости сумел употребить на прославление своей воли. Ибо для древних мудрецов не было вещи, которой бы нельзя было найти применения.

К Конфуцию приехал ученик из дальних мест. Конфуций спросил, держа посох на плече: «Здоров ли твой дед?» Потом перехватил посох двумя руками и, отвесив поклон, спросил: «Здоровы ли твои родители?» Потом поставил посох на землю и спросил: «Здоровы ли твои старшие и младшие братья?» Оперся на посох и спросил: «Здоровы ли жена и дети?» Ибо Конфуций и посохом в шесть чжэ мог показать степень благородства и подлости, порядок родных и чужих. Тем более легко это ему было сделать с помощью раздачи постов и жалований.

В старину ценили меткую стрельбу из лука за то, что это давало возможность вырастить малых и накормить старых. Люди нашего века ценят меткую стрельбу из лука за то, что это дает возможность нападать и грабить. Самые искусные в этом грабят малых и притесняют слабых, сделав грабеж своим занятием.

Когда патока попадает в руки доброжелательного человека, тот употребляет ее на то, чтобы прокормить больных и старых. Когда патока попадает в руки разбойников Чжи и Цицзу¹¹⁹, они употребляют ее на то, чтобы открывать запоры и снимать засовы.

ФИЛОСОФЫ ИЗ ХУАЙНАНИ¹²⁰

Памятник «Философы из Хуайнани» («Хуайнаньцзы») был составлен при дворе хуайнаньского вана Лю Аня (предпол. 180—122 гг. до н. э.) его «гостями». Он представляет собой новую попытку создания универсальной философской системы, могущей быть приспособленной к политическим целям, с использованием всех крупнейших достижений древности. Синтез происходит на даосской основе. Лю Ань принимал деятельное участие в создании этого произведения. Считается, что ему принадлежат две вступительные и одна заключительная главы памятника, а кроме того, им, вероятно, была проделана редакторская работа над произведением в целом.

«Хуайнаньцзы» является своего рода итогом развития древней китайской философской прозы. Памятник очень сложен для анализа. В нем использована чуть не вся предшествующая традиция, как устная, так и письменная. Редкий известный нам источник здесь не упоминается, не цитируется, не

приводится. Текст изобилует краткими и пространными примерами, мифологическими и историческими аналогиями, заключенными в одну фразу или развернутыми в рассказ, притчами, историческими анекдотами и пр. К этому перечню можно присоединить детализированные описания в стиле ханьской оды (см. раздел «Индивидуальная поэзия»), поэтические отступления на темы дао, мудреца, свободы духа и др., фантастические рассказы, так обычные для будущего средневековья и пр. Каждая глава «Хуайнаньцзы» как бы самостоятельна. Она отличается от других не только темой, но и способом организации материала, качеством используемой традиции, стилем — то высокопоэтическим, то сухо деловым, то каталожным, то свойственным комментарию, то повествовательным. Цементирующим фактором, помимо содержательного, является авторский текст, представленный либо в форме монолога, временами напоминающего монолог «Книги о дао и дэ», либо косвенной речи, близкой, однако, к прямой благодаря отчетливо воспринимаемой эмоциональной интонации.

Иными словами, можно сказать, что в «Хуайнаньцзы» мы обнаруживаем синтез философской традиции не только в мировоззренческом плане, но и в смысле художественных форм и средств, выработанных в этом русле и ставших богатым арсеналом для будущей средневековой литературы.

Фрагменты из «Философов из Хуайнани» даны в переводе Л. Е. Померанцевой.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Об изначальном дао

Дао покрывает небо, поддерживает землю, развертывает четыре стороны света, раскрывает восемь пределов¹²¹. Высоко беспредельно, глубоко безмерно, обнимает небо и землю, сообщается с бесформенным¹²². Бежит источником, бьет ключом. Пустое постепенно наполняется. Клокочет и бурлит. Мутное, постепенно очищается. Встанет между небом и землей и заполнит все пространство; ляжет между четырьмя морями и заполнит всю ширь. Раздает и не иссякает. Нет для него ни утра, ни вечера. Растянутое — покрывает шесть сторон¹²³, свернутое — не заполнит и ладони. Сжатое — способно расправляться, темное — способно быть светлым, слабое — способно быть сильным, мягкое — способно быть твердым. Натягивает четыре шнура¹²⁴, таит во рту инь-ян¹²⁵. Связует пространство и время, сообщает свет трем светилам¹²⁶. Предельно разжиженное, оно, как каша, предельно тонкое, оно едва уловимо. Горы благодаря ему высоки, пучины благодаря ему глубоки, звери благодаря ему бегают, птицы благодаря ему летают, солнце и луна благодаря ему светят, звездный хоровод благодаря ему движется, линь благодаря ему бродит, феникс благодаря ему парит¹²⁷...

Колесо крутится, не прерываясь; вода течет, не останавливаясь, начинаясь и кончаясь с тьмой вещей. Поднимается ветер, сгущаются облака, и ничто не остается безответным. Грохочет гром, падает дождь. Одно другому откликается бесконечно, незримо как явление духов, мгновенно как мол-

ния. Поднимаются драконы, слетаются луани¹²⁸. Двигается по кругу форма, вращается ступица. Один оборот сменяет другой. Отграненное и отшлифованное вновь возвращается в необделанное.

В природе все и без насилия согласно с дао, без уговоров подвластно дэ, вещи в спокойной радости, не зная гордыни, обретают гармонию... Дэ приводит в согласие небо и землю, в гармонию инь и ян, сочленяет четыре времени года, согласует пять первоэлементов¹²⁹, оберегает и пестует — и тьма вещей во множестве рождается. Оно напавляет деревья и травы, напивает металлы и камни. Вырастают большими птицы и звери, умягчается их подшерсток и шерсть, крепнут перья и крылья, у оленей отрастают рога. У зверей нет выкидышей, у птиц — яиц-болтунов, отцы не знают печали утраты сына, старшие братья не плачут по младшим, дети не остаются сиротами, жены — вдовами. Радуга не показывается¹³⁰, зловещие знамения не являются. Это достигается тем, что во всем содержится дэ.

Высшее дао рождает тьму вещей, но ею не владеет; творит многообразные изменения, но над ними не господствует. Те, что бегают и дышат, летают и пресмыкаются — наступает время, и рождаются, но не из-за его благоволения; наступает время, и умирают, но не из-за его вражды. Приобретая с пользой, оно не может быть восхваляемо; тратя и терпя убытки, оно не может быть порицаемо. Делает раздачи и одаряет, а не скудеет. Вращается, и вращению этому, нет конца. Тончайшее и мельчайшее, оно не знает усталости. Громозди его — оно не станет выше; обрушивай его — оно не станет ниже; прибавляй к нему — оно не умножится; отнимай у него — оно не уменьшится; обтесывай его — оно не отслаивается; руби его — оно не разрубается; буравь его — оно не просверливается; засыпай его — оно не мелеет.

Неясное, смутное,

Не может быть облечено в образ.

Смутное, неясное,

Неистоимо в использовании.

Темное, таинственное,

Откликается бесформенному.

Мчится, течет потоком —

Его движение не пустое.

С твердым и мягким свертывается и расправляется.

С инь и ян поднимается и опускается.

Древние возникшие Фэн И и Да Бин¹³¹, всходя на облачную колесницу, входили в облака и радугу, плыли в легком тумане, неслись в неясном, смутном, дальше созвездий, выше бескрайней выси — в беспредельное. Пересекали заиндевелые снега и не оставляли следов. Освещались солнцем и не оставляли те-

ни¹³². Подхваченные смерчем, крутятся, взмывали ввысь. Пересекали горы, проходили потоки, стопой попирали Куньлунь¹³³. Распахивали ворота Чанхэ, проскальзывали в Небесные ворота¹³⁴. А теперешние возникшие, хоть и есть у них легкая колесница и добрые кони, крепкая плетка и острые удила, но не могут они соперничать с теми. Великий муж¹³⁵ спокойно бездумен, покойно беззаботен. Небо служит ему балдахин, земля — основанием колесницы, четыре времени года — конями, инь-ян — возникшим. Оседлав облако, поднявшись над туманами, следует стремительному изменению¹³⁶. Ослабив волю, расслабив члены, в стремительном движении несется через пространство. Где можно шагом — там шагом, где вскачь — там вскачь. Повелевает Богу Дождя оросить дороги, посылает Бога Ветра снести пыль. Молния служит ему плеткой, гром — колесами колесницы. Поднимается вверх и странствует в занебесном пространстве. Спускается вниз и выходит из ворот безграничного. Внимательно все осматривает и обозревает, возвращая всему полноту. Приводит в порядок все четыре предела и возвращается в центр. Так как небо для него балдахин, то нет ничего, что бы он не покрывал. Так как земля для него — основание колесницы, то нет ничего, что бы он не поддерживал. Так как четыре времени года его кони, то нет ничего, что не могло бы ему служить. Так как инь-ян его возница, то нет ничего, что было бы не предусмотрено. Стремителен, но недвижим, мчится далеко, а не ведает усталости. Четыре конечности неподвижны, слух и зрение не истошаются. Откуда же знает он границы восьми пределов и девяти сторон света? В руках у него рукоять дао, и потому он способен странствовать в беспредельном...

Когда-то Шунь пахал на горе Ли. На следующий год земледельцы стали бороться за тощие земли, уступая друг другу жирные; удил рыбу у самого берега, а на следующий год рыбаки стали бороться за мелководье, уступая друг другу заливы и глубины. В те времена уста не произносили речей, рука не делала указующих жестов. Хранили сокровенное дэ в сердце, а изменения происходили как по велению духа. Если бы Шунь не обладал волей, то какие бы прелестные речи ни произносили, сколько бы по дворам ни говорили, не изменили бы этим ни одного человека. То дао, которое нельзя выразить словами, велико и могущественно! Поэтому смогли справиться с саньмяо, привлечь ко двору племя Крылатых, склонить на свою сторону государство Нагих, собрать дань с сушеней¹³⁷, не рассылая приказов, не распространяя повелений. Изменяли обычаи, меняли привычки — и все это велением лишь сердца. Законы, установления, наказания, штрафы разве могли бы достичь этого?

Вот почему мудрец пестует свой внутренний корень и не занимается украшением верхушки, хранит свой разум и сдерживает ухищрения своего ума. Безмолвный, пребывает в не-

деянии, но всему причастен; невозмутимый, не управляет, а все содержит в порядке. То, что называю «недеянием», означает не опережать хода вещей; то, что называю «всему причастен», это следовать ходу вещей; то, что называю «неуправлением», не изменять естественности; то, что называю «все содержит в порядке», соблюдать взаимное соответствие вещей...

Ничто в Поднебесной не может сравниться с водой по мягкости, но она велика беспредельно, глубока безмерно. Простирается в длину бескрайне. Волны ее безбрежны. Вдохнет, выдохнет, сожмется, разольется. Простирается в пространстве без меры. Высоко в небе образует дождь и росу. Внизу на земле — источники и заводы. Тьма вещей без нее не родится. Сотни дел без нее не вершатся. Она обнимает все множество живого, но не знает ни любви, ни ненависти. Напитывает влагой мельчайшие существа и не требует вознаграждения. Обогащает Поднебесную и не истощается. Облаготворяет простой народ и не несет урона. Всегда в пути, но не может дойти до конца. Малая, но не может быть зажата в ладони. Нанеси удар — не поранишь, коли — не проколешь, руби — не разрубишь, жги — не горит. То течет спокойная, то бурлит взбудораженная, но не рассеивается. Точит металлы и камни. Наполняет собой всю Поднебесную. Разливается на безбрежных просторах, парит выше туманов. Бежит в долинах и руслах рек, орошает пустынные поля. Имеет ли излишек или недостаток, небо и земля берут или отдают. Ее получает тьма вещей и нет здесь ни первых, ни последних. Поэтому нет ни частного, ни общего. Широко простертая, кипучая, объединяется с небом и землей в великое единство. Нет для нее ни правой стороны, ни левой — свободна в изгибах и переплетениях. С тьмой вещей начинается и кончается. Это и есть высшее дао...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

О горах

Земная душа спросила у Небесной души: «Что за тело у дао?» Небесная душа отвечала: «Телом ему служит небытие». Земная душа спросила: «Небытие имеет форму?» Небесная душа ответила: «Как нам знать, что такое небытие!» И продолжала: «Я повстречала его: смотришь — не видишь его формы, слушаешь — не слышишь его голоса. Скажу — глубокий мрак. Глубокий мрак... — так можно выразить дао словами, но это не дао». Земная душа сказала: «Я узнаю, что это такое, и тогда прозрею и вернусь к самой себе¹³⁸!» Небесная душа возразила: «Владеющий дао не обладает формой, которую

можно было бы видеть, именем, которым можно было бы назвать. Ты же уже обладаешь и формой и именем. Каким же дао можешь владеть?!» Земная душа отвечала: «А как же ты можешь владеть речью¹³⁹? Я вернусь к своему предку!»

Она повернулась к Небесной душе, а та вдруг исчезла. Тогда Земная душа вернулась к своему истинному существованию, чтобы также скользнуть в бесформенное...

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Отзвуки дао

...Лу Ао¹⁴⁰ отправился в путешествие к Северному морю. Пересек крайний север, дошел до горы Сокровенные Ворота. Когда же достиг вершины горы Мэнгу, повстречал человека: глаза глубокие, виски черные, слезы текут из глаз, плечи высокие, как у коршуна, подбородок уперт вниз, величаво движется навстречу ветру, танцуя. Увидев Лу Ао, медленно опустил руки и скрылся за высоким камнем. Лу Ао подошел взглянуть на него. С виду независим, одет в черепаховый панцирь и жует морские устрицы. Лу Ао заговорил с ним:

— Я тот самый Ао, который, оставив всех, покинув своих, видел все, что творится за пределами шести сторон света. Кто бы другой смог? Я с детства любил путешествовать, и потом это не прошло. Обошел весь свет, все четыре предела. Только крайнего севера еще не видал. Ныне вдруг встретил вас. Может быть, будем с вами друзьями?

Человек обнажил в улыбке зубы и сказал:

«— Ты из Срединных земель. Неужели прошел такой далекий путь? Здесь край, который дает свет солнцу и луне, держит на себе планеты, где берут начало инь и ян, где рождаются четыре сезона. Этот край по сравнению с твоими безымянными землями еще более глубок и темен. Я отправляюсь на юг и попадаю в край Пустоты, на севере отдыхаю в Глубокой Черноте, на западе достигаю Глубокой Дали, на востоке открываю мир, который предшествовал Хаосу. Здесь внизу нет земли, наверху — неба, слушаешь — не слышишь, смотришь — ничего не рассмотреть. За ним только плеск Тайво¹⁴¹, а за нею глянешь — простор в десять тысяч ли. Я и то не могу там побывать. А ты ныне прибыл только сюда, а уж говоришь, что все видел. И это ведь тоже далеко! Но ты же здесь. У меня назначена встреча с Непознаваемым¹⁴² за пределами девяти небес. Я не могу долго оставаться». Человек поднял руки, подпрыгнул и вошел в облака. Лу Ао, подняв голову, смотрел и не увидел. Печально остановился у колесницы, ему было так горестно, как будто у него кто умер.

И он сказал:

— Я по сравнению с этим мужем все равно, что земляной червь в сравнении с желтым лебедем! За день не продвигнется и на один чи, а думает, что ушел далеко. Как скорбно!

Чжуанцзы говорит: «За короткую жизнь не узнать того, что за долгую, малому знанию далеко до большого. Утренней букашке-однодневке неизвестно, что будет новолуние, цикаде неизвестно, что бывает весна и осень».

Индивидуальная поэзия

Индивидуальная поэзия возникает в Китае в IV—III вв. до н. э. Первый известный нам китайский поэт Цюй Юань (340—278 гг. до н. э.) родился и жил в южном царстве Чу. С юга были почти все ведущие поэты ханьского периода (III в. до н. э. — III в. н. э.) — Сун Юй (290—223 гг. до н. э.), Сыма Сянжу (179—117 гг. до н. э.), Мэй Шэн (?—141 г. до н. э.), Ян Сюй (53 г. до н. э. — 18 г. н. э.), Ван Бао (приблизит. 53 г. до н. э.). Поэзия, представленная произведениями этих поэтов, воспринималась как противоположность «северной», дошедшей до нас в составе «Книги песен» и считавшейся тогда авторской. Это противоположение, осознаваемое как географическое, имело более глубокую основу. Фактически оно явилось результатом перемен, произошедших в понимании искусства по мере его выделения в самостоятельное русло.

К VI в. относятся высказывания Конфуция по поводу «Книги песен», в которых уже сформулировано эстетическое кредо его школы, составившее основу и более поздних представлений об искусстве. По Конфуцию, в песнях важен прежде всего смысл¹, призванный служить воспитанию известных «пяти добродетелей». Другим достоинством произведений «Книги песен» Конфуций считает их благомыслие² — именно поэтому они могли служить средством воспитания. И третье, на что указывает Конфуций, — это умеренность в выражении чувств³ — песни должны умиротворять, а не волновать, сообщать гармонию и тем, следовательно, служить цели приобщения к всеобщей высшей гармонии (у Конфуция — общественной). Конфуций дает отрицательную оценку чувственным южным мелодиям, «переливающимся через край» и, по выражению «Книга обрядов», «вносящих в мир смуту»⁴. Конечно, произведения «Книги песен» не укладывались в эти рамки, но это было исправлено комментарием. Четырехсловный размер, которым они преимущественно записаны, появился, возможно, из целей упрощения, отвечая представлению древности о том, что в искусных, «украшенных» речах нет правды. Единый размер придавал искомую строгость.

В этих высказываниях Конфуция в целом отразились общие для периода классики положения. Даосы также в искусстве признавали главным смысл и простоту; меру как основу гармонии и покоя; и необходимость служения искусства высшей цели — приобщению к мировой гармонии.

Таким образом, к IV в. до н. э. уже имелось сложившееся представление о задачах искусства. Поэзия же, которую мы знаем по Цюй Юаню и затем по так называемой ханьской оде, бывшей ведущим жанром на протяжении почти шестисот лет, несла с собой совершенно иные принципы. Ее смыслом стало «излияние чувств» (Цюй Юань), целью — возбуждение чувств, удовольствия, средством — воссоздание картины движения, которому подвластно все — и природа, и чувства. Используя выражение Конфуция, можно сказать, что здесь все «переливается через край». Вместо простоты эта поэзия принесла с собой пышную декоративность, усложненность языка, игру созвучиями, смешение стихов и прозы, длинную и неровную строку и пр. В эстетике того времени появляется понятие «уместность», которое подрывает старое пред-

ставление об объективных критериях искусства, заменяя на требования, диктуемые субъективными факторами — жанром, индивидуальностью поэта и пр.

Таковы в основном новшества, которые характеризовали авторскую поэзию. Безусловным ее завоеванием было открытие нового мира — сферы чувств. Это еще не внутренний мир в полном смысле слова, но осознание реальности чувственной жизни и утверждение ее наравне с рациональной. Для древности до самого ее конца остается непоколебимой вера в то, что прекрасное есть гармония, а высшим ее воплощением может быть только объективный мир — природа и общество. Поэтому все чувства рассматриваются только в отношении к ним. Характерно, что конфликт Цюй Юаня, ставший драмой его жизни и содержанием его произведений, так же, как и его идеал, — общественный; что захватывающие картины бурного и стремительного движения отнесены в ханьской оде к природе и заключены в морализующее обрамление; что в «Оде к сове» Цзя И (200—169 гг. до н. э.), которая могла бы рассматриваться как очень ранний пример философской лирики, слишком много философии, и т. д.

Но в пределах открытых ими возможностей древние поэты достигли совершенства, а в некоторых случаях подошли к решениям, которые в полной мере будут осуществлены лишь значительно позже.

ЦЮЙ ЮАНЬ

Цюй Юань (340—278 гг. до н. э.) не был профессиональным поэтом. По рождению он принадлежал к царскому роду, имел с царем Чу общих предков. В царстве он занимал высокий государственный пост и пользовался доверием государя.

Это было сложное в политическом отношении время. До первой китайской империи оставалось немногим более пятидесяти лет. Между царствами обострились отношения. В результате происходящей консолидации сил страна распалась на два лагеря. Царства, во главе с Цинь, стремящиеся к господству, образовали один союз, другие царства — из неприсоединившихся к этой группировке — другой. Между ними шли ожесточенные войны. Сложные отношения были и внутри царств — происходила борьба между родовой аристократией и имущественной знатью за политическую власть. В это время аристократия переживает кризис, ее политические позиции слабеют с каждым днем. Воспитанная в традициях патриотизма, верности родине и алтарям, она не может смириться с мыслью о подчинении Цинь. Кроме того, ей претят активность, стремление к власти, неразборчивость в средствах тех, кто идет ей на смену. В них она видит все зло, они олицетворяют для нее грядущую гибель.

Сходная ситуация сложилась и в царстве Чу. В результате дворцовых интриг Цюй Юань лишается царского благоволения, а позже удаляется в изгнание. Свою отставку он воспринимает как полное поражение своей партии и не сомневается в близкой гибели царства. Не будучи в состоянии видеть свою страну повергнутой, а злодейство торжествующим, он кончает жизнь самоубийством.

Знаменитая поэма Цюй Юаня «Лисао» («Скорбь отлученного»), созданная, по преданию, в момент отставки, отражает конфликт поэта с обществом. Произведение типично для раннего развития авторской поэзии. Поэт много говорит о себе, его биографию мы знаем преимущественно от него самого. Он жалуется на непонимание его окружающими, одиночество, общественные неурядицы, бессилие что-либо изменить и вместе с тем невозможность жить как все. Стремление к общему благу и попытки его добиться выражены через аллегорический образ сада, который поэт старательно взращивал и который погублен людьми, безразличными к красоте. Сам же поэт находится в постоянном поиске прекрасного, олицетворенного в условном образе Красавицы, Возлюбленной, Дивного Совершенства, в котором угадывается то ван, с которым он связывает свои надежды, то друг, с кем можно разделить

мечты, то невеста, чья красота пленяет взор. Но идеал недостижим — ван ему не внемлет, друг так и не отыскивается, а невеста уходит к другому. «...видно, сват мой слаб, а сваха — дура», — заключает поэт. Попытки выйти из порочного круга изображаются как странствие к небесам. Мифология здесь предстает в бытовизированном виде, боги и духи готовы ему служить и сопровождают поэта в его фантастическом полете. Но и это путешествие не приносит поэту облегчения, небесные врата перед ним захлопываются — он чужой и на небе.

В поэме присутствуют как бы три плана — прошлое, настоящее и мечта, ирреальный план. Прошлое поэту представляется образцом, он обращается к нему в назидание сегодняшнему дню; настоящее волнует — все сомнения, колебания и вновь обретение мужества связаны с ним; мечта успокаивает, сулит блаженство и мир душе. Поэма построена таким образом, что эти планы чередуются, сменяя и перебивая друг друга, а с ними меняется и интонация, то назидательная, то негодующая, то радостная, то печальная, скорбная.

Характерной чертой этой поэзии является ее современность. Поэт живет событиями своего времени: он не приемлет окружающую его среду, его критика обращена к определенным людям. Но при всем этом и здесь есть свой элемент абстрактности. Поэт — аристократ, гордый своими предками, воспитанный в традициях аристократической чести, устремленный к общему благу, прямой и не знающий компромиссов. Его идеал отвечает сословно-аристократическим требованиям. Индивидуальность целиком покрывается сословной принадлежностью, но отражает положение сословия на этот исторический момент.

Цюй Юаню приписывается еще ряд произведений. Среди них два цикла — «Девять элегий» («Цзю чжан») и «Девять песен» («Цзю гэ»). Первый — состоит из одиннадцати небольших произведений, имеющих близкую к «Лисао» тематику. Второй — представляет собой литературную обработку культовых гимнов, в которых мы обнаруживаем весь пантеон чуских богов природы — духов и богов солнца, востока, рек, гор, облаков. Содержанием является описание обряда призывания бога, который спускается с небес и принимает участие в действе. Здесь тема трактуется как ожидание любовного свидания. Как и в «Лисао», соединения любящих не происходит. Гимны окрашены в элегические, грустные тона, несбыточность соединения любящих предreshена. Обряд описан как красочное зрелище — нарядные одежды, цветы, ароматы и курящиеся благовония, гибкие движения танцовщиц внизу; летящие по небу колесницы богов, запряженные драконами и фениксами — вверх. Приписываются Цюй Юаню и «Вопросы к небу» («Тянь вэнь»), в которых мифологическая традиция предстает перед судом анализирующего и скептического разума.

Цюй Юань вызвал много подражаний в древности и стал главой школы, произведения которой представлены в собрании «Чуские строфы», или «Чуские напевы» («Чу цы»), составленном во II в. н. э.

Произведения Цюй Юаня даны в переводах А. Ахматовой («Лисао»), А. Гитовича («Ода мандариновому дереву») и Г. Днепровой («Горному духу»).

Лисао

Покойный мой отец Боюном звался,
Чжуань, сын неба⁵, — славный предок мой.
В седьмой день года я на свет явился,
Сей день всех дней счастливее в году.

Отец, на сына поглядев впервые,
Его счастливым именем назвал —
Чжэнцзэ, как верная дорога, имя,
А прозвище — «Высокий строй души».

Я, удостоясь счастья такого,
Его удвоил внешнею красой:
В цветущий шпажник, словно в плащ, облекся,
Сплел пояс из осенних орхидей.

И я спешил, боясь, что не успею,
Что мне отпущено немного лет.
Магнолию срывал я на рассвете,
Сбирал у вод по вечерам суман⁶.

.....
Уж я ли не радел о благе общем,
Я шел дорогой праведных князей,
Но ты, всесильный, чувств моих не понял,
Внял клевете и гневом воспылал.

Я твердо знаю: прямота — несчастье,
Но с ней не в силах разлучиться я.
В свидетели я призываю небо, —
Все это ради князя я терплю.

.....
Мои дела — цветущие поляны,
Я орхидеями покрыв сто му,
Взрастил благоухающие травы,
А среди них — и шпажник и духэн.

Как я хотел увидеть их в расцвете,
И в должный час их срезать и собрать.
Пусть я увяну⁷ — горевать не стоит,
Жаль, если луг бурьяном зарастет.

В стяжательстве друг с другом состязаясь,
Все ненасытны в помыслах своих,
Себя прощают, прочих судят строго,
И вечно зависть гложет их сердца.

Все, как безумные, стремятся к власти,
Но не она меня прельщает, нет —
Ведь старость незаметно подступает,
А чем себя прославить я могу?

Пусть на рассвете пью росу с магнолий,
А ночью ем опавший лепесток...
Пока я чую в сердце твердость веры,
Мне этот долгий голод нипочем.

Сбираю я тончайшие коренья,
Чтоб ими плющ упавший подвязать,
Коричные деревья выпрямляю,
Вяжу в пучки душистую траву.

За мудрецами шел я неотступно,
Но никакой хвалы не услышал.
Пусть в наше время так не поступают,
Я, как Пэн Сянь, себя готов сгубить⁸.

Дышать мне тяжело, я скрываю слезы,
О горестях народа я скорблю,
Хотя я к добродетели стремился,
Губила ночь достигнутое днем.

Пусть мой венок из шпажника разорван, —
Из орхидей сплету другой венок.
За то, что сердцу моему любезно,
Хоть девять раз я умереть готов.

Твой дикий нрав, властитель, порицаю,
Души народа ты не постигал.
Придворные, завидуя по-женски
Моей красе, клеветают на меня.

Бездарные всегда к коварству склонны,
Они скрывают черные дела,
Всегда идут окольными путями,
Увертливость — единый их закон!

В душе моей — печаль, досада, горечь;
Несу один невзгоды этих дней,
Но лучше смерть, чтоб навсегда исчезнуть,
Чем примириться с участью такой!

Известно: сокол не летает в стае,
Так исстари на свете повелось.
И как квадрат и круг несовместимы,
Так два пути враждуют меж собой.

.
Я путь свой, каюсь, прежде не продумал,
Остановлюсь, не возвратиться ль мне?!
Я поверну обратно колесницу,
Покуда в заблужденьях не погряз.

Средь орхидей пусть конь мой погуляет,
Пусть отдохнет на Перечном холме.
Здесь буду я вдали от порицаний
И в прежние одежды облекусь.

Чилилл и лотос мне нарядом будут.
Надену плащ из лилий водяных.
Так скроюсь я, все кончатся несчастья,
О, только б верою цвела душа.

.
Четыре стороны окинув взором,
Хотел бы я увидеть страны все.
Наряжен свежий мой венок, и всюду
Струится благовоние его.

У каждого есть радость в этом мире,
Я с детства украшать себя привык,
И после смерти я таким же буду, —
Кто может душу изменить мою?

Прелестная Нюйсуй, моя сестрица⁹,
С упреками твердила часто мне:
«Был Гунь чрезмерно прям, и вот несчастье
Его настигло под Юйшань, в степи¹⁰.

Зачем ты прям и украшаться любишь?
Нет никого изысканней тебя.
Весь двор зарос колючками, бурьяном, —
Лишь ты один всегда обходишь их.

Скажи, как людям о себе поведать,
И чувства наши кто поймет, скажи?
Живя друг с другом люди ценят дружбу,
И только ты внимать не хочешь мне».

Шел по стопам я мудрецов старинных,
Но участи печальной не избег...
Чрез реку Сян я направляюсь к югу,
Чтоб обратиться с речью к Чунхуа¹¹:

«...В могуществе ты бескорыстно, небо,
И только честным помогаешь ты,
Лишь дух свой просветившие наукой
Достойны нашу землю населять.

Я прошлое и будущее вижу,
Все чаянья людские предо мной.
О, можно ль родине служить без чести
И этим уваженье заслужить?

И если смерть сама грозить мне станет,
Я не расскаюсь в помыслах моих.
За прямоту свою и справедливость
Платили жизнью древле мудрецы».

Теснят мне грудь уныние и горесть,
Скорблю, что в век постыдный я живу,
Цветами нежными скрываю слезы,
Но слезы скорби льются без конца.

Склонив колени, чувства изливаю,
Моей душе я вновь обрел покой.
На феникса сажусь, дракон в упряжке,
Над бренным миром я взмываю ввысь.

Цаньзу¹², покинув при восходе солнца,
Я в час вечерний прилетел в Сяньпу¹³.
Я погостить хотел в краю священном,
Но солнце уходило на покой.

Бег солнца я велел Сихэ¹⁴ замедлить,
И не спешить в пещеру — на ночлег.
Путь предо мной просторный и далекий.
Взлечу и вновь спущусь к своей судьбе.

В Сяньчи¹⁵ я напоил коня-дракона,
К стволу фусана¹⁶ вожжи привязал.
И, солнце веткою прикрыв волшебной,
Отправился средь облаков бродить.

И приказал я фениксу: в полете
Ни днем, ни ночью отдыха не знать.
Поднялся ветер, зашумела буря,
И облака приветствовали нас.

Сходясь и расходясь, летели в вихре
И в яркий блеск ныряли облака.
Открыть врата велел я стражу неба,
Но он сурово на меня взглянул...

Вдруг тьма спустилась, будто при затменье,
Я замер с орхидеями в руке...
Как грязен мир, как слеп и неразборчив!
Там губят все и завистью живут.

Я утром реку Белую¹⁷ миную
И на Ланфыне¹⁸ привяжу коня.
Вдруг вспомнил старое и пролил слезы,
Увы! И в небе честных не найти.

Приблизился внезапно я к Чуньгуну¹⁹,
Бессмертья ветвь сорвал я для венка.
Сойду на землю, чтобы цветок прекрасный,
Пока он свеж, любимой подарить.

На облако воссевшему Фынлуну
Я приказал найти дворец Мифэй²⁰.
Я снял венок для подкрепленья просьбы,
Послал Цзянь Сю²¹ просить ее руки.

Мифэй сперва как будто сомневалась,
Потом с лукавством отказала мне.
По вечерам она в Цюньши²² уходит,
А утром моет волосы в Вэйпань²³.

Мифэй красу лелеет горделиво,
Усладам и забавам предана.
Она хоть и красива, но порочна, —
Так прочь ее! Опять пойду искать.

Я повелел, чтоб выпь²⁴ была мне сватом,
Но выпь сказала: «Это не к добру».
Воркует горлица об уходящем,
Я ненавижу болтовню ее.

Ушел бы я, но где найду обитель?
Я странствовать навеки обречен...

Длинна дорога к царскому порогу,
И не проснулся мудрый властелин.

Мне некому свои поведать чувства,
Но с этим никогда не примирюсь.

Собрал цзюмао²⁵ и листву бамбука,
Велел по ним вещунье погадать.
Линфэнь²⁶ сказала: «Вы должны быть вместе,
Ведь где прекрасное, там и любовь.

Как девять царств²⁷ огромны — всем известно,
Не только здесь красавицы живут.
Ступай вперед и прочь гони сомненья,
Кто ищет красоту, тебя найдет.

Где в Поднебесной нет травы душистой?
Зачем же думать о родных местах?
Увы! Печаль все омрачает в мире,
Кто может чувства наши объяснить?

Презренье и любовь людей различны,
Лишь низкий хочет вознести себя;
На полке у него — пучки бурьяна,
Но орхидеей не владеет он.

И как таким понять всю прелесть яшмы,
Когда от них и мир растений скрыт?
Постели их наполнены пометом²⁸,
А говорят, что перец не душист!..»

Хотел я следовать словам вещуньи,
Но нерешительность меня томит.
По вечерам Усянь на землю сходит, —
Вот рис и перец, вызову ее²⁹.

Незримым духом, в бранный мир летящим,
Навстречу девы горные идут.
Волшебно яркий свет от них струится.
Усянь мне радость возвестила вновь:

«Бывать старайся на земле и в небе,
Своих единоверцев отыщи.
Тан, Юй³⁰, суровые, друзей искали,
И с мудрыми не ссорились они.

Будь только верен чистоте душевной,
К чему тогда посредники тебе?
Был мудрый Фу³¹ на каторгу отправлен,
А после первым у престола стал.

.

Спешу, пока не миновали годы,
Пока твой век на свете не прошел,
Боюсь, что крик осенний пеликана
Все травы сразу запаха лишит...»

.....

Дней прошлых ароматнейшие травы
Все превратились в горькую полынь,
И нет тому иной причины, кроме
Постыдного презренья к красоте.

Я «орхидею» называл опорой³²,
Не прозревая пустоты ее.
Она, утратив прелесть, опростилась,
Цветов душистых стоит ли она?

Был всех наглей, всех льстивей этот «перец»
Он тоже пожелал благоухать.
Но разве могут быть благоуханны
Предательство и грязные дела?

Обычаи подобны вод теченью,
Кто может вечно неизменным быть?
Я предан «перцем» был и «орхидеей»,
Что о «цзечэ» и о «цзянли»³³ сказать?

О, как мне дорог мой венок прекрасный,
Пусть отвергают красоту его!
Но кто убьет его благоуханье?
Оно и до сих пор еще живет.

Мной движет чувство радости и мира,
Подругу, странствуя, везде ищу.
Пока мое убранство ароматно,
Я вышел в путь, чтоб видеть земли все.

.....

На Куэньлунь лежит моя дорога,
Я в даль иду, чтоб весь увидеть свет.
Я стягом-облаком скрываю солнце.
И песня птицы сказочной звенит³⁴.

.....

Мои в нефрит одеты колесницы,
Их тысяча, они летят легко,

И восемь скакунов в упряжке каждой,
Как облака, над ними шелк знамен.

Себя сдержав, я замедляю скачку,
Но дух мой ввысь уносится один.
Священных Девять песен³⁵ запеваю,
Пусть радостью мне будет этот миг.

И вот приблизился я к свету неба
И под собою родину узрел.
Растрогался возница... Конь уныло
На месте замер, дальше не идет.

Э п и л о г

«Все кончено!» — в смятенье восклицаю.
Не понят я в отечестве моем, —
Зачем же я о нем скорблю безмерно?
Моих высоких дум не признают, —
В обители Пэн Сяня скроюсь³⁶...

Девять элегий

ОДА МАНДАРИНОВОМУ ДЕРЕВУ

Я люблюсь тобой —
 мандариновым деревом гордым.
О, как пышен убор твой —
 блестящие листья и ветви.
Высоко поднимаешься ты,
 никогда не сгибаясь,
На прекрасной земле,
 где раскинуты южные царства:

Корни в землю вросли,
 и никто тебя с места не сдвинет,
Никому не сломить
 вековое твоё постоянство.
Благовонные листья
 цветов белизну оттеняют,
Густотою и пышностью
 радуя глаз человека.

.

Я люблюсь тобою,
 о юноша смелый и стройный,

Ты стоишь — одинок —
среди тех, кто тебя окружает.
Высоко ты возвысился
и, никогда не сгибаясь,
Восхищаешь людей,
С мандариновым деревом схожий.

Глубоко твои корни
уходят в родимую землю,
И стремлений твоих
Охватить нам почти невозможно.
Среди мира живого
стоишь, независим и крепок,
И, преград не страшась,
никогда не плывешь по теченью.

Пусть ты молод годами
и опытом не умудрен ты, —
У тебя поучиться
не стыдно и старцу седому.
С поведением Бо И³⁷
я сравнил бы твое поведение,
Да послужит оно
для других благородным примером.

Девять гимнов

ГОРНОМУ ДУХУ

Живу одна
В ущельях гор.
Трава душистая — мои наряды,
Стан подпоясан стеблями нюйло.
В глазах — таится смех,
Играет легкая улыбка на устах.
Царевич обо мне тоскует,
Красой и статью очарован.

Я запрягаю красных леопардов,
Несутся кошки дикие вослед.
Травой синьи увита колесница,
И древко флага — ветвь цветущая корицы.

Шилань, душистая трава, — моя одежда,
А пояс — стебли ароматные духэн.
Сорвав благоухающую ветвь,
Я подарю ее тому, о ком мечтаю.

Моя обитель — сумрачная роща,
Там никогда не виден неба свет,
Опасен путь к тебе и труден,
На встречу опоздала я.

Как одиноко,
Стою я на вершине горной!
Вниз уплывают облака,
Кружась, клубятся.
Все глубже сумерки,
Ночная тьма сменяет день.
Восточный ветер поднимается,
И боги посылают дождь.

Останься, милый,
Меня печаль томит.
К закату годы клонятся,
О кто же меня заставит зацвести?!

Траву душистую, что трижды в год цветет,
В горах я собираю.
Каменьев груды громоздятся,
Сплетаются ползучие лианы.

Я на царевича в обиде,
Печалью и тоской удручена.
Ему ж и вспомнить недосуг о милой.

Живу в горах,
Вокруг благоухают травы.
Пью воду горных родников;
Скрываюсь от жары под сенью кипарисов.
Любимый в думах обо мне,
Колеблется, сомненьями охвачен.

Грохочет гром,
Дождь застилает небо тьмою.
Кричат и плачут обезьяны,
В ночи рыдают черные мартышки,
Взывает ветер, деревья стонут,
Тебя я вспомню —
И в душе лишь горечь расставанья.

СУН ЮЙ

Сун Юй жил приблизительно в 290—223 гг. до н. э. О нем известно, что он, так же как Цюй Юань, жил в царстве Чу, служа одному из ванов, и в творчестве унаследовал стиль Цюй Юаня, однако, как говорит Сыма

Цянь, «не отваживался прямо увещевать». Сун Юю приписывается целый ряд произведений, большинство которых современными исследователями относится к значительно более позднему времени. Наиболее достоверно принадлежащим Сун Юю считается «Призывание души», но и его некоторые исследователи приписывают Цюй Юаню наряду с «Девятью рассуждениями». В «Призывании души» использована форма обрядового плача. Оно содержит обращение к душе, покинувшей тело, с призывом вернуться. Некто, чье имя остается неизвестным, обладает чистым сердцем и искренне готов служить долгу, но оказывается втянутым в грязь людских интриг и погибает. Верховный владыка, видя, что там, внизу, напрасно гибнет человек, просит жрицу заклясть душу с тем, чтобы она вернулась в тело. Весь последующий текст представляет собой описание ужасов «ада» и блаженств земной жизни, напоминающее описание ханьской оды (см. раздел «Ханьская ода»). «Девять рассуждений» — это размышления на темы, известные из Цюй Юаня: одиночество, тоска, непризнанность, бесприютность. Фоном выступает осенний пейзаж, составляющий параллель чувствам и настроению поэта, — предвестие «ухода», печальное расставание природы с жизнью, падает листва, улетают птицы. Поэт сетует, что родился не в свой час, и ему суждено лишь страдание, бесконечная «осень» в душе.

Сун Юю приписываются и другие произведения, среди них «Ветер», «Ответ чускому вану на вопрос», «Святая фея», «Горы высокие Тан», «Дэнтусладострастник». Все они созданы в жанре фу³⁸ и представляют собой диалог с чуским ваном, которому, как показывает контекст, Сун Юй служит в качестве поэта.

Произведения Сун Юя демонстрируют разнообразие фу, причиной которого (наряду с возможными другими) может быть либо еще не установившаяся форма, если считать эти произведения действительно принадлежащими Сун Юю, либо отход от «канонической» нормы, если относить их к более позднему времени. Почти каждое из перечисленных произведений отличается от другого решением заданной «схемы». В «Призывании души» использован, как говорилось, обрядовый плач, в «Дэнтусладострастнике» — анекдот, в одах «Горы высокие Тан» и «Святая фея», являющихся продолжением одна другой, — миф. Не совсем обычно (по сравнению с законами ханьской оды) выполнена центральная часть. Если в одних произведениях она отвечает «канону» («Горы высокие Тан»), то в других «монолог-описание» разделен на несколько частей и напоминает «наизывание» в философском диалоге, где каждая иллюстрация вносит дополнительные уточнения к тезису («Дэнтусладострастник»), а описание природы заменено на описание красавицы («Дэнтусладострастник», «Святая фея»). Оды «Ветер» и «Ответ чускому вану на вопрос» вызывают ассоциации с философским диспутом не только темой, но и способом ее изложения: во введении выдвигается мнение, которое центральная часть призвана опровергнуть.

Переводы из Сун Юя принадлежат В. М. Алексею.

Ветер

В уделе Чу князь Сян³⁹ гулял и развлекался в своем дворце, им названном — Террасы орхидей. Сун Юй, Цзин Ча⁴⁰ — ему прислуживали оба. Вдруг ветер явился, донесся к нему он в свистящем порыве... И князь распахнул свой халат и в ветер встал. Сказал: «Ах, как приятен этот ветер! Что ж, им я вместе наслаждаюсь с простым, совсем простым народом?»

Сун Юй в ответ сказал: «Нет, этот ветер только ваш, великий государь! Простой же человек, — куда ему совместно с вами наслаждаться!» А князь ему: «Послушай, ты! Ведь

ветер — что? Дух между небом и землею. Является порывами сплошными, не различая, кто здесь знатный и кто простой, кто здесь по положению высок, кто низок, ко всем, ко всем он проникает. А ты один здесь говоришь, что этот ветер мой. Ну что теперь найдешь ты сказать мне в объяснение?»

Сун Юй ответил: «Ваш раб слышал от своего наставника былого, что стоит дереву скривиться в крюк, как на него уже летят гнездиться птицы; и стоит лишь образоваться щели, как ветер уж влетел. И если то, что он сказал мне, верно, то дуновение ветра одно с другим не совпадает также».

И князь спросил: «Скажи, откуда, как родится ветер?»

Сун Юй в ответ: «Скажу. Родится ветер на земле. Вздывается он от верхушек плавучих зеленых кувшинок. Захватывает свою струей и овраги. Свиристствует во весь размах в отверстиях земных мешков... Влезает на хребет Тайшаньских гор и пляшет у подножья сосен, туй. Порывом легким налетает: ппынг-ппанг... Вот взвился ураганом он, вот пламенем свиристствует. Хунг-хунг — гремит, как гром... Кружит в пещерах, и потом со всех сторон рванется вдруг навстречу всем. Скалы свергает и валит деревья, насмерть сражает леса и кусты...

Но вот теперь, когда слабеет он, то начинает разлетаться, делиться на какие-то потоки... Коснется цветка или листка и дыханьем его воздымает. Разгуливает то там, то здесь среди кассий и перцев душистых; летает, порхает по бурной поверхности вод. Вот сейчас прикоснется он к самому сердцу фужунамимозы... Поэтому, когда он, этот ветер, на человека попадает, то обдает прохладою свежей, от чистого холода тот даже вздыхает. А ветер чистейший, свежайший, струями холодными действующий, больных исцеляет и хмель разрушает. Он глаз наш и слух проясняет, он телу здоровье дает, благотворно влияя на нас. Вот этот ветер и есть тот самый, который называю я ... ветром вашим, государь!»

Князь сказал: «Отлично, да, именно отлично ты рассудил об этом деле. А вот теперь о ветре тех простых людей могу ли я услышать от тебя?»

Сун Юй отвечал ему в таких словах: «Скажу, что тот ветер простых как-то глухо, незаметно поднимается откуда-то, из бедных тупиков и захолустья, столбом вздымая сор и пыль... В иступление приводит грязью нечистот, вздымает всякое вонючее гнилье... Косой струей вползает он в горшок с пробитым дном для окон и появляется в жилище человека. Поэтому, когда подобный ветер на человека попадает, сплошная мерзость нечистот, склубившиеся в ней тоска и омерзенье бьют гнусной теплотой, с собой приносят сырость. Он в сердце вселяет страданье и горе, рождает болезни и жар причиняет... На губы попадет — растрескаются губы, на глаз набросится — ослепнет человек... У человека сводит рот, его тошнит и кашель мучит. Ни смерть, ни жизнь — и нет конца.

Вот то, что называю я ... ветром простого народа!»

Чуский князь Сян с поэтом Сун Юем гулял по берегу Юньмэна⁴¹ и Юю повелел воспеть в стихах то, что случилось там, в Высокой горе Тан⁴². В ту же ночь Юй лег спать и во сне имел встречу с той девой святой. Была она очень красива, и Юй подивился немало. Наутро он об этом князю доложил, и князь спросил: «Что ж это был за сон?» Юй отвечал: «Вечером, после обеда и ужина, моя душа пришла в смятение, неясное какое-то волнение, как будто бы мне предстояла какая-то радость... Я сам был не свой, весь в тревоге, в томленье каком-то и не понимал, что творится со мной... Я как бы видел женщину, с наружностью причудливой, совсем невероятной. Заснул и во сне я увидел ее. Проснувшись же, вспомнить, что было, не мог. Пропало, да, пропало все, и было неприятно мне, так грустно-грустно... Чувствовал себя я потерянным каким-то, без души. Тогда я сердцем овладел, на дух свой волю наложил, и снова я увидел то, что было мне во сне».

Князь спросил: «Скажи, какую же она тебе предстала?»

Юй сказал: «О, роскошная! О, прекрасная! В ней все красивое — сполна! О, великолепная! О, красавица! Мне трудно до конца вам все о ней сказать!..

С ее появлением сиянье, сиянье такое явилось, как будто то белое солнце всходило, светя на стропила домов. Теперь, когда понемногу она ко мне начала подходить, вдруг стало ослепительно светло, как будто полная луна свои в меня направила лучи. Одно мгновенье, миг один — и красота ее лица вдруг зажила своею, новой жизнью. И стала так мила, да, мила, как цветок! От нее изошла теплота, да, да, теплота — как от светлого, редкого камня. Все краски, что есть, примчались и в ней воплотились... Нельзя, невозможно ее описать мне!..

Сняла пелерину свою, сняла и накидку из газа... Омытая настоящим орхидей и пахнущая чудными духами, она была приветлива, мила и хороша в прислуживании рядом, покорна скромным положеньям и душу умиляла мне».

Князь сказал: «Так вот она, скажи, какая великолепная! Попробуй мне ее изобразить в поэме».

Юй отвечал: «Так-так. Извольте, хорошо...

Зрачки ее глаз лучились каким-то духовным, духовным великим свеченьем, и взгляд блистал красотой — лишь любоваться на него! Брови красиво срослись и вздымаются бабочкой, бабочкой моли, а красные губы так яркие, что выглядят киноварью. Так все естественно в ней густой, как вино, как вино красотой; воля ж стремится к спокойному тону, который проникнут весь сдержанностью. Она так мила, хороша... В движениях своих, как дымка, как дымка легка, и шаг ее нетороплив, и касаясь крыльца, дорогими камнями позванивает... Я любви ее не узнал, и она, распроставшись, уже уходила... Хотел бы

на миг лишь один задержать, но фея святая сказала мне лишь: «Тороплюсь». Все сместилось в душе, и ранен был дух мой; все перевернулось во мне, потерялся, не знал, что со мною. В мрачном сознании я как-то забылся, смутным умом я не знал уж, где я. В душе моей, одной душе, была моя, моя любовь. Кто тот, скажите мне, кому могу это поведать?

В горе, унынии страшном, лью слезы и вплоть до утра ишу у ее, мою фею».

Ханьская ода

Под этим названием известны произведения в жанре фу, получившие наибольшее развитие и распространение в ханьский период, особенно во время правления знаменитого Уди (140 г. до н. э.), при котором искусство и культура древнего Китая достигли наивысшего расцвета.

Фу строится по типу философского диалога — состоит из введения, центральной части, концовки. Введение и концовка пишутся прозой и сюжетны. Во введении вырисовывается обстановка, называются действующие лица, между ними завязывается диалог, продолжением которого является монолог центральной части, в концовке диалог завершается. Концовка часто содержит наставление. Содержанием монолога, как это можно было заметить уже у Сун Юя, является описание. В ханьских одах это чаще всего описание императорских угодий, заповедников, охот, жертвоприношений и пр. Оно дается ритмической прозой, в которой много места занимают звуковые «украшения» — созвучия, звукоподражания, всякого рода игра звуками и пр. Ода была ораторским жанром и рассчитана на произнесение вслух. Если произведения «Книги песен» пелись под музыкальный аккомпанемент, то оды почти пелись, хотя и без музыкального сопровождения.

Ханьские одописцы, были мастерами в описании природы, чувствовали ее постоянное движение, бегство, разбегивание и восхищались им. Исследователи называют их «виртуозами глаголов». Они как бы пытаются исчерпать движение до конца. Как говорил один из поэтов, так, чтобы никто другой не смог прибавить ни слова. Однако это описание также имело определенные границы. Оно строилось по известному шаблону: в него входило непеременной частью описание деревьев, трав, вод, камней (гор), охоты; оно велось по странам света — что лежит на юг, север, восток, запад, вздымается вверх (зенит), низвергается вниз (надир); имело форму перечисления (каталожный стиль). Все пронизывала ярко выраженная экспрессивность. Ода подносилась императору и, как считалось, имела целью увещевание. Однако все внимание поэтов было сосредоточено на центральной части, а не на морализующем обрамлении. В результате, вместо того чтобы воспитывать «сдержанность», «умеренность» чувств, ода волновала, захватывала, увлекала. И современники все больше склонялись к мнению, что именно в этом заключается задача оды, а следовательно, и поэзии вообще. Ода была чрезвычайно популярным жанром. Источники упоминают около тысячи названий, хотя до нас дошло не больше сорока образцов. Среди мастеров особенно прославлены имена Сыма Сянжу (179—117 гг. до н. э.) и Мэй Шэна (прибл. 141 г. до н. э.).

Жанр фу, который включал в себя ханьскую оду, был достаточно синкретичен. В нем можно выделить и нечто близкое к философской лирике (Цзя И), и панегирик (Сыма Сянжу, Ян Сю), и оду-увещевание (Мэй Шэн), и лирическую поэму (Сыма Сянжу) и др. О вариациях фу у Сун Юя уже говорилось. Традиция называет Цюй Юаня основоположником фу, хотя мы не находим у него произведений, имеющих формальные черты фу. По-видимому, с фу ассоциировалось представление о южном стиле вообще в довольно широком диапазоне.

Перевод оды Мэй Шэна «Семь способов врачевания» выполнен Г. Днепровой.

Семь способов врачевания

В Чу заболел наследный принц. Гость, приехавший из У⁴³, навестил его: «Я слышал, что не совсем в порядке ваше драгоценное здоровье. Нет ли улучшений?» Ответил принц: «Увы! Благодарю вас за заботу». Гость продолжал:

«Согласие и мир
Царят покуда в Поднебесной.
Четыре стороны в покое.
А вы, принц, молоды, сильны,
Возможно, что не зная меры,
Днем и ночью
Вы слишком долго предавались развлечениям.
И вот дурное ци рвануло вспять.
Оно крушит, ломает,
Губит изнутри вас;
И заползает в сердце
Меланхолия, похмельная тоска.
Внезапно находящая тревога
Лишает сна, покоя;
Теряет силу тело,
Слабеет слух,
И вызывают отвращенье
Людские голоса;
Мутится разум,
Словно сто болезней разом
Обрушились на вас.
Звенит в ушах,
В глазах темнеет,
И не находит равновесия душа.
А если это продолжаться будет долго,
Разрушится здоровье совершенно.
Все это ощущаете вы, принц?»

Принц отвечал: «Благодарю вас, гость. Конечно, как и подобает государю, я довольно часто развлекаюсь. Но до крайностей, что вы упоминали, еще не дошел».

А гость сказал:

«В богатых семьях сыновья
Живут все ныне взаперти.
У них наставников, кормилиц,
Нянек толпы,
Но нет друзей.
Их кормят вкусной, сладкой пищей,
Они вкушают мясо жирное,
Густое пьют вино.

Нарядов множество у них —
Красивых и изящных,
Но теплых нестерпимо:
Жара расплавит золото и камни,
Так неужели тело
Может с ней бороться?
И говорят не зря:
«Кто потекает
Желаньям глаз, ушей
И нежит тело,
Тот нарушает крови бег свободный».
Добавить следует еще,
Что если ездить постоянно
То в паланкине, то в карете,
Не избежать паралича.
Скрываясь от жары,
В прохладе комнат,
Недолго лихорадку получить.
Прекраснобровые и белозубые красотки —
Бич вашей жизни.
Изысканные яства —
Яд для вашего нутра.
Поэтому сейчас вы, принц, бледны,
Все члены вялы,
Тело дрябло,
Кровь не бежит легко по жилам,
Трясутся руки
И дрожат колени.
Красавицы Юэ, наложницы из Ци⁴⁴
Готовы вам служить.
Вы развлекаетесь, пируя,
И в закутках укомных
Даете страсти волю.
Но яства сладкие — отравы,
А развлечения — зверя хищного
Клыки и когти!
Давно вы этому отдались,
Но если так тянуть и дальше,
То даже снадобья Бянь Цяо⁴⁵
И заклинания колдуньи Сян
Не смогут вылечить болезнь.
Теперешний недуг ваш, принц,
Могли бы излечить мужи широких знаний,
Что своевременно могли б наставить вас
И изменить привычки прежние и взгляды.
Они должны вам быть подмогой неотлучной,
Тогда разгул, беспутство и разврат
Уж не дойдут до крайности последней».

Принц отвечал: «Да, это верно. Лишь бы прошла болезнь, и я непременно последую вашему совету». Гость сказал: «Ваш недуг, принц, неподвластен лекарствам, прижиганиям и уколам. Необходимо глубокое и сокровенное учение. Не желаете ли выслушать меня?» Принц ответил: «Да, конечно, я слушаю вас!» Гость начал свой рассказ:

«Есть на горе Драконовых ворот
Высокий тун в сто чи.
Вот как высок!
Но нет совсем ветвей.
Причудливо изогнут ствол, и корни
Широко разрослись.
Над деревом —
Высокий горный пик в семь тысяч чи,
Вниз на сто чжанов —
Клокотанье горного потока.
Бурлящие стремительные волны
Подтачивают тун и вымывают почву
Из-под корней, что уж мертвы наполовину.
Зимой порывы ветра, снежная крупа
Бьют дерево нещадно, летом
От кромовых раскатов тун дрожит, от града.
Здесь по утрам поют ханьдани, иволги,
К ночи —
Слетаются на отдых птицы,
Путь потерявшие во тьме.
А на рассвете рано
Кружит и плачет одинокий лебедь,
И цапля желтая, взлетая,
Со скорбным криком вниз несется.
Вот этот тун,
Что осень пережил
И испытал зимы суровой холод,
Находит Мастер⁴⁶ и срубает,
Чтоб сделать лютню из него.
Из нитей шелкопряда
Натягивает струны,
Сиротской пряжкой
Украшает лютню,
Серьгами вдовьими
Лады он метит,
А тот, кто мастерством сравниться может
С самим Шитаном или с Бо Цзыя⁴⁷,
Берет ту лютню,
Чтобы исполнить песню «Чан».
В той песне говорится:

«Прекрасны пшеницы колосья...

Летит поутру фазан.
Его путь — к руинам,
Позади него — сухой ясень.
Вот прерывает путь
И возвращается к горному ручью...»

Услышав эту песню,
Птицы, пролетающие мимо,
Сложили крылья и не могут улететь;
Прижали уши звери дикие —
Не могут убежать;
Оцепенев, остановились
Медведки, гусеницы, муравьи —
Застыв на месте,
Сдвинуться не могут...

Это самая трагическая песня в Поднебесной. Принц, найдутся ли у вас силы послушать ее?» Принц ответил: «О нет, я еще нездоров, боюсь, что не смогу». Гость сказал:

«Вкусна телятина с побегами бамбука,
Суп из собаки жирной,
Что приправлен горными грибами;
И клейкий рис из Чу и Мяо,
Который тает — только в рот возьмешь⁴⁸.
Готовит блюда пусть И Инь,
Но пусть И Я приправит их.
Медвежьи ладошки разварные
Залить кипящей соей,
Затем поджарить мясо
И свежего карпа кусочки.
Приправую пусть будут
Осенние побеги
И овощи, созревшие
Во время «белых рос»⁴⁹.
Рот можно полоскать вином,
В котором орхидеи лепестки кипели;
Кусочки мяса дикого фазана
И самки леопарда плод
Есть надо понемногу и запивать вином обильно,
Тогда как снег во рту растает яство.

Принц, это самое вкусное, что есть в Поднебесной! Найдете ли вы силы попробовать все это?» Принц ответил: «Я еще болен, боюсь, что не смогу». Тут гость сказал:

«Когда приходит время,
Впрягают в колесницы
Отборных жеребцов,
Взращенных в Чжун и Дай⁵⁰.
Они летят стремительно, как птицы,

Как быстроногий зверь цзюйской,
Бегут и скачут.
Вскормили их пшеницей ранней,
Их норов так горяч, порывист,
Что только крепкою уздой можно
На ровной их дороге удержать.
Вперед или назад коней тех посылать
Под силу лишь Болэ⁵¹,
А управлять — Ван Ляну с Цзао Фу⁵²,
Быть лучниками — Цинь Цюэ и Лоу Цзи⁵³,
И только им под силу укротить
Понесшего коня,
Поднять повозку, что перевернулась.
Они с налету поражают цель,
Что стоит серебром десятки лянов,
И побеждают в скачках,
Пространство в тысячу ли преодолев.

Это самые быстрые в Поднебесной скакуны! О, принц, достанет ли у вас сил пойти и оседлать такого скакуна?» Принц ответил: «Я нездоров еще, боюсь, что не смогу». Гость сказал:

«Кто поднялся на башню,
Что Радостью Светлой зовется,
Тот увидит на юге — Цзиншань,
А на севере — реку Жухай,
Протекает налево Янцзы,
Справа — озеро Дунтинху.
Велико наслажденье!
Пусть красноречивые мужи
Все расскажут о реках и горах,
Перечислят подробно
Названия трав и деревьев,
Все по порядку расставят
И свяжут в единую нить.
Все осмотрев,
Спустимся вниз — пить вино
Во дворец Дум Печальных.
Со всех сторон дворец тот
Окружили галереи
И башен стены громоздятся,
Глаз поражая многоцветьем.
Переплелись дороги экипажей,
Причудливая форма у прудов,
Здесь водятся хуньчжаны⁵⁴,
Цапли белые, павлины,
Жар-птицы, лебеди, ночные цапли.
Сверкают изумрудом хохолки
И отливают синевую шейки.
Перекликаются безрогие драконы,

Поют дэму⁵⁶.

Сверкая чешуей и расправляя плавники,

Выпрыгивают рыбы из воды.

Колышутся в пруду прозрачном

Водоросли,

Благоухает лотос.

На темных ветках белеют

Листья ив и тутов.

Высокие сосны, могучие лавры

К небу вздымают вершины.

Взгляд не охватит

Пальм и утунов лес.

Густые плывут ароматы,

Сливаются с морем звуков.

Колышутся ветви деревьев от ветра,

Листья трепещут, дрожат на ветру.

Среди пирующих

Слышны веселья звуки.

Цзин Чунь⁵⁶ им подает вино,

Музыканты Ду Ляню послушны⁵⁷.

Множество яств —

Мясных и рыбных закусок.

Нежнейших дев краса приятна глазу,

Ласкают слух струящиеся звуки.

И вот плывут, волнуя,

Звуки чуских песен

И светлые мелодии из Чжэн и Вэй⁵⁸.

Красавиц множество подобных

Си Ши, Чжэн Шу, Ян Вэнь, Фу Юй,

Сравнимых с Дуань Гань, У Ва, Люй Цзоу!⁵⁹

Халатов полы разноцветны,

В прическах волосы, как ласточек хвосты,

Манят и соблазняют взоры.

Красавицы, омывшись,

Дужо благоухают ароматом,

Как будто в легкой дымке

Запахов тончайших.

Умашенные маслом орхидей,

Переодевшись в легкие одежды,

Они готовы вам служить.

Ведь это самое прекрасное, самое роскошное из наслаждений
Поднебесной! Принц, найдутся ли у вас силы испытать его?»
Ответил принц: «Я болен, боюсь, что не смогу».

Гость продолжал:

«Принц, приучу для вас я скакунов,

Впряжем их в экипаж — садитесь!

Пусть в правой руке стрелы острые Ся Хоуши,

А в левой — резной лук Ухао⁶⁰,

В леса Юньмэн поскачем,
Объедем мы озера орхидей,
Приблизимся к реке неторопливо
И отдохнем среди зеленых трав,
На вольном ветре.
И радуясь весны дыханью,
Взволнованно забьется сердце.
Мы будем хищников коварных догонять,
И собирать подбитых птиц —
Легка добыча!
Пусть лошади, собаки
Проявят все свое умение и сноровку.
Когда же гнать зверей настанет время,
Нас изумит пускай возниц искусство.
Мы будем тигра устрашать и барсов
И хищных птиц пугать.
Коней летящих зазвонят уздечки,
И на скаку за рог оленя схватим,
Затопчем зайцев и косуль.
И вот все загнанные,
В мокрой пене звери,
Не выдержав напора,
Замертво падут на землю.
Хоть и не ранены,
А все уже мертвы.
Вот почему полны добычей сверхом
Все колесницы, едущие следом.

Это самая яростная охота в Поднебесной! Принц, найдете ли вы силы, чтобы поохотиться разок?» Принц отвечал: «Я еще болен, боюсь, что не смогу».

Однако в этот момент лицо его прояснилось, он встрепенулся, в глазах появился интерес. Гость, увидев оживление на лице принца, продолжал:

«Во мраке факелы вдруг озаряют небо,
Грохочут боевые колесницы,
И реют стяги с перьями цветными.
Несутся всадники во весь опор,
Друг с другом состязаясь,
Наслаждаясь азартом скачки.
Чтоб зверя быстрого схватить,
Огромные пространства выжигают подчистую...
Добыв зверей, что мастью чисты,
Их туши целые несут к воротам князя...»

Тут принц воскликнул: «Как это прекрасно! Я хотел бы еще раз послушать этот рассказ!» Гость ответил: «Но я еще не досказал:

В густых чашобах, у глубоких вод —
Затишье, сумрак и туман.

Внезапно появляются тут
Тигр и носорог.
Отважны воины, дерзки,
Что, обнажившись,
Вступают с ними в бой.
Сверкает острый нож, мелькают
Копье и пика.
Кто доблесть проявил,
Получит золото и шелк в награду.
Потом душистые здесь расстилают травы,
Чтобы могли охотники присесть,
Изысканные наливают вина,
Вареных, жареных не счесть прекрасных блюд,
Которыми гостей всех угощают.
Бокалы подымая, речи говорят,
Волнуя сердце, услаждая слух.
Никто не сожалеет, что участвовал в охоте,
Не думает, что зря сюда приехал.
Все лица искренни, честны,
Достойные отображенья в камне.
Одна другую песнь сменяет.
И громким здравицам конца не видно.

Все это вам понравится, принц! Не можете ли вы попробовать насладиться этим?» Принц ответил: «Я бы очень хотел, но боюсь быть всем обузой». Однако видно было, что самочувствие его улучшилось немного. И гость сказал:

«Пятнадцатого дня восьмой луны;
С чжухоу и друзьями из дальних мест,
Давайте съездим к устью Янцзы в Гуанлин
И будем наблюдать прилив.
Когда прилив еще не разыгрался,
Заметно лишь как прибывают воды,
С такою силой,
Что неясная тревога
Охватывает сердце:
Волны, клокоча,
Вздымаются, бурлят, сверкают;
И эту мощь нет силы описать!
Пусть даже наделен ты
Красноречия талантом.
В глазах темнеет,
Дух мутится,
Трепещет сердце,
И стоишь в оцепененьи,
Когда бегут, грохочут волны;
В смятенье смотришь,
Как вскипают беспорядочно валы,
И разливаются неудержимо, широко.

Так велики и необъятны,
Что не понять,
Они от южных гор бегут
Или приходят с моря на востоке.
Перемешались небо и вода.
Взглянув, до горизонта не увидишь,
Не различишь границ их и пределов;
А пенистые гребни вдаль стремятся,
До самого восхода добегают,
Гремя и грохоча.
Накатывают волны.
Закручивая круто гребень, застывают на мгновенье,
Чтоб рухнуть вниз с огромной силой.
То вдруг бросаются на южный берег.
То замирают, откатившись далеко.
Смотришь на это — внутри все дрожит,
Страх наполняет душу и трудно
Изгнать ощущение это.
Лишь рассветет — успокоиться можно.
Тело омыв, руки и ноги,
Прополоскавши нутро, волосы, зубы,
Грязь очищая, сгоняешь усталость.
Тяжесть проходит, и раскрываешь
Заново уши, глаза.
В это время
Больной распрямляет горбатую спину,
Не припадает на ногу хромой,
Здесь прозревает слепой
И глухой начинает слышать.
Что ж говорить о таких пустяках,
Как похмелье?!
Ведь известно:
Чтоб развеять тоску,
Сбросить тяжесть с души,
Мало только лишь слов!»

Прииц сказал: «Ах, как хорошо! Но что же такое прилив?»
Гость отвечал: «Об этом нигде не написано, но я слышал
от учителя, что это похоже на духа, но у него три особенности:

Прибоя грохот слышен на сто ли;
Речную воду поворачивает вспять,
Вздымая вверх морскую;
И влага горных облаков
Его питает днем и ночью.

Сначала воды набирают силу,
Свой убыстряют бег, вздымаясь,
И начинается прилив.
Вода, поднявшись,

Несется словно горные потоки,
Обрушиваясь вниз, как стая белых цапель.
Потом вновь набирает*мощь и,
Покрываясь пеной, мчатся волны,
Белы, как колесницы белой полог⁶¹,
Они клокочут, возмущаясь,
Несутся — словно войско в битве жаркой,
А с флангов — будто
Легкой конницы отряды.
Шестерка впряжена драконов водных,
Которые Тайбо⁶² сопровождают.
Взлетают радужные брызги,
Накатывают волны беспрерывно,
То ввысь взмывают,
То вниз несутся,
Преследуют друг друга, нагоняют,
Столкнувшись, с силой разбиваются.
Они, как армии, чьи бастионы крепки,
Неисчислимы воинов ряды.
Их рев и грохот оглушают.
В своем безумстве
Вода не знает меры.
Куда ни взглянешь —
Гладь воды возбуждена.
Ее взорвали волны в бешенстве и гнев;
Неукротимые, они взмывают ввысь,
И, словно в ярости слепой,
Швыряют сверху камни,
Как воины отважные без страха,
Что отбивают переправы
И разрушают стены крепостей.
Несущиеся воды наполняют
Собой излучины малейшие реки.
На берег волны набегают —
Холмы песчаные им не преграда,
Кто встречен ими — убивают насмерть,
Кто против них — тот будет сломлен.
Начинаясь в Ховэйской низине,
Резко вверх забираются волны,
Огибая высокие горы,
Растекаются по ущельям.
До Цинме⁶³ добравшись,
Меняют с шумом путь.
У Таньхуань текут бесшумно
И затихают у горы У Цзы,
Чтоб убежать на поле, что Гуму зовется.
Лижут Фусан,
Клокочут в Чане,
С ревом бегут, задыхаются, словно

Воины, битвой разгоряченные.
Несутся они в беспорядке,
Как бысто летящий табун.
Рокочут подобно грому,
Ожесточаются, встретив преграду.
Волна догоняет волну.
И вал набегают Янхоу⁶⁴.
Волны вступают в схватку —
Птице — не улететь,
Уплыть не успеет рыба,
Не убежит и зверь.
Страшно грохочут волны,
Бросаясь на берег и скалы.
У восточных холмов вскипая,
Затишают на западном берегу.
Грозно вздымаясь,
Они разрушают плотины.
Только добившись победы, стихают.
В ярости страшной, не зная предела,
Сильно бурлят и клокочут.
Черепahi большие
Кувыркаются в страхе ужасном,
Приникая к земле, сил не могут найти,
Чтоб подняться.
Нет слов описать чудищ ужасных,
Что воды на берег швырнули.
Взглянешь — и цепенеешь,
И разум теряешь от страха!

Это самое удивительное зрелище в Поднебесной! Принц, не хотите ли взглянуть?» Принц в ответ промолвил: «Я еще болен, боюсь, что не смогу туда отправиться». Тогда гость сказал:

«Я вам рекомендую
Мужей талантливых, проникших
В премудрости искусств различных.
Их имена — Вэй Моу, Мо Ди, Бянь Цзюань,
Ян Чжу, Дань Хэ и Чжуан Чжоу⁶⁵.
И пусть они расскажут вам
О самом сокровенном в Поднебесной,
Рассудят, что есть истина и ложь
Средь тьмы вещей.
Пусть Лаоцзы и Кунцзы
Охватят мыслью, обобщат,
А Мэнцзы, рассудив,
Проникнет в сердцевины.
Тогда из тысяч десяти вопросов
Неясным вам не будет ни один.

Это самые сокровенные учения в Поднебесной! Принц, не хотите ли вы их услышать?» Привстав и опершись на столик, принц воскликнул: «Все прошло! Как будто я уже услышал речи мудрецов!» Он вдруг покрылся испариной, и болезни как не бывало!

Историческая проза

Первые записи, в которых находят отражение важные события в жизни коллектива, относятся к XIV—XII вв. до н. э. Это гадательные надписи на костях жертвенных животных и панцирях черепах. Они содержат вопрос к оракулу о дожде, засухе, болезнях, урожае, войне и пр., его ответ, а иногда и результат гаданий — свершилось ли пророчество и каким образом. К XII в. в надписях появляются хронологические пометы по годам правления ванов. Некоторые надписи не носят религиозного характера, а содержат, например, речь вана к войскам или краткий рассказ о деяниях вана. К XI—VI вв. относится большое количество ритуальных бронзовых сосудов, надписи на которых пространны и представляют собой речь, обращенную к владельцу сосуда. Они рассказывают о передаче земель, о военных походах, наградах за победу, за верную службу и т. д. Приблизительно с VIII в. при дворах ванов ведется регистрация событий, посольских речей, посланий и создается их архив. К V в. из кратких записей о событиях в разных царствах составляются своды, один из которых — летопись царства Лу дошла до нас в составе конфуцианского канона. В IV—III вв. возникают повествования, описывающие события, которые в хрониках были только названы. Их основой являются, по-видимому, как архивные записи речей, так в значительной мере материал, сохраненный и передающийся в устной традиции. Таких повествований было большое количество, но до нас они дошли уже в отобранном и отредактированном составителями виде. Это «Речи царств» (или «Повествования о царствах») — о событиях X—V вв.; «Цзо чжуань» — развернутый комментарий к летописи царства Лу, охватывающий период с 722 по 463 г.; «Планы сражающихся царств» — о событиях V—III вв. Материал во всех трех произведениях располагается по царствам и в порядке хронологии. Между отдельными рассказами нет логической связи, они представляют собой цепь эпизодов, «нанизанных» один на другой, как в философской прозе, но с той разницей, что они связаны хронологией. Основной формой изложения и здесь является прямая речь, воспроизводящая или имитирующая действительные диалоги и монологи известных исторических лиц. Благодаря изобилию речей действие в таком рассказе драматизируется, события выступают через призму восприятия их героями, через их речи и поступки. В результате, несмотря на явную установку на рассказ о событии, внимание концентрируется на людях, в них участвующих. Характерно, что именно в это время, как свидетельствуют источники, появляются первые жизнеописания, что с несомненностью свидетельствует о возникшем интересе к личности.

На фоне этой историографической традиции в конце древности является мощная фигура Сыма Цяня (145 или 135—90? гг. до н. э.). Его «Исторические записки» представляют собой грандиозное собрание исторических (или принимаемых иногда за таковые) материалов, существовавших до него как устное или письменное предание в памяти и документах поколений. Будучи историографом при дворе знаменитого Уди и как никто другой до него сознавая задачи и цели своего труда, Сыма Цянь знакомится со всеми богатствами императорской библиотеки, много путешествует, собирает материал в архивах чужоу и частных библиотеках, посещает знаменитые событиями места, беседует со стариками и очевидцами событий, интересуется предметами обихода и вещами, принадлежащими знаменитым людям и т. д. Результатом многолетнего труда и тщательного анализа собранного материала является

определенный взгляд Сыма Цянь на историю, культуру, человека. Все огромное количество записей и документов Сыма Цянь систематизировал и организовал в единое целое, пронизанное авторской мыслью, заключил в стройные композиционные рамки, способствующие прояснению авторского замысла. «Исторические записки» состоят из следующих разделов: «Основные записки» — история царских родов; «Хронологические таблицы»; «Восемь трактатов» — о торговле, ирригации, астрономии, календаре и других важных областях знаний и практики древнего общества; «Наследственные дома» — история аристократических родов; «Жизнеописания» (самый большой раздел, занимающий семьдесят из ста тридцати глав) — биографии знаменитых людей древности.

«Жизнеописания» состоят из глав, включающих в себя одну, две, три — до десяти биографий. Каждая биография, если только она не охватывает всю главу, является лишь частью целого, представленного главой. Биографии «нализываются» в главе одна на другую и связываются хронологической пометой (например, «через сто лет после этого жил...»). Заканчивается глава концовкой, в которой Сыма Цянь формулирует свой вывод, относящийся к главе в целом: «Я, Придворный Историограф, так скажу...» В концовке Сыма Цянь, с одной стороны, поучает, поскольку в его сознании история должна учить, а с другой — оценивает поступки героев, порой решительно расходясь с оценками непрекаемых авторитетов, включая самого Конфуция. Очевидно, что через концовки автор выражает свое собственное нравственное кредо. Они чрезвычайно эмоциональны — в них гнев, сочувствие, восхищение, скорбь. Биографии соотнесены друг с другом и, только обнаружив смысл соотнесенности, можно уяснить замысел автора и, зачастую, логичность его вывода в конце главы. Биографический материал излагается как цепь эпизодов, также соединенных между собой хронологическими пометами. Сыма Цянь не все рассказывает, что он знает о герое, а отбирает материал в соответствии с общим замыслом главы.

В «Жизнеописаниях» перед читателем проходит огромное число героев всех «сословий и состояний» — от выдающихся государственных деятелей, знаменитых ораторов и поэтов до шутов и древних рыцарей «плаща и шпаги». Всех этих героев Сыма Цянь наблюдает в бесчисленном количестве ситуаций, почти всегда экстремальных. Конечно, его герои действуют в рамках конфуцианских норм, ставших на то время общепринятыми нормами поведения, но Сыма Цянь акцентирует внимание на том, как индивидуально эти нормы реализуются в разных ситуациях и разными людьми. Он идет дальше этого и показывает, что настоящие герои не боятся противопоставить формальному исполнению долга поступки, которые с точки зрения общепринятой морали являются преступлением против нее. Хотя внешне и в этих случаях речь идет о старых конфуцианских добродетелях, на самом деле Сыма Цянь пересматривает этический идеал, делая на этом пути много открытий, которыми воспользуется последующая литература.

Переводы из раздела «Наследственные дома» принадлежат Л. Е. Померанцевой, из раздела «Жизнеописания» — В. М. Алексею («Отдельное повествование о Гуане и Яне»), Л. Д. Позднеевой («Чжуанцзы»), Л. Е. Померанцевой («Полководец Ли Гуан»).

СЫМА ЦЯНЬ

Наследственные дома

ЮЭСКИЙ ВАН ГОУЦЗЯНЬ

Юэский ван Гоуцзянь¹ вел свое происхождение от потомков Юя и сяского Шао Кана², которые получили в удел Куайцзи³ с тем, чтобы не прерывались жертвоприношения Юю. Стриже-

ные, с татуировкой на теле⁴, они расчистили пустошь и основали поселение. Прошло двадцать с лишним поколений. В правление Юньчана юэсцы воевали с уским ваном Хэлюем⁵, и между У и Юэ возникла ожесточенная борьба. Юньчан умер, на престол вззошел его сын Гоуцзянь. Это и был юэский ван. В тот же год Хэлюй, узнав о смерти Юньчана, поднял войска и повел их на Юэ. Юэский ван, приняв бой, послал вперед смертников. Они тремя шеренгами двинулись к уским позициям, а достигнув их, с воинственным криком перерезали себе горло. Гоуцзянь, убедившись, что усцы видели это, нанес им удар. Уские войска потерпели поражение под Цзуйли⁶, стрелой был ранен Хэлюй. Умирая, он сказал своему сыну Фуча:

— Помни о Юэ!

Прошло три года, и Гоуцзянь узнал, что Фуча днем и ночью готовится к войне, чтобы отомстить Юэ. Юэсцы решили опередить У. Фаньли⁷, увещевая Гоуцзяня, говорил:

— Нельзя! Ведь говорят, что войско — это орудие зла; война противоречит дэ; соперничество — последнее дело! Тайно замышляя, нарушать дэ; часто пользоваться орудием зла; рисковать ради последнего дела — Верховный владыка запрещает это, и кто поступает так, не будет знать удачи!

Но юэский ван сказал:

— Я уже решил!

И поднял войска. Фуча, узнав об этом, тут же двинул отборные силы на Юэ и нанес ему поражение при Фуцзяо⁸. Юэский ван с оставшимися пятью тысячами войска засел в Куайцзи. Усцы настигли его и окружили. Юэский ван сказал Фаньли:

— Не послушал тебя, и вот до чего дошло! Что теперь делать?

— Кто умеет держать полный сосуд и не пролить, — ответил Фаньли, — тот поступает как небо; кто поколебнувшись, способен устоять, тот поступает как человек; кто обладает выдержкой, тому помогает земля⁹. Обратись к нему с униженными словами, с щедрыми дарами, не поможет — продай самого себя!

— Будь по-твоему! — ответил Гоуцзянь.

И приказал дафу Чжуну отправляться в У просить мира. Встав на колени и отбивая поклоны, Чжун сказал:

— Ваш несчастный слуга Гоуцзянь послал меня, своего слугу Чжуна, чтобы я смиренно обратился к низшим из ведающих делами в вашем царстве¹⁰ и сказал: «Гоуцзянь просит взять его слугою, а его жену — наложницей».

Уский ван хотел уж было помириться, но Цзысуй¹¹ сказал ему:

— Небо дарует нам Юэ! Не соглашайся!

Чжун возвратился в Юэ и доложил обо всем вану. Гоуцзянь собрался убить свою жену и детей, сжечь все сокровища и в бою найти смерть. Но Чжун его остановил:

— Первый министр У Пи жаден, его можно соблазнить выгодой. Позволь мне поговорить с ним!

Тогда Гоуцзянь велел Чжуну преподнести первому министру драгоценности и красавиц. Пи принял подарки и устроил Чжуну встречу с уским ваном. Чжун, отбивая поклоны, сказал:

— Великий ван, пощадите Гоуцзяня! Примите его сокровища! Если на наше несчастье не помилите, Гоуцзянь убьет свою жену и детей, сожжет сокровища, все пять тысяч воинов бросит в последний бой! И непременно это сделает!

Пи к этому прибавил:

— Юэ признает себя нашим слугою! Если помилим, царству будет только польза!

Ван готов был согласиться, но Цзысюй выступил вперед и сказал:

— Если теперь не уничтожим Юэ, потом придется пожалеть. Гоуцзянь — достойный и мудрый государь, Чжун и Фань — прекрасные слуги. Если вернем царство им, быть смуте!

Ван не послушал Цзысюя, пощадил Юэ, распустил войска и вернулся домой.

А Гоуцзянь терзался муками в Куайцзи. Вдыхая, спрашивал Чжуна:

— Что же, навечно мне здесь оставаться?!

— Тан, — отвечал Чжун, — был заключен в тюрьму в Сятай, Вэньван томился в Юли, цзиньский Чунэр бежал к ди, циский Сяобо скрывался в Ин, а в конце концов стали ванами и ба¹². Так почему бы нашему несчастью не обратиться в счастье?

Как только У помиловало Юэ, Гоуцзянь возвратился в царство. Страдая душой и телом, он повесил над собой желчь и теперь всегда — сидя или лежа, видел ее перед собой, добавлял желчь к еде и питью, твердя: «Ты забыл позор Куайцзи!» Он сам пахал землю, а его жена ткала, не ела мяса, одевался в простую одежду, смилив гордость, склонил голову перед мудрыми и достойными. Он щедро принимал бинькэ¹³, помогал бедным, оплакивал умерших, с простым народом делил его труды. Гоуцзянь хотел было передать государственные дела Фаньли, но тот возразил:

— В военном деле Чжун сильнее меня. Вот в заботе о народе и охране спокойствия государства я сильнее Чжуна.

Тогда государственные дела были переданы Чжуну, а Фаньли, вместе с дафу по имени Чжэцзи отправился охранять мир в У. Через два года У отпустило Фаньли.

Прошло семь лет после возвращения из Куайцзи. Гоуцзянь был ласков с воинами и народом, и все готовы были к мести У. Дафу Фэнтун сказал:

— Только что мы были бездомными бродягами, а ныне страна вновь богата и изобильна, хорошо управляется и вооружена. Конечно, это вызывает страх у царства У, а раз страх, то жди беды. Кроме того, хищные птицы, нападая, прячутся. Ныне У угрожает Ци и Цзинь¹⁴, в давней вражде с Чу и Юэ. Слава об У идет по всей Поднебесной¹⁵, на самом же

деле от него только вред чжоускому дому¹⁶. Успехов много, да добродетели мало, а значит легко возгордятся. В наших интересах объединиться с Ци, сблизиться с Чу, сойтись с Цзинь с тем, чтобы подтолкнуть У к действию. Лелея обширные планы, оно легко вступит в войну. И тогда мы перехватим у него инициативу: У будет сражаться с тремя царствами, а мы, воспользовавшись его ослаблением, сможем его одолеть.

Юэский ван сказал:

— Добро!

Прошло два года. Фуча собрался идти походом на Ци. Цзысуй останавливал его, говоря:

— Нельзя! Я слышал, что Гоуцзянь ест простую пищу, делит с народом горе и радость. Если этот человек не умрет, быть несчастьем! Юэ для нас — это внутренняя болезнь, а Ци — всего только прыщик. Оставь, ван, Ци и займись Юэ!

Но уский ван не послушал Цзысуй и пошел войной на Ци. Нанес ему поражение при Айлине¹⁷, взял в плен циских Гао и Го¹⁸ и возвратился домой. Он был недоволен Цзысуйем. Цзысуй же сказал:

— Рано радоваться!

Ван разгневался, и Цзысуй хотел покончить с собой. Узнав об этом, ван его остановил.

А в это время дафу Чжун в Юэ предложил Гоуцзяню:

— Ваш слуга видит, что уский ван в политике заносчив. Позвольте попросить у него риса для гаданий!

И попросил. Уский ван собрался дать, но Цзысуй не советовал. Ван все-таки дал, и юэцы втайне порадовались¹⁹. Цзысуй говорил:

— Ван не слушает советов, и Юэ через три года сравняет нас с землей!

Первый министр Пи уже не однажды сталкивался с Цзысуйем из-за Юэ и теперь, услышав эти слова, клеветал на него:

— У Юань²⁰ с виду почтителен, а на самом деле жестокий и бессовестный человек. Если для него ничего не значат отец и старший брат²¹, то разве он будет думать о вane? Ван хотел пойти походом на Ци, Юань всячески препятствовал; когда же поход завершился успехом, он снова вызвал недовольство вана. Если ван не примет меры, Фать смуте!

И вместе с дафу Фэнтуном очернил Цзысуйа перед ваном. Ван вначале ничего не предпринял, а послал Цзысуйа в Ци, но узнав, что тот поручил своего сына семье Бао²², пришел в сильнейший гнев:

— У Юань обманул меня! Он задумал мятеж!

И отправил людей поднести Цзысуйу меч Шуду, чтобы он покончил с собой. Цзысуй, усмехнувшись, сказал:

— Я сделал твоего отца баваном и поставил на царство тебя! Ты сначала хотел отдать мне полцарства, но я не взял. А ныне ты, поверив клевете, казнишь меня! Но никто не может править в одиночку!

И велел посланцу передать:

— Пусть повесят мои глаза над восточными воротами — я хочу видеть, как в них войдут войска юэсцев!

С того времени в У политическими делами заправлял Пи. Прошло три года. Гоуцзянь призвал к себе Фаньли и сказал:

— Уский ван убил Цзысюя, и вокруг него одни льстецы, пора?

— Еще нет, — отвечал Фаньли.

Наступила весна следующего года. Уский ван созвал чжухоу на севере в Хуанчи²³. Отборные уские войска следовали за ваном, дома остались только старые и малые, да наследник, на всякий случай. Гоуцзянь снова спросил Фаньли, и Фаньли ответил:

— Пора!

На У двинулись две тысячи воинов, обученных сражаться на воде, сорок тысяч основного войска, шесть тысяч отборных частей, тысяча офицеров разных войск. Уские полки потерпели поражение, наследник был убит. Усцы срочно сообщили это своему вану, который только что открыл собрание чжухоу в Хуанчи²⁴. Не желая, чтобы в Поднебесной узнали об этом, он оставил дурную весть в тайне. Только закончив церемонию встречи с чжухоу, он послал послов с щедрыми дарами просить мира у Юэ. Юэский ван и сам думал, что не сможет сейчас окончательно разгромить У, и заключил мир.

Через четыре года после этого Юэ снова пошло походом на У. Усцы были истощены, лучшие воины погибли в Ци и Цзинь, и Юэ наголову разбило У. После трехгодичного окружения войска У окончательно были разбиты, а уский ван загнан в Гусу²⁵. Фуча отправил Гунсунь Сюна, обнажив плечо²⁶, на коленях просить Юэ о мире со словами:

— Ваш несчастный слуга Фуча осмеливается произнести от сердца идущие слова: некогда случилось быть виновным перед вами в Куайцзи, но Фуча не пошел против судьбы, заключил с вами, ван, мир и возвратился домой. Ныне в вашей воле казнить меня, несчастного слугу, и я покорно подчинюсь приказу, но подумал, что, может быть, вы пожелаете помиловать меня, несчастного, как некогда я в Куайцзи?

Гоуцзянь не мог вынести этого и хотел пощадить У. Но Фаньли сказал:

— Тогда в Куайцзи Небо подарило Юэ усцам, они отвергли дар. Ныне Небо посылает У юэсам. Как Юэ может противиться Небу?! Разве не ради этого ван трудился с раннего утра и до поздней ночи? И можно ли то, что готовилось в течение двадцати двух лет, отбросить за одно утро! Кроме того, не примешь небесного дара, накличешь на себя беду. «Кто рубит топором, не ходит далеко за образцом!» Ван забыл позор Куайцзи?

— Я хотел бы последовать твоим словам, но мне невыносимо видеть посла, — ответил Гоуцзянь.

Тогда Фаньли ударил в барабан, призывая стражу, и возвестил:

— Ван передал все дела мне. Посол, уходите! Не уйдете, будете обвинены в преступлении!

Уский посол, плача, ушел. Гоуцзяню было жаль его, и он послал сказать ускому вану: «Я дам вану земли к востоку от Юн²⁷, правь ста семьями!» Но уский ван отказался, сказав:

— Я стар, и уже не могу исполнять дела вана.

И убил себя. Перед смертью он закрыл лицо руками и произнес:

— Мне стыдно перед Цзысюем!

Гоуцзянь похоронил Фуча и казнил первого министра Пи. Окончательно покорив У, он переправился через Хуай на севере и вместе с Ци и Цзинь созвал чжухоу в Сюйчжоу²⁸. Отправил дары в Чжоу, и чжоуский ван Юань прислал послов даровать Гоуцзяню титул бо²⁹. На обратном пути Гоуцзянь отдал земли в верховьях Хуай царству Чу, вернул Сун³⁰ земли, завоеванные у него царством У, передал Лу сто квадратных ли к востоку от реки Сы. В те времена Юэ было хозяином в районе Цзян и Хуай³¹, чжухоу восточных стран несли ему дань, называли баваном.

Фаньли вскоре покинул царство. Из Ци он писал Чжуну:

«Птицы пойманы, луки не нужны; быстрые зайцы убиты, гончих собак можно сварить. Юэский ван — это гидра с разверстой пастью! С ним можно быть в трудное время, но нельзя быть в радости. Почему ты не уходишь?»

Чжун, прочитав письмо, перестал ходить на аудиенции под предлогом болезни. Нашлись такие, которые обвинили его в намерении поднять мятеж. И юэский ван послал ему меч со словами:

— Ты учил меня семи способам борьбы с У. Я использовал только три и разбил У. У тебя остаются четыре. Предложи их от меня прежним ванам³², пусть испробуют!

И Чжун покончил с собой.

После смерти Гоуцзяня ваном стал его сын Шиюй...

Фаньли служил юэскому вану Гоуцзяню, не жалея сил. Вместе с Гоуцзянем он более двадцати лет вынашивал планы и, наконец, разбил У, отомстил за позор Куайцзи; на севере переправились с войсками через Хуай, чтобы встретиться с Ци и Цзинь, выразить уважение Чжоу, провозгласили Гоуцзяня баваном, а Фаньли — верховным военачальником. Возвратившись, Фаньли посчитал, что будучи в славе, трудно рассчитывать на долгую жизнь, и, кроме того, с Гоуцзянем можно делить трудности, но опасно быть в мирное время. Он подал Гоуцзяню доклад, прося отставки. В нем говорилось:

«Я слышал, что, когда господин озабочен, слуга прикладывает все силы; когда господин унижен, слуга умирает. В прош-

лом великий ван потерпел унижение в Куайцзи, я не умер ради нынешней победы. Ныне же смыт позор, и я прошу исполнить казнь за позор Куайцзи».

Гоуцзянь сказал:

— Я готов поделить с тобою царство. Если же нет, пусть свершится казнь!

Фаньли ответил:

— Дело вана приказывать, дело слуги следовать своему намерению.

И погрузив в лодку драгоценности, жемчуг и нефрит и взяв с собою своих людей, Фаньли пустился в море и никогда больше не возвращался в царство. А Гоуцзянь объявил горы Куайцзи почетным владением Фаньли.

Фаньли же высадился в Ци, изменил фамилию и имя, назвав себя Кожа от Бурдюка³³, и вдвоем с сыном, не жалея сил, пахал землю на побережье, обзаводясь имуществом. Прошло некоторое время, и у них уже накопилось несколько десятков тысяч. Цисцы, прослышав о достоинстве и благородстве Фаньли, сделали его сяном³⁴. Фаньли, вздохнув, сказал:

— Занимаясь крестьянским трудом, заработать тысячу золота; служа, дослужиться до цина и сяна — вот предел желаний простолудина! Долго быть в почете не к добру!

Он вернул печать сяна, разделил свое имущество между друзьями и соседями и, спрятав за пазуху драгоценности, отправился в путь. Поселился он в Тао³⁵, посчитав, что здесь, в середине Поднебесной, на перекрестке торговых путей, можно разбогатеть. И назвал себя Тао Чжугун. Отец и сын снова, завязав потуже пояс, принялись пахать и разводить скот. Продавали дорого, покупали дешево, пользовались случаем и перевозили товар, извлекая десятикратную выгоду. Через некоторое время его капитал вырос во внушительную сумму. И Поднебесная восславila Чжугуна.

В Тао у Чжугуна родился еще сын. Когда он вырос, средний сын Чжугуна убил человека и был заключен в тюрьму в Чу. Чжугун сказал:

— Убивший человека должен умереть. Однако я слышал, что сын богатого человека не умирает на рыночной площади!

И он велел своему младшему сыну собираться в путь. Провожая его, он погрузил на телегу, запряженную волом, холщовый мешок с тысячью и золотом. Но тут старший сын Чжугуна стал просить отца позволить ему ехать, но Чжугун молчал. Старший сын говорил:

— Ведь старшего сына в доме называют «домоправитель», а ныне брат совершил преступление, а ему на помощь посылают не старшего, а младшего. Значит я недостойн!

И хотел убить себя. Мать ему говорила:

— Посылаем младшего и еще неизвестно, сможет ли он спасти брата. Так зачем же раньше времени попусту губить старшего!

Чжугуну ничего не оставалось, как послать старшего³⁶. Он дал ему письмо к старому знакомому Чжуан Шэну и прибавил:

— Приедешь, отдай Чжуан Шэну тысячу цзиней. Послушай, что он скажет, и ничего не предпринимай сам.

Старший сын отправился в путь, взяв с собой потихоньку еще несколько сот цзиней. Приехав в Чу, он узнал, что Чжуан Шэн живет в пригороде, за городской стеной. Чтобы попасть в дом, надо было пробираться сквозь заросли. Жил он очень бедно. Старший сын вынул письмо и передал ему тысячу цзиней, как велел отец. Чжуан Шэн сказал:

— Скорее уезжай! Здесь нельзя оставаться. Пока твой младший брат не выйдет, не спрашивай ни о чем.

Старший сын ушел, но не послушался Чжуан Шэна и остался в Чу. Он хотел тайком с собой захваченные деньги отдать чуским знатным людям, чтобы они помогли.

Чжуан Шэн, хотя и жил среди бедняков, но своей честностью и прямоотой был известен в царстве. Все, начиная с чуского вана, почитали его словно своего учителя. Взяв деньги Чжугуна, он не собирался их оставлять у себя, а хотел после того, как дело завершится, возвратить — он и без денег готов был помочь Чжугуну. Отдавая их своей жене, он сказал:

— Это деньги Чжугуна. Не трать их, как если бы они были отложены про черный день. Потом ему вернем.

А старший сын Чжугуна, не зная его намерений, решил, что ничего не вышло. Чжуан Шэн же через некоторое время отправился к чускому вану и сказал:

— Расположение созвездий предвещает Чу беду!

Чуский ван всегда доверял Чжуан Шэну и спросил:

— Что же делать?

— Только благим деянием можно избежать зла, — ответил Чжуан Шэн.

— Не беспокойтесь, учитель. Я так и поступлю.

И ван послал людей наложить печати на денежную палату. Чуские знатные люди в недоумении сказали старшему сыну:

— Ван собирается объявить помилование.

— Откуда вы знаете?

— Всегда, когда ван объявляет помилование, он опечатывает денежную палату. Вчера вечером он послал людей ее опечатать.

Тогда старший сын Чжугуна подумал: если будет объявлено помилование, то его брата обязательно выпустят, а тысячу цзиней он напрасно бросил Чжуан Шэну. И он снова пошел к Чжуан Шэну. Чжуан Шэн воскликнул:

— Ты еще не уехал?!

— Еще нет, — ответил старший сын. — Сначала был занят делом брата, а теперь, говорят, его и так выпустят. Поэтому пришел проститься с вами.

Чжуан Шэн понял, что он хочет, чтобы ему вернули деньги. И сказал:

— Пойди в комнату и возьми деньги сам.

Сын Чжугуна пошел в комнату, взял деньги, держа их в руках, ушел, очень довольный. Чжуан Шэн стало стыдно, что мальчишка его покупал. Он пошел к чускому вану и сказал:

— Я был у вас и говорил о расположении созвездий. Вы ответили, что хотите добрым делом предотвратить беду. Сегодня на дорогах все говорят, что сын богача Чжугуна из Тао убил человека, был посажен в тюрьму, а его домашние дали щедрую взятку окружению вана, и ван объявил помилование, не потому, что болеет за свое царство, а из-за чжугунова сына.

Ван страшно разгневался:

— Пусть у меня недостает добродетели, но не из-за чжугунова же сына мне расточать милости!

И приказал убить сына Чжугуна. На следующий день объявил о помиловании других. Старший сын Чжугуна в конце концов должен был похоронить своего брата и возвращаться домой. Когда он приехал, его мать и все люди в городе были в скорби. Один Чжугун горько усмехнулся:

— Я знал, что он убьет своего брата! Он, конечно, любил его, но есть вещи, которые старший сын не может. Он с детства со мною вместе переносил тяготы и знает, как трудно зарабатывать на жизнь. Поэтому он трудно расстается с деньгами. А его младший брат рос в богатстве, ездил на хорошей телеге, погонял доброго коня, гнался за быстрым зайцем. Не знает он, откуда взялось все это добро! Поэтому отдает, не скупясь. Я потому и хотел послать младшего, что он мог отдать деньги, а старший не мог. Поэтому в конце концов и убил своего брата. Нет нужды убиваться. Все кончилось так, как и должно было. Я днем и ночью ждал вести о его смерти!

Так Фаньли трижды переезжал, а слава о нем распространилась в Поднебесной. Он уезжал, но слава его догоняла везде. В конце концов умер в старости в Тао и в поколениях о нем передают как о Тао Чжугуне.

Я, Придворный Историкограф, так скажу:

Велики подвиги Юя³⁷! Он развел девять потоков, утвердил девять областей, вплоть до нынешних времен Поднебесная спокойна! Когда же настало время его поросли — Гоуцзяня, то, изнуряя душу и тело, он все-таки победил сильное У, на севере заставил уважать себя срединные царства. Все, что он ни свершал, было данью уважения чжоускому дому. Получил от него титул бавана. Гоуцзянь может быть назван достойным и мудрым. В его деяниях ответ Юя!

Фаньли трижды уходил, и всюду его ждали слава и почет. Имя его передается в поколениях. Когда слуга и господин таковы, то хотя бы они и не стремились к славе, будут прославлены!

ОТДЕЛЬНОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ
О ГУАНЕ И ЯНЕ³⁸

Гуань Чжун, или Иу, был уроженец местности у реки Ин³⁹. В молодости своей дружил с Бао Шуя⁴⁰. Бао Шу знал, что это достойный человек. Гуань Чжун был беден, жил в нищете. Постоянно обманывал Бао Шу. Бао Шу же относился к нему с неизменно хорошим чувством и об этом не упоминал. Через некоторое время Бао Шу поступил на службу к цискому княжичу Сяобо, а Гуань Чжун стал служить у княжича Цзю⁴¹. Когда Сяобо встал на трон под именем князя Хуаня, а княжич Цзю умер, то Гуань Чжун был посажен в тюрьму. Тогда Бао Шу представил князю Гуань Чжуна. Когда Гуань Чжун стал служить, он взял в руки все правительство в уделе Ци. Благодаря этому князь Хуань сделался предводителем всех других. Он девять раз соединял под своей гегемонией князей и один раз даже встал во главе всей нашей страны. Все это по замыслу Гуань Чжуна. Гуань Чжун говорил:

— Когда я был беден сначала, то мы с Бао Шу торговали. Когда мы делили и прибыль и деньги, я большую часть себе оставлял. Бао Шу не считал меня жадным: он знал, что я беден. Я, бывало, для Бао Шу старался что-нибудь устроить, но все больше беднел. Бао Шу не считал меня глупым: он знал — для людей времена бывают удачные и неудачные. Я в свое время три раза на службу вступал и три раза был прогнан от князя. Бао Шу не считал, что я впрямь никуда не гоюсь: он знал, что я просто не встретил еще своего заслуженного часа. Я раньше трижды ходил в бой и трижды бежал из боя. Бао Шу же совсем не считал, что я трус: он знал — у меня на руках оставалась старуха мать. Княжич Цзю был разбит. Шао Ху⁴² за него умер тоже. Я в темную был заточен в тюрьму, претерпел там всяческий срам. Бао Шу не подумал считать меня честь потерявшим: он знал, что ведь я не стыжусь мелочей, а стыжусь лишь того, что дела мои, имя еще не прославлены в нашей стране Поднебесной. Те, кто меня родили, — отец и мать; тот, кто меня узнал, был дорогой мой Бао.

Когда Бао Шу представил князю Гуань Чжуна, то сам стал под его начало. Его сыновья и внуки имели в Ци потомственное содержание, с десятков их поколений владели городами и часто бывали именитыми вельможами. В стране Китая не всегда считали Гуань Чжуна достойнейшим, но всегда считали, что Бао Шу умел распознавать людей. Когда Гуань Чжун взял в свои руки правительство и стал министром в Ци, он, используя положение маленького, крошечного Ци на морском побережье, развил движение товаров и способствовал накоплению богатств, содействовал обогащению государства

и усилению войсковых сил. Он полностью разделял с народом его стремления и отвращения и говорил об этом так⁴³:

«Когда амбары его полны, он признает приличье⁴⁴, законы; когда пищи, одежды достаточно, он признает и славу и срам. Если высший владыка в одежде своей соблюдает известную норму⁴⁵, то все шесть степеней родства в народе⁴⁶ вполне прочны. Когда все четыре устоя⁴⁷ развиться не могут, тогда государство исчезнет, погибнет. Издайте указы подобно истоку струящихся рек. И если указ ваш идет за сердцем людей, его выражения общепонятны, вульгарны⁴⁸, но исполнить его легко. То, чего хочет народ, сейчас же давай. То, чего он не захочет, сейчас убирай.»

Правление Гуаня было вот таким: он ловко использовал даже несчастье, чтоб в счастье его превратить. Он даже поражение вдруг превращать умел в триумф. Он на первое место всегда выдвигал теорию «легких-тяжелых» монет⁴⁹. Он следил неусыпно за мерами и весами.

Князь Хуань не на шутку рассердился на свою маленькую наложницу (Сяо Цэн)⁵⁰, пошел на юге походом на Цай. А Гуань Чжун, между тем, ударил на Чу, обвиняя его в том, что он не вносит в чжоускую казну подати, идущей на пучки жертвенных трав. Князь Хуань решил идти на север против горных жунов⁵¹, а Гуань Чжун тут же велел уделу Янь держаться системы князя Шао⁵². На съезде князей в Гэ князь Хуань намеревался нарушить договор с Цао Мэем⁵³, а Гуань Чжун этот договор одобрил, и с этих пор удельные князья признали власть Ци. По этому поводу Гуань говорит: «Коль ясно кто понял, что дать — это значит забрать, то дело правления станет серьезным». Гуань наш стал своим богатством равняться с княжескими домами. У него была башня «Тройное убежище» и был бельведер «Уход»⁵⁴. Население Ци не видело в этом мотовства, расточительности. Когда Гуань Чжун умер, Циский удел продолжал следовать его системе и политике и постоянно был сильнее других уделов.

Прошло еще сто с лишком лет, и появился Янь-мыслитель. Янь Пинчжун, или Янь Ин, происходил из страны Лай⁵⁵, местечка Ивэй. Служил циским князьям Лину, Чжуану, Цзину. За свою умеренность, скромность, энергичную деятельность был всеми уважаем в Ци. И даже когда он стал в Ци министром, то мясо он ел одно, а не два, наложницу в шелк не рядил. Когда он стоял во дворце и когда к нему князь обращал свою речь, то он отвечал и серьезно и прямо. Когда же слова к нему не обращались, он действовал тоже серьезно и прямо. Когда в государстве был правопорядок, то он покорялся указам. Коль не было вовсе порядка, то он указы взвешивал прежде. Вот так он провел три смены князей⁵⁶, имя свое прославил в князьях.

Юэ Шифу⁵⁷ был человек достойный и ученый. Сидел закованный в тюрьме. Наш Янь выходит как-то, его встречает

на пути. Он отпрягает левого коня из тройки и выкупает человека из тюрьмы, сажает на телегу, везет домой к себе. Не извиняясь, ушел к себе в гарем, где долго задержался. Юэ Шифу сейчас же попросил его прервать с ним дружбу навсегда. Наш Янь, весь перепуганный, оправил на себе шапку и одежду, стал извиняться и сказал:

— Я, Ин, хоть и не очень мягок, но вас освободил я от беды. Так почему же вы так скоро от меня потребовали прекращения отношений?

Шифу сказал:

— Неправильно, не так! Я слышал, что мудрец и благородный человек несправедливость терпит лишь от тех, кто никогда его не понимал; но оправляется от всех своих обид у тех, кто его знает, понимает. Когда сидел в оковах я, они меня не понимали. Вы, мой почтеннейший наставник, вы посочувствовали мне и дали выкуп за меня. То был меня понявший друг. Теперь же понявший меня — и вдруг он со мною стал бесцеремонен! Уж лучше, конечно, тогда мне сидеть по-прежнему в узах тюрьмы.

Тогда наш Янь пригласил его к себе в дом как высшего гостя.

Янь был циским министром. Как-то он выезжал. Жена его кучера посмотрела в щель двери на мужа. А муж ее, кучер у министра, ухватил покрышку, погнал кнутом четверку лошадей, пришел в настроенье приподнятое и самодовольное. Когда он вернулся домой, его жена просила отпустить ее совсем, дав ей развод. Муж спросил, что за причина. Жена сказала:

— Мыслитель Янь ростом неполных шесть чи⁵⁸, а служит своей особой у циского князя министром и имя его прославлено между князьями. Сейчас я смотрела, как он выезжал. Как глубоко сосредоточен! В нем есть какая-то готовность пойти и снизойти к другим. А ты, хоть ростом в восемь чи, а служишь конюхом людям! Меж тем настроенье твое таково, что сам ты считаешь себя довольным вполне своей долей. Вот и прошу я у тебя развода!

После этого муж ее был подавлен и притмирел... Яню это показалось странным, и он спросил, в чем дело и как это так. Кучер рассказал ему все, как было, по правде. Янь представил его к высшим чинам.

Граф величайший астролог⁵⁹ здесь скажет так:

«Я читал у Гуаня его сочинения⁶⁰: «Как надо пасти народ», «Гора высока», «Кони в упряжке», «О легком-тяжелом», «О девяти казнах», а также «Весны и Осени» Яня-мыслителя⁶¹. Подробно — и ах, как подробно, рассказано там обо всем! Но раз я читаю все эти их книги, хотел наблюдать я и жизнь их в делах. Поэтому я здесь в порядке изложил их жизнеописание. Что ж до их книг, они у многих налицо. Поэтому я и не буду о них судить, а я сужу о том, что с авторами было, их дела.

Гуань Чжуна все обычно называют достойнейшим деятелем. Однако же мыслитель Кун считал его ничтожнейшим⁶². Не за то ли, что он, видя, как правый путь династии Чжоу слабел, упadal, — князь Хуань же был очень толковый, достойный! — не стал поощрять князя к истинно царским, высоким, большим достижениям, а дал ему зваться лишь сильным главою удельных князей рядовых.

Есть место, где сказано так⁶³: «Он хочет идти вслед за лучшим, что есть, он хочет спасти их от всякого зла. И тогда самый высший и низший друг другу бывают близки». Не о Гуань Чжуне ли это сказано?

Когда мыслитель Янь лежал на трупе князя Чжуана, оплакивал его по всем положенным обрядам и, лишь оплакав полностью, ушел⁶⁴, то не о нем ли говорилось, что «видеть, где честно, но честно не делать — нет храбрости в этом»?

А если взять теперь, как он в своих неодобрительных реляциях шел прямо против князя и дерзко говорил ему в лицо, то это, кажется, должны считать мы так, как сказано: «Когда приближаешься к трону, исчерпай там всю преданность свою; уйдя же из дворца, подумай и о том, как ошибки исправить», — не правда ль?

О, если б Янь был жив! Я б, с радостью взирая, уважал его, хотя бы и служа ему с кнутом в руке погонщиком каким-то!⁶⁶

ЧЖУАНЦЫ⁶⁶

Чжуанцзы, родом из Мэн⁶⁷, по имени Чжоу, некогда служил писцом в Циюане⁶⁸. Он жил в одно время с царями Милостивым в Лян и Светлым в Ци⁶⁹. В науке для него не было непостижимого, но в самом основном он следовал за речами Лаоцзы. В своих писаниях, в сотне с лишним тысяч слов⁷⁰, большей частью он обращался к басням. Для объяснения учения Лаоцзы и порицания конфуцианцев он создал диалоги Рыболов, Разбойник Чжи, Взломщики сундуков. В историях героев, подобных Кан Санцзы⁷¹ на горе Опасное нагромождение, нет фактов, все вымысел. Но Чжуанцзы прекрасно писал, создавал удивительные выражения. С помощью намеков, аналогий обличал конфуцианцев и моистов⁷², и даже многоопытные ученые не способны от него защититься. В своих речах блестящих, глубоких и вольных он находил удовлетворение. Поэтому его не могли привлечь на службу ни цари с сановниками, ни знать.

Могущественный, царь Чу⁷³, прослышав о талантах Чжуан Чжоу, отправил за ним посланцев с богатыми дарами, обещая назначить его своим советником.

— Почетный пост сановника с таким большим вознаграждением, как тысяча золотом? — повторил Чжуанцзы и ответил посланцам насмешкой: — Разве не доводилось вам видеть быка, которого приносили в жертву в предместье? Как откармливали

его несколько лет, как наряжали в узорчатые ткани и вводили в храм предков? Разве смог бы он в этот момент снова стать вольным теленком, как бы ему этого ни хотелось?

Уходите скорее! Не оскорбляйте меня! Лучше мне прогуливаться по грязному болоту, чем быть обузданным государем какого-либо царства. До конца жизни не стану служить, чтобы наслаждаться собственной волей...

ПОЛКОВОДЕЦ ЛИ ГУАН

Полководец Ли по имени Гуан был родом из Лунси, из уезда Чэнцзи⁷⁴. Его предок Ли Синь, будучи военачальником, во времена Цинь участвовал в преследовании и захвате яньского наследника Дая⁷⁵. Вначале семья жила в Хуайли⁷⁶, а затем переехала в Чэнцзи. Из поколения в поколение в их роду передавалось искусство стрельбы из лука.

На четырнадцатый год правления Сыновнепочтительного Просвещенного государя⁷⁷ войска сюнну⁷⁸ глубоко вторглись через заставу Сяо в ханьские владения, и Гуан, как сын родовитого семейства⁷⁹, пошел с войском на хусцев⁸⁰. Отличный стрелок и наездник, он сразил множество вражеских голов и был произведен в чжунланы — офицеры дворцовой стражи. Его двоюродный брат Ли Цай также был офицером дворцовой стражи. Оба они служили в личной охране императора и имели разряд служащих, получавших жалованье в восемьсот даней риса⁸¹.

Гуан сопровождал императора в походах, где участвовал и в нападении, и в обороне, и в схватках с дикими зверями. Просвещенный государь, наблюдая его, молвил:

— Жаль, родился он не в свой час! Во времена Высочайшего государя⁸² был бы он по меньшей мере хоу⁸³ с десятью тысячами дворов во владении!

В начале правления Сыновнепочтительного Светлого государя⁸⁴ Гуан был воеводой пограничной области Лунси, затем был переведен начальником личной охраны государя, а во время военного мятежа царств У и Чу командовал гвардией и в составе частей главнокомандующего Яфу сражался против мятежников и захватил их знамя. Он прославился также при Чанъи⁸⁵, но не получил наград из-за того, что принял печать командующего от Лянского вана⁸⁶. Затем Гуан был переведен воеводой в Шангу⁸⁷. Здесь не проходило дня, чтобы он не завязал боя с сюнну. Наместник Гунсунь Хунье слезно взывал к императору: «Ли Гуан талантлив и храбр, ему нет равных в Поднебесной. Но, уповая на свои способности, он постоянно вступает с варварами в стычки, и, боюсь, погибнет!» И Гуана перевели воеводой в Шанцзюнь⁸⁸... Был он воеводой и Бэйди, Яньмэня, Дайцуня, Юньчжуна⁸⁹ и везде был известен своей храбростью.

Когда сюнну глубоко вторглись в Шанцзюнь, император прислал к Гуану своего доверенного человека — руководить подготовкой войск для отражения варваров. Однажды этот человек с несколькими десятками воинов поскакал в сторону сюнну и, увидев впереди троих из них, вступил с ними в бой. Те, защищаясь, ранили его стрелой из лука и перебили всех его всадников. Когда доверенный императора примчался к Гуану, тот сказал:

— Наверняка это охотники на соколов.

И с сотней всадников кинулся в погоню. Сюнну были без коней, шли пешком. Они уже прошли несколько десятков ли, когда Гуан нагнал их и приказал своим всадникам развернуться на правое и левое крыло, а сам, метнув стрелу, убил двоих, один же остался жив. Это действительно были охотники на соколов. Уже связав и взвалив пленного на коня, всадники Гуана заметили впереди конницу сюнну в несколько тысяч всадников, а те, увидев Гуана, решили, что их заманивают, и в панике полезли на гору занимать позиции. Сотня Гуана тоже испугалась и чуть не повернула назад, но Гуан остановил их словами:

— Мы сейчас в нескольких десятках ли от своих главных сил. Если мы побежим, варвары вмиг нагонят нас и перестреляют. Если же останемся на месте, они решат, что мы их заманиваем, и не посмеют напасть.

И Гуан скомандовал:

— Вперед!

Все бросились вперед, а на расстоянии двух ли от позиций сюнну Гуан приказал:

— Спешиться и расседлать коней!

Конники засомневались:

— Враги близко и их много. В случае опасности что будем делать?

— Так мы подтвердим их предположение, — ответил Гуан. — А если у них и могла бы появиться надежда, что мы побежим, то теперь, когда мы расседлали коней, ясно, что мы не собираемся этого делать!

И конница хусцев не решилась атаковать. Вдруг из рядов противника показался военачальник на белом коне. Ли Гуан вскочил в седло и с десятком всадников рванулся вперед, убил хусского военачальника, спокойно вернулся в ряды своих, расседлал коня, отдал команду воинам распустить коней и спать. Солнце уже садилось, и хусцы, подивившись на действия противника, не решились атаковать. В полночь им показалось, что ханьцы⁹⁰ устраивают засаду с флангов, чтобы ночью распрях захватить их, и они отвели войска.

А утром Ли Гуан возвратился к главным войскам. Там не знали, где он, и потому не пришли на помощь.

Много времени спустя Сыновнепочтительный Светлый государь почил и на престол взшел император Воинственный⁹¹.

В окружении императора все считали Гуана выдающимся военачальником и в результате Гуан из воеводы области Шанцзюнь превратился в начальника стражи дворца Вэйян, а начальником стражи дворца Чанлэ был назначен Чэн Буши. До этого Ли Гуан и Чэн Буши одновременно были воеводами пограничных поселений и вместе выступали против хусцев. У Гуана в походе не было строгого деления на полки, части, отряды; лагерь он любил разбивать там, где есть пастбище; людей предоставлял самим себе, не бил в котелки стражу⁹², сокращал число штабной документации, однако далеко выставлял караульные посты, и никогда не случалось никакой оплошности. Чэн Буши же строго соблюдал деление на воинские единицы — полки, части, отряды, следил за строем, у него били в котелки стражу, чиновники и писцы исправно вели деловые бумаги, воинам некогда было отдохнуть, и у него тоже никогда не случалось никакой оплошности. Буши говорил:

— У Ли Гуана все упрощено. Его солдаты веселы и спокойны, все рады умереть за него. Но если враги нападут, он не сможет им помешать. Мои же воины не знают покоя, но и враги остерегаются меня.

В это время в ханьских пограничных областях знамениты были оба военачальника, и Ли Гуан, и Чэн Буши, но сюнну более опасались тактики Ли Гуана, воины же предпочитали служить Ли Гуану и тяготились службой у Чэн Буши. Во время правления Сыновнепочтительного Светлого государя за ряд правдивых докладов трону Чэн Буши был произведен в советники. Он был человек прямой и честный и неукоснительно исполнял все законы и предписания...

Спустя четыре года⁹³ Ли Гуан из начальника дворцовой стражи был произведен в командующего войсками и выступил против сюнну из Яньмэня. Войско сюнну было очень многочисленно, и они разбили Гуана, а его самого взяли в плен. Шаньюй⁹⁴ уже знал, что Гуан — человек известный, и приказал:

— Доставить его живым!

Хуские конники уложили раненого Гуана на веревочную сетку между двумя конями и повезли. Проехали около десяти ли. Гуан притворился, что мертв, а сам наблюдал за происходящим: прищурившись, увидел, что под одним из хусцев добрый конь. Неожиданно он, столкнув хусца и схватив его лук, перескочил на его коня и, пришпорив, помчался на юг. В нескольких десятках ли Гуан нагнал остатки своих войск и отвел их на заставу. Его преследовали несколько сотен сюнну и уже было настигали. Тогда Гуан поразил преследователей и тем спасся. После этих событий он возвратился в Хань⁹⁵. Хани его предали суду, обвинив в тяжелых потерях и в том, что сдался сюнну живым. Он был приговорен к смертной казни, но за выкуп помилован и обращен в простолюдины.

Вскоре после этого Гуан, удалившись от дел, поселился в уединении по соседству со своим старым знакомым — внуком иньиньского хоу⁹⁶. Так прожил он несколько лет — в горах к югу от Ланьтянь. Развлекались они тем, что стреляли из лука и охотились. Как-то ночью Гуан ехал один — его люди остались в полях. Он выехал к посту Балин. Тамошний офицер был пьян и крикнул Гуану, чтобы тот остановился. Не слезая с коня, Гуан ответил:

— Я бывший командующий Ли.

— Вот еще! И нынешние командующие по ночам не ездят, а то еще бывший! — откликнулся стражник.

И задержал Гуана. Но вот снова в пределы Хань вторглись сюнну, убили правителя области Ляоси, нанесли поражение командующему Ханю (его затем перевели в Правый Бэйпин⁹⁷). Тогда Сын Неба призвал Гуана, сделав его воеводой Правого Бэйпина. Гуан просил соизволения взять с собой и стражника из Балина, а когда они прибыли к войскам, казнил его.

Сюнну, узнав, что Гуан находится в Правом Бэйпине, дали ему прозвище «Летучий командующий». Они избегали с ним столкновений и в течение нескольких лет не смели соваться в Правый Бэйпин.

Однажды на охоте Гуан заметил в траве что-то похожее на камень. Решил, что это тигр, и выстрелил. Стрела вошла в камень по самую головку. Посмотрел — да нет, камень. Выстрелил еще и еще раз, но все — мимо. Живя в других местах, Гуан много слышал о тиграх, ему и самому приходилось на них охотиться. Но на этот раз тигр, прыгнув, ранил Гуана, так что тот едва смог его прикончить.

Гуан был бескорыстным и честным человеком. Получив награды, он делил их с подчиненными, ел и пил вместе с ними. В сорок с лишним лет он имел жалованье в две тысячи даней риса. В доме у него не было излишка, но он никогда не жаловался. Гуан был рослым человеком с длинными, как у обезьяны, руками. Искусство стрельбы из лука было его природным даром. Сыновья и внуки его учились этому искусству, но никто из них не мог с ним соперничать. Гуан был занкой и вообще молчалив. С людьми он больше общался, чертя на земле расположение войск, а в соревнованиях по стрельбе из лука определял, кому пить штрафную чашу, по тому, чья стрела попала ближе или дальше. Вплоть до самой смерти стрельба из лука была его самым любимым развлечением. Когда войска Гуана шли через голодные места, простые воины не пили и не ели, пока не подойдет Гуан. Солдаты любили его за широту души, мягкость, незлобивость, и готовы были ему служить с радостью. Если он видел, что враг наступает, он подпускал его на несколько десятков шагов. Стрелял будучи уверенным, что попадет в цель. Если же не был в этом уверен, не стрелял. Из-за этого его войска не раз оказывались в трудном положении и терпели позор. Вот и зверь, говорят, ранил его.

Вскоре умер Ши Цзянь и император призвал на его место Гуана — начальником дворцовой стражи.

На шестой год юаньшо⁹⁸ Гуан был назначен командующим частями арьергарда и в составе войск командующего главными войсками выступил из Динсяна⁹⁹ на сюнну. Большинство военачальников в войсках имели титул хоу, полученный на основании закона о заслугах в истреблении врагов, а войско Гуана под такой закон не подходило. Минуло три года. И вот Гуан в качестве начальника дворцовой стражи во главе четырехтысячной конницы выступил из Правого Бэйпина. Вместе с Гуаном выступил и бованский хоу Чжан Тэн с десятью тысячами конницы. Они отправились по разным дорогам. Войско Гуана прошло несколько сот ли и оказалось в окружении. Началась паника. Тогда Гуан послал своего сына Ганя вперед. Тот с несколькими десятками всадников прорвал кольцо, появился перед свитой хуского вана и вернулся назад, доложив:

— Хусцев нетрудно одолеть!

И воины воспрянули духом. Гуан приказал занять круговую оборону. Хусцы ожесточенно дрались, стрелы сыпались дождем. Более половины ханьцев пало, стрелы были на исходе. Тогда Гуан приказал солдатам держать луки наготове и не стрелять, а сам, натянув свой Большой Желтый лук выстрелил в предводителя хусцев, убил несколько человек, и натиск хусцев стал ослабевать. А тут уже и закат наступил. На воинах от усталости лица не было, Гуан же как ни в чем не бывало отдавал распоряжения, собственным примером поднимал мужество своих солдат. На следующий день бой возобновился с новой силой, но тут прибыли войска бованского хоу, и сюнну отступили. Ханьцы отдыхали, не будучи способны к преследованию противника. От войска Гуана почти ничего не осталось, и оно было распущено. Хани издали указ: бованского хоу за промедление приговорить к смерти, за выкуп помиловать и низвести в простолюдины; Гуана оставить без наград, поскольку его заслуги равны его потерям.

Когда-то давно Гуан служил при дворе Сыновнепочтительного Просвещенного государя вместе со своим двоюродным братом Ли Цаем. При Светлом государе Цай дослужился до жалования в две тысячи даней риса. В правление Сыновнепочтительного Воинственного государя он стал правителем области Дай. В пятый год юаньшо¹⁰⁰ Цай был командующим легкими колесницами. Вместе с командующим главными войсками принимал участие в походе против хуского вана правого крыла, имел заслуги и был пожалован титулом лэаньского хоу. В середине второго года юаньшоу он, заместив Гунсунь Хуна, стал первым министром. Цай был человеком недалеким, по сравнению с Гуаном мало чем знаменит. Однако Гуан не дослужился до титулов и наделов и в табели о рангах не поднялся выше цина¹⁰¹. Цай же вышел в лехоу, дослужился

до саньгуна¹⁰². В войске Гуана его подчиненные, вплоть до простых воинов, могли рассчитывать получить наделы и титул хоу. Однажды Гуан имел тайную беседу с гадателем Ван Шо. Гуан сказал ему:

— С тех пор как идет война с сюнну, я всегда на поле боя. Мои офицеры — люди средних достоинств, однако многие из них за заслуги в войне с сюнну получили титул хоу. Я же как будто не из последних, однако, оказывается, у меня нет ни малейшей заслуги, дающей право на надел. Я действительно не достоин быть хоу? Или это судьба?

— Вспомните, командующий, случилось ли вам ненавидеть кого? — спросил гадатель.

— Когда-то я был воеводой Лунси, и цяны¹⁰³ подняли мятеж, я их заманил в ловушку и принудил сдаться. Их было восемьсот с лишним человек. Я обманул их и в тот же день убил всех до единого. До сего дня я испытываю к ним великую ненависть. Только это.

— Нет большего несчастья, — заключил Ван Шо, — чем убить сдавшихся. Вот почему у вас нет титула хоу.

Через два года командующий главными войсками и командующий легкой кавалерией предприняли большой поход на сюнну. Гуан несколько раз просился в поход, но Сын Неба посчитал, что он стар, и отказал ему. Прошло довольно много времени, и Сын Неба разрешил Гуану участвовать в походе в качестве командующего авангардом. Это был четвертый год юаньшоу. Гуан присоединился к войскам командующего главными войсками Цина и выступил против сюнну. Едва они выехали из крепости, Цин добыл пленного и узнал от него, где располагается шаньюя. С отборными частями Цин двинулся в том направлении, а Гуану приказал соединиться с войсками командующего правым крылом и выступать по восточной дороге. Восточная дорога была более извилистой и дальней, а та, по которой шли главные войска, свободна от водных преград и травы и позволяла идти, не делая привалов. Гуан обратился к командующему Цину со словами:

— Мои части — авангардные. Ныне же вы, командующий, приказали перейти нам на восточную дорогу. Я сражаюсь с сюнну с той поры, как завязал волосы в пучок¹⁰⁴. Сегодня мне представляется возможность выйти на шаньюя. Я бы хотел быть впереди и первым пойти и убить шаньюя!

Но командующий Цин получил к этому времени тайное распоряжение Сына Неба, где говорилось, что Ли Гуан стар и судьба против него. Потому Цин не допустил Гуана к бою за шаньюя, боясь, что тот не осуществит желаемого. Кроме того, командующий главными войсками хотел выйти на хана с Гунсунь Ао, недавно потерявшим титул хоу и теперь командовавшим центром. Поэтому он отослал командующего авангардом Ли Гуана. Узнав об этом, Гуан отказался перейти на позиции, но командующий послал к нему чиновника с письмом,

велел сказать: «Срочно передвигайтесь в направлении, указанном в письме». Гуан не ответил командующему и, хотя был полон гнева, поднял войска, соединился с частями командующего правым крылом и вместе с ним вышел на восточную дорогу. У них не было проводника, они заблудились и оказались позади войск командующего главными войсками. Командующий главными войсками завязал бой и обратил шаньюя в бегство, но не смог его взять и вынужден был возвратиться назад. На юге он переправился через пески Шамо и встретился там с Ли Гуаном и командующим правым крылом.

После встречи с командующим Гуан вернулся в войско. Цин послал чиновника передать Гуану рис и вино и просить, чтобы они с Ши Ци¹⁰⁵ описали, как это они потеряли дорогу. Командующий Цин хотел в докладе императору обрисовать трудности похода. Гуан еще не успел ответить, как командующий прислал к нему чиновника с приказом: подвергнуть штабных Гуана допросу. Гуан сказал:

— Никто из штабных не виновен. Это я потерял дорогу и сам отправлю императору донесение.

Обращаясь к своим подчиненным, он добавил:

— С того момента, как я завязал волосы в пучок, я участвовал по меньшей мере в семидесяти больших и малых сражениях с сюнну. Ныне же мне выпала удача — сопровождая главные войска, я вместе с ними вышел непосредственно на шаньюя. Но тут командующий отослал меня на кружную дорогу, где я заблудился! Разве это не рок?! Мне шестьдесят с лишним лет. И никогда я не стану бумажным писакой!

Он выхватил кинжал и закололся. Вся армия оплакивала его. Простой люд, все, кто знал его и не знал, старые и молодые, проливали слезы. А командующий правым крылом был предан суду, приговорен к смерти, но за выкуп помилован и обращен в простолюдины.

У Гуана было трое сыновей. Все они служили в дворцовой страже и звались Данху, Цзяо и Гань... Данху рано умер, Цзяо был пожалован должностью правителя области Дай. Оба они умерли раньше Гуана. У Данху был сын по имени Лин...

На следующий год после смерти Гуана его брат, первый министр Ли Цай, должен был быть предан суду по делу о нарушении границ могилы Сыновнепочтительного Светлого государя, но покончил с собой, не допустив заключения в тюрьму. В стране было проведено очищение от скверны¹⁰⁶.

Ли Гань вместе с войсками командующего легкими колесницами в качестве начальника одной из частей ходил походом на вана левого крыла сюнну, проявил отвагу и захватил знамя и барабан противника, посек немало голов и был пожалован титулом и владениями хоу девятнадцатой степени, на кормление получил город с двумястами дворами и заместил Гуана на посту начальника дворцовой стражи. В скором времени, не забыв зла, которое сделал его отцу командующий

Цин, Гань, напав на него, ранил его. Командующий не предал дела огласке. Как-то Гань сопровождал императора в Юн. Командующий легкими колесницами Цюйбин¹⁰⁷ был с Цинем в родстве. И вот на охоте в парке дворца Сладкие источники Гань был убит стрелой из лука. Цюйбин тогда пользовался вниманием государя, и император замаял это, сказав: «Его убил олень». Через год умер и Цюйбин.

Дочь Ганя была приближена наследником и удостоилась его любви. Сын Ганя тоже пользовался благосклонностью наследника престола, однако был корыстолюбив.

Род Ли постепенно приходил в упадок, как постепенно сравнивается могильный холм.

Ли Лин¹⁰⁸, возмужав, получил звание смотрителя дворца Цзяньчжан. Это конная служба. Лин был искусным стрелком из лука, любил своих солдат. Сын Неба, памятуя о том, что род Ли — потомственные военачальники, дал ему под руку восемьсот всадников. Однажды Лин со своими воинами углубился во владения сюнну на две с лишним тысячи ли. Они миновали Цзюйянь¹⁰⁹, осмотрели местность, не увидели сюнну и вернулись. За эту вылазку Ли Лин был пожалован званием начальника конницы. Под его главенством теперь было пять тысяч чусцев¹¹⁰ из Даньяна¹¹¹. Он обучал стрельбе из лука людей с дальних окраин — из Цзюцюаня и Чжанъе, для того, чтобы они могли держать оборону против хусцев. На вторую осень тяньхань¹¹² командующий Эрши¹¹³ Ли Гуанли с тридцатью тысячами конников выступил против вана правого крыла сюнну и потеснил их к Циляню и Тяньшань. А Лину приказал с пятитысячным отрядом стрелков и пехотинцев идти на север от Цзюйянь, если смогут — на тысячу с лишним ли. Ли Гуанли хотел разделить войско сюнну, чтобы ослабить их натиск. Когда наступило время Лину возвращаться обратно, он оказался окруженным восьмидесятитысячным войском шаньюя. Оружие и стрелы были на исходе, более половины воинов пало, а сюнну потеряли ранеными более десяти тысяч. То отступая, то вновь бросаясь в бой, отряд продержался восемь дней. В ста ли от Цзяньян он был остановлен сюнну на узком пространстве. У Лина кончился провиант, и не было никакой надежды спасти солдат. Враги теснили их все ожесточеннее, призывая Лина сдаться. «С какими глазами я извещу об этом трон!» — воскликнул Лин.

Он сдался сюнну. Остатки его пятитысячного отряда вернулись в Хань — немногим более четырехсот человек. Шаньюй, заполочив Лина, зная его славную семью, отдал в жены Лину свою дочь, почитал и ценил его. Хани, прослышав об этом, казнили мать, жену и детей Ли Лина.

С этого времени слава рода Ли угасла. Люди, которые служили прежде воинам и мужам из Лунси¹¹⁴, стыдились вспоминать об этом.

Я, Придворный Историограф, так скажу:

В преданиях передают: «Кто честен и прям, тому приказывать не надо; кто с честью не знаком, тому приказывать нет пользы». Это о командующем Ли сказано. Я смотрю на это так: командующий Ли был чистосердечен, как бывают чистосердечны простые люди; он не умел говорить цветисто; когда же наступил час его смерти, в Поднебесной безмерно скорбели о нем — знавшие его и не знавшие. Он был честен и прямодушен, простые воины и дафу верили ему. Есть пословица: «Персик и слива не умеют говорить»¹¹⁵, но к ним не зарастает тропа». В этих коротких словах заключен большой смысл.

КОММЕНТАРИИ

ИРАН

¹ *Ахура Мазда* — «Владыка всеведущий», бог неба, света и добра. Его помощниками были *Арта* — дух огня, лучшего распорядка, правды, а также *Вохумана* — дух скота, благой мысли.

² *Спитамид Заратустра* — греч. Зороастр, сын Пурушасия, потомок Спитами, основатель зороастризма.

³ *Ангра Манью* — божество мрака и зла.

⁴ *Керсаспа* — один из мифических персонажей, сражавшийся с чудовищами (в средние века — Гершасп).

⁵ *Трэтона* (Тразтаона, Фразтаона) — один из мифических персонажей, вошедший в героический эпос средних веков и последующего времени под именем Феридун, богатырь, победитель дракона Дахаки.

⁶ *Ажи Дахака* — мифическое чудовище (в средние века — Аждаха).

⁷ *Арматай* (Арманти) — «Благодетельная преданность» — дочь Мазды и сестра Арты.

⁸ *Виштаспа* — царь (племенной вождь) из династии Кавайндов, первым признавший Заратустру.

⁹ *Фрашабштра* — один из первых последователей зороастризма, друг Заратустры, впоследствии женившийся на его дочери.

¹⁰ *Душа быка* — благое существо, покровительствуемое Ахуря Маздой, олицетворение животворной, необходимой человеку силы. Представление о Душе быка восходит к тотемистическим верованиям. Оно связано с необходимостью прекратить жертвоприношения в виде рогатого скота, от чего нищали иранские племена.

¹¹ *Эшма* — божество зла и грабежа, сподвижник Друджа — божества, стоявшего во главе «троницы» зла; демон лжи, Ложь.

¹² *Друдж* — Ложь, демон лжи.

¹³ *Мантра* (Мантра Спента) — воздействующее, благое слово (позже — святое), реченное Ахуря Маздой.

¹⁴ *Дэвы* — божества, объявленные злыми после утверждения зороастризма в качестве государственной религии.

¹⁵ *Ворукаша* — озеро или море у подножия священной горы Хукарья, считавшейся обителью божеств.

¹⁶ *Кишвар* — область земли, которую делили на семь областей — кишваров.

¹⁷ *Хома* (Хаома) — священное растение, сок его; в то же время и дух растения, игравшего большую роль в ритуале древнеиранской религии.

¹⁸ *Забтра* — обрядовый, священный сок.

¹⁹ *Пэри* — мифологическое существо женского рода, скорее недоброе, чем благое.

²⁰ *Кавийские властители* — представители легендарной династии приверженцев Добра.

²¹ *Карайнские властители* — противостоящие кавийским и, соответственно, — злые.

²² *Арийана Вэджа* («Арийский простор») — прародина иранцев, первая из созданных Ахурой стран.

²³ *Дайтйа* — мифическая река, расположенная предположительно в области Хорезма или бассейнов Аму-Дарья и Сыр-Дарья.

²⁴ *Барсман* — ветви, употребляемые с обрядовой целью.

²⁵ *Хошйангха* (Хаошйангха) Парадата — один из мифических царей-первозаконников.

²⁶ *Хара* — священная гора, обитель богов.

²⁷ *Мазанские дэвы* — злые демоны прикаспийской области Мазандарана.

²⁸ *Варна* — четырнадцатая страна из созданных Ахурой, имеющая четырехугольную форму, являющаяся родиной Трэтоны.

²⁹ *Йима* — герой архаического мифа о потопе и др. В средние века — Джамшид.

³⁰ *Баврай* — мифическая страна зла (по некоторым предположениям, Вавилон в представлении иранцев).

³¹ *Атйа* — согласно зороастрийской традиции, второй человек, выжимавший сок священного растения хомы (хаомы).

³² *Трэтона* (Траэтона, Фраэтона) — см. примечание 5.

³³ *Варна* — см. примечание 28.

³⁴ *Керсаспа* — второй сын Триты, третьим выжимавший сок хомы.

³⁵ *Пишина* — мифическое озеро.

³⁶ *Гандарва* (Гандхарва) — демон с золотыми пятками.

³⁷ *Туранец* — представитель племен, совершавших набеги на иранские сельскохозяйственные районы и за это осуждаемых зороастрийцами.

³⁸ *Франграспан* — вождь туранцев, в средние века его имя выступает в форме «Афрасьяб».

³⁹ *Хварно* — божественное сияние, нимб, олицетворение удачи, счастья, позднее — власти; материализованный знак ее законности (в средние века — фарр).

⁴⁰ *Арийские страны* — прародина иранцев.

⁴¹ *Кавай Усан* — один из Кавайидов, правителей этого рода (в средние века — кейанидов).

⁴² *Эрзифйа* — мифическая гора.

⁴³ *Хосрава* (Кавай Хосрава, Кавай Хусрава) — кавайид, убивший Франграсьяна из мести за убийство своего сына.

⁴⁴ *Чечаста* — мифическое озеро.

⁴⁵ *Туса* — иранский богатырь царского рода.

⁴⁶ *Взаса* — туранский богатырь.

⁴⁷ *Хшатросука* — мифический горный проход.

⁴⁸ *Кангха* — название страны (предположительно — Хорезма).

⁴⁹ *Паурва* — герой полумифа-полусказки, претерпевающий волшебные превращения.

⁵⁰ *Джамаспа* — один из ранних последователей Заратуштры.

⁵¹ *Ашавазда* и *Трита* — легендарные богатыри, сражавшиеся с туранцами.

⁵² *Апам Напат* — божество Воды, достающее хварно со дна священного озера для «благих» богатырей.

⁵³ *Данавы, отпрыски Асанбана* — *Кара, Вара, Дурэкэста* — туранские богатыри, с которыми сражался Ашавазда и Трита.

⁵⁴ *Вистарав Нотарид* — иранский богатырь, сражавшийся за Кавайидов.

⁵⁵ *Витангухати* — название реки.

⁵⁶ *Йошита из дома Фрианов* — герой полумифа-полусказки, в которой он разгадывает 99 загадок колдуна Ахтйа (сюжет обычно сравнивают с греческим сказанием об Эдипе и Сфинксе).

⁵⁷ *Рангха* — название мифического острова.

⁵⁸ *Ратава* — добрый человек, добрый житель телесного мира.

⁵⁹ *Артны, Вавжаки, Варнавы, Варнававиши* — злые духи пресмыкающейся нечисти.

⁶⁰ *Шестьсот и тысяча* — иносказательно — очень много.

⁶¹ *Хвоы* — иранские богатыри из окружения Кавайидов.

⁶² *Море Фразданав* — море, фигурирующее в мифологии иранцев.

^{63,64,65} *Тантриавант, Пешана, Арджатаспа (Арджадаспа)* — туранские богатыри, служители Друджа.

⁶⁶ *Зариварай* — иранский богатырь, предводитель войск Виштаспы (в раннем средневековье — *Зарер*, позже — *Зарир*).

⁶⁷ *Хумайака* — богатырь туранцев, приспешник Арджадаспы.

⁶⁸ *Заотар* — жрец.

⁶⁹ Конкретность этого описания заставила исследователей предположить, что существовала статуя богини, облаченная в дорожные одежды и украшенная драгоценностями.

⁷⁰ *Правый и левый* — оба фланга (крыла) войска.

⁷¹ *Рашну* — божество законности, справедливости.

⁷² *Сроша (Сраоша)* — благовестник.

⁷³ *Вертрагна (Веретрагно)* — божество битвы.

ИНДИЯ

Древнейшая обрядовая и культовая поэзия

¹ *Тваштар* — божественный плотник, выточивший для Индры дубину грома (ваджру).

² Речь идет о водах, выпущенных Индрой.

³ *Сома* — ритуальный напиток. Сома дал Индре силы для совершения подвига.

⁴ *Трикадрюка* — не совсем ясное слово; возможно — название праздника, связанного с приготовлением сомы.

⁵ *Ману* — мифический прародитель людей. Почему в данном случае воды связываются с Ману, неясно.

⁶ *Дану* — имя матери Вритры.

⁷ Останки Вритры покоятся на дне нижнего (подземного) мира, где струятся космические воды и нет света.

⁸ *Даса* — здесь: Вритра.

⁹ *Пани* — демоны, похитившие коров и спрятавшие их в скале, откуда они были затем извлечены Индрой. Миф о Пани, очевидно, имеет космогонический смысл и связан с мифом о Вритре.

¹⁰ *Сома* — бог, персонифицирующий упоминавшийся выше ритуальный напиток. Сома, по-видимому, также находился в изначальной горе, но еще до поединка с Вритрой был похищен оттуда для Индры орлом.

¹¹ Наблюдатели Варуны — звезды ночного неба.

¹² То есть небо и землю.

¹³ Корова, несущая имена — речь священных гимнов. Владеющий этой речью должен передавать ее тайны следующему поколению певцов.

¹⁴ *Золотые качели* — солнце.

¹⁵ *Море* — здесь: космический океан. Под *белой каплей*, возможно, разумеется солнце.

¹⁶ *Адити* — женское божество; считается матерью группы богов, в числе которых и Варуна.

¹⁷ *Черный день* — ночь.

¹⁸ *Хотар* — главный жрец. Агни как жертвенный огонь, передающий жертву людям богам, почитается богом-жрецом.

¹⁹ То есть все боги единодушны в почитании Агни как источника света и вдохновения.

²⁰ До начала творения Вселенной Агни пребывал во мраке нижнего мира (или в изначальной скале).

²¹ *Шаквари* — название одного из ведийских стихотворных размеров.

²² В этой строфе речь идет о четырех категориях жрецов.

²³ *Дхатар («Основатель»)* — бог-творец.

- ²⁴ Сросшаяся кость сравнивается с колесницей.
²⁵ *Рибху* — мифические мастера.
²⁶ *Агастья*, так же, как *Атри*, *Канва* и *Джамадагни*, перечисленные в первых двух строчках, — риши мифической древности.
²⁷ Если ячменя будет много, переполненные им сосуды для хранения зерна, треснут.

Эпос

МАХАБХАРАТА

- ¹ *Вришасена* — сын Карны. Был убит царевичем панчалов Уттамауджасом.
² *Дхананджая* («Победитель, выигрывающий богатство») — эпитет Арджуны.
³ *Вайрочана* — имя по отцу (Вирочане) асуры Бали, одного из главных противников Вишну, победа над которым, однако, нередко приписывается в эпосе также Индре.
⁴ *Троемирье* — Вселенная, состоящая из трех миров — небесного, земного и подземного (или небесного, земного и срединного, расположенного между небом и землей).
⁵ *Киритик* («Обладатель короны») — одно из имен Арджуны, носившего прекрасную корону, подаренную ему Индрой.
⁶ *Мада* — состояние возбуждения у животных, особенно в период брачных игр.
⁷ *Яма-Калантака* — бог смерти Яма в его ипостаси Времени, всему полагающего конец.
⁸ *Юга* — период существования Вселенной, в конце которого она разрушается, чтобы затем вновь родиться. Крушение Вселенной в конце юги рисуется в индийской мифологии как космическая катастрофа: на небе выстраиваются все планеты, выходят двенадцать солнц, возникает страшный пожар и т. д.
⁹ *Шамбара* — один из демонических противников Индры.
¹⁰ *Картавирия* — имя по отцу знаменитого героя из племен хайхав Арджуны Тысячерукого.
¹¹ *Сын Дашаратхи* — Рама, герой «Рамаяны».
¹² *Бхава* — одно из имен Шивы.
¹³ *Сиддхи* и *чараны* — классы небожителей. *Сиддхи* («совершенные») — святые отшельники, попавшие на небеса за свои подвиги, *чараны* — странствующие небесные певцы и провидцы.
¹⁴ *Дхриштадьумна* — сын царя панчалов Друпасы, родной брат Драупады, супруги Пандавов. Был назначен Юдхистхирой главнокомандующим войсками Пандавов в великой битве.
¹⁵ *Партха* — имя Арджуны по матери, Притхе, дочери Кунтибходжи.
¹⁶ *Антарикша* — «срединное» пространство, находящееся между небесным сводом и землей.
¹⁷ Здесь перечислены классы разных мифологических существ. *Гандхарвы* принадлежат к небожителям; это вечно юные небесные музыканты и певцы. *Наги* — мифические змеи. *Данавы*, *пишачи*, *ракшасы* — демонические существа разного ранга. Самые высокие из них — *данавы*, принадлежащие к классу асуров (см. прим. 18), самые низкие — *пишачи*, страшные людоеды и оборотни. Людоедами и оборотнями, но более могущественными, чем пишачи, являются также *ракшасы*.
¹⁸ *Асуры* — могущественные демоны, противники богов, равные им силой и доблестью, но в отличие от них не наделенные бессмертием. *Ятудханы* — низшие демоны, часто ничем не отличающиеся от ракшасов. *Гухьяки* — горные духи, хранители богатств.
¹⁹ *Акхьяна* — «сказание». Здесь, очевидно, имеется в виду эпическая традиция, прежде всего традиция самой «Махабхараты», которая нередко описывается эпосом как «пятая Веда». *Упаведы* — «дополнительные» Веды; так именуются три науки — наука врачевания, стрельбы из лука и наука о музыке.
²⁰ Здесь перечислены имена знаменитых нагов.

²¹ *Кадру* — мифическая родоначальница нагов. У нее была тысяча сыновей, в том числе такие могучие, как Шеша, Васуки и т. д.

²² *Сурабхи, Айравата, Вишала* — великие наги, основатели крупных змеиных кланов.

²³ Здесь перечислены некоторые из групп, составляющих мир богов в эпосе. Функционально каждая такая группа приближается к понятию племени. Это относится в первую очередь к *жаругам, сибхьям и вишведёвам*, которые выступают численно неопределенными и недифференцированными множествами. Иначе обстоит дело с *васу*: их восемь, и каждый из них наделен своим именем. Совершенно выпадают из понятия «группы — племена» *Ашвины*, хотя эпос обычно включает их в подобные перечни: это два бога, близнецы. Культ их восходит к ведийской эпохе. В эпосе Ашвины — образ стертый, имеющий не столько мифологическое, сколько орнаментальное значение (часто используется в сравнениях).

²⁴ Подобно Индре, названные здесь боги индоарийского происхождения. *Агни* и *Ваю* в основном сохраняют в эпосе свои древние функции, первый — бога огня, второй — бога ветра. *Сома* — в ведийскую эпоху персонализация ритуального напитка, в эпосе становится божеством луны.

²⁵ *Адити* — группа богов, оформившаяся еще в ведийской мифологии, но выступающая в эпосе в несколько ином составе.

²⁶ *Вайшравана* — бог богатства Кубера, названный здесь по имени своего отца, подвижника Вишраваса.

²⁷ *Риши* — племенные певцы арханческой древности, в эпической мифологии приобретают статус особой категории небожителей — мудрецов и провидцев. Небесные риши делятся на три класса, в зависимости от того, происходят ли они от богов или являются древними царями и брахманами, перешедшими в ранг небожителей благодаря своим заслугам.

²⁸ *Правейи* и *Маунейи* — группы небожителей (богов, гандхарвов, апсар), возводимые соответственно к богиням Праве и Мунни, дочерям сына Брахмы, Дакши.

²⁹ *Апсары* — в эпической мифологии небесные гетеры и танцовщицы, тесно связанные с гандхарвами и входящие в свиту Индры.

³⁰ *Якши* — мифологические существа, иногда сближаемые с ракшасами и в этом случае опасные для человека оборотни, иногда же — прекрасные духи, хранители сокровищ Куберы, живущие в горах.

³¹ *Свадха* — еда и питье, приносимые в жертву предкам (праотцам).

³² *Талас* — подвижничество, умерщвление плоти.

³³ *Прадхатпати* («Владыки существ») — сыновья Брахмы, рожденные им силою своего духа и, в свою очередь, выступающие творцами существ — богов, демонов, людей.

³⁴ *Магхаван* («Шедрый») — эпитет Индры.

³⁵ *Прародитель* — Брахма.

³⁶ *Ишана* («Властитель») — одно из имен Шивы.

³⁷ *Виджая* («Победитель») — здесь Арджуна.

³⁸ *Дханурведа* («Веда лука») — наука стрельбы из лука и в широком смысле — военная наука вообще.

³⁹ Победа Арджуны неизбежна, потому что он связан с верховным божеством Вишну. Связь Арджуны с Вишну утверждается здесь прямым отождествлением его с Кришной — воплощением Вишну (Арджуна и Кришна названы тут «двумя Кришнами») и приписыванием ему роли творца всего сущего и не сущего. Следует иметь в виду, что подобное приравнивание Арджуны Вишну встречается в эпосе редко, хотя тесная связь его с этим богом декларируется неоднократно.

⁴⁰ *Нара* и *Нараяна* — древние божественные мудрецы или боги, нередко выступающие как двуединое божество *Нара-Нараяна*. При этом Нараяна обычно рассматривается в «Махабхарате» как ипостась Вишну, а Нара выступает его ближайшим соратником (или даже двойником). Тождество Кришны и Арджуны соответственно Нараяне и Наре часто провозглашается в поэме.

⁴¹ *Вайкартана* — имя Карны по отцу, Солнцу (одно из имен которого — Викартана).

⁴² *Тысячеглазый* — эпитет Индры.

⁴³ *Шалья* — царь племени мадров, взявший на себя обязанности возничего Карны на второй день после того, как Карна принял командование армией Кауравов. На колеснице Арджуны возничим с начала битвы был Кришна.

⁴⁴ *Шакра* — одно из имен Индры.

⁴⁵ *Лук Индры* — радуга.

⁴⁶ *Властелин Гандивы* — Арджуна. *Гандива* — имя чудесного лука, подаренного Арджуне богом Агни.

⁴⁷ *Гаруда* — гигантская птица, царь пернатых и истребитель змей, тесно связанная с солнцем и богами (особенно с Вишну).

⁴⁸ *Кала* — Время, несущее смерть, сама Смерть, в данном случае отождествляемая с богом Ямой. Петля (или аркан) — один из постоянных атрибутов Ямы. Он затягивает ее вокруг жертвы, которую уводит в мир усопших.

⁴⁹ *Лотосоглазый* — здесь Кришна.

⁵⁰ *Васудева* — имя Кришны по отцу.

⁵¹ *Кунти* — имя матери Арджуны Притхи по ее приемному отцу, царю Кунти (или Кунтибходже).

⁵² *Сута* — возничий на боевой колеснице. Сын суты — здесь Карна. Брошенный своей матерью, Кунти, он был найден и воспитан сutoй Адхиратхой.

⁵³ *Мадхава* — имя Кришны по одному из его предков, царю ядавов Мадху.

⁵⁴ *Говинда* — одно из имен Кришны.

⁵⁵ *Кришна* («Смуглая») — здесь имя Драупади, супруги Пандавов. Арджуна вспоминает, как Карна вместе с Кауравами издевался в собрании над Драупади, проигранной Юдхиштхирой в кости.

⁵⁶ *Мадхусудана* («Враг Мадху») — имя Кришны как ипостаси бога Вишну, в одном из других своих воплощений сразившего асуру Мадху.

⁵⁷ *Абхиманью* — сын Арджуны от Субхадры, сестры Кришны.

⁵⁸ *Джанардана* — одно из имен Кришны.

⁵⁹ *Адхиратхи* — имя Карны по его приемному отцу, сuto Адхиратхе.

⁶⁰ *Махендра* — одно из имен Индры («Великий Индра»).

⁶¹ *Ваджра* — чудесное оружие Индры.

⁶² *Собаки* — представители рода царя панчалов Друпаты, названные так по имени деда Друпаты, Собаки.

⁶³ Здесь намек на двенадцатилетнее изгнание Пандавов, когда они вынуждены были сменить свою одежду воинов на лубяные платья лесных отшельников.

⁶⁴ *Сожжение леса Кхандава* — один из знаменитых подвигов Арджуны, совершенный им по просьбе бога Агни. В поисках пищи для себя Агни решил сжечь Кхандаву, но сделать это в одиночку оказалось ему не под силу. В лесу обитал друг Индры, змей Такшака, и едва Агни принимался за дело, Индра насылал дождь и тушил пламя. Поэтому Агни пришлось обратиться за помощью к Арджуне. Арджуна выставил против дождя Индры заслон из своих стрел и, сражаясь с ним и возглавляемым им войском богов, дал Агни «насытиться» лесом и его обитателями.

⁶⁵ *Дамбходбхава* — могущественный царь мифической древности. Возгордясь, вступил в сражение с Нарой и Нараяной (см. прим. 40), но был побежден Нарой. Кришна говорит о многих Дамбходбхавах, имея в виду повторяемость подвигов Нары — Арджуны в циклической смене юг.

⁶⁶ *Боевой диск Сударшана* («Прекрасный») — постоянный атрибут бога Вишну и соответственно Кришны.

⁶⁷ *Намучи* — имя одного из основных демонических противников Индры.

⁶⁸ Здесь Кришна вспоминает еще об одном славном подвиге Арджуны. Во время скитаний Пандавов в лесах Арджуна, желая добыть божественное оружие, предался подвижничеству в Гималаях. В результате ему явился Шива в облике охотника из племени киратов, и вынудил его вступить с ним в поединок, который Арджуна с честью выдержал. Довольный Шива одарил его оружием и открыл ему доступ в небесное царство Индры.

⁶⁹ Арджуна, дабы укрепить свой дух, сосредоточивает свою мысль на непреходящем — не подверженном смерти духовном начале, *Атмане*, и *саттве* — пронизывающем сущее качестве ясности, света и покоя.

⁷⁰ Речь идет о явлении в мир Вишну в облике Кришны. Целью его было очищение земли от асуров и ракшасов, воплотившихся в Кауравах и их сторонниках.

⁷¹ *Знающие Брахмана* — высшие мудрецы, постигшие истину об абсолютном начале, лежащем в основании мира (см. об этом в разделе «Литература ведийского канона»).

Стрела, которую «вызывает» Арджуна и которая затем именуется «стрелой Брахмы», принадлежит к так называемому «божественному» оружию, которым герои постоянно пользуются в ходе поединка (так, Арджуна в дальнейшем «вызывает» оружие Индры, вновь оружие Брахмы, стрелу Агни и Ваю, Карна — также оружие Брахмы, стрелу Варуны и т. д.). Из контекста ясно, что речь каждый раз идет не об оружии как таковом, а об особом заклинании, которое производит магические превращения с обычным оружием: одна стрела превращается во множество стрел, обретает особую несокрушимость, либо получает способность вызывать огонь, нагонять тучи, поднимать ветер и т. д.

⁷² *Парджанья* — древнее божество дождя и грозовой тучи, унаследованное эпосом от ведийской эпохи.

⁷³ *Сушена* — один из сыновей Дашаратхи.

⁷⁴ *Сабхавати* — царевич из лагеря Кауравов.

⁷⁵ *Шала* — сал (*Shorea robusta*), высокое, могучее дерево.

⁷⁶ *Рудра* — грозное, воинственное божество ведийского пантеона, в эпосе сливающееся с Шивой. Гимны, обращенные к Рудре в Ригведе, нередко описывают его как лучника, мечущего смертоносные стрелы.

⁷⁷ *Ачюта* («Нетленный») — эпитет Вишну-Кришны.

⁷⁸ *Пурешоттама* («Высший муж») — имя Вишну-Кришны.

⁷⁹ *Бхалла* — разновидность стрел.

⁸⁰ *Сын Такшаки* — змей Ашвасена. Ашвасена едва спасся от Арджуны во время сожжения леса Кхандава и с тех пор стремился отомстить ему. Отсюда та роль, которую играет он сам и его приспешники в поединке героев: они оборачиваются стрелами в колчане Карны и, посланные его луком, стараются уничтожить Арджуну и его возницу (см. эпизод в гл. 66).

⁸¹ *Савьясачин* («Натягивающий [тетиву также и] левой рукой») — эпитет Арджуны.

⁸² *Рама* — Рама Джамадагни, великий герой-брахман, знаток военной науки и оружия.

⁸³ Стрела, которую посылает Карна в Арджуну, вновь оказывается змеем: она возводится к *Айравате*, а Айравата — один из великих родоначальников нагов. В дальнейшем выясняется, что этот змей — Ашвасена, сын Такшаки. В ряде мест «Махабхараты» Айравата выступает родным братом Такшаки.

⁸⁴ *Пхальгуна* («Родившийся под созвездием Пхальгуна») — эпитет Арджуны.

⁸⁵ *Царь мадров* — Шалья.

⁸⁶ *Балахака* — здесь, видимо, название стрелы. С другой стороны, Балахака — одна из семи грозowych туч, появляющихся на небе при крушении Вселенной в конце юги. Название стрелы указывает, таким образом, на ее разрушительную силу.

⁸⁷ *Пурандара* («Разрушитель крепостей») — одно из имен Индры.

⁸⁸ Здесь перечислены четыре великих бога: Шива (названный в данном случае другим своим именем — *Хара*), Индра, выступающий тут под именем *Акханда* («Разрушитель»), *хранитель богатств* — Кубера и *повелитель вод* — Варуна.

⁸⁹ *Гора заката* — гора, за которую заходит солнце вечером. Ей соответствует гора восхода, из-за которой солнце поднимается утром.

⁹⁰ *Жертв пожиратель* — Агни, являющийся персонификацией не только огня как такового, но также, и прежде всего, огня жертвенного костра.

⁹¹ *Читрабхану* — одно из имен Агни.

⁹² Из объяснений Кришны, как и из предыдущей реплики самого змея, явствует, что корону с Арджуны сорвал Ашвасена, сын Такшаки. Чтобы спасти сына от пожара, учиненного Агни в лесу Кхандава, мать Ашвасены

проглотила его и взлетела с ним в воздух. Но Арджуна срезал ей стрелой голову. Мать нага, таким образом, погибла, но сам Ашвасена все-таки спасся благодаря вмешательству Индры. Теперь, желая отомстить за смерть матери, Ашвасена обернулся стрелой Карны.

⁶³ *Джишну* («Победитель») — один из постоянных эпитетов Арджуны.

⁶⁴ *Бала* — асура, сраженный Индрой.

⁶⁵ *Антака* («Несущий смерть») — бог Яма. Карающий жезл — постоянный атрибут Ямы (наряду с петлей — см. прим. 48), который выступает в эпосе не только богом смерти, но и вершителем правосудия.

⁶⁶ *Гайрика* — красная известь.

⁶⁷ *Ватсаданта* («Телячий зуб») — название разновидностей стрел.

⁶⁸ Все перечисленные здесь деревья цветут красными цветами.

⁶⁹ *Карникара* (*Cochlospermum gossypium*) — дерево, цветущее весной крупными золотисто-желтыми цветами.

¹⁰⁰ Карна, охотясь как-то в лесу, случайно убил теленка, принадлежавшего отшельнической обители. Старый брахман-отшельник проклял за это героя, предсказав, что в решительный момент битвы колесо его колесницы увязнет в земле.

¹⁰¹ Помимо проклятия брахмана, над Карной тяготело еще и проклятие Рамы Джамадагни, у которого он с помощью уловки получил некогда оружие Брахмы. В наказание за обман, по слову Рамы, Карна должен был в свой последний час забыть слова заклинания, превращавшие его лук в это грозное оружие.

¹⁰² *Радхья* — имя Карны по приемной матери, жене сугы Адхиратхи Радхе.

¹⁰³ *Каунтея* — имя Арджуны по матери Кунти.

¹⁰⁴ *Духшасана* — брат Дурьодханы; *Судходхана* — другое имя Дурьодханы; *Саубала Шакуни* — царь Гандхары, сын Субалы и дядя Кауравов по матери, один из главных их сторонников.

¹⁰⁵ Когда происходила игра в кости, у Кришны (Драупади) наступили месячные. Женщина в этот период считалась нечистой.

¹⁰⁶ Речь идет о втором вызове Пандавов на игру в кости после того, как результаты первой игры были аннулированы Дхритараштрой. Как и в первой игре, противником Юдхистхиры был царь Гандхары Шакуни.

¹⁰⁷ *Джатаведас* — одно из имен Агни.

¹⁰⁸ *Павака* («Очиститель») — эпитет Агни.

¹⁰⁹ Карна командовал армией Кауравов только два дня.

РАМАЯНА

¹ *Рагху* — великий царь, прадед Рамы.

² *Царь леса* — имеется в виду золотая антилопа.

³ *Рагхав* — имя Рамы по прадеду.

⁴ *Ашрама* — лесная обитель. В данном случае речь идет просто о хижине, в которой жили отшельники Рама, Сита и Лакшмана.

⁵ *Какутста* — имя Рамы по одному из его великих предков.

⁶ Марича получил от Раваны самые подробные инструкции не только относительно того, как завлечь Раму, но и как выманить из хижины Лакшману, чтобы Сита осталась одна.

⁷ *Джанастхана* — название той части леса Дандака, где жили изгнанники.

⁸ *Дочь Джанаки* — Сита.

⁹ *Вайдехи* («Уроженка Видехи») — Сита. *Видеха* — царство Джанаки, располагавшееся на территории современного Северного Бихара.

¹⁰ *Киннары* — мифические существа, небесные музыканты, близкие к гандхарвам.

¹¹ *Васава* — одно из имен Индры, указывающее на его связь с богами васу.

¹² *Майя* — здесь колдовская способность перевоплощения, создания всякого рода ложных видений, звуков и т. д.

¹³ *Кхара* — брат Раваны и хозяин Джанастханы. Стремясь отомстить Раме и Лакшмане за оскорбление своей сестры Шурпанаххи, он напал на братьев и был убит Рамой.

- ¹⁴ *Индивара* — голубая водяная лилия.
- ¹⁵ *Саумитри* — имя Лакшманы по матери, царице Сумитре.
- ¹⁶ *Майтхили* («Уроженка Митхилы») — Сита. Митхила была столицей царства Джанаки.
- ¹⁷ *Десятиглавый* — постоянный эпитет Раваны.
- ¹⁸ *Паривраджак* — странник, странствующий отшельник.
- ¹⁹ *Камандьлу* — сосуд для воды, сделанный из тыквы или глины, который обязательно имел при себе отшельник.
- ²⁰ *Рохини* — созвездие, девятая лунная стоянка (накшатра) в индийской астрономии. Рохини почиталась любимой супругой Месьяца.
- ²¹ *Читра* — двенадцатая лунная стоянка (накшатра), *Шани* — планета Сатурн.
- ²² *Ночной бродяга* — постоянный эпитет ракшасов, которые выходят на свой кровавый промысел, как правило, ночью.
- ²³ *Кама* — бог любви. Он вооружен луком и цветочными стрелами, которыми пронзает сердца, рождая в них страсть.
- ²⁴ *Мантра* — священная формула, молитва.
- ²⁵ *Шри* — богиня красоты, успеха, благополучия, тесно связанная с культом плодородия. Постоянный атрибут богини — цветок лотоса.
- ²⁶ *Лакшми* («Знак, предвещающий счастье», «Счастье») и *Бхути* («Благополучие») — два других имени или ипостаси богини Шри.
- ²⁷ *Кирти* — персонификация славы, почитаемая супругой бога Дхармы; *Рати* — персонификация страсти, супруга Камы.
- ²⁸ *Рудры* — группа богов, вместе с марутами, васу и другими входящая в состав эпического пантеона.
- ²⁹ *Дваждырожденный* — здесь брахман. В более широком смысле этот термин употребляется для обозначения трех высших сословий (брахманов, кшатриев, вайшьев). Представители этих сословий имели право на изучение Вед, причем обряд посвящения в ученики, как считалось, был для них новым, вторым, рождением.
- ³⁰ *Икшваку* — мифический царь Айодхьи, первый из царей так называемой солнечной династии, к которой принадлежал отец Рамы.
- ³¹ *Ньягродха* — дерево баньян.
- ³² *Мандара* — огромная мифическая гора.
- ³³ *Калакута* — страшный яд, который изрыгнул космический змей Васуки, когда боги и асуры взбалтывали океан, чтобы добыть напиток бессмертия.
- ³⁴ *Саувира* — кислый овсяный отвар.
- ³⁵ *Дашаратхи* — имя Рамы по отцу, царю Дашаратхе.
- ³⁶ *Мадгу* — невзрачная водоплавающая птица, нырок.
- ³⁷ *Кадали* — банановое дерево.
- ³⁸ *Наравахана* («Ездящий на людях») — эпитет Куберы-Вайшраваны.
- ³⁹ *Кайласа* — гора в Гималаях, считавшаяся местом обитания ряда богов, в том числе Куберы и Шивы.
- ⁴⁰ Колесница *Пушпака*, способная летать по воздуху и послушная желаниям ее владельца, была захвачена Раваной у Куберы; Кубера получил Пушпаку в дар от самого Брахмы.
- ⁴¹ *Амаравати* — столица царства бога Индры.
- ⁴² *Манматха* — одно из имен бога любви Камы.
- ⁴³ Апсара *Урваши* была возлюбленной мифического царя *Пурураваса*, долгое время жила у него, но затем покинула, оставив ему сына. По одной из древних версий мифа, Пуруравасу удалось все же найти Урваши, и внял его мольбам, она согласилась вновь соединиться с ним, но уже на небесах. Трудно сказать, что имеет в виду данная ссылка на историю Пурураваса и Урваши — уход Урваши или какой-то менее значительный эпизод их отношений.
- ⁴⁴ *Шачи* — супруга бога Индры.
- ⁴⁵ *Амрита* — напиток бессмертия.
- ⁴⁶ *Будха* — планета Меркурий.
- ⁴⁷ *Вивасват* — бог Яма, считающийся сыном Вивасвата (Вивасват, в свою очередь, отождествляется с Солнцем).

Религиозно-философская литература I тыс. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА ВЕДИЙСКОГО КАНОНА

УПАНИШАДЫ

¹ *Видеха* — древнее государство, занимавшее территорию к востоку от реки Гандак и к северу от Ганга (северные районы совр. Бихара).

² *Куру и Панчала* — названия племен, а также государств, располагавшихся в междуречье Джамны и Ганга.

³ *Пада* — мера веса, равная приблизительно $1/3$ унции.

⁴ *Хотар* — главный жрец.

⁵ *Яджнявалкья* хочет сказать, что знающему истину о воде и огне не грозит после смерти возрождение (тем самым он освобождается и от новой — вторичной — смерти).

⁶ Артабхагу, очевидно, интересует, что, оставаясь от человека после распада, обуславливает новое его рождение.

⁷ В ответе Яджнявалкьи затрагивается одно из важнейших для Индии религиозных понятий, понятие деяния (кармы). Единственное, что остается от человека после смерти и имеет продолжение в будущих его существованиях — это моральные последствия совершенных им поступков; они переживают человека, вызывая новую жизнь (в новом уже теле) и определяя ее характер.

⁸ Смысл ответов Яджнявалкьи сводится к следующему. Атман есть, во-первых, жизненное начало — благодаря ему человек дышит и, значит, живет. Во-вторых, он есть субъект познания и одновременно осознания познаваемого и мыслимого, но именно поэтому сам он непознаваем (откуда следует, что вопрос Ушасты Чакраяни по существу неверен). Еще одна характеристика Атмана — хотя человек подвержен страданию, Атман находится вне страдания.

⁹ *Вачакнави* — Гарги Вачакнави, брахманка, выступающая на стороне Куру и Панчала.

¹⁰ *Каши* — царство в долине Ганга с центром в г. Варанаси.

¹¹ *Непреходящее* — понятие, замещающее здесь понятие Брахмана-Атмана. Это единое начало, выступающее одновременно и как универсальный принцип, управляющий Вселенной и обеспечивающий ее жизнедеятельность, и как субъект познания и мышления.

¹² В излагаемом далее учении о четырех стопах Брахмана, каждая из которых, в свою очередь, оказывается четырехчастной, разные аспекты объективного мира (стороны света, космические зоны, источники света, жизненные силы) описываются как связанные между собой части единого целого (Брахмана).

ЛИТЕРАТУРА БУДДИЙСКОГО КАНОНА

СУТТА

¹ *Млгадхи* — жители Магадхи — государства, располагавшегося в долине Ганга на территории современного Южного Бихара.

² *Чивара* — верхняя одежда буддийского монаха.

³ *Шраман* — странник, отшельник. Шраманами, противопоставляя их брахманам, называли последователей неортодоксальных религиозных учений, в том числе и буддистов.

⁴ *Готама (Гаутама)* — родовое имя Будды.

⁵ *Бессмертье* — речь идет о нирване, высшем духовном состоянии, обретение которого составляет цель в буддизме. Достигший нирваны навсегда выходит из круга перерождений и потому может быть уверен, что, умерев в данной жизни, вновь уже никогда не умрет. Именно в этом смысле освобождения от будущих смертей нирвана есть бессмертие.

⁶ *Дхарма* — здесь нравственный закон, норма поведения.

⁷ *Великий риши* — Будда. Слово «риши» употреблено здесь в общем значении «мудрец».

⁸ Имеются в виду религиозные заслуги, обретаемые совершенным благочестивых дел (даяний и др.) и обеспечивающие благополучие в будущей жизни.

⁹ *Мара и Брахма* — два великих властителя мира. Мара — персонаж буддийской мифологии. Воплощение смерти и зла, искушитель, он правит желаниями, а значит, и всеми живыми существами, находящимися в их власти. Брахма, как и в индуизме, выступает в буддизме главою богов и творцом Вселенной.

¹⁰ *Татхэгата* — эпитет Будды как носителя высшей святости и совершенной просветленности.

¹¹ *Дхарма* — в данном случае буддийское вероучение.

¹² Т. е. ему не грозит отныне возрождение (см. прим. 5).

¹³ *Архат* — так буддисты называют тех, кто достиг нирваны.

ДЖАТАКА

¹ *Тимира* — «темное», другое название дерева нигродха (см. прим. 10).

² *Джетавана* — парк, подаренный купцом Анатхапиндикой буддийской общине. В этом парке были выстроены хижины для монахов, и Будда, согласно преданию, любил проводить здесь время дождей.

³ *Бодхисаттва* — тот, кто находится на пути к просветлению. Пребывание на этом пути обычно длительно — лишь пройдя через много перерождений, стремящийся к просветлению приближается к своей цели. Будда в прошлых рождениях всегда именуется Бодхисаттвой.

⁴ *Серумадипа* отождествляется исследователями с северо-западными районами Цейлона.

⁵ *Нагадипа* — «Остров нагов».

⁶ *Бхарукачча* — древний морской порт на п-ове Катхьявар (совр. Брочх).

⁷ *Суваннабхуми* («Золотая земля») — так в древности называли побережье Малаккского п-ова.

⁸ *Vina* — древний струнный инструмент, вид лютни.

⁹ *Макара* — сказочное морское чудовище.

¹⁰ *Нигродха* (ньягродха) — см. прим. 31 к «Рамаяне».

¹¹ *Благородные истины* — четыре истины, открывшиеся Будде в момент просветления: истина о всеобъемлющем страдании, о жажде жизни как причине страдания, об избавлении от страдания (нирване) и о пути, ведущем к нирване.

¹² *Ананда* — двоюродный брат Будды и один из ближайших его последователей.

¹³ *Велувана* — парк около Раджагрихи, столицы Магадхи, подаренный царем Бимбисарой Будде. Здесь, как и в Джетаване, образовался монастырь.

¹⁴ *Девадатта* — двоюродный брат Будды. Приняв буддизм и вступив в общину, Девадатта затем, как утверждает предание, стал враждовать с Буддой: он требовал реформации учения, несколько раз покушался на жизнь вероучителя и пытался вызвать раскол среди его последователей.

¹⁵ *Зал дхармы* — помещение для общих собраний буддийских монахов.

¹⁶ *Каршанапа* — серебряная монета.

¹⁷ *Дхармы* — конечные элементы, из которых, согласно буддийскому учению, состоит все сущее. Постигание мира как состоящего из дхарм составляет необходимую ступень на пути, ведущем к просветлению.

¹⁸ *Кайласа* — см. прим. 39 к «Рамаяне».

¹⁹ *Йоджана* — мера длины (ок. 14 км).

²⁰ *Сарипутта* (Шарипутра) — знаменитый ученик Будды.

ПОЭЗИЯ

¹ *Намучи* — здесь имя Мары. О Намучи см. прим. 67 к «Махабхарате».

² О заслугах см. прим. 8 к «Сутте о Касибхарадвадже».

³ *Шрамана* — см. прим. 3 к «Сутте о Касибхарадвадже».

⁴ Из этой реплики как будто следует, что Мара пытался совратить Будду и до решающего сражения у Неранджары. Будда достиг просветления через семь лет после ухода из дома. Все это время было заполнено мучительными поисками своего пути (Будда посещал знаменитых учителей своего времени, беседовал с мудрецами, предавался суровой аскезе и т. д.).

⁵ *Вина* — см. прим. 8 к разделу «Джатака».

⁶ *Якша* — здесь Мара. О якше см. прим. 30 к «Махабхарате».

⁷ *Манава* — молодой брахман, брахман-ученик.

⁸ Символика, использованная в этой строфе, близка к символике «Вопроса манавы Каппы»: поток — это то, что преодолевает буддист на пути к освобождению; тот берег — нирвана; плот — разнообразные методы самовоспитания и самосовершенствования, применяемые для достижения нирваны.

⁹ *Мунджа* — род камыша.

¹⁰ *Муни* («Молчальник») — термин индуистской традиции, обозначающий отшельника, мудреца. В буддизме муни — святой, наделенный буддийскими добродетелями.

¹¹ *Магадхи* — см. прим. 1 к разделу «Сутта».

¹² *Вебхара и Пандава* — горы в окрестностях Раджагрихи, столицы Магадхи.

¹³ *Сын того несравненного* — т. е. сын Будды в вере.

¹⁴ *Три знания* — знания, обретаемые при достижении просветления, а именно — знание прошлых рождений, знание грядущего и знание пути, ведущего к освобождению.

¹⁵ *Патали* — дерево, цветущее красными цветами.

¹⁶ *Желтый или оранжевый цвет* — цвет буддийского монашеского одеяния.

¹⁷ *Лиана жажды* — речь идет о жажде жизни, необходимо присущей всякому живому существу. Жажда жизни рассматривается буддизмом как конечная причина всех желаний и порождаемых этими желаниями страданий. Искоренение ее — главная задача стремящегося к нирване. О жажде жизни как войске Мары см. в «Сутте о решимости».

¹⁸ *Чивара* — см. прим. 2 к разделу «Сутта».

¹⁹ *Сарасвати* (древняя, сейчас почти высохшая река, протекавшая в восточном Пенджабе), *Ямуна* (совр. Джамна), *Ганга* — три великих реки севера, почитавшиеся в древности священными.

²⁰ *Иддхи* — магические способности, обретаемые достигшим просветления: способность ходить по воде, летать по воздуху, проходить через стены, становиться невидимым и т. д.

²¹ *Гириббатжа* («Горная крепость») — название старой, впоследствии заброшенной столицы Магадхи. Она находилась на одной из возвышенностей, окружавших Раджагриху. Название города было, возможно, перенесено на саму эту возвышенность — в стихотворении речь определенно идет о горе, а не о крепости или городе.

²² *Нирайя* — преисподняя, место, где терпят наказание клеветники, убийцы и прочие преступники.

²³ *Мада* — муст. Слон в маде (мусте) раздражителен и опасен.

Литература I—V вв.

ПАНЧАТАНТРА

¹ *Древо желаний* — сказочное дерево, дающее в виде плодов все, чего ни пожелает проситель.

² Образ, традиционно используемый при описании царского могущества. Отблеск царских корон, лежащий на ноги повелителя, — знак того, что владельцы этих корон склоняют перед ним свои головы, признавая тем самым его власть над собой.

³ *Дваждырожденные* — см. прим. 29 к «Рамаяне».

⁴ *Хаста* — «локоть», мера длины (ок. метра).

⁵ Пучки зеленой травы — знак мирных намерений.

⁸ *Брихаспати и Ушанас* — мифические персонажи, почитавшиеся авторитетами в науке управления (архашастре). Брихаспати первоначально — бог, покровитель молитвы и слагатель гимнов, Ушанас — легендарный певец. В поздней мифологии Брихаспати выступает в роли наставника и домашнего жреца богов, а Ушанас — асуров.

⁷ *Гора заката* — см. прим. 89 к «Махабхарате».

⁸ С заходом солнца лотосы закрываются, и пчела, не успевшая до этого вылететь из цветка, оказывается запертой в нем до утра. Образ пчелы — пленницы лотоса — один из традиционных в поэзии.

⁹ *Малати* — жасмин, цветущий крупными ароматными цветами.

¹⁰ Пчелы, привлекаемые острым запахом мады, жидкости, выделяющейся из висков слона в пору муста, — еще один излюбленный поэтический образ.

¹¹ *Анкуша* — шест с заостренным металлическим наконечником, используемый погонщиком слонов. Погонщик сидит у слона на загривке и вонзает анкушу ему в голову.

¹² В тексте рукописи имя верблюда, видимо, искажено переписчиком. Перевод дается предположительно.

¹³ *Дхармашаstra* — наука о дхарме, т. е. наука о правилах поведения и религиозных обязанностях индусты.

¹⁴ *Риши* — здесь мудрецы.

¹⁵ *Поджана* — см. прим. 19 к разделу «Джатака».

¹⁶ *Гаруда* — см. прим. 47 к «Махабхарате». Ниже в рассказе обыгрывается связь Гаруды с Вишну, который обычно на нем летает.

¹⁷ По индийским мифологическим представлениям, на дне океана пылает огонь, вырывающийся из отверстия, ведущего в подземный мир.

¹⁸ Собака считается у индустов животным нечистым, поэтому даже прикосновение к собаке для брахмана — вещь невозможная. Так же недопустимо для брахмана и занятие охотой.

ПОЭЗИЯ I—V вв.

ХАЛА

САТТАСАИ

¹ В древней Индии танцовщицы наносили на лицо и тело грим. Цвет грима зависел от характера танца.

² Приговорный барабан — барабан, под удары которого вели к месту казни осужденных.

³ Женщине, находящейся в разлуке, предписывалось соблюдать пост: в это время она должна была носить грязное платье, не украшаться, а также не делать себе красивой прически, но заплетать волосы в косу.

⁴ *Анкола* — кустарник, который сажали возле домов.

⁵ *Туари* — название дерева.

⁶ *Бхуты* — злые духи, опасные для женщин (особенно беременных).

⁷ *Бора* — дикая слива.

⁸ *Патала* — то же, что патали. См. прим. 15 к разделу «Поэзия буддийского канона».

⁹ *Нут* — вид бобов.

«ЭТТУТОХЕЙ»

¹ *Яаль* — древнетамильский струнный музыкальный инструмент.

² *Панар* — так называли особую категорию бродячих певцов и музыкантов.

³ *Урандеи* (Уренюр) — столица царства Чола.

⁴ *Куравари* — горные охотничьи племена.

⁵ *Омеи* — разновидность мангового дерева.

⁶ *Кондреи* — дерево с яркими золотыми цветами.

⁷ *Кандаль* — малабарская горная лилия, лесной цветок с пятью крупными красными лепестками.

⁸ *Муллеи* — лесной жасмин, кустарник с множеством мелких ослепительно белых цветов.

⁹ *Пидавам* — дерево с белыми цветами.

¹⁰ *Кар* — название сезона дождей.

БХАРТРИХАРИ

ШАТАКАТРАЯ

¹ *Джати* — каста.

² *Ваджра* — см. прим. 61 к «Махабхарате».

³ *Тāпас* — см. прим. 32 к «Махабхарате».

⁴ *Тиртхи* — места паломничества по берегам священных рек, омовение в которых считалось очищающим от грехов и сулящим благополучие.

⁵ В горы уходили, отрекаясь от мира, отшельники.

⁶ *Кандали* — растение, цветущее в сезон дождей белыми цветочками.

⁷ Признаки наступившего дождливого сезона невыносимы для путника, разлученного с женой (ср.: стихи 576, 386 и др. из «Саттасан» Халы).

⁸ *Кимпака* — вид тыквенного растения.

⁹ *Сансара* — мир, видимый как цепь бесконечных перерождений.

¹⁰ Река выступает в этом стихотворении образом женщины.

¹¹ Три складки на талии считались в древней Индии признаком красоты.

¹² *Чакравака* — вид утки.

¹³ *Кама* — см. прим. 23 к «Рамаяне».

¹⁴ Под жертвами Камы Бхартрихари понимает представителей различных религиозных сект, предписывающих своим членам соблюдение целомудрия.

¹⁵ *Вита* — острослов, знаток галантного этикета и женщин (в особенности гетер), обычно исполняющий при богатом покровителе роль развлекавателя.

¹⁶ *Шамбху* — одно из имен бога Шивы.

¹⁷ Уничтожение кармы следует понимать как уничтожение причин, ведущих к возрождению.

¹⁸ *Муни* («молчальник») — отшельник, мудрец.

¹⁹ *Пурāны* — священные книги индуизма, представляющие собой собрание мифов и легенд, а также разнообразных сведений, считавшихся полезными для индуиста.

²⁰ *Смрити* — так именуется литература, образующая дополнение к ведийскому канону.

²¹ *Шастра* («наставление») — общее обозначение «наставляющей», «обучающей» литературы. Шастрами именовались и научные, и религиозные сочинения.

²² *Сварга* — небесный мир, царство Индры. Рождение в этом мире сулило божественные улады и считалось наилучшим.

КАЛИДАСА

ШАКУНТАЛА

¹ В словах Шакунталы намек на имя подруги. Приамвада буквально значит: «говорящая приятное», «лестливая».

² Если мать девушки окажется принадлежащей, как и ее отец Канва, к сословию (у Бальмонта — касте) брахманов, царю, происходящему из воинского (кшатрийского) сословия, нельзя будет жениться на ней.

³ Царь из мощного рода Пуру — Душьянта.

⁴ Обряд гостеприимства требовал омыть гостю ноги и поднести ему еду и питье.

⁵ *Каушика* — родовое имя мифического отшельника и мудреца Вишвамित्रы. Будучи кшатрием и царем, Вишвамित्रа решил обрести статус брахмана и для достижения этой цели в течение многих лет предавался суровому подвижничеству.

⁶ История о соблазнении Вишвамित्रы Менакой принадлежит к кругу мифов о борьбе богов (Индры как главы богов прежде всего) с великими

подвижниками. В основе мифов лежит представление о том, что силы, накопленные с помощью аскетических подвигов, делают людей могущественнее богов. Чтобы не допустить возможного соперничества, Индра подсылает к подвижникам небесных красавиц — апсар, так как потеря целомудрия низводит их вновь до положения обычных смертных. Итак, выясняется, что Шакунтала — дочь царя-отшельника и небожительницы, значит, не брахманка, и царь может любить ее и надеяться на брак с нею, не опасаясь нарушить дхарму.

⁷ Подруги собираются умастить Шакунталу мазями и украсить ее украшениями, сулящими благополучие.

⁸ «Невидимые существа» — это лесные богини.

⁹ Царь Яяти — великий мифический предок Душьянты. У Яяти были две супруги — Деваяни и Шармиштха. Именно от Шармиштхи у Яяти родился сын Пуру, ставший основателем рода, к которому принадлежит Душьянта. Сравнение Шакунталы с Шармиштхой (а не с Деваяни) имеет под собой то основание, что Шармиштха, как и Шакунтала, не была отдана Яяти по закону, но стала его женой тайно, по любви.

¹⁰ Сын Маричи — здесь Кашьяпа. Мудрец Маричи был сыном бога Брахмы; от сына Маричи, Кашьяпы, согласно мифической генеалогии, произошли все прочие боги.

¹¹ Адити — супруга Кашьяпы и мать богов.

¹² Земля представлялась древним индийцам состоящей из семи огромных островов, разделенных океанами.

¹³ И да восхочет тот... — речь идет о боге Шиве.

¹⁴ Эта строфа представляет собой благословение, которым обязательно завершалась древняя драма. Благословение было обращено к зрителям и участникам спектакля и вкладывалось в уста исполнителя главной роли.

КИТАЙ

Мифология

¹ Эта особенность изложения отражена в переводе названия памятника его переводчиком и исследователем Э. М. Яншиной — «Каталог гор и морей».

² Она подходит к Западному морю... — по представлениям древних китайцев обитаемая земля омывалась с четырех сторон морями.

³ Съешь ее, утолишь голод — в чудесных свойствах растений, животных, минералов и различных предметов окружающего мира, упоминаемых в «Книге гор и морей», нашли отражение как положительные знания, так и фетишистские, тотемистические представления.

⁴ Юйпэй — растение, трава.

⁵ Деревья Бессмертия — мифические деревья, дающие плоды бессмертия.

⁶ Озеро Проса — место «ухода» бога — покровителя хлебов, Владычествующего над Просом (Хоуцзи), одно из его святилищ.

⁷ Желтый Предок — Хуанди, главный бог, так же, как в других циклизациях Предок Выдающийся (Цзюнь), см. прим. 19.

⁸ Гора-Колокол — название, возможно, связано с культом фетиша-колокола.

⁹ Куньлунь — китайский Олимп, страна бессмертных, здесь обитали боги и духи.

¹⁰ Предок — главный бог.

¹¹ Чудовищность есть свидетельство ранней стадии развития представлений о духах.

¹² Бабка [Хозяйка] Запада — богиня Запада, страны бессмертных, сочетала в себе губительные и целительные функции, что указывает на ее древнее происхождение.

¹³ Нюйва — известна по мифу о починке небосвода, см. прим. 58.

¹⁴ Гора Материнский Алтарь — то же, что гора Матери Цзи.

¹⁵ Медведь-горе как Предку — здесь слышны отголоски тотемистических и анимистических представлений.

¹⁶ ...По ритуалу Великого Заклания — торжественное жертвоприношение, включавшее заклание быка, барана и свиньи.

¹⁷ ...вместе с нефритовым диском (би) — при жертвоприношении часто использовались культовые предметы, которым приписывались свойства оберегов — от болезней, смерти, от несчастья.

¹⁸ Отец Цветущего (Куафу) — бог плодородия.

¹⁹ Предок Выдающийся (Цзюнь) — в этой цивилизации главный бог. По одной из версий обитает в царстве Тьмы.

²⁰ Олицетворение солнца в образе Матери Солнца Сихэ находит параллель в «Книге гор и морей» в многочисленных Матерях-прародительницах, почитавшихся и как родоначальницы родов, и как боги — создатели орудий труда, основатели социальных институтов и пр.

²¹ Зыбучие пески — с этим названием ассоциировалось представление о крайнем западе.

²² Девять песен — число «девять» значит просто «множество».

²³ Владычествующая над Землей (Хоуту) — богиня Земли.

²⁴ Бог Разливов (Гунгун) — божество воды, олицетворявшееся в образе полудракона получеловека.

²⁵ Юй — мифический герой, победитель потопа.

²⁶ Этот миф, по мнению исследователей, является частью мифа о борьбе Юя с Богом Разливов и с подвластными ему богами.

²⁷ Чю — бог войны, представлявшийся в зооморфном образе.

²⁸ Демон-Засуха (Ба) — дочь Желтого Предка.

²⁹ По другим версиям, культ Гуня восходит к представлениям о тотеме-медведе, см. прим. 33.

³⁰ Здесь и далее перечислены боги — изобретатели благ цивилизации.

³¹ Охотник — герой, поразивший из лука девять солнц из десяти, когда они, переплутав очередь, вместе вышли на небосвод и вызвали катастрофу на земле.

³² Подобные генеалогии богов в «Книге гор и морей» являются следами древнекитайской теогонии, плохо сохранившейся.

³³ Гунь — первопредок племени ся, чтился в образе медведя, в которого превратился по смерти. См. также другие отождествления, прим. 29.

³⁴ Этот миф толкуется как богоборческий. Возможно, Предок приказал казнить Гуня за его попытку помочь людям справиться с потопом, посланным им в наказание за какую-то провинность.

³⁵ Яо — мифический герой, трактуемый «Книгой преданий» как правитель.

³⁶ Главы четырех гор — возможно, старейшины, ведающие четырьмя сторонами света.

³⁷ Цицизы — советник при иньском дворе; после поражения иньцев был призван чжоуским царем Воинственным (Уваном). Данный текст является фрагментом их беседы.

³⁸ ... и разрушил тем порядок чередования пяти элементов — пять первоэлементов — это вода, огонь, дерево, металл, земля. Согласно древним натурфилософским представлениям, правильное их чередование в природе обеспечивало ее нормальный цикл.

³⁹ Великий План Девяти Разделений — основы, на которых выстраивалась жизнь древнего государства. Согласно традиции, эти основы были даны людям богами. Среди них представление об устройстве мира, выраженное в теории пяти элементов, о календаре, перечень общественных работ, необходимых обществу, обязанности правителя по отношению к народу и пр. Здесь также можно наблюдать, как Юю приписывается не только победа над потопом, но и обширная деятельность по строительству государства, без которой новое общество уже не мыслит своего героя.

⁴⁰ И — советник Шуня, которому Яо, состарившись, уступил престол; Цици — Владычествующий над Просом, см. прим. 6.

⁴¹ Предок — здесь Главный бог.

⁴² Гао Яо — советник Шуня, создатель законов и наказаний.

⁴³ Народ в низинах — вариант перевода «народ внизу» (боги сверху наблюдают на землю, наблюдая бедствие, постигшее людей) кажется более правильным.

⁴⁴ ...перевозился четырьмя способами — на повозке, на лодке, в мокро-
ступах по болотам, в башмаках с шипами по горам.

⁴⁵ ...как добывать трудную пищу — т. е. возделывать землю и сеять зерно.

⁴⁶ Полая Шелковица — дерево-тотем одного из иньских родов.

⁴⁷ Инь (с реки) И — родоначальник племени И Инь, затем трактовался как мудрый советник при иньском дворе.

⁴⁸ Три гуна — три высших советника по государственным делам при чжоуском дворе (с XII в. до н. э.).

⁴⁹ Воспользовавшись оговоркой Яо — по-видимому, имеется в виду высказывание Яо, на которое как бы ссылается Гунь.

⁵⁰ И призывали его... — будучи чжухоу, Гунь должен был явиться по первому требованию ко двору Сына Неба.

⁵¹ Уским клинком — клинком из царства У, славившегося своими мечами.

⁵² Чжуаньсюй — мифический предок и бог тьмы, воды, боролся за владычество с богом Разливов. В «Книге гор и морей» дается его «родословная»: «Жена Желтого Предка Лэйцзу (божество Грома) родила Чанъи. Чанъи спустился (на землю) и поселился на реке Жо. Родил Ханьялю. У Ханьялю... туловище единорога (линя), большие сросшиеся ноги, как у кабана. (Он) взял в жены дочь Грязного (Нао) по имени Женщина-Холм, (она) родила Предка Чжуаньсюя» (Цзюань XVIII).

⁵³ ... а жил (на горе) Полая Шелковица — известны река и гора под этим названием. Судя по контексту, здесь по-видимому, имеется в виду гора.

⁵⁴ Восемь ветров — ветры восьми сторон и полусторон света.

⁵⁵ Этот миф объясняет особенности рельефа — в Китае все реки действительно, текут с запада на восток.

⁵⁶ Самыми древними олицетворениями солнца были дриадные (Шелковица Фу, дерево Жо и др.), затем зооморфные и полузооморфные, и, наконец, антропоморфные. Упоминаемая в этом фрагменте «женщина», очевидно, возница солнечной колесницы. Путь солнца проходит через известные в мифологии горы, долины, воды.

⁵⁷ Распряженная колесница — букв. Висящая колесница, здесь приближение сумерек, когда распрягают колесницу (вешают сбрую) и отправляются на отдых.

⁵⁸ Нюйва известна, в основном, по этому мифу о «починке небосвода». См. также прим. 13.

⁵⁹ Черный Дракон — согласно комментарию, дух воды.

⁶⁰ Цзичжоу — здесь Поднебесная.

⁶¹ Древние китайцы представляли небо в форме круга, а землю — в форме прямоугольника.

⁶² Яюй — в «Книге гор и морей» о нем говорится: «...Обитающее там животное похоже на буйвола, но у него красное туловище и человеческое лицо. Ноги, как у лошади. Называется Яюй. Оно кричит (будто плачет) ребенок. Пожирает людей» (Цзюань III, Каталог Северных гор, Книга первая, 6). В комментарии Гао Ю к этому тексту сказано: «Яюй — с виду похож на голову дракона, еще говорят похож на льва, быстро бегает, пожирает людей, обитает на западе. Зубы-Буравы — название животного, зубы у него длинной в три чн, свисают ниже подбородка, держит в руках копы и шнт. Девять Младенцев — демоны воды и огня, вредят людям. Тайфэн — Дядя Реки (Фэнбо), разрушает жилища людей. Дикий Вепрь — огромный кабан... Длинный Змей — огромный змей, заглатывает трех слонов, три года их переваривает, затем выплевывает его кости».

⁶³ «Книга гор и морей» называет царство Зеленого Холма.

⁶⁴ Роца Шелковицы — по-видимому, святилище культа плодородия, которое, как правило, размещалось на возвышенности и включало священный водоем и священную рошу.

⁶⁵ Охотник в этом мифе выступает не только как спаситель людей от мировой катастрофы, но и как герой, побеждающий «старых» божеств, ассоциируемых с хаосом и враждой и представляемых в образах чудовищ.

Песенно-поэтическое творчество XI—VI вв. до н. э.

¹ Подорожник собирали в древнем Китае, по одной из версий, для облегчения родов.

² *Единогор* — фантастическое животное, почитался как тотем.

³ *Берем с него десятки тысяч...* — число фольклорное, в значении «много». В обрядовой песне с магической целью рисуется идеальная и гиперболизированная картина благополучия.

⁴ *Я, затем в тексте Предок полей, Владыка полей* — одно и то же лицо в обрядовом действе, представляющее то предка рода, почитавшегося так же как покровитель земледелия (Предок полей, Владыка полей), то потомка («правнука»), олицетворяющего весь родовой коллектив; то как бы того и другого нерасчлененно.

⁵ *Остаток* — что-то вроде дожиночного снопа в русском земледельческом обряде, оставлявшемся как заклятье на будущий урожай. Как показывает текст, использовался при жертвоприношении богам — покровителям земледелия.

⁶ *Южная пашня* — поле, на котором свершались жертвоприношения предкам.

⁷ *Хлеба правнука // Подобны пырею...* — пырей, чрезвычайно сильная трава, покрывающая землю густым покровом, имеющая крепкие корни и устойчивая ко всякого рода неблагоприятным условиям.

⁸ *Ой-ли* — в тексте оригинала: «ху-эр» — звуковой припев, свойственный многим народным песням.

⁹ В перевод Л. Д. Позднеевой внесены небольшие уточнения.

¹⁰ *Мушун* — правитель царства Ци (VII в. до н. э.).

¹¹ *Янь Си*, далее в тексте *Чжун Хан*, *Цзянь Ху* — три брата из рода Цзычэ.

¹² *Дарят друг другу пионы* — подарить цветок значило выказать свое чувство.

¹³ *Лианы* — пуэзария, вид лиан, из которых ткали полотно.

¹⁴ *Вот собираем полынь...* — полынь использовалась для воскурений в храме.

¹⁵ *Цао* — город в древнем царстве Вэй.

¹⁶ *Сунь Цзычжун* — полководец царства Вэй.

¹⁷ *Чэнь и Сун* — соседние с царством Вэй государства.

¹⁸ *Мать поясом тебя повязала...* — деталь свадебного обряда. Опоясывание означало переход из девичества к замужней жизни.

¹⁹ *И разом пламя взметнулось...* — речь идет об огневой охоте.

²⁰ *Цзян Юань* — мифическая Прародительница, Мать, породившая род людской.

²¹ *Высокий Владыка* — Главный бог (Шанди), от которого зачала Цзян Юань, наступив в его след.

²² *Просо-Владыка* — Владычествующий над Просом (Хоуцзи), см. прим. 6 к разделу «Мифология».

²³ *Так продолжил он Юя деянья* — Юя, победитель потопа, в эпосе предстает в качестве зачинателя цивилизаторской деятельности племени.

²⁴ *Великий был ван* — Тайван, основатель племени чжоу, в будущем одержавший победу над племенем Шан-Инь.

²⁵ Подножье горы Ци, согласно эпосу, было местом начального поселения племени чжоу.

²⁶ *Шанцы* — племя шан.

²⁷ *Цари Мирный, Воинственный* — Вэньван и Уван, основатели династии царей Чжоу. «Вэньван» обычно переводится «царь Просвещенный», однако очевидно, что в пору эпоса понятие «просвещение» не существовало. Кроме того, безусловно, соединение в именах двух основателей первого государства двух понятий войны и мира, важнейших для древности, да и для всех времен. Именно этими иероглифами в дальнейшем обозначаются гражданские и военные чиновники при царских и императорских дворах.

²⁸ *Пришел назначенный Небом срок...* — букв. был исчерпан срок, отпущенный Небом на правление племени Шан.

²⁹ *Равнина Муе* — место решительного сражения чжоусцев под водительством царя Воинственного с племенем Шан-Инь.

³⁰ *И молвил вам...* — имеется в виду восприимчивый царя Воинственного Чэнван.

³¹ *Дядя* — т. е. Чжоугун, который был регентом при малолетнем Чэнване.

³² *Чжуангун* — старший сын Чжоугуна, которому было дано в правление царство Лу при Чэнване.

³³ *Храни этот восточный край* — царство Лу находилось на востоке.

³⁴ *Саньшоу* — по-видимому, старейшины.

³⁵ *Жуны, ди, цзинь и шу* — варварские племена трех сторон света: соответственно северные, западные и южные. С востока царство Лу выходило к морю.

³⁶ *Желтых волос и горбатой спины* — пожелание дожить до глубокой старости.

³⁷ *Старцы* — комментаторы затрудняются однозначно интерпретировать это место. Перевод сделан на основании одного из комментариев.

³⁸ *С вечными бровями* — также пожелание долголетия.

³⁹ *Гуй и Мэн* — названия гор, по которым определялись рубежи Лу.

⁴⁰ *Хуай, и* — южные племена.

⁴¹ *Фу, И* — названия гор, так же, как Гуй и Мэн, входящих в царство Лу.

⁴² *Мань, мо* — южные варвары.

⁴³ *Чан и Сюй* — исконные луские земли, отвоеванные ранее у Лу соседними племенами.

⁴⁴ *До детских зубов* — до глубокой старости.

Философская проза

¹ Здесь и далее первая цифра указывает главу, вторая параграф по изданию: «Лунь юй и чжу» («Изречения. Пер. и коммент.»). Сост. Ян Боцзюнь. Пекин, 1958.

² Фразой «Учитель сказал...» в «Изречениях» вводятся слова Конфуция.

³ *Учитель Ю* — ученик Конфуция Ю Жо. Обычно ученики Конфуция в «Изречениях» названы просто по имени, почетное имя «учитель» дано только Ю Жо и Цзэн Шэню.

⁴ *Путь* — дао, может относиться к благородному мужу, вану, государству. Во всех случаях означает правильное направление действий, основа которого — следование конфуцианским добродетелям.

⁵ *Учитель Цзэн* — Цзэн Шэнь, второе имя Цзыюй (второе имя являлось неофициальным, дававшимся в знак уважения), ученик Конфуция.

⁶ «...с достаточной ли преданностью» — «преданность» («верность») наряду с «искренностью», «воспитанием» («жэнь») и «поведением» составляли четыре дополнения к необходимым пяти требованиям к благородному мужу.

⁷ *Цзыся* — ученик Конфуция, по фамилии Бу, по имени Шан. Цзыся — его второе имя.

⁸ «Триста песен», или «Песни» — древнее название «Книги песен».

⁹ *Мэн Ицзы* — знатный муж из царства Лу. Согласно комментарию «Цзо чжуань», его отец завещал ему учиться ритуалу у Конфуция.

¹⁰ «Это послушание» — букв. «Не иди против».

¹¹ *Фань Чи* — ученик Конфуция.

¹² *Мэнсунь* — Мэн Ицзы, см. прим. 9.

¹³ *Цзычань* — Гунсунь Цяо, второе имя Цзычань. Первый министр царства Чжэн в VI—V вв. до н. э., пользовавшийся славой выдающегося политика и дипломата.

¹⁴ «...почитать духов, но не приближаться к ним...» — Конфуций избегал тем, связанных с вопросами о том, что ждет человека после смерти, говоря: «Еще не знаем, что такое жизнь, где нам знать, что такое смерть».

¹⁵ Конфуций, по-видимому, хочет сказать, что в сравнении с другими добродетелями жэнь дается труднее всего.

¹⁶ Гунси Хуа — ученик Конфуция, по фамилии Гунси, по имени Чи, второе имя — Цзыхуа.

¹⁷ «Вот чему не могут научиться ученики!» — то есть скромности в оценке собственных заслуг.

¹⁸ Этот тезис свидетельствует о том, что учение Конфуция было рассчитано не только на рациональное усвоение, но и на веру.

¹⁹ Цзыгун — ученик Конфуция по фамилии Дуаньму, по имени Цы, второе имя Цзыгун.

²⁰ Здесь Конфуций пытается дифференцировать умственный труд благородных мужей от разнообразных практических занятий сословия производителей, требующих многих навыков.

²¹ Весь этот фрагмент, кажущийся нам какой-то пародией на Конфуция, вероятно, не воспринимался так его последователями, для которых служение при дворе Сына Неба (или вана) естественно соединялось в сознании с служением в храме предков и требовало от служителя священного трепета. Ср. 11.26 (слова Гунси Хуа и их интерпретацию Конфуцием).

²² Все — ученики Конфуция. Кроме уже упоминавшихся выше, Цзылу — по фамилии Чжун, по имени Ю, второе имя Цзылу; Цзэн Си — имя Дянь, отец Цзэн Шэня, см. прим. 5; Жань Ю — Жань Цю, второе имя Цзыю.

²³ Ритуал и музыка — речь идет о музыке, сопровождавшей ритуал в случаях, предусмотренных традицией и известных нам по «Книге обрядов», таких, как жертвоприношение в храме предков, прием при дворе Сына Неба, чжухоу, прием гостей в домах знати и пр. Музыке, так же как и ритуалу, придавалось воспитательное значение, то и другое должно было служить мере, сдерживать неумеренность чувств и поступков.

²⁴ В последнюю луну весны совершалось очистительное жертвоприношение у алтаря Дождя, сопровождавшееся всеобщим омовением в близлежащей реке. Праздник был связан с культом плодородия, нес в себе радость обновления, сопровождался плясками, песнями, всеобщим весельем.

²⁵ Сыма Ню — ученик Конфуция Сыча Гэи, второе имя Цзыню.

²⁶ «...в пределах четырех морей» — т. е. во всей Поднебесной, см. также прим. 2 к разделу «Мифология».

²⁷ Кунцзы — Конфуций Кун — фамилия, цзы — учитель, имя его Цю, второе имя — Чжунни. Имя «Конфуций» образовано от слов Кун и «фуцзы», что значит «Учитель Кун».

²⁸ Дэ — в конфуцианстве сила, которой обладает Сын Неба, ван или благородный муж, идя по стезе дао. Эта сила способна преобразовывать мир, направляя его к добру (естественно, в конфуцианском понимании этого слова).

²⁹ Конфуций считал себя избранником Неба, рожденным для того, чтобы принести миру свет, открыть путь к цивилизации и культуре.

³⁰ Яо и Шунь — правители «золотого века», высочайшие авторитеты для Конфуция и его последователей. См. также прим. 35, 40 к разделу «Мифология». Весь фрагмент в целом красноречиво свидетельствует, что добродетели благородного мужа не являются только его частными достоинствами, но общественно полезны: нравственный и гражданский идеал Конфуция неразделим.

³¹ Чэнь Гин — предположительно, ученик Конфуция. Боюй — сын Конфуция по имени Ли.

³² Песни, см. прим. 8.

³³ Ритуал — древнее название свода, известного нам как «Книга обрядов».

³⁴ Обучение в древней школе включало разучивание предания в том или ином виде — песен, эпоса, ритуала и пр., вместе с музыкой. Поэтому там, где находилась школа, всегда были слышны звуки лютни, барабана, гонга и других музыкальных инструментов. Когда Конфуций спросил: «Режут курицу ножом для быка?» — он имел в виду, что жители города У едва ли достойны усилий его ученика. Цзыю опровергает это, напоминая учителю его же наставление.

³⁵ «Песни царства Чжоу...», «Песни царства Шао...» — разделы «Книги песен».

³⁶ Чанцзюй и Цзени — возможно, вымышленные имена, во всяком случае в других текстах они не упоминаются.

³⁷ Конфуций был родом из царства Лу.

³⁸ Люди, оставившие службу по политическим мотивам, часто удалялись в глушь и пахали землю. Таковы были, вероятно, Чанцзюй и Цзени — «те, кто бежал от мира». В этом фрагменте Конфуций явно отрицательно относится к их позиции.

³⁹ *Цзычжан* — ученик Конфуция Дуань Суньши.

⁴⁰ Прекрасное и безобразное — букв. в тексте «прекрасное» и «недоброе» («злое»). Конфуций не делает различия между этическим и эстетическим, для него прекрасное есть доброе.

⁴¹ *Книга* — букв. «основа» («цзин»).

⁴² Даосы впервые в истории китайской философии открыли, что за осязаемостью вещи есть еще нечто, что ее определяет как таковую, — это ее сущность. Она обнаруживает себя в действии, в движении и не может быть воспринята чувствами — услышана, увидена, и пр., но может быть осознана в своем проявлении. Проявление это всегда частично, поэтому и дао, которое понимается как всеобщая сущность вещей, не может равняться своему названию (имени), поскольку в нем уже присутствует ограничение.

⁴³ *Инь и шян* — современные сонанты и консонанты. Весь фрагмент утверждает единство противоположностей.

⁴⁴ *Недеяние* — отказ от произвольных действий, противоречащих внутренним законам вещей и явлений и нарушающих их естественную взаимосвязь.

⁴⁵ *Дао пусто, но неисчерпаемо* — о пустоте см. прим. 47.

⁴⁶ *...оно предшествует небесному владыке* — т. е. оно существует раньше богов.

⁴⁷ *Пустота* — одно из важных понятий даосизма, утверждавшего, что все родится из «ничего». Это «ничто» ассоциировалось с пустотой. Через реально представимые вещи объяснялась «полезность» пустоты, а следовательно и ее реальность.

⁴⁸ Даосы принципиально отвергали достоверность чувственного познания, считая, что предметы возбуждают чувства, взволнованные чувства взбаламучивают ровную поверхность сердца (представлявшегося в виде поверхности водяного зеркала) и искажают «образ».

⁴⁹ *...к внутреннему, а не к внешнему* — букв. «к животу, а не к глазам». По даосам, глаза, уши, нос, рот, кожа — это внешние органы, они подвластны внутренним (легким, почкам, желчному пузырю, печени и сердцу), которые в свою очередь находятся под контролем сердца — «сокровищницы» разума.

⁵⁰ *...называю его мельчайшим* — желая сказать о неподвластности дао чувствам, но в то же время о его реальности, даосы называют его мельчайшим, формой без формы, образом без существа, дают другие определения, ставящие его на грань бытия и небытия.

⁵¹ *Вверху не освещено* — как небо, *внизу не затенено* — как земля. Дао, не обладая ни одним из качеств мира, не обладает и этим.

⁵² *Оно снова возвращается в небытие* — т. е. будучи ничем и всем одновременно, дао как бы балансирует между бытием и небытием.

⁵³ *Пусть люди снова вернутся к узелкам* — т. е. вернутся к древнейшему способу общения через узелковые знаки.

⁵⁴ Фрагмент представляет собой вариант даосской утопии, пафос которой в освобождении от «благ» цивилизации, так далеко уведших человека от природы.

⁵⁵ *Лянский ван Милостивый* — правитель царства Вэй, правивший с 370 по 362 гг. до н. э. Столицей царства при нем стал город Лян (Великий Лян), откуда и происходит его титул.

⁵⁶ Первая цифра указывает главу, вторая — параграф по изданию «Мэнцзы и Чжу» («Мэнцзы. Перевод и комментарий»). Сост. Ян Боцзюнь, Пекин, 1962.

⁵⁷ Ниже Мэнцзы приводит цитату из «Книги песен» (III, I, 8).

⁵⁸ *Царь Просвещенный* — Вэньван, см. прим. 27 на с. 332.

⁵⁹ «*Клятва Тана*» — название главы в «Книге преданий». Тан — Чэн Тан, покоритель племени Ся, основатель «династии» Шан-Инь (по традиции XVIII в. до н. э.).

⁶⁰ Когда это солнце закатится... — под закатом солнца подразумевается окончание правления последнего правителя сяццев Цзе.

⁶¹ Здесь очевидно стремление Мэнцзы придать глубину чувственному наслаждению, наполнив его духовным содержанием.

⁶² Лянский ван Сян — сын вана Милостивого.

⁶³ Циский ван Сюань — в 331 г. до н. э. он вступил на престол и процарствовал около двух лет.

⁶⁴ Циский Хуань — правитель царства Ци с 685 по 643 г. до н. э. Цзиньский Вань — правитель царства Цзинь с 636 до 628 г. до н. э. Оба известны как сильнейшие среди других семи ванов в период Чуньцю (VIII—V вв. до н. э.).

⁶⁵ Чжунни — см. прим. 27.

⁶⁶ Ху Хэ — не известный истории персонаж.

⁶⁷ Этот термин часто переводят словами «милосердие», «человеколюбие». Основания для этого дает скорее Мэнцзы, чем Конфуций. В «Мэнцзы» вообще заметно стремление усилить моральный аспект прежних конфуцианских добродетелей, основанных более на обязанностях. Конечно, начало этому положил Конфуций, но Мэнцзы довел это до логического конца.

⁶⁸ Цитата из «Книги песен» (II, V, 4).

⁶⁹ Бэйхай — залив Бохай на северо-востоке Китая.

⁷⁰ Сюй Син — в других текстах не упоминается.

⁷¹ Шэньнун — см. в мифологии бог земледельца (Священный земледelec), в исторической традиции осмыслялся в качестве одного из трех владык «золотого века». В век Мэнцзы существовала школа, которая путь к благополучию государства видела в возвращении к земледелию и ткачеству как основе экономики. Свой идеал она связывала с веком правления Шэньнуна.

⁷² Чань Лян — вероятно, один из известных среди современников Мэнцзы философов.

⁷³ Цзин Чунь, Гунсунь Ян и Чжан И — политические ораторы III века до н. э. В то время ораторы оказывали значительное влияние на политику царств, часто были организаторами различных политических союзов, умели быть гибкими, а порой изворотливыми политиками.

⁷⁴ Когда мужчина надевает шапку... — т. е. в обряде инициации.

⁷⁵ Перевод дан по рукописи «Чжуанцзы» (IV в. до н. э.), подготовленной Л. Д. Позднеевой к изданию в 1972 г.

⁷⁶ Высочайший — Яо, см. прим. 30. Л. Д. Позднеева переводит имена, считая их прозвищами.

⁷⁷ Никого не Стесняющий — Сюй Ю, современник Яо, которому последний хотел передать престол и лишь затем, после его отказа, передал его Шуню. Этот «факт» не упоминается в конфуцианских текстах, но представляет общее место в даосских. О нем говорит и Сыма Цянь (см. «Письмо Сыма Цяня к Жэнь Ань»).

⁷⁸ ...Покойник и жрец не станут его заменять и подносить чаши с жертвенными яствами — имеется в виду обряд, связанный с культом предков, когда, одетый в костюм умершего, его внук или другой родственник изображал умершего — к нему было обращено действо, он был его центральной фигурой. Второй фигурой был жрец, который вел обряд и непосредственно обращался к Покойнику.

⁷⁹ Цзянь У — как многие персонажи «Чжуанцзы» с трудом поддается отождествлению, поскольку принадлежит не традиционному ряду. По одним комментариям — бог, по другим — древний герой, известный своими высокими достоинствами. Лянь Шу — известен только по этому фрагменту.

⁸⁰ Встречающий Колесницы — Цзюй, упоминается и в «Изречениях» под именем «Чуский безумец Цзюй». Комментаторы сообщают, что якобы чуский ван посылал ему богатые дары, но он, как и положено даосскому герою, их не принял и продолжал пахать землю.

⁸¹ Ограждающий — Шунь, см. прим. 30.

⁸² Хойцзы — Хой Ши, известный философ и оратор, друг Чжуанцзы.

⁸³ Владеющий своими чувствами из Южного предместья — Наньго Цзыци, возможно, реально существовавшая личность, но упоминается только в «Чжуанцзы».

⁸⁴ *Странник Красоты Совершенной* — Яньчэн Цзыю, ученик Наньго Цзыци, как явствует из контекста.

⁸⁵ *Преждерожденный* — почтительное обращение к старшему, учителю.

⁸⁶ *Взец* — т. е. родом из царства Вэй.

⁸⁷ *Никто не слыхал, чтобы он запевал — всегда лишь вторил* — т. е. не проявляя собственной воли, как истый даос, полагающийся на целесообразность природы.

⁸⁸ *Я, единственный...* — так называли себя ваны.

⁸⁹ *Ведающий закланием скота* — цзай, в сущности, первый министр, ведающий государственным управлением. Содержание термина, раскрытое в переводе Л. Д. Позднеевой, указывает на его древнее происхождение.

⁹⁰ Конфуций у Чжуанцзы зачастую играет роль даосского мудреца, выступает толкователем даосских положений. Когда же он выступает в «Чжуанцзы» в собственном качестве, то непременно терпит поражение.

⁹¹ Если Конфуций считал, что по внешнему виду узнается добродетель, то даосский мудрец «одет в рубище, а за пазухой держит нефрит» («Дао дэ цзин», § 70).

⁹² *Стоять лицом к югу* — значит быть царем.

⁹³ *Настоящий человек* — или совершенный человек, даосский идеал.

⁹⁴ *Приносящий жертвы, Носильщик, Пахарь, Приходящий* — типичный для Чжуанцзы ряд героев, созданных по аналогии с героями притч.

⁹⁵ ...то, что творит вещи — т. е. дао.

⁹⁶ ...*(силы) жара и холода пришли в нем в смятение* — согласно китайской традиционной медицине, в здоровом организме силы жара и холода («ян» и «инь» — противоположные начала) находятся в гармонии.

⁹⁷ ...*к тебе не будут иметь доступа ни горе, ни радость* — поскольку даосы недоверчиво относились к чувствам (см. прим. 48), они стремились к достижению бесстрастия.

⁹⁸ ...*огромная масса* — возможно, небо и земля, которые, по даосам, отличаются от других «вещей» только своими огромными размерами.

⁹⁹ *Меч Мосе* — один из двух знаменитых мечей Поднебесной, отлитых чудесным образом.

¹⁰⁰ ...*странствуя, не оставляй следов* — полемизируя с конфуцианцами, которые заботились о том, чтобы дела их были продолжены потомками, а имя (слава) осталось бы в памяти поколений, даосы проповедовали такое деяние, которое бы вписывалось в общее движение природы и любого естественного процесса, ничем не останавливая на себе чьего бы то ни было внимания.

¹⁰¹ *Радующийся Мастерству* — Болэ, знаменитый в древности знаток и укротитель коней.

¹⁰² *Тянь Чэнцзы* — действительно захватил царство Ци, убив его царя в 481 г. до н. э.

¹⁰³ *Высоченный Боязливый* — возможно; вымышленный персонаж.

¹⁰⁴ *Гунсунь Лун* — софист IV в. до н. э.

¹⁰⁵ *Молодой Дракон* — Юй, см. прим. 25 к разделу «Мифология».

¹⁰⁶ *Испытующий* — Чэн Тан, см. прим. 59.

¹⁰⁷ *Хао* — река на юге Китая.

¹⁰⁸ *Цзи Синцзы* — эпизод относится ко времени правления чжоуского вана Сюаня (827—782 гг. до н. э.).

¹⁰⁹ *Речи за вином всегда новые, вторящие естественному началу* — по даосам, соединиться с «естественным началом» (а следовательно, и познать его) человеку мешает его чувственная природа. Как у безумца, так и у человека в состоянии опьянения, чувственные реакции ослаблены, и потому они более, чем другие люди, способны «вторить» дао.

¹¹⁰ Фрагмент из двадцать седьмой главы дан в переводе Л. Е. Померанцевой.

¹¹¹ *«Гости»* — «бинькэ», люди самых различных профессий и занятий, естественно, небогатые, а часто вообще без средств, своими талантами служили крупной знати, составляя при ее дворах иногда многотысячную армию политических ораторов, поэтов, музыкантов, философов, советников по самым различным вопросам, людей, готовых принять действенное участие в заговорах, политических убийствах, выполнять роль посредников и послов и пр.

¹¹² ...от незнакомства с истинным законом — имеется в виду ли, порядок, которому подвластно все в мире, прежде всего природа. Конфуцианцы истолковывали свои нормы поведения как частное проявление этого закона.

¹¹³ Учитель Цзэн — ученик Конфуция, см. прим. 5.

¹¹⁴ Ся — согласно традиции, династия, правившая в III—II тыс. до н. э., первым ее правителем был Юй.

¹¹⁵ В 494 г. до н. э. царство У разбило войска царства Юэ и юэский царь Гоуцзянь с остатками войск засел в горах Куайци, был окружен и просил У как о милости не лишать его царства. Уский царь Фуча отвел войска, а юэцы поклялись отомстить У. Через двадцать лет юэцы нанесли поражение У, Фуча был вынужден покончить с собой, и царство У перестало существовать.

¹¹⁶ Циский Чжуанцзы — далее Тянь Хэ и Сяоцзы — государственные деятели царства Ци.

¹¹⁷ Цзе и Чжоу — по преданию, последние правители соответственно династий Ся и Шан-Инь (III—II тыс. до н. э.), олицетворение зла и порока.

¹¹⁸ Тан — Чэн Тан, см. прим. 59, У — основатель династии Чжоу (XII в. до н. э.).

¹¹⁹ Чжи — Разбойник Чжи, живший во времена Конфуция; Цицзу — согласно комментарию, Чжуан Цяо, полководец IV в. до н. э., отличавшийся разбойным нравом.

¹²⁰ Хуайнань — область к югу от реки Хуай.

¹²¹ Восемь пределов — восемь сторон и полусторон света.

¹²² Бесформенное — здесь: небытие.

¹²³ Шесть сторон — четыре стороны света, зенит и надир.

¹²⁴ Четыре шнура — небо здесь представляется в образе балдахина над колесницей-землей, укрепленного на четырех шнурах, соответственно четырем сторонам света.

¹²⁵ Инь-ян — согласно теории происхождения Вселенной авторов «Хуайнаньцзы», вначале был хаос, затем, через несколько ступеней, появилось ци — дыхание, воздух, эфир, пневма (так переводят и соответственно понимают этот термин разные исследователи). Чистое и светлое ци (ян ци) поднялось и образовало небо, мутное и тяжелое ци (инь ци) опустилось и образовало землю. Частицы, или семя, неба и земли породили «гармоничное ци», от которого и пошло все сущее на земле.

¹²⁶ Три светила — солнце, луна и звезды.

¹²⁷ Лихь — благовещее животное, феникс — благовещая птица.

¹²⁸ Луани — птицы, на которых путешествуют бессмертные.

¹²⁹ Пять первоэлементов — вода, земля, огонь, металл, дерево.

¹³⁰ Радуга и необычные небесные явления считались следствием нарушения небесной гармонии и потому дурным предзнаменованием.

¹³¹ Фэн И и Да Бин обрели дао и могли управлять инь-ян, согласно комментарию.

¹³² ...не оставляли следов, ...не оставляли тени — т. е. они стали бестелесными как само дао.

¹³³ Куньлунь — см. прим. 9 к разделу «Мифология».

¹³⁴ Чанхэ, Небесные ворота — согласно комментарию, за воротами Чанхэ начиналось восхождение на небо, за Небесными воротами была резиденция Верховного владыки (Шанди).

¹³⁵ Великий муж — мудрец, обретший дао.

¹³⁶ Творящее изменения — дао.

¹³⁷ Имеется в виду покорение неких тайских племен.

¹³⁸ «...вернусь к самой себе» — или ниже «вернуться к своему предку», значит вернуться к первооснове, из которой создан, т. е. к небытию.

¹³⁹ «А как же ты можешь владеть речью?» — Небесная душа не обладает формой и, следовательно, не может говорить, но говорит, на этой «нелогичности» и ловит ее земная душа.

¹⁴⁰ Лу Ао — согласно комментарию, был призван Цинь Шихуаном на службу, послан иссечь горы, где живут бессмертные, и не возвратился.

¹⁴¹ Тайво — река, где четыре моря, омывающие Поднебесную, сливаются с небом.

Индивидуальная поэзия

¹ См. «Изречения», 3.8.

² См. «Изречения», 2.2.

³ См. «Изречения», 3.20.

⁴ См. «Изречения», 15.11; «Книга обрядов», гл. «О музыке».

⁵ *Чжуань, сын неба*... — Чжуаньсюй, см. прим. 52 к разделу «Мифология». Царский род вел свою родословную от мифических первопредков.

⁶ *Суман* — трава. Многие травы и цветы, упоминаемые Цюй Юанем, не поддаются отождествлению и часто передаются в переводе транскрипцией.

⁷ В оригинале сказано «Пусть увянут...» — т. е. если цветы увянут естественным образом, то это не так печально, как если они будут погублены.

⁸ *Пэн Сянь* — легендарный иньский дафу (II тыс. до н. э.), советы которого отверг государь, после чего Пэн Сянь покончил с собой, бросившись в реку.

⁹ *Нюйсюй* — согласно одному из комментариев, сестра Цюй Юаня, согласно другому — девушка, к которой равнодушно сердце поэта.

¹⁰ Гунь был казнен на Крыло-горе (Юйшань). О Гуне см. примечание 33 к разделу «Мифология».

¹¹ *Чунхуа* — имя Шуня. Шунь, по преданию, похоронен на горе Девять пиков. Чтобы до нее добраться, Цюй Юаню нужно переправиться через реки Сян и Юань.

¹² *Цангу* — место, где похоронен Шунь. О Шуне см. прим. 40 к разделу «Мифология».

¹³ *Сяньлу* — священная гора (пик?) на Куньлуэ.

¹⁴ *Сихэ* — возница и богиня Солнца.

¹⁵ *Сяньчи* — озеро Сянь, в котором купается солнце (миф.).

¹⁶ *Фусан* — Шелковица Фу, с которой солнце начинает свой путь по небу.

¹⁷ *Белая река* — берет начало с Куньлуэ. Выпьешь ее воды, станешь бессмертным (миф.).

¹⁸ *Ланфын* — священная гора на Куньлуэ.

¹⁹ *Чуньгун* — дворец владыки Востока Цинди.

²⁰ *Фынлун* — бог облаков. В тексте буквально: «Я приказал Фынлуну запрягать облака...»; ...дворец *Мифэй* — по преданию, Мифэй, дочь мифического государя Фу Си, утонула в реке Ло и стала богиней реки Ло. В этой же реке, по легенде, погиб и Цюй Юань.

²¹ *Цзянь Сю* — слуга Фу Си.

²² *Цюньши* — гора на крайнем западе (миф.).

²³ *Вэйлань* — название реки (миф.).

²⁴ *Виль* — здесь зловещая птица, крылья которой ядовиты, опасна для человека (миф.).

²⁵ *Цзюмао* — камышовые листья, использовались при гадании. То же и бамбук.

²⁶ *Линфэнь* — имя гадалки.

²⁷ *Девять царств* — т. е. вся Поднебесная.

²⁸ *Постели их наполнены пометом*... — древние использовали ароматные травы в качестве благовоний. Они носили их в специальном мешочке, привязанном к поясу. Здесь в тексте речь идет именно о таком мешочке, а не о «постели».

²⁹ *Усянь* — в древности, знаменитая Жрица Сянь, жившая согласно преданию, во время иньской «династии» (II тыс. до н. э.).

³⁰ *Тан* — Чэн Тан, см. прим. 59 к разделу «Философская проза»; *Юй* — см. прим. 25 к разделу «Мифология».

³¹ *Фу* — Фу Юэ, мудрый министр иньского Удина (XIV в. до н. э.), которого последний увидел во сне, велел написать его портрет, по нему его и нашли среди каторжников, строивших дамбу.

³² Я «орхидею» называл опорой... — «орхидея», далее «перец» — ван и его окружение.

³³ «Цзечэ» и «цзянли» — травы, не имеющие ни аромата, ни красоты «орхидей» или «перца».

³⁴ И песня птицы сказочной звенит... — Здесь имеется в виду звон колокольчиков колесницы, которые обычно делались в форме феникса.

³⁵ Девять песен — возможно, те, что были посланы людям богами. Но вообще под этим названием известны песни, которые изобрел Юй (миф.); по одному из комментариев, песни, прославляющие девять добродетелей и пр.

³⁶ В обители Пэн Сяня скроюсь — т. е. разделю судьбу Пэн Сяня, см. прим. 8.

³⁷ Бо И — конфуцианский праведник, отказавшийся есть хлеб «узурпатора» Увана, основателя династии Чжоу (XII в. до н. э.) и погибший от голода. Был прославлен за твердость принципов.

³⁸ Подробнее о фу см. раздел «Ханьская ода».

³⁹ Князь Сян — чуский царь Сян (294 г. до н. э.). Как видно из даты, Сун Юй, родившийся в 290 г. до н. э., в это время ему не мог служить. Возможно, что здесь «князь Сян» выступает как литературный герой.

⁴⁰ Цзин Ча — современный Сун Юю известный поэт.

⁴¹ Юньмэн — озеро в Чу.

⁴² Высокой горе Тан (Гао Тан) — горы в царстве Чу.

⁴³ У — древнее царство, на юге Китая. Гость — см. прим. 111 к разделу «Философская проза».

⁴⁴ Царства Юэ и Ци славились своими красавицами.

⁴⁵ Бянь Цяо — древний врач, его жизнеописание есть у Сыма Цяня.

⁴⁶ Мастер — Цинь Чжи, знаменитый музыкант, мастер игры на цине из царства Лу.

⁴⁷ Шитан — у этого музыканта учился игре на цине Конфуций. Бо Цзыя — или Юй Боя — мастер игры на цине, о нем рассказывает Чжуанцзы.

⁴⁸ В Чу и Мяо производили особый рис. Мяо — место, расположенное в современной провинции Хэнань. В следующей строке: И Инь — известный советник Чэн Тана, вначале, по одной из версий, служил в его доме в качестве повара; И Я — повар известного своим гурманством цинского гуна Хуаня (VIII в. до н. э.).

⁴⁹ Во время «белых рос»... — время с 8—9 сентября, пятнадцатый из двадцати четырех сезонов лунного календаря.

⁵⁰ Чжун и Дай — названия мест в древнем царстве Чжао, откуда вывозились лучшие скакуны.

⁵¹ Болэ — см. прим. 101 к разделу «Философская проза».

⁵² Ван Лян — знаменитый в древности возничий; Цзао Фу — известный возничий чжоуского вана Му (X в. до н. э.).

⁵³ Цинь Цюэ и Лоу Ци — древние силачи.

⁵⁴ Хуньчжаны — название птиц.

⁵⁵ Дэму — название птиц.

⁵⁶ Цзин Чунь — оратор периода Борющихся царств (V—III вв.).

⁵⁷ Ду Лянь — или Тянь Лянь, знаменитый в древности мастер игры на цине.

⁵⁸ И светлые мелодии из Чжэн и Вэй... — именно эти мелодии порицал Конфуций, см. вставку к разделу «Индивидуальная поэзия».

⁵⁹ Все — знаменитые в древности красавицы, упоминаемые в разных источниках и известные по легендам.

⁶⁰ Стрелы Ся Хоуши и лук Ухао известны из легенд.

⁶¹ Белы, как колесницы белой полог... — то есть траурной колесницы.

⁶² Тайбо — бог реки.

⁶³ Цинме — и другие следующие ниже названия — места в современной провинции Цзянси.

⁶⁴ Янхоу — водяной дух.

⁶⁵ Известные философы VIII—III вв. до н. э.

Историческая проза

¹ Юэский ван Гоуцзянь — ван южного царства Юэ с 476 по 465 г. до н. э.

² О Юе см. фрагмент из главы «И и Цзи» «Книги преданий» в разделе «Мифология». Шао Кан — шестой правитель мифической «династии» Ся.

³ Куайцзи — горы в современной провинции Чжэцзян, там, по преданию, похоронен Юй.

⁴ Обычаи и одежда жителей северных царств в Китае значительно отличались от южных, считавшихся в ханском Китае варварскими. В «Хуайнаньцзы» (II в. до н. э.) так описаны обычаи южан: «К югу от горы Цзюньшань (юг современной провинции Хунань. — Л. П.) дел, связанных с сушей, мало, а с водой — много. Поэтому стригут волосы, татуируют тело, чтобы походить на драконов; носят не штаны, а набедренные повязки, чтобы удобнее было переходить вброд и плавать; коротко засучивают рукава, чтобы удобнее было управляться с шестом на лодке» («Хуайнаньцзы», глава первая).

⁵ Хэлюй — ван царства У, граничавшего с Юэ, с 514 по 496 г.

⁶ Цзуйли — место в современной провинции Чжэцзян.

⁷ Фаньли — советник Гоуцзяня.

⁸ Фуцзяо — место в современной провинции Цзянсу.

⁹ Кто умеет держать полный сосуд и не пролить... тому помогает земля — комментатор поясняет, что законом неба является полнота, но не избыток. Это даосское представление, восходящее к Лаоцзы. Законы неба здесь приравнены к законам природы. Кто обладает выдержкой — т. е. кто способен не торопиться ход вещей, понимая, что каждому делу свой час (ср. даосское представление о благовременье).

¹⁰ ...чтобы я смиренно обратился к низшим из ведающих делами в вашем царстве — т. е. посол Гоуцзяня не смеет обратиться непосредственно к вану, ни даже к его ближайшим советникам.

¹¹ Цзысюй — У Цзысюй, или У Юань, советник усюкого вана Фуча.

¹² Тан...ванами и ба — Чэн Тан, см. прим. 59 к разделу «Философская проза»; Сятай, или Цзюньтай, — тюрьма, куда был заточен Тан последним правителем «династии» Ся — Цзе; Вэньван (XII—XI вв.) — имя Чан, был заточен в Юли последним иньским правителем, но затем помилован. Дальнейшая деятельность Вэньвана (это его посмертный титул) подготовила победу над иньцами его сына Увана; цзиньский Чжунэр — сын цзиньского гуна Сяня (ум. 651 г.). Из-за интриг наложницы отца вынужден был бежать к племенам ди. Пробыл у них девятнадцать лет, а в 636 г. стал цзиньским гуном. Сяобо — будущий цинский гун Хуань. Вначале из-за смуты в царстве вынужден был бежать в царство Ин, затем стал цинским гуном, а позднее баваном.

¹³ Бинькэ — см. прим. 111 к разделу «Философская проза».

¹⁴ Ци, Цзинь — древнекитайские царства.

¹⁵ Слава об У идет по всей Поднебесной... — при Фуча, правившем с 495 по 477 г., царство У значительно усилилось.

¹⁶ Чжоуский дом — царство Чжоу было резиденцией Сына Неба; чжоуский дом — т. е. род чжоуских царей.

¹⁷ Айлинь — в нынешней провинции Шаньдун, юго-восточнее уезда Тайань.

¹⁸ Гао и Го — цинские крупные чиновники Гао Чжаоцзы и Го Хуйцзы.

¹⁹ ...юэцзы тайне порадовались — просьба риса для гадания было уловкой со стороны Юэ; если бы У отказало, это значило бы, что оно подозревает Юэ.

²⁰ У Юань — см. прим. 11.

²¹ ...для него ничего не значат отец и старший брат — Пи имеет в виду факт биографии Цзысюя, рассказанный Сыма Цянем в жизнеописании У Цзысюя. Отец Цзысюя — У Ши служил при дворе чуского вана Пина. Ван, заподозрив У Ши в преданности, бросил его в тюрьму. Боясь, что два его сына, оставшиеся на свободе, будут мстить за отца, он, по совету придворного, велел послать гонцов сказать сыновьям: «Приходите, я помилю вашего отца, не придете — тут же убью его!» Брат Цзысюя решил идти, хоть и понимал бесполезность этого. Он сказал Цзысюю: «Беги! Ты отомстишь за отца, а я пойду на смерть!» У Ши и брат Цзысюя были казнены чуским ваном, а Цзысюю только много лет спустя удалось лишь отчасти отомстить чускому вану за их смерть.

²² ...поручил своего сына семье Бао — Цзысюй, предвидя близкую гибель У, воспользовался поездкой в Ци, чтобы поручить своего сына цискому дафу Бао Му.

²³ *Хуанчи* — место в современном уезде Фэнцзю провинции Хэнань.

²⁴ ...*собрание чжухоу в Хуанчи* — по версии Сыма Цяня, Фуча добился старшинства именно на этом съезде и потому он не хотел, чтобы чжухоу узнали о его поражении.

²⁵ *Гусу* — горы в современной провинции Цзянсу.

²⁶ ...*обнажив плечо* — знак смертельной вины.

²⁷ *Юн* — место в нынешней провинции Чжэцзян, уезд Динхай.

²⁸ *Сюйчжоу* — область северной части современных провинций Цзянсу и Аньхой и южной части провинции Шаньдун.

²⁹ *Отправил дары в Чжоу...* — чжухоу обязаны были посылать Сыну Неба раз в два года малую дань, раз в три года — большую дань и раз в пять лет являться ко двору. В качестве дани («дара») преподносился нефрит, шелк, звериные шкуры, жемчуг, дары местной природы и ремесла и др. ...*даровать Гоуцзяню титул бо* — гегемона среди других чжухоу.

³⁰ *Сун* — древнекитайское царство.

³¹ ...*в районе Цзян и Хуай* — в районе рек Янцзыцзян и Хуайхэ.

³² ...*прежним ванам* — т. е. царственным предкам на том свете.

³³ ...*назвав себя Кожа от Бурдюка* — после смерти У Цзысюй Фуча приказал его тело зашить в бурдюк и бросить в реку. Фаньли взял такое имя в память о Цзысюе.

³⁴ *Сян* — первый советник; строкою ниже — *цин*, высший сановник.

³⁵ *Гао* — ныне уезд Динтао провинции Шаньдун.

³⁶ *Чжугуну ничего не оставалось, как послать старшего* — Фаньли хоть и понимал, что это опасно, но не мог запретить сыну поступить так, как требует его сыновний долг.

³⁷ См. прим. 2.

³⁸ *Гуань Чжун*, или *Гуань Ю* — политический деятель VIII—VII вв. Благодаря его деятельности, царство Ци в правление гуна Хуаня достигло высокого подъема. *Янь Ин*, или *Янь Пинчжун*, жил на сто лет позже и также прославлен как мудрый советник царства Ци в VI в., много способствовавший его процветанию.

³⁹ ...*уроженец местности у реки Ин* — река Ин берет начало в провинции Хэнань, течет через провинцию Аньхой, впадает в реку Хуай.

⁴⁰ *Бао Шуя*, или *Бао Шу* — циский дафу.

⁴¹ *Сяобо и Цзю* — оба младшие братья циского правителя Сяня. После его смерти в 685 г. Сяобо встал на престол под именем Хуаня, а Цзю, по его приказу, был убит.

⁴² *Шао Ху* — наставник княжича Цзю. Умереть вместе со своим господином было долгом всякого слуги. Шао Ху так и поступил, а Гуань Чжун бежал, нарушив тем самым долг.

⁴³ Ниже следует цитата из трактата «Гуаньцзы», приписываемого Гуань Чжуну.

⁴⁴ ...*он признает приличье*, т. е. исполняет ли, — ритуал.

⁴⁵ *Если высший владыка в одежде своей соблюдает известную норму* — одежда правителя, в частности ее цвет, определялись ритуалом.

⁴⁶ ...*шесть степеней родства в народе* — отец, мать, старший брат, младший брат, жена, сын.

⁴⁷ *Когда все четыре устоя...* — ритуал (ли), долг-справедливость, честность, стыд.

⁴⁸ ...*оульгарны* — т. е. просты.

⁴⁹ ...*теорию «легких-тяжелых» монет* — «Легкое и тяжелое», так называются семь глав «Гуаньцзы».

⁵⁰ *Князь Хуань не на шутку рассердился на свою маленькую наложницу...* — наложница была родом из царства Цай. Хуань катался однажды с ней на лодке, и она, балуясь, стала раскачивать лодку. Хуань рассердился и отправил ее на родину. А в Цай ее выдали замуж. Разгневанный гун Хуань пошел походом на Цай.

⁸¹ ...против горных жунов — северные племена, жившие на территории современной провинции Хэбэй. Горные жуны напали на царство Янь, и Хуань, помогая Янь, выступил в поход против жунов.

⁸² Князь Шао — по преданию, мудрый правитель царства Янь в XI в. до н. э.

⁸³ Цао Мэй — полководец царства Лу. В трех сражениях с Ци потерпел поражение, после чего правитель Лу, опасаясь полного поражения, решил отдать Ци несколько городов. Во время церемонии передачи городов Цао Мэй, неожиданно выступив вперед, приставил нож к горлу Хуаня со словами: «На что это похоже, если сильный нападает и отбирает земли у слабого?!» И Хуань обещал вернуть земли. Потом раздумал; но Гуань Чжун сказал: «Не стоит из-за малой выгоды терять доверие чжухоу».

Всеми этими примерами Сыма Цянь хочет показать, что гун Хуань при помощи своего советника Гуань Чжуна продемонстрировал чжухоу не только свою силу, но и справедливость: Цай было наказано за неуважение; Чу — за непочтительность к чжоускому дому (см. прим. 16); Янь была оказана военная помощь и затем установлено там мудрое правление; пообещал отдать Лу завоеванные земли и отдал.

⁸⁴ У него была башня «Тройное убежище» и был бельведер «Уход» — здесь В. М. Алексеев ошибся. «Сань гуй» (у В. М. Алексеева башня «Тройное убежище») значит, что у Гуань Чжуна было три жены. «Фаньдянь» (у В. М. Алексеева бельведер «Уход») — щит-подставка за спиной сидящих за столом вана, куда отставлялись пустые кубки из-под вина. Имея три жены и фаньдянь, Гуань Чжун ставил себя на уровень вана, что было преступлением против ли, ритуала. Конфуций, как свидетельствуют «Изречения», осудил за это Гуань Чжуна, сказав: «Если Гуань знает ритуал, то кто тогда его не знает?!»

⁸⁵ Лай — место в современной провинции Шаньдун.

⁸⁶ Вот так он провел три смены князей... — Янь Ин служил трем цинским гунам — Лину, Чжуану, Цзину последовательно с 581 по 490 г.

⁸⁷ Юэ Шифу — известен только из этого текста.

⁸⁸ Янь Ин был маленького роста и это служило поводом для анекдотов.

⁸⁹ Граф величайший астролог — историографы в древнем Китае были и астрологами.

⁹⁰ Я читал у Гуаня его сочинения... — главы, о которых говорит Сыма Цянь, кроме «Горы высокой», являются главами «Гуаньцзы».

⁹¹ «Весны и Осени» Яня-мыслителя... — имеется в виду историческое повествование о событиях в царстве Ци с участием Янь Ина, известное под названием «Яньцзы чунью».

⁹² Мыслитель Кун считал его ничтожнейшим... — Конфуций действительно однажды отрицательно отзывался о Гуань Чжуне («Изречения», 3.22), однако в других случаях он оправдывает его «преступления» против ли. То, что говорит Сыма Цянь ниже, свидетельствует, что он имеет в виду оценку Гуань Чжуна не Конфуцием, а Мэнцзы («Мэнцзы», «Гунсунь Чоу», 3.1).

⁹³ Далее идет цитата из трактата «О сыновней почтительности». Смысл ее в том, что верный слуга, зная достоинства и недостатки господина, должен предостерегать господина от свершения ошибок. Тогда господин и слуга будут как родные.

⁹⁴ ...и, лишь олакав полностью, ушел... — как уже говорилось, по законам конфуцианской чести Янь Ин должен был умереть вместе со своим господином.

⁹⁵ Сыма Цянь, защищая Янь Ина, идет против конфуцианской традиции (см., например, «Книга обрядов», гл. 4, 10 и др.).

⁹⁶ Жизнеописание Чжуанцзы следует за биографией Лаоцзы в первой главе раздела «Жизнеописания».

⁹⁷ ...родом из Мэн — о месте нахождения Мэн нет ясных сведений. Чжуанцзы по традиции считается уроженцем царства Сун.

⁹⁸ ...писцом в Циюане — единственное известие о службе Чжуанцзы.

⁹⁹ Царь Милостивый — лянский правитель Хуйван (370—335 гг.) Царь Светлый — цинский правитель Сюань (342—313 гг.).

¹⁰⁰ В своих писаниях, в сотне с лишним тысяч слов... — памятник «Чжуанцзы» сохранился в несколько меньшем объеме.

- ⁷¹ *Кан Санцзы* — ученик Лаоцзы (вар. Гэнсан Чу).
- ⁷² *Моисты* — последователи философа Мо Ди (480—400 гг.).
- ⁷³ *Могущественный, царь Чу* — чуский ван Вэй (338—328 гг.).
- ⁷⁴ *...был родом из Лунси, из уезда Чэнцзи* — *Лунси* — область, бывшая на территории современной провинции Ганьсу; *Чэнцзи* — уезд времен Хань в той же провинции.
- ⁷⁵ *Наследник Дань* — персонаж китайской истории времен установления первой империи.
- ⁷⁶ *Хуайли* — уезд времен Хань (на территории современной провинции Шэньси).
- ⁷⁷ *На четырнадцатый год правления Сыновнепочтительного Просвещенного государя* — в 166 г. до н. э.
- ⁷⁸ *Сюньну* — гунны, представлявшие для Китая постоянную угрозу в древности.
- ⁷⁹ *...как сын родовитого семейства* — военное поприще было привилегией высшего сословия.
- ⁸⁰ *Хусцы* — то же, что гунны, «северные варвары», как называли их древние китайцы, см. прим. 78.
- ⁸¹ *...разряд служащих, получавших жалованье в восемьсот даней риса* — в империи Хань содержание, получаемое чиновниками, измерялось в данях риса и соответствовало шкале табели о рангах.
- ⁸² *Во времена Высочайшего государя* — годы правления — 206—194 гг. до н. э.
- ⁸³ *Хоу* — в период Хань княжеский титул.
- ⁸⁴ *В начале правления Сыновнепочтительного Светлого государя* — годы его правления — 156—140 гг. до н. э.
- ⁸⁵ *Чанъи* — уезд на территории современной провинции Шаньдун.
- ⁸⁶ *...не получила награды из-за того, что принял печать командующего от Лянского вана* — Ли Гуан был военачальником, подчинявшимся центральному правительству. Лянский ван представлял местную власть на территории бывшего царства Лян. Хани, заботясь о централизации управления, законодательно запрещали своим служащим пользоваться милостями местных князей.
- ⁸⁷ *Шангу* — область, находившаяся приблизительно в районе современной провинции Хэбэй.
- ⁸⁸ *Шанцзюнь* — район на территории современной провинции Шэньси, область, учрежденная при династии Цинь.
- ⁸⁹ *Бэйди, Яньмэнь, Дайцзюнь, Юньчжун* — названия областей, которые были расположены на территории современных провинций Ганьсу, Шаньси, Хэбэй, Шаньси.
- ⁹⁰ *Ханьцы* — то есть китайцы.
- ⁹¹ *...на престол взошел император Воинственный* — в 140 г. до н. э.
- ⁹² *...не бил в котелки стражу* — во время похода стражу в войсках отбивали, стуча ложками по котлу, в котором днем варили пищу.
- ⁹³ *Спустя четыре года* — имеется в виду 137 г. до н. э.
- ⁹⁴ *Шаньюй* — предводитель гуннов, хан.
- ⁹⁵ *...он возвратился в Хань* — слово «Хань» в тексте употребляется в двух значениях: центральная империя и центральная власть.
- ⁹⁶ *...старым знакомым* — внуком инъиньского хоу — внук Гуань Цяна — Гуань Ин.
- ⁹⁷ *Правый Бэйпин* — область, учрежденная Ханями (территория современной провинции Хэбэй).
- ⁹⁸ *На шестой год юаньшо* — то есть в 123 г. до н. э.
- ⁹⁹ *Динсян* — область, учрежденная Ханями (район современной провинции Шаньси).
- ¹⁰⁰ *В пятый год юаньшо* — в 122 г. до н. э.
- ¹⁰¹ *...не поднялся выше цина* — цинами назывались девять крупных сановников.
- ¹⁰² *Цай же вышел в лехоу, дослужился до саньгуна* — титул лехоу (в отличие от хоу) был не наследственным, а давался за заслуги и был выше, чем цин. *Саньгун* — буквально: «три гуна», три самых высоких (после первого министра) должности в империи.

- ¹⁰³ *Цяны* — название западных варваров в ханьском Китае.
- ¹⁰⁴ ...с той поры, как завязал волосы в пучок — по достижении совершеннолетия юноша надевал шапку и завязывал волосы в пучок.
- ¹⁰⁵ *Ши Ци* — имя командующего войсками правого крыла.
- ¹⁰⁶ В стране было проведено очищение от скверны — нарушение заповедной территории могильника рассматривалось как осквернение.
- ¹⁰⁷ *Командующий легкими колесницами Цюйбин...* — это звание было дано Ханями персонально полководцу Хо Цюйбину, прославившемуся в борьбе с гуннами. Хо Цюйбин был свояком командующего Вэй Цина.
- ¹⁰⁸ *Ли Лин* — рассказ о Ли Лине и гибели его пятитысячного отряда был популярной темой древней и средневековой литературы.
- ¹⁰⁹ *Цзюйянь* — ханьский уезд на территории современной провинции Ганьсу.
- ¹¹⁰ *Чусцы* — выходцы из царства Чу.
- ¹¹¹ *Даньян* — ханьская область на территории современной провинции Аньхой.
- ¹¹² На вторую осень тяньхань... — 99 г. до н. э.
- ¹¹³ ...командующий Эрши — Эрши — название местности в западном районе империи Хань, откуда вывозили коней.
- ¹¹⁴ ...мужам из Лунси — то есть служил роду Ли.
- ¹¹⁵ «Персик и слива не умеют говорить...» — здесь игра слов, построенная на том, что фамилия «Ли» и слово «слива» пишутся одним и тем же иероглифом.

СПИСОК ОБЩЕУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ ИМЕН И ТЕРМИНОВ

- баван* — ван отдельного царства, добившийся главенства над другими царствами не по праву наследования (как Сын Неба), а силой
- Брахма* — бог-творец, один из трех великих богов индуизма
- брахманы* — жрецское сословие в Индии
- бхикшу* («нищий») — буддийский монах
- ван* — царь, государь
- Вишну* — великий бог индуизма, периодически очищающий землю от злых сил, символизирующий целостность Вселенной
- гун* — правители уделов из ближайших родственников царя
- дань* — около тридцати килограммов (мера веса)
- дафу* — высшие чины в чжоуском Китае.
- дхарма* — центральное понятие индуизма: социальные (сословные, кастовые) обязанности, понимаемые также как религиозный долг
- жэнь* — семь-восемь чи (мера длины)
- и* — двадцать четыре ляна (мера веса)
- карма* («деяние») — одно из центральных понятий индуизма: моральные последствия совершенных поступков, определяющие новое рождение и его характер
- ли* — около полкилометра (мера длины)
- лян* — приблизительно шестнадцать граммов (мера веса)
- сэ* — китайская лютия с двадцатью пятью струнами
- сюнь* — восемь чи (мера длины)
- цинь* — китайская семиструнная лютия
- цзинь* — шестнадцать лян (мера веса)
- чи* — около трети метра (мера длины).
- чжан* — три и три десятых метра (мера длины)
- чжухоу* — общее название правителей отдельных царств в чжоуском Китае
- Шива* — великий бог индуизма, бог — разрушитель Вселенной

ЛИТЕРАТУРА ИРАНА, ИНДИИ, КИТАЯ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

1. Алексеев В. М. Китайская литература. Избранные труды. М., 1978.
2. Антология китайской поэзии. Пер. с кит., под общей ред. Го Можо и Н. Т. Федоренко. Т. 1. М., 1957.
3. Арья Шура. Гирлянда джатак. Пер. А. П. Баранникова и О. Ф. Волковой. М., 1962.
4. Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая. Ян Чжу, Лецзы, Чжуанцзы (VI—IV вв. до н. э.). Вступ. ст., пер. и коммент. Л. Д. Позднеевой. М., 1967.
5. Атхарваведа. Избранное. Пер. Т. Я. Елизаренковой. М., 1976.
6. Брихадараньяка-упанишада. М., 1964.
7. Бхартрихари. Шатакатрая. Пер. И. Д. Серебрякова. М., 1979.
8. Бхаса. Пьесы. — В кн.: П. А. Гринцер. Бхаса. М., 1979.
9. Васильев К. В. «Планы сражающихся царств». (Исследование и переводы). М., 1968.
10. «Великое Введение к «Книге песен». Пер. И. С. Лисевича. — В кн.: Историко-филологические исследования. Сб. ст. памяти Н. И. Конрада. М., 1974.
11. Джатаки. Пер. Б. А. Захарьина. М., 1979.
12. Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. 1. М., 1972, т. 2. М., 1973.
13. Дхяммапада. Пер. В. П. Топорова. М., 1960.
14. Иванов А. И. Материалы по китайской философии. Введение. Школа Фа Хань Фэй-цзы. Спб., 1912.
15. Индийская лирика II—X вв. Пер. Ю. Алихановой и В. Вертоградовой. М., 1978.
16. Калидаса. Драмы. Пер. К. Бальмонта. М., 1916.
17. Калидаса. Избранное. М., 1956.
18. Калидаса. Избранное. Драмы и поэмы. Пер. С. Липкина. М., 1974.
19. Каталог гор и морей (Шань хай цзин). Пред., пер. и коммент. Э. М. Яншиной. М., 1977.
20. Китайская классическая проза. В переводах акад. В. М. Алексеева. М., 1958. 2-е изд. М., 1959.
21. Классическая драма Востока. М., 1976.
22. Классическая поэзия Индии, Китая, Корей, Вьетнама, Японии. М., 1977.
23. Конрад Н. И. Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. Перевод и исследование. М., 1950, изд. 2-е. — В кн.: Конрад Н. И. Избранные труды. Синология. М., 1977.
24. Конрад Н. И. У-цзы. Трактат о военном искусстве. Перевод и комментарий. М., 1958. 2-е изд. — В кн.: Конрад Н. И. Избранные труды. Синология. М., 1977.
25. Махабхарата. Пер. В. И. Кальянова, кн. 1, 2, 4, 5. М.—Л., 1952—1976.
26. Махабхарата. Пер. Б. Л. Смирнова, вып. I—VII. Ашхабад, 1956—1963.

27. Махабхарата и Рамайна. М., 1974.
28. Монастырев Н. Конфуциева летопись Чунь-цю. Спб., 1876.
29. Панчатантра. Избранные рассказы. Пер. Р. О. Шор. М., 1930.
30. Панчатантра. М., 1959.
31. Переломов Л. С. Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу). Пер. с кит., вступ. ст. и коммент. Л. С. Переломова. М., 1968.
32. Повести, сказки, притчи древней Индии. М., 1964.
33. Повесть о браслете. Шилаппадикарам. М., 1966.
34. Померанцева Л. Е. Поздние даосы о природе, обществе и искусстве («Хуайнаньцзы» — II в. до н. э.). М., 1979.
35. Попов П. С. Изречения Конфуция, учеников его и других лиц. Пер. с кит. Спб., 1910.
36. Попов П. С. Китайский философ Мэн-Цзы. Пер. с кит. Спб., 1904.
37. Поэзия и проза древнего Востока. М., 1973.
38. Ригведа. Избранные гимны. Пер. Т. Я. Елизаренковой. М., 1972.
39. Стихи на пальмовых листьях. Пер. А. Наймана. М., 1979.
40. Сыма Цянь. Избранное. Пер. с кит. В. Панасюка. М., 1956.
41. Сыма Цянь. Исторические записки. Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина. Т. 1. М., 1972. Т. 2. М., 1975.
42. Упанишады. М., 1967.
43. Феокистов В. Ф. Философские и общественно-политические взгляды Сюнь-цзы. Исследование и перевод. М., 1976.
44. Хрестоматия по истории древнего Востока. Под ред. акад. В. В. Струве и Д. Г. Редера. М., 1963.
45. Хрестоматия по истории древнего Востока. Учебное пособие в двух частях. Часть вторая. Под ред. М. А. Коростовцева, И. С. Кацнельсона, В. И. Кузищина. М., 1980.
46. Цюй Юань. Стихи. Пер. с кит. М., 1956.
47. Чхандогья-упанишада. М., 1965.
48. «Шицзин». Избранные песни. Пер. с кит. А. А. Штукина. Под общей ред. Н. И. Конрада. М., 1957.
49. «Шицзин» («Книга песен»). Изд. подготовили А. А. Штукин и Н. Т. Федоренко. М., 1957.
50. Штейн В. М. Гуань-цзы. Исследование и перевод. М., 1969.
51. Шудрака. Глиняная повозка. Пер. В. С. Воробьева-Десятовского. М., 1966.
52. Щуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга перемен». М., 1960.
53. Брагинский И. С. Из истории таджикской народной поэзии. М., 1956.
54. Брагинский И. С. Из истории персидской и таджикской литературы. М., 1972.
55. Брагинский И. С. Проблемы востоковедения. М., 1974.
56. Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.
57. Оранский И. М. Введение в иранскую филологию. М., 1960.

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов-составителей
3

ИРАН

АВЕСТА
4

ЗАРОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕПЕРСИДСКОЙ ЛЕТОПИСИ
41

ИНДИЯ

ДРЕВНЕЙШАЯ ОБРЯДОВАЯ И КУЛЬТОВАЯ ПОЭЗИЯ
46

ЭПОС
58

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАЯ ЛИТЕРАТУРА I тыс. до н. в.
85

ЛИТЕРАТУРА I—V вв.
116

КИТАЙ

МИФОЛОГИЯ
186

ПЕСЕННО-ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО XI—VI вв. до н. э.
198

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОЗА

218

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ

262

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА

290

КОММЕНТАРИИ

313

Словарь общеупотребительных имен и терминов

346

Литература Ирана, Индии, Китая в русских переводах

347

**ЛИТЕРАТУРА ДРЕВНЕГО ВОСТОКА
(ИРАН, ИНДИЯ, КИТАЙ)**

Тексты

Авторы-составители:

Ю. М. Алиханова, В. Б. Никитина, Л. Е. Померанцева

Зав. редакцией М. Д. Потапова

Редактор В. Г. Щербакова

Художник Е. А. Михельсон

**Художественный редактор
Н. Ю. Калмыкова**

**Технический редактор
З. С. Кондрашова**

**Корректоры
И. А. Мушеникова, Г. В. Зотова**

Тематический план 1984 г. № 169
ИБ № 1318

Сдано в набор 19.08.83.
Подписано к печати 09.04.84.
Л-78852. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага тип. № 3.
Гарнитура литературная.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 22,0. Уч.-изд. л. 21,77.
Тираж 88 000 экз. Заказ 1483
Цена 1 руб. 50 коп. Изд. № 958.

Ордена «Знак Почета» издательство
Московского университета.
103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.
Отпечатано с диапозитивов 12 ЦТ МО
Московской типографии № 6 Союзполиграфпрома
Москва, 109088, Южнопортовая ул., 24

Издательство
Московского университета

1р. 50к.